

Галина Львовна Романова Легенда о Велесе

Сварожичи – 3

«Романова Г. Л. Легенда о Велесе»: Армада; М.; 1998
ISBN 5-7632-0595-2

Аннотация

Велес, жаждущий отомстить Перуну, принимает его облик и обманывает Диву, жену Перуна, которая рождает от Велеса шестерых детей. Перун, узнав об этом, не только объявляет Велесу войну: в гневе и отчаянии он проклинает свою жену и пытается уничтожить ее детей от Велеса.

Велеса нельзя считать негодяем: это сложная и противоречивая, обуреваемая страстями личность. Если Перун собирается сжечь детей Велеса, то Велес освобождает из темницы сына Перуна...

Удастся ли Перуну обуздать свою неистовую ярость и примириться с Дивой? Удастся ли Велесу увидеть своих детей?

Третий роман фантастического цикла «Сварожичи».

Галина РОМАНОВА ЛЕГЕНДА О ВЕЛЕСЕ

ПРОЛОГ

Глухая осенняя ночь нависла над миром, обняв его холодными крыльями. Завывал ветер, кружа в вышине. Грозно рокотало море, ярясь от бесплодных попыток сокрушить северные скалы. Опухшие сизые тучи не спеша брели по небу. Наталкиваясь на башни одинокого замка, они спотыкались и беспорядочно напирали друг на друга. Ветер атаковал их, стараясь расцепить и развести в стороны, но все попытки терпели неудачу. Бесконечный дождь то лил как из ведра, то сеял невесомой водяной пылью.

Замок спал. Ни единого огонька не горело в нем — даже стража погасила факелы и

костры на маяке — все равно ни одна живая душа не рискнет появиться здесь этой ночью.

Неожиданно в небе блеснула молния под раскаты грома. Она погасла слишком быстро, и никто не заметил появившуюся на стене фигурку человека. Пригибаясь под порывами ветра и закрываясь полрой плаща от струй косого ливня, он торопливо побежал к башне. Ступив на опоясывающий ее парапет, он подкрался к окну и стукнул в ставень.

В комнате царили тишина и мрак. Смутно белело ложе, на котором разметалась женщина. Услышав стук, она беспокойно шевельнулась во сне.

Стук повторился громче и настойчивее. Одновременно чей-то низкий голос хрипло и требовательно назвал ее по имени.

Женщина вскрикнула, пробуждаясь.

— Кто тут? — прошептала она дрогнувшим голосом.

— Я, — ответил человек за окном.

Соскочив с ложа, Дива, как была, в одной легкой рубашке, бросилась к окну и рывком распахнула ставень. Отступивший при этом в сторону гость снова шагнул вперед. Новая вспышка молнии, на сей раз не сопровождавшаяся громом, осветила широкое загорелое лицо в обрамлении окладистой бороды.

— Перун! — ахнула Дива, отпрянув и закрывая себе рот ладонью.

Ночной гость одним прыжком соскочил на пол комнаты. Он был без кольчуги и панциря, но в подкольчужной куртке. Оружия при нем тоже не было. Вода текла с его плаща на пол. Сварожич сорвал и куртку, небрежно кинув ее на лавку у окна. Под курткой оказалась белая рубашка с вышитым по вороту узором.

Все это время Дива простояла как каменная, глядя на явление мужа огромными глазами. И только увидев рубашку — когда-то она сама вышивала этот узор и не могла его спутать ни с чем — женщина тихо вскрикнула и бросилась к мужу.

— Вернулся! — Ее тонкие руки оплели его шею. Перун подхватил жену на руки и жадно поцеловал.

— Родной мой, — прошептала она, когда поцелуй наконец прервался. — Я так ждала... Так скучала... Ты насовсем?

— Нет, ласочка моя. — Все еще держа ее одной рукой на весу как пушинку, другой он осторожно приласкал распущенные волосы Дивы. — На миг я — залетел только повидаться.

Женщина огорчилась при этих словах.

— Опять? — понурилась она и крепче сцепила руки у него на шее. — Когда ж ты насовсем вернешься?.. Извелась я дожидаясь-то! До срока остарею!

— Ты остареешь, сердечко мое? — усмехнулся Перун. — Ты нисколько не меняешься! Я вот только подле тебя молодым не кажусь!

Это было правдой — за прошедшие годы Перун раздался вширь, заматерел, округлился. В темно-рыжей бороде мелькала седина, белые пряди виднелись и на висках, глаза совершенно почернели. А жена его не изменилась — будто и не было семнадцати лет замужества.

— Уж прости меня, — повинился Перун, — ты сама не знаешь, как мне одиноко без тебя в дальней стороне. А только долг не велит оставаться. Одна радость, что могу вот так, ночью, на краткий миг явиться, повидать тебя и детишек.

— Когда вернешься?

— Точно не ведаю. По весне или летом. Я скажу — ты жди!

Дива спрятала лицо у него на груди.

— Ты меня любишь? — тихо вымолвила она.

— Больше жизни! — пылко ответил Перун. — Никого и никогда так не любил. Ты и дети — все, что у меня есть!

Дива вдруг подняла лицо, взглянула в глаза мужу и потянула его за собой.

Ощупью находя дорогу, Дива провела Перуна по узким ходам башни на другой этаж, где толкнула дверь и проскользнула в просторную комнату.

Здесь топили камин, и отблески тлеющих углей немного разгоняли полумрак. Протянув

над углями руку, Перун взмахнул ладонью — и разгорелось пламя, без дров и дыма. Желтоватым светом оно озарило красиво убранные покои. В разных концах комнаты стояли четыре кровати — две с одной стороны и две с другой. Дива потянула мужа к тем, что слева.

В одной кровати спала девочка — дочь кормилицы, в другой — два мальчика-близнеца, прижавшиеся друг к другу. В блеске желтого пламени ясно было видно, что чертами лица и цветом волос они напоминают мать.

— Наши младшие, — прошептала Дива. — Через месяц будет два годика.

Перун привлек жену к себе, с явной гордостью и грустью взирая на малышей. Наклонившись, Перун осторожно, чтобы не разбудить детей, погладил их по головкам. Мальчики вдруг одновременно улыбнулись, и взгляд их отца затуманился нежностью.

Дива не могла наглядеться на мужа. Десять лет Перун не проявлял никаких чувств к жене — он сам как-то признался, что взял ее не по любви, а из чувства долга, чтобы защищать от Велеса. Но Велес не тревожил их, и Перун словно забыл о существовании Дивы. Он легко расстался с нею, кажется не расслышав даже ее последних слов — она была тяжела. Семь долгих лет он появлялся дома вот так, неожиданно, ночью, чтобы с первым лучом солнца исчезнуть, как туман или наваждение. Но он не был ни тем, ни другим — доказательством служили рожденные от него за это время дети. Ночами Перун был нежным, ласковым, сетовал на то, что не может дольше побыть с сыновьями. Дива была счастлива — муж наконец-то переменился к ней, но как знать, не станет ли все по-прежнему, когда он вернется насовсем?

Перун тем временем склонился над постелью старших детей — тоже близнецов. Похожие на своих младших братцев, эти двое отличались неожиданно темными волосами, что не встречалось ни у кого из Сварожичей, ни в роду их матери. Витязь приласкал мальчишек так же, как и их братьев.

Дива осторожно приблизилась. Перун почуял ее присутствие и обернулся к жене, открывая ей свои объятия.

Она прильнула к его широкой груди.

— Поклянись, что вернешься, — вдруг попросила она.

— Жизнью детей клянусь, — Перун поцеловал ее в макушку и вскинул на руки. — Мне без вас жизни нет, но я воин. Как ни рвется сердце, а есть у меня дела в дальней стороне! Вы — моя жизнь, они — моя честь.

Стараясь не скрипеть половицами, витязь отнес Диву обратно в изложню, где бережно опустил на постель и склонился над нею...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Расставшись с Кощеем ¹, Черный Змей долго плескался в холодном море, смывая грязь и старую кожу. Он кувыркался в песке и на камнях, нарочно кидался в самое кипение прибоя и немилосердно драл себя когтями, словно намеревался разорвать себе брюхо. Присохшая, покрытая коркой кожа слезала клоками. Новая оболочка, показавшаяся под нею, была еще тонка и приятно саднила. Пока она не затвердела, Змей все пил и пил, запасая силы. Кожа растягивалась, а сам он рос, толстел. К тому времени, как кожа обрела привычную крепость и упругость и перестала увеличиваться, Змей стал на три сажени длиннее и почти на две толще в обхвате. С трудом ворочая жирное колышущееся тело в камнях, он смотрел на свое отражение в море.

Угольно-черное, с сизым и зеленым отливом, рыхлое тело напоминало больше гусеницу с рогами и лапами. Сложенные на спине крылья делали его похожим на недоразвитую бабочку или саранчу. Уродливую голову усеивали щупальца, гребни и шипы.

¹ См. роман «Чара силы».

Глаза мерцали, окрашенные в разные цвета, в пасти извивался тонкий длинный язык и блестели небольшие кривые клыки — как раз такие, какие нужно. Ничего лишнего и никаких недостатков. Разве что цвет кожи ему не нравился — раньше на ней можно было разглядеть сеточку линий, как прожилки на листьях деревьев. Но в остальном Змей остался собою доволен. Он пока еще не пробовал изменить свой облик, но был уверен, что и это ему под силу.

Теперь оставалось только решить, что делать на приволье. Змей еще никогда не был предоставлен самому себе, не был свободен от приказов и чужой воли. Весь мир лежал перед ним. Хотелось сделать что-нибудь такое, чего хватало бы на много лет — завоевать какую-нибудь землю, разрушить что-то или просто отправиться на поиски приключений.

* * *

Черный Змей не умел развлекаться, хотя и очень этого хотел. Немного подумав, он решил отправиться куда глаза глядят.

Лететь на север он боялся — там простирались владения северян. Этот неутомный Перун наверняка где-то там, а с ним обязательно Ящер и Святогор — пара, о которой Змей вспоминал с содроганием. На востоке лежало Пекло, но на него имел виды Кощей, и Змей решил ему не мешать. Что лежало дальше к востоку, за горами, он помнил смутно и вспоминать не хотел. Лететь на юг, во владения своего семейства, тоже желания не было — не так-то приятно сознавать, что все родственники уважают тебя как предка, но при этом смеются над твоей непроходимой глупостью и заявляют это прямо в глаза. Проще всего было отправиться на запад — там Змей не бывал ни разу.

* * *

... Клубы черного дыма окутывали его. Снизу казалось, что это идет огромная грозовая туча, и люди испуганно вскидывали головы. Многие разбежались, и Змей радовался, глядя на их суету.

Он не спешил, развлекаясь как мог — поджигал леса и потом охотился на спасающихся бегством зверей; меняя облик, подкарауливал одиноких путников на дорогах ночами; вызывал бураны, опрокидывал и ломал сохнувшие в ожидании весны лодьи, нарочно насылал на землю то лютые морозы, то оттепели. Порой, прикидываясь странником, заходил в гости и пугал доверчивых хозяев, предсказывая им то повальную болезнь, то рождение чародея, то раннюю смерть детей, то голод или войну. Люди дрожали от страха, а Змей еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

За осень и зиму он облетел и обошел много земель. Не сунулся только в Дикие Леса Вогеца, где творили свои загадочные чудеса колдуны-друиды, и в Кельтику — там воевал Перун, и слава о Сварожиче гремела на полземли.

В последние дни зимы, когда уже стало ясно, что самые страшные холода позади, Змея занесло на восточные склоны Рипейских гор.

Пролетая над ними, он неожиданно наткнулся на надежные заставы и укрепленные поселки там, где в его время — то есть до того уже далекого дня, когда юные Дажь и его верный неразлучный друг Велес заточили его и Скипера в Пекленскую тюрьму — были лишь глухие непроходимые леса. С гор бежали реки, а на их берегах Змей с удивлением увидел города. И, судя по всему, люди жили тут давно — высокие стены явно успели выдержать не одну осаду геттов-кочевников, у пристаней стояли суда, побывавшие в иных морях, во все стороны разбежались торные дороги. Княжеств было несколько, одно соблазнительнее другого. Змей решил начать с того, что больше всех.

Незаметно облетев его вдоль и поперек, все в той же туче, он спустился в самое сердце гор, где сменил свое обличье, и осторожно пополз к замеченной с высоты заставе.

Он приземлился в долине, где, наверное, годами не ступала нога человека. Скалистые

утесы поднимались стенами, смыкающимися над головой. В них разместились отличные пещеры, где было просторно и вольготно не только одному Змею, но и всем, кто бы ни появился. Одна-единственная дорога пересекала горы в этом месте. Там, где она взбиралась на перевал, чтобы устремиться в широкие, плодородные, заселенные людьми долины, подле нее на скале прилепилась застава.

Две рубленые жилые избы соединялись между собой навесом, где стояли лошади. Здесь же располагалась кузня, склады, столы для летней трапезы и стоял врытый в посыпанную золой землю небольшой деревянный идол, изображающий воина с мечом и рогом для вина. На свободном пространстве посередине земля была утоптана до твердости камня, и даже теперь, когда снег только начал таять, здесь его уже не было. Вся застава была обнесена тыном с торчащими на нем черепами — лошадиные и коровьи чередовались с человеческими.

Дымки поднимались из-за тына, когда Змей выполз из ущелья и направился напрямик к заставе. Ради такого случая он сменил облик на вид огромной ящерицы, которую от обычной отличали только невероятные размеры да темно-бурый, с кровавыми разводами цвет. Снег таял под ее лапами и стекал водою.

Сторожа на заборках сначала не поверили своим глазам, когда существо не спеша выбралось из зарослей и вскинуло голову, языком пробуя воздух. Они стряхнули оцепенение, только когда оно обернулось и двинулось к ним.

— Ламя! Ламя идет! — закричали сторожа.

Застава вмиг ожила. Отовсюду выскакивали воины, спешно хватали оружие и бежали к стенам. Появились горящие сучья. Кто-то уже пустил зажженную стрелу, но она погасла, ударившись о влажное, рыхлое тело.

Змей подошел к тыну, не обращая внимания на град стрел и летящие в него камни. Они отскакивали от его шкуры, и люди, видя его неуязвимость, один за другим бросали оружие. Кто-то кинулся спасаться бегством, но большинство осталось, надеясь на ближний бой.

Поравнявшись с тыном, Змей одним рывком встал на задние лапы. Люди бросились кто куда, когда он всем телом навалился на ворота. Некоторые защитники ринулись было туда, но было уже поздно. От удара массивного тела створки дрогнули. Наспех сваленные к ним столы разлетелись в стороны, и ворота, вырвавшись из пазов, рухнули на землю.

В проеме показался Змей.

— Бей ламю! — С криками воины бросились в бой, подняв мечи, но остановились, не добравшись нескольких шагов.

Из ноздрей лами вдруг повалил густой темный дым. Не поднимаясь кверху, он стлался по земле, заполняя собой внутреннее пространство заставы. Люди, которых он коснулся, замирали, не в силах сдвинуться с места. Другие пытались бежать, но ноги их подкашивались. Отдельные клочья дыма устремлялись за бегущими, окутывали их тела и бросали на землю.

Заполнив собой всю заставу, дым наконец стал оседать, превращаясь в темно-серый пепел. Постепенно он покрывал общинные дома, тын с черепами, двор. Под ним шевелились присыпанные пеплом тела людей. Они лежали там, где их застали чары. Многие сжимали в руках оружие, другие разметались в причудливых позах.

Черный Змей свысока оглядел двор и увидел, что некоторые стали проявлять признаки жизни. Люди поднимались на ноги, стряхивая с себя пепел, вставали один за другим, но когда воины открывали глаза, их взгляды были пусты, а лица ничего не выражали. Они не были больше людьми.

Один за другим зачарованные воины подходили к Змею и преклоняли перед ним колени. А он гордо поглядывал на свою первую армию и думал о том, что сделает с их помощью.

* * *

Лихую весть принес случайный гонец.

Заморенный конь, шатаясь, внес пропыленного всадника на княжий двор и рухнул наземь прежде, чем челядь выскочила навстречу. Человек высвободил ногу, вскочил и рванулся к крыльцу:

— Срочное дело к княгине!

Холопы помчались докладывать — прибывший был не простолюдин, а княжий посадник, большой человек, известный в стольном граде. Дважды в год — по весне, как раз в эти дни, и осенью, после сбора урожая — привозил он из нижних городов урочную дань. Раз явился один — знать, дело и впрямь было неладное.

— Княгиня! Княгиня-матушка, беда!

Высокая, немолодая, но по-прежнему статная женщина быстро поднялась навстречу. Бывший у нее на беседе конюший отвесил короткий поклон и вышел.

Посадник рухнул княгине в ноги.

— Беда, матушка-княгиня! — воскликнул он, обнимая ее сапожок.

— Война?

Синегорка, княгиня-вдова Синегорья, сжала кулаки. Это было единственное, чего боялась она, недавно простая женщина. Четверть века минуло, как появилась она в Синегорье, неся одну дочь на руках и другую во чреве. На счастье иль беду, случаем углядел ее князь и просватался. Его не смутили две девочки — народ принял его жену. Одного за другим родила она мужу троих сыновей, но дети не жили — померли все, кроме меньшего, которому пошел пятнадцатый год. Десять лет, как погиб распоротый на охоте вопреки князь. С той поры Синегорка правила одна, поджидая совершеннолетия сына и приискивая женихов для дочерей. По сию пору оставались они незамужницами — никто ведь не ведал, кто отец княжьих падчериц. Но правила Синегорка твердой рукой, и война оставалась единственным, чего боялась она, в юности сама бывшая поляницей.

Посадник приподнялся.

— Беда, матушка! — повторил он. — Вел я тебе обоз назначенный, да у самого Козьего перевала налетели лихие люди: отдавайте, кричат, повелителю нашему, Змею, все добро!.. Я и опомниться не успел, как небо потемнело, гром грянул, смотрю — и верно, летит ламя крылатая — огнем пышет, хвостом ели сгибает. Дыхнула раз — и все люди мои наземь попадали. Один я чудом уцелел...

Он свесил голову, застонал и запричитал как дитя.

Синегорка притопнула ногой.

— Стыд и позор тебе ровно женщине слезы лить, — прикрикнула она. — Змей то иль что иное — сперва вызнать надобно!

На ее крик мигом вбежали кметы, что неотлучно находились при ее покоях. Княгиня отдала приказ сей же день вызнать, что правда, а что ложь.

* * *

Через несколько дней она знала все — посадник не только не соврал, но и преуменьшил опасность, не приметив всего. Крылатый змей начал появляться на окраинах — жег дома, рушил стены, в то время как орда его слуг подбирала добро, а то и самих жителей. Постепенно он начал подбираться все ближе и ближе к самой столице.

Отдав приказ о сборе дружины, Синегорка велела кликнуть дочерей.

Они явились почти одновременно. Еще с порога княгиня оглядела их и в который раз подивилась, как они похожи меж собой и в то же время отличны.

Старшая, крепкая телом и духом Рада уже который год была полноправным кметом княжьей дружины, водила в бой сотню. Не допустили бы сего бесчестья, да княгиня молодость свою вспомнила и настояла. И сейчас девушка явилась в мужской одежде, в сапогах и с воинским поясом. Длинную косу она закручивала вокруг головы, чтобы не мешала. Рада была красива, но казалась старше своих лет и привыкла уже не молодиться —

разучилась носить поневу² и украшать грудь ожерельями.

Ее сестра Мера мало отличалась статью от сестры, но была мягче, нежнее. Ее не прельщала воинская доблесть. По виду и нраву она была больше княжной, но порой не в меру строга и придирчива.

Обе девушки были как на подбор — высокие, стройные, темноглазые и темноволосые, лишь косы Меры отличались от сестриных рыжиной. И все же сердце Синегорки часто сжималось от обиды — меньшей днями минуло двадцать пять лет, Рада была почти на четыре года постарше. Будь они природные княжны, давно б нашлись им пары, но падчериц синегорского князя никто не хотел брать в жены.

Княгиня кивнула дочерям, чтобы они сели подле. Рада устроилась ближе к матери, устремив на нее преданный взор, а Мера все не спешила отойти от окна и поглядывала на двор, словно выжидала кого-то.

— Позвала я вас, дочери, — начала Синегорка, — чтобы донести до вас недобрую весть. На границах объявилась тварь незнаемая — змея-ламя. Соглядатаи доносят, все ближе и ближе проклятая ко граду подбирается.

— Значит, быть сече! — воскликнула Рада, притопнув ногой.

— Да, дочь моя. — Княгиня пригладила черные волосы поляницы. — Приказала я готовить дружины к бою. Через три дня выступаем. Хотелось бы и мне пойти — все же в юности приходилось меч в руках держать, да только годы не те. Поведете полки ты, Рада, и брат твой.

Девушка радостно ахнула и подалась вперед.

— Спасибо, матушка! — пылко воскликнула она. — Вот это подарок! Братец знает?

— Да, я сказала ему. В советчики даю вам отцова воеводу Боровка — он человек смысленный, где надо — подскажет, а полки водил, когда тебя и на свете не было.

При последних словах Рада скривилась, но промолчала.

— За ним уже послано, — продолжала княгиня, — должен вот-вот здесь быть. Тогда мы вчетвером все обговорим, а покамест хочу я вам, дочери, вот что сказать. Время нынче беспокойное, соглядатаи змеинные небось повсюду рыщут, а потому воздержитесь-ка, ровно девки дворовые, бегать всюду в свое удовольствие. За тебя-то, Рада, я спокойна, а о Мере душа болит... Да слышишь ли ты, глупая?

Мера тем временем высунулась из окна, глядя вдаль. Услыхав запоздало материн окрик, она оглянулась:

— Что, матушка?

— Что! — покачала головой Синегорка. — Все-то ты, дочь, мимо ушей пропускаешь!.. Ведаю — чуть зиму проводили, полюбила ты на реку, в рошу тайком бегать. Ровно медом для тебя там намазано!.. А про ламю что я сказала, помнишь?

Мера покраснела при упоминании о роще, но твердо ответила:

— Помню, матушка.

— Не помнишь ты ничегошеньки, — отмахнулась княгиня. — А вот тебе мое материнское слово — пока змея не побьют, чтоб ни ногой из терема! И что за блажь — одной по целым дням на реке пропадать!

Мера вспыхнула, алея до ушей, и бросилась к матери.

— И вовсе не одна я хожу, и ты про то ведаешь! — воскликнула она, — Стривер меня провожает и встречает! Помнишь его? Он на Масленицу здесь появился...

Упоминание этого имени заставило Синегорку нахмуриться.

— С ним — тем более, — непреклонно молвила она. — Никто не знает, кто он такой!

— Я знаю! — почти закричала Мера. — С севера он, из Ирия!

Княгиня вскинулась, меняясь в лице. Слишком хорошо помнила она северные гордые скалы, именуемые их обитателями Ирием в память о родине, что осталась где-то далеко на

² Женский наряд (юбка), который имели право носить только девушки на выданье.

востоке. Ей не было и восемнадцати, когда повстречала она одинокого странника, немолодого уже витязя Ирия. Охваченная безрассудством юности, вызвала она его на бой, да была побеждена. И быть ей убитой, но разглядел витязь косу и пощадил смелую девицу, предложил стать его спутницей. Звали его Святогором.

Десять лет вместе кочевали они по миру рука об руку, душа в душу. На одиннадцатый год понесла Синегорка, и пришлось Святогору бросать кочевую жизнь ради семьи. Поселились они в тихом месте, стали растить маленькую Раду. А через три года надоела Святогору мирная жизнь, и ушел он от жены, оставив в ее чреве Мера. Отправилась было Синегорка искать мужа, да набрела на синегорского князя, который усмотрел знак богов в том, что эта женщина носит имя его вотчины. Потому и женился, на дочерей не посмотрев.

Княгиня очень хорошо запомнила Святогора и боялась, что и Мера повторит ее судьбу.

Не ответив дочери, Синегорка хлопнула в ладоши. Вошла ключница, и княгиня встала, поманив меньшую дочь,

— Идем, — позвала она.

Не только Мера, но и Рада двинулись за нею. Сопровождаемая ими, Синегорка прошла к покоям дочерей и толкнула дверь в светелку Меры:

— Взойди-ка...

Ожидая, что мать последует за нею, девушка переступила порог и тут же услышала, как за ее спиной захлопнулась дверь. Она круто обернулась — для того лишь, чтобы услышать, как ее запирают на крюк и мать отдает ключнице приказ не выпускать княжну впредь до личного разрешения княгини.

Мера бросилась к окну, распахнула его и высунулась на улицу. Как хотелось ей оборотиться птицей и упредить друга, да только где его искать?

* * *

Стривер сам искал Мера, в одиночестве бродя берегом реки. Только-только ушла вода, и под ласковым солнцем просохли берега. Молодая нежная травка покрывала землю, на деревьях раскрывались крошечные листики. Весна была в самом разгаре. Любовью было напоено все вокруг — даже сейчас, хоть и начали всюду пахать, доносилась издалека чья-то песня о любви и счастье, и сердце Стривера летело за ней.

...Она прибежала перед самым полднем. Сначала долетал ее звонкий голосок, а потом меж берез мелькал светлый подол. Девушка сбегала вниз по склону прямо в его распахнутые объятия. Потом они долго бродили, держась за руки, бегали, веселясь, как дети, под деревьями и, присмирив, сидели на берегу, не сводя друг с друга глаз и боясь вымолвить хоть слово. Они бегали в сад и в сам детинец на праздники, ходили улицами города, но потом снова возвращались в рощу, где никто им не мешал и где весь мир принадлежал им.

Соскучившись ждать, Стривер рискнул отправиться в городец. Бывал-то там всего дважды — на масленичные дни, когда вдруг увидел в толпе играющих черные глаза и замер как вкопанный, и вскоре после этого, когда рыскал по улицам в надежде снова углядеть тот взор. Она, как оказалось, искала его, и он почти не поверил, когда встретил девушку у княжьего терема. В тот же день он видел и ее мать, но потом ему через холопа передали, чтоб он поменьше вертелся поблизости, и больше в городе Стривер не бывал.

Но сейчас он шел нагретыми весенним солнцем улицами, пробираясь к терему и стараясь не пропустить, если девушка уже вышла ему навстречу. Он знал, что она княжна, и раздумывал — вдруг сейчас приехали издалека послы сватать ее за своего князя? А он в мыслях ее своей называл, готов был руки просить, а сам посвататься не удосужился. Да и что скажут его родители, вздумай он жениться? Да, патриарх Сварг богат, и род его славен, но Стривер-то кто? Не безродный ли приемыш, незаконный сын полуптицы-полуженщины, у которого всего добра два крыла и любовь к небу! Никакая мать не согласится отдать за него свою дочь! И не всякая девушка пойдет за безродного!

Занятый такими мыслями, Стривер на удивление скоро оказался у княжьего терема.

За тын пускали далеко не всех, но и не каждый мог сравниться со Стривером в ловкости и проворстве. Легко, словно на ногах его были крылья, он вскочил на кровлю сарая, перепрыгнул через забор, усевшись на нем верхом, и в следующий миг соскочил в сад на задах терема.

Еще только лопались почки на вишнях и яблонях, и сад стоял совсем голый, а потому Стривер, пригибаясь, побежал к терему, прячась за деревьями, чтобы его не заметили.

В сад выходили окна горниц княжеских дочерей и светелки их подруг и служанок. Мера не указала, какое окно ее, и Стривер растерялся, вертя головой.

Наверху, под самой кровлей, несколько окошек было распахнуто. Свистнув наудачу, он поспешил спрятаться.

Но почти тут же вернулся к окнам, увидев в одном из них Меру. Княжна удивленно оглядела сад и ахнула, найдя Стривера.

— Пришел, — прошептала она, наваливаясь грудью на оконницу. — Сыскал-таки!..

Ее длинная коса свесилась так низко, что ее можно было достать, подпрыгнув.

— Как я мог не прийти, когда сердце с тобой осталось! — отозвался Стривер. — Я тебя у реки ждал, измаялся — ноги сами сюда принесли... Скажи, — голос его упал до шепота, — что случилось?

— Мать меня заперла и выходить запретила.

Стривер закусил губу.

— Сваты?

Мера посмотрела на его лицо и весело рассмеялась.

— Не бойся, — ласково ответила она, — не сваты. Матушка, конечно, недовольна тем, что я к тебе бегаяю — не к лицу, мол, княжне, как простой девке, на свидания бегать, да только иного она страшится... — Мера осторожно оглянулась по сторонам. — Сказать?

Глаза ее взволнованно блестели, и Стривер попросил: — Скажи.

— Говорят, Змей в округе бродит, — тут же выпалила девушка. — Рада полки поведет в бой против него, а меня заперли, чтоб чего не случилось.

Это Стривер мог понять — когда-то, уже очень давно, точно так же скрывали, держа взаперти, Диву Додолу. Но на сей раз враг не охотился прямо за девушкой — княжну берегли просто так, на всякий случай.

— Значит, мы больше не увидимся? — спросил он. — Пока Змея не позобьют?

Мера ненадолго исчезла, но потом появилась снова и решительно уселась на окно, свесив ноги.

— Поможешь мне?

Стривер ахнул, протягивая к ней руки:

— Ты хочешь?

— Я не знаю, сколько меня здесь продержат, — молвила девушка, — и я не пойду против воли матери, но не попрощаться с тобой, не пройти последний раз по нашим местам я не могу. Помоги мне!

— Прыгай!

Мера легко соскочила прямо в объятья Стривера. Ее руки обвились вокруг его шеи, лица оказались так близко — ближе, чем всегда. Стривер крепче обнял девушку, не ставя ее на землю, и она не подумала вырываться. Пальцы Меры нежно перебирали его длинные светлые волосы, рассыпавшиеся по плечам, и Стривер осторожно потянулся к девушке губами.

Она не отпрянула, отвечая, но только сильнее прижалась к нему. Оторвавшись от ее губ, Стривер словно впервые взглянул ей в лицо.

— Научить тебя летать? — вдруг выпалил он самое заветное.

Не первый раз предлагал он это девушкам, а потом они все улетали от него, то ли испугавшись, то ли слишком поверив в свои силы. Но на сей раз он не боялся открыть свою тайну — он чувствовал, что наконец нашел ту, что искал.

И Мера кивнула согласно и задорно:

— Научи!

Прячась и пригибаясь, они тайком пробирались по городу, стараясь, чтобы их никто не увидел. Вырвавшись наконец из-за стен детинца и оказавшись рядом на склоне горы, у подножия которой текла речка и раскинулась их роща, они, смеясь как дети, побежали вниз, держась за руки. Быстрее, быстрее, быстрее...

На бегу Стривер вдруг резко притянул Мери к себе, оттолкнулся от земли — и два крыла, раскрывшись с тихим щелчком, подхватили их и понесли над равниной.

Девушка тихо закричала от волнения, но витязь шепнул ей на ухо:

— Не бойся, я с тобой! — И она притихла, через плечо глядя на удаляющийся склон.

Неся девушку на руках, Стривер слегка поводил плечами. Крылья послушно отзывались на малейшее движение, ловя ветер. На лету он чуть покачивался, как парящий орел, медленно, по дуге спускаясь к опушке рощи. Ветер бил им в лица, но они лишь крепче сжимали объятия.

— Осторожно, — коротко молвил Стривер. Продолжая сжимать Мери правой рукой, он освободил левую и выбросил ее в сторону, ловя ремни крыла. Ухватившись, он качнул крыльями, меняя высоту. Они пошли вниз, скользя вдоль склона все быстрее и быстрее, но в самый последний момент, когда Мери уже готова была закричать от ужаса, вдруг взмыли к небу и пронеслись над верхушками берез, едва не задев их. Забыв о недавнем страхе, девушка смотрела вниз, и ее любопытство странным образом заставило Стривера чувствовать гордость за нее.

— Приготовься, — шепнул он ей на ухо.

Мери улыбнулась и спрятала лицо у него на плече.

Все еще действуя только одной рукой, Стривер совершил поворот и, пользуясь тем, что ему помогает вес девушки, круто пошел на снижение. На одной из террас у реки лежал валун, напоминающий голову комолого быка. На него сначала ступил витязь и спрыгнул на траву. Мери все еще цеплялась за его шею. Глаза ее были плотно закрыты.

Стривер не отказал себе в удовольствии поцеловать сомкнутые веки, ставя девушку на землю:

— Мы прилетели!

Мери открыла глаза и огляделась.

— Это чудо! — воскликнула она и снова повернула сияющее лицо к Стриверу. — Ты не говорил мне, что умеешь летать!

— Я боялся, что ты испугаешься...

— Тебя? О нет!

— Другого, — Он замялся и отпустил девушку — Видишь ли, я не знал, как ты отнесешься к моему дару...

Мери было кинулась к нему с пылкими уверениями в том, что его умение летать только восхищает ее, но Стривер имел в виду вовсе не то. С виноватым видом он полез под камень и извлек на свет угольно-черные с золотым отливом сложенные крылья.

— Я сделал их давно, — признался он, не глядя на застывшую в изумлении княжну, — и, должен сознаться, для другой женщины. Но она не осталась со мной. — Он отвернулся, глядя на реку и долины за нею. — Я так хотел подарить их той, которая... но девушки не любят подарков, что изначально предназначались другим...

Нежные руки обвились вокруг его шеи, и Мери пылко поцеловала его в щеку:

— Спасибо!

Стривер посмотрел на нее, не веря себе.

— Ты...ты... — только и мог выдавить он.

— Ты научишь меня? — Мери со стыдливой улыбкой опустила глаза и прошептала совсем тихо: — Я хочу с тобой...

Их руки и мысли путались, они то улыбались, то отводили глаза, когда Стривер помогал Мери облачаться и объяснял, что надо делать, чтобы взлететь, а потом опуститься. Он, проживший на свете в полтора раза дольше, чем эта девушка, запинался и краснел как

мальчишка, и все, что получалось у него более-менее складно, было: «Не бойся, я подхватчу тебя!»

Сильный ветер вдруг поднял девушку на руки и закружил над рекой. Мера завизжала, оказавшись вдруг высоко в небе совершенно одна, но в следующий миг к ней присоединился Стривер. Раскинув руки, он поднялся чуть повыше и подмигнул девушке, отчаянно пытавшейся выглядеть храбро — если бы не прыгающие губы, это бы ей удалось.

— Я держу тебя! — крикнул он и перевернулся в воздухе. — Не бойся ветра — он не собьет тебя!

Мера раскинула руки, подражая ему — ветер тут же принял ее на спину и толкнул в левое крыло, вместо нее делая поворот. Девушка бросила быстрый взгляд через плечо — Стривер следил за нею прищуренными глазами. Его ветер не трогал — он парил в воздухе словно подвешенный.

— Я не хочу! — окликнула его девушка. Пытаясь справиться с ветром сама, она покачала крыльями. И — о, настоящее чудо! — ветер ее послушался. Сделав поворот, он осторожно подтолкнул ее к Стриверу.

— Я с тобой, — повторил он. — Не бойся!

Теперь они висели рядом, не прилагая для этого никаких усилий.

— Это сделал ты? — догадалась Мера.

По узкому обветренному лицу Стривера пробежала тень.

— Я, — храбро сознался он и поспешил добавить: — Я почти двадцать пять лет, с тех пор как начал летать самостоятельно, еще отроком учился повелевать ветрами. Моя мать — полуптица, она научила меня многому. Я теперь тоже могу очень много, но, — еще быстрее добавил он, — я не хочу причинять никому зла. Я знаю, что даже простые люди могут силой мысли разгонять тучи или насылать дожди...

— Я знаю, — перебила Мера. — Ты чародей.

Стривера насторожило странное спокойствие, звучавшее в ее голосе.

— Я вниз хочу, — не то попросила, не то приказала Мера.

Он кивнул, и ветер толкнул девушку в бок. Могучая спираль вихря понесла ее к земле, прижимая, несмотря на все ее попытки, к самому берегу реки. Стривер спускался следом, на следующем витке спирали, но перед самой землей обогнал девушку и ступил на берег первым, протягивая ей навстречу руки.

— Прыгай!

Мера вдруг резко сложила крылья, явно подражая настоящим птицам. Она сделала это так быстро, что ни витязь, ни созданный им ветер не успели отозваться на ее порыв. Девушка почти упала в траву, но успела подняться на ноги прежде, чем Стривер подскочил на помощь. Сама, вспомнив его уроки, девушка высвободила руки. Лишенные основной опоры, крылья сложились сами — нужно было лишь немного помочь им улечься на спине. Это вручную сделал Стривер — Мера стояла неподвижно.

— Все сделано очень просто, — осторожно заговорил он, — так, чтобы мог справиться любой. Я хотел, чтобы не только я — все могли летать...

— Ты чародей, — вдруг сказала Мера, — ты летаешь потому, что умеешь управлять ветрами...

— Но если очень сильно захотеть, то полетит любой, даже если он тысячу раз не чародей! — воскликнул Стривер, волнуясь. — Дело здесь только в желании...

Мера подняла на него глаза. В них было нечто, заставившее Стривера притихнуть.

— А твои родители — они чародеи тоже? — спросила девушка.

— Да, особенно отец. А также мои братья и сестры. И мои дети, которые пока не родились, тоже станут чародеями...

— А я?

— А тебя я люблю.

Это выговорилось так легко и свободно, что только по вспыхнувшим щекам девушки Стривер догадался, что он, собственно, только что сказал.

* * *

По роще торопливым шагом, плавными движениями обходя стволы берез, шел молодой человек с решительным, строгим лицом. Безумным огнем горели глаза с длинными ресницами, красивые губы были плотно сжаты. Одет он был в жалкие остатки дорогого платья — лишь расшитый узорами пояс сохранял чистоту и целостность, остальное носило на себе следы долгого и трудного пути.

Человек шел напрямик, двигаясь целеустремленно, как одержимый или зачарованный. Кроме безумия, в его глазах было нечто зловещее — он появился здесь далеко не случайно и не с добрыми намерениями.

Постепенно безумец приближался к берегу реки. Тишину весеннего леса нарушали доносившиеся оттуда счастливые голоса — звонко смеялась и кричала что-то женщина, ей отзывался мужчина.

Эти двое были заняты только собой и не заметили бы и орду всадников, явись она перед ними, крича и потрясая оружием. Безумец направился прямо на голоса.

Подходя, он с удивительным для человека в его состоянии разумением таился, подкрадываясь так, словно подстерегал дичь. Ноги его ступали так тихо, что он и сам не мог различить своих шагов. Он почти сливался с березами и неровностями склона. Последние сажени он вообще прополз, двигаясь плавно, как настоящая змея.

Меж деревьями замелькали силуэты — девушка и витязь. Держась за руки, они сбежали по траве к воде, и девушка зашла в реку, замочив подол. Ее спутник что-то сказал — она весело рассмеялась на его слова.

Безумец внимательно посмотрел на девушку и перевел оценивающий взгляд на ее спутника. Сразу видно, что он лет на пятнадцать постарше — высокий, худощавый, но плечистый, с сильным и гибким телом. Длинные светло-русые волосы волнами падают на плечи и спину. Узкое лицо потемнело от загара и обветрено, на нем выделяются ярко-голубые глаза. В каждом движении его сквозила чародейная сила.

Девушка, в противоположность спутнику, была идеально сложена и сильна. Взглянув раз на ее туго обтянутое платьем тело, безумец сразу почувствовал сильное желание. А когда он разглядел темные, с чуть заметной рыжиной пушистые волосы, собранные в толстую косу, и такого же цвета зазывные глаза и маленькие яркие губы, он не выдержал и пристукнул кулаком по земле.

— Я хочу ее, — прошептал он горячо, словно кому-то доказывая. — Я хочу ее, и она станет моей!

Смущало одно — у девушки и чародея на плечах было что-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось сложенными крыльями. Оставалась надежда лишь на то, что ни он, ни она не успеют ими воспользоваться.

Безумец осторожно попятился и пополз прочь. Он исчез так бесшумно, что не спугнул даже птаху, присевшую на куст неподалеку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Словно кто гнался за нею, Мера бежала по роще. Ее и в самом деле настигал Стривер, но убегала девушка вовсе не от него — от тех слов, что сорвались у нее с языка. Она бежала, закрыв ладонями пылающее лицо. Наткнувшись на ствол раздвоенной березы, девушка застыла, обхватив оба ствола руками. Стривер подбежал и остановился, не дойдя нескольких шагов. Мера стояла к нему спиной и тяжело дышала не то после бега, не то еще от чего-то.

— Ты... Мне не послышалось? — решился спросить он. Ее слова не радовали, а пугали.

— Послышалось, — выдохнула девушка. — Все послышалось. Уйди и крылья свои заberi!

Но при этом она не шевелилась, и Стривер осторожно приблизился.

— Как же я могу? — тихо молвил он. — Без тебя мне и день темной ночью кажется. Ты всего меня спалила — в душе живого места нет, только ты!

Мера вдруг оглянулась. Она не вымолвила ни слова, только стыдливо отвела взор, но ее смущение было красноречивее слов, и Стривер, догадавшись обо всем по ее молчанию, совсем потерял голову.

— Я жить без тебя не могу, — взяв ставшие безвольными руки девушки, он прижал их к груди. — Не гляди, что я чародей — ради тебя я все брошу. Только назовись моей...

Он бережно притянул девушку к себе, и она ткнулась лицом в его грудь.

— Матушка и слышать о тебе не хочет, — глухо молвила Мера. — За что она сердита на тебя? Ты ж ей на глаза всего один раз показывался.

— Она может нам помешать...

— Теперь уж поздно. — Мера вздохнула. — Меня, верно, хватились, ищут. Явись я сейчас, крик подымут, еще бесстыдницей назовут. Княжна, и вдруг такое... Увези меня!

— Что? — не поверил своим ушам Стривер. Мера крепко обняла его, прильнула всем телом.

— Увези, — повторила она, — Укради, тогда никто помешать нам не сможет. Тогда я совсем твоей стану, и даже отец твой слова поперек не скажет.

Стривер обернулся на реку — слышала ли она слова девушки?

— Сейчас разве что? — предложил он. Мера просияла:

— А ты можешь?

Стривер подхватил ее на руки и закружил по поляне.

— Мне же не померещилось, — с улыбкой напомнил он недавние слова девушки.

— Глупый, — улыбнулась в ответ Мера. — Поцелуй меня!

* * *

Призывное ржание заставило обоих вздрогнуть.

Вдоль самой кромки воды широким шагом шел крупный вороной жеребец. Долгая грива его и хвост были спутаны и заляпаны грязью. В грязи были и стройные ноги, и поджарое брюхо. На шее болтались остатки веревки — жеребец явно сорвался с привязи. Кося синим глубоким глазом, он шел прямо на влюбленных, но заметил людей слишком поздно и встал как вкопанный, осторожно прядая ушами.

Мера было отшатнулась, и Стривер поспешил загородить ее собою, но жеребец не двигался с места.

— Откуда он тут взялся? — прошептала девушка.

— Не ведаю, но странный какой-то, — ответил Стривер и шагнул к коню. Тот дернулся, вскинув голову, но не сдвинулся с места. В глазах его мелькнул огонек безумия — тот самый, что горел и в глазах молодого человека, подглядывавшего за ними.

Протянув руку, словно на ладони у него был хлеб, Стривер осторожно приблизился. Странный жеребец оказался мирным как ягненок и позволил не только подойти к себе, но и взять за гриву и погладить.

— Не бойся, — позвал витязь девушку, — подойди. Жеребец насторожился, когда Мера приблизилась, но не отпрянул под ее ласковой рукой. Наоборот, он потянулся к ней мягкими губами и вздохнул.

— Беглый, — протянула девушка. — Небось украли, да сладить не смогли...

Она отступила, и жеребец пошел за нею как собака, тычась носом ей в ладонь.

— А сама чародеев испугалась! — рассмеялся Стривер. — Вон как зверя приворожила — вместо хозяина тебя признал! — Он огладил коня, осмотрел. — Добрый конь! На таком не стыдно где хошь показаться!

— Отдай его матери моей, — вдруг предложила Мера. — Авось глянется он ей или Раде под седло — тогда она и о тебе слушать станет.

— Разумница ты моя! — похвалил Стривер. — Идем скорее!

Он схватил жеребца, но Мера тронула его руку.

— Подсади меня, — попросила она. — Прокатиться хочу!

— Притомилась, никак? — угадал витязь и протянул руки. — Давай!

Жеребец напрягся всем телом, когда девушка уселась ему на спину. Выгнув шею, он выкатил налитые кровью глаза и всхрапнул. Посмеявшись его неожиданному норову, Стривер взял было его за гриву, но жеребец с неожиданным проворством отпрянул.

Мера удивленно вскрикнула, когда он рванулся с места в карьер и помчался прочь. В три прыжка преодолев расстояние до реки, жеребец взвился в небо одним долгим скачком.

Девушка скорчилась у него на спине, цепляясь за гриву. Жеребец взмывал все выше и выше, разворачиваясь, чтобы лететь прочь к горам, встающим над рекой.

Распахнув крылья, Стривер тоже поднялся в воздух, устремляясь в погоню. Летящий конь обернулся на него через плечо, и витязя передернуло — таким осмысленным был его взгляд. В следующий миг жеребец вытянулся в струну, поджал ноги и полетел с такой скоростью, что Стриверу пришлось вызывать ветер, чтобы не отстать. Отчаянно пытаясь настигнуть похитителя, он взял круто вверх, а потом камнем пошел наперерез.

В самый последний момент жеребец резко вильнул вбок. Стривер закувыркался в созданном противопотоке и еле выровнялся — вихрь подхватил его и приостановил падение.

Издали донесся испуганный крик Меры, и Стривер, забыв обо всем, снова кинулся вдогонку. Теперь он оказался много ниже коня, почти под его брюхом.

— Прыгай! — крикнул он изо всех сил. — Прыгай, я подхватю тебя!

Он был уже близко — только протянуть руку — но Мера зажмурилась и помотала головой. Она оказалась слишком высоко. Под нею стремительно проносились места, где она никогда не бывала. Родной град, посад, река, рощи и долины вокруг давно исчезли за горизонтом. Остался только странный черный жеребец и Стривер. Он настигал коня. При той скорости, с какой он летел, их столкновение должно было опрокинуть жеребца.

Тот вдруг начал меняться. Силуэт его затуманился, черты стали сливаться и расти. Он словно разбухал, приобретая новые жуткие формы. Мера закричала от ужаса — лошадиная спина стала вдруг размером с телегу, покрылась влажной кожей, напоминающей рыбу. Грива и хвост исчезли, лапы укоротились, а морда вытянулась. По бокам распахнулись два крыла. Сразу увеличив скорость, крылатый зверь стремительно пошел за облака.

Стриверу показалось, что он сходит с ума, и было от чего. На его глазах неизвестное чудовище унесло его невесту! Призвав на помощь ураган, из последних сил он ринулся наперерез. Пусть ветер перевернет Змея, пусть Мера даже упадет с его спины — все, что угодно, только бы не досталась злодею! Стривер сумеет ее поймать — или разобьется вместе с нею...

Длинный хвост изогнулся и шлепнул по воздуху, создав встречный поток. Попавший в него Стривер перевернулся вверх тормашками. Он еле успел сложить крылья, выравниваясь и снижаясь. Пока он боролся с ураганом, Змей успел исчезнуть, бесследно растворившись в вышине.

* * *

Громкий рык Ящера, что возник в воздухе в сотне саженей от стены замка, поднял по тревоге всех его обитателей. Стража на стенах вскинула копья, приветствуя витязя; слуги, выбежавшие было на двор, снова кинулись кто куда, домочадцы поспешили обрадовать его семью.

Громко трубя, Ящер сделал круг над башнями замка, а затем аккуратно нырнул во двор. Люди шарахнулись в стороны, но огромный зверь опустил на камни удивительно осторожно и сразу уменьшил свой гигантский рост почти на треть — чтобы не мешаться.

Он еще складывал крылья и топтался на месте, устраиваясь поудобнее, а Перун уже лихо соскочил с его спины и на бегу бросил слуге меч.

Он двигался с удивительной для его фигуры быстротой и легкостью. В несколько

прыжков преодолев не занятую Ящером половину двора, он взбежал на высокое крыльцо, где собралась его семья.

Отец и мать стояли рядом. Патриарх Сварг согнулся, остарел, стал совершенно белым. Лицо его потемнело, глубже стали морщины, тусклее глаза. Волки, не отходившие от него, теперь держались ближе, как будто были готовы подхватить его в любой момент.

Мать, леди Лада, была единственной, кто не переменялся с годами: по-прежнему молодая и стройная, с редкими сединками в косах и печальной мудростью женщины, вырастившей слишком много детей, чтобы что-то могло ее удивить. Она казалась сейчас старшей сестрою младшим своим детям — Живе и Смарглу, что застыли плечом к плечу.

Смаргл, только-только перешагнувший тридцатилетний возраст, не подрост и на волосок за семь лет, что братья не виделись, но зато раздался в плечах и заматерел. Волосы и борода его были коротко подрезаны, от него чуть пахло углем и гарью — последнее время он все торчал в кузне, переняв искусство отца. Жива сохранила свое обаяние и привлекательность, но видно было, что начала блекнуть. Она не утратила стройности и грации, по-прежнему была гибкой и крепкой, но вся как-то потускнела. И лишь глаза полыхнули прежним огнем юной Живы, когда она бросилась брату на шею.

— А где Дажь? — воскликнула она.

— У жены, должно быть, — коротко обронил Перун и, вяло ответив на приветственный поцелуй сестры, прошел к родителям. Жива, смущенная таким приемом и вестью, держалась позади.

Поприветствовав родных, Перун вспомнил и о жене: — А Дива где?

— Ждет, — ответила мать, приглашая сына следовать за собой.

Решительным шагом витязь направился в замок, сворачивая к покоям жены. Только на втором повороте его обогнала Жива, помчавшаяся хлопотать по хозяйству.

Оставшийся один во дворе, Ящер подогнул сразу все четыре ноги и упал на камни, встав с них уже бурым конем. Отряхнувшись как собака, конь сам потрусил к распахнутым настежь дверям конюшни.

* * *

Когда громовой рык возвестил о появлении Перуна, Дива сидела у окна и вышивала мужу рубашку. Увидев огромного зверя, снижающегося во двор, она встала было, чтобы идти, но ноги подогнулись, и она без сил опустилась на лавку. Вбежавшая служанка что-то спросила — Дива только покачала головой, даже не расслышав ее слов.

С той осенней ночи Перун являлся еще пять раз — первый раз через месяц, когда младшим близнецам исполнилось два года. Он так бережно взял детей на руки, что они даже не проснулись. В эти мгновения у него было такое лицо, что Дива чуть не плакала — казалось, витязя сжигает какая-то тревога и боль, как будто скоро ему предстояла разлука с детьми. Его даже не обрадовала весть о том, что Дива, скорее всего, в третий раз тяжела от него. Сейчас шел уже шестой месяц, но на первый беглый взгляд казалось, что женщина просто пополнила. Впрочем, Перун знал об этом — он даже пытался послушать, как шевелится внутри ребенок. По его словам выходило, что надо опять ждать двойни, но Дива ему не верила.

Он вошел неожиданно и замер на пороге, во все глаза глядя на жену. Дива поднялась, прижимая руки к груди. Рубаха сползла с ее коленей на пол.

— А я... я вот хотела для тебя подарок, — вымолвила она. — Не успела...

— А я думал — больна, — коротко сказал Перун, приваливаясь к косяку. — Ты — как? Здорова?

— Да...

— И хорошо, — Он опять выпрямился и скинул на пол плащ — как всегда ночами во время коротких встреч. — Я устал — сейчас в баню, грязь смыть, а потом — к столу. Позже все расскажешь!

И он вышел, жестом предложив ей следовать за собой. Он вел себя так, словно не было тех ночей. Дива сжала кулаки и отправилась за ним.

В бане, пока она оттирала его черное от загара тело, сплошь состоящее из могучих мускулов, он все время что-то говорил, расписывая свои похождения. Во время ночных визитов о них он не обмолвился ни словом, и сейчас Дива принимала его словоохотливость как должное. Она не обращала внимания на то, что он не давал ей вставить слово даже потом, во время ужина, когда ему внимали уже отец, мать, брат и сестра. Жива больше слушала из-за Даждя — все в замке успели понять, что брошенная своим якобы женихом Велесом девушка сохнет по Даждю, своему родному брату. Это обсуждали все, забывая, что и Марена Даждю сестра. Что до Смаргла, то он жадно, как дитя, впитывал слова брата — младший Сварожич, несмотря на возраст, мало и ненадолго покидал северные земли. Сердце его плакало и пело, когда он слышал о дальних землях и приключениях.

Дива, как и остальные, просто любовалась мужем, утешая себя тем, что потом они останутся наедине и она вознаградит себя за все. Но в изложне ее ждало разочарование — добравшись до постели, Перун заснул так быстро, что не успел даже поцеловать жену. Она полночи проплакала в подушку, а наутро у нее пропало всякое желание напоминать ему о детях. Он вернулся — и все началось сначала.

* * *

Слуги Змея сбились с ног, бегая по огромному лабиринту пещеры, где устроил свое обиталище их господин. Сложнее всего оказалось услужить недавно пойманной пленнице.

Мера, который день не покидавшая большой комнаты, куда ее поместили, и часа не просидела спокойно. Она то барабанила в тяжелую дверь кулачками, то металась из угла в угол, то с досады принималась бить все, что попадалось под руку. Слуги входили к ней на цыпочках — забившись в угол, девушка сверкала оттуда настороженными глазами, и стоило кому-то замешкаться, уходя, в него тут же летела только что принесенная еда. В первый день пленница вообще опрокинула на слуг все, что они ей принесли, и вдобавок разбила о чью-то голову кувшин. Сейчас она вела себя тише — принимала угощение, но с таким видом, словно ей предлагали камни и ядовитых змей, а остатки неизменно оказывались на лицах слуг, когда те приходили чуть позднее. Будь ее воля, Мера вообще не пускала бы никого к себе, но стоило чуть задержать обед, как она поднимала такой шум, от которого в пещерах при сильном эхе мало кому было сладко. С облегчением все вздыхали, когда она засыпала.

Иногда же ей приносили совсем иные дары — меха, украшения, редкие ткани. Черному Змею ничего не стоило добыть все это или вообще создать — он ведь был чародеем и мог сотворить многое — и он хотел поразить пленницу и заставить ее быть смирнее. Ее и так поселили в комнате хоть и небольшой, но роскошно убранной. Стены были увешаны тканями, привезенными издалека, пол устилали пушистые ковры. Изящную и богатую обстановку освещали выкованные из золота светильники. На выбор пленнице были предоставлены самые разнообразные наряды и украшения, к ее столу подавалось все лучшее. Занятый добычей всего этого, Змей даже забыл о княжестве, что находилось у него под боком. Он мог бы его завоевать, но тратил время на поиски того, что могло бы покорить девушку. Шли дни, а дикая кошка продолжала буянить.

— Пошли прочь! Все вон! — визжала Мера, топая ногами.

Уставшие от ее капризов и криков, слуги торопливо собирали с пола осколки кувшинов и блюд. На ковре растекалась лужа только накануне принесенного Змеем иноземного вина — чуть попробовав, Мера заявила, что ее хотят отравить, и перевернула столик с яствами. Сама она сейчас стояла на лавке, сжимая в руке подушку.

— Вон!

Схватив светильник, девушка запустила им в слуг. Масло — его только что залили снова — разлилось, смешавшись с вином, и вспыхнуло.

Мера завизжала, отскочив. Пламя пожирало ковер в центре комнаты. Слуги бросились

его тушить. Прибив огонь, они поспешили убратся, потому что Мера уже оценила происшествие и нацеливалась опрокинуть еще один светильник, чтобы создать пожар. Раньше, чем девушке это удалось, все слуги, толкаясь, выскочили вон, оставив ее одну.

Впрочем, смутить этим пленницу было трудно. Внезапно, словно решившись на последний шаг, Мера принялась торопливо стаскивать в кучу подушки, подволакивать лавки, сворачивать ковры и ткани. В центре комнаты она сооружала большой костер, располагая остальные вещи вокруг таким образом, чтобы огонь потом пошел по ним.

Оставалось только полить костер маслом из светильников и поджечь, но в этот миг дверь распахнулась от резкого рывка, и на пороге возник незнакомец.

Мера застыла, глядя на него во все глаза. Вошедший витязь был так красив и строен, что у нее в первый миг захватило дух. Казалось, такой красоты не способна создать человеческая природа — так мог выглядеть только молодой бог. От его лица словно исходило сияние, глаза лучились добротой и умом, а ласковая улыбка могла привлечь чей угодно взор. Обежав глазами погром в комнате витязь тревожно вскинул брови.

— Ты собралась покончить счёты с жизнью? — в ЯВНОЗУ испуге воскликнул он. Голос его, мягкий, ровный, был тоже красив, как и он сам. — Не надо!

Несколько смущенная его появлением — в легендах девиц, как она слышала, похищают только чудовища, не похожие на людей — Мера немного попятилась, отступав к единственному окну.

— А кто ты такой, чтобы приказывать, что мне надо а что нет? — молвила она.

Витязь прошел в комнату, оставив дверь открытой, но не приближаясь вплотную.

— Я тот, для кого ты могла бы стать спасением от самой большой и страшной беды, — произнес он так искренне, что Мера невольно прислушалась к его словам.

— Ты что, — догадалась она, — тоже пленник?

— Увы, да. — Витязь опечалился, что сделало его лицо еще прекраснее. — Но пленник самого себя. Никто не может мне помочь, кроме той, которая добровольно согласится на это...

— Ты говоришь обо мне? — Мера сделала шаг к окну. Витязь улыбнулся ей из-под длинных ресниц.

— Я понимаю, что тебе такое слышать оскорбительно, — ты ведь попала сюда не по своей воле, — заговорил он, — но если бы ты попыталась понять меня и отыскать в своей душе хотя бы одно оправдание, то я... Я все исполню, что ты ни прикажешь!

Он уже стоял всего в трех шагах от девушки и при этих словах бросился к ней, но Мера была начеку. С быстротой молнии отскочив в сторону, она со всех ног кинулась к открытой двери.

Казалось, еще шаг — и она на свободе, но дверь вдруг захлопнулась перед ее носом, и в тот же миг руки витязя обняли ее.

— Я исполню любое твое желание, — умоляюще зашептал он, — я сделаю для тебя все, только полюби меня!

Витязь притянул девушку к себе, торопясь насладиться ее поцелуем, но не зря ее старшая сестра была воительницей. Рада хорошо знала, как надо управляться с такими мужами, и кое-чему обучила сестру.

И Мера ударила. Державшие ее руки мигом разжались. Согнувшись, витязь упал на колени, а девушка в два прыжка оказалась на окне, распахнутом настежь.

Единственное окно комнаты, большое и высокое, в рост девушки, не закрывалось не потому, что освещало покои — на это есть светильники — но потому, что из него невозможно было убежать. Оно выходило в пропасть, дно которой скрывая вечерний мрак — только зловещие зубцы скал грозно мерцали, поджидая жертву. Решись она выброситься из окна, то погибла бы еще до того, как долетела бы до середины. Качнувшись назад и уже приготовившись сделать последний шаг, она крикнула витязю:

— Только шевельнись — и я прыгаю!

Тот вскинул голову. Мера и в самом деле хотела этого в тот миг, и Змей ей поверил.

— Только не это! — Не решаясь встать, он пополз к ней на коленях, но замер на полдороге, опасаясь, что это спугнет ее. — Все, что угодно, только не это!

— Отпусти меня домой! — потребовала девушка.

— Пойми — я любви, а не разлуки у тебя ищу, — возразил он и тут же испуганно осекся. — Прости, но я не могу помыслить, что расстанусь с тобой! Что тебе в доме?.. Девушка выходит замуж и покидает родину — хорошо, если ее увозят в соседний дом, а бывает, и на чужбину... Стань моей! Ведь не такой уж я урод, чтоб бояться меня! И я могу быть добрым — только поверь и полюби!

Он и в самом деле был красив — изящнее и привлекательнее худощавого Стривера с его узким строгим лицом, длинными волосами и короткой бородкой.

— Ты забудешь его! — говорил тем временем Змей.

— Забуду его, как же! — мигом перебила Мера, — Он меня взаперти не держал, я свободно бегала, делала что хотела — он мне не препятствовал. А здесь я в четырех стенах умру с тоски! Мне бы воздухом вольным подышать, пение птиц послушать... Я как у матушки жила? Была пташка вольная! В сад ходила, с девушками играла, с парнями под горой... А здесь? Сиди себе, на холопов твоих любуйся! А мне на простор хочется!

Змей медленно поднялся на ноги.

— А если ты выйдешь отсюда, — молвил он, — полюбишь меня тогда?

Мера взглянула в пропасть, потом подняла глаза к клочку неба вдалеке, словно раздумывая.

— Может быть, и полюблю, — наконец сказала она, — если и вправду сделаешь то, что скажу!

— Я согласен! — быстро крикнул Змей. Мера спрыгнула на пол.

Змей сдержал слово. Всего за один поцелуй Мера упросила его вернуть ей крылья — чтобы последний раз подышать волей. Она не знала, в какую сторону надо было лететь, но крепко помнила слова Стривера: «Если очень захотеть, то полетит любой, будь он тысячу раз не чародей!» А она хотела этого так, что захватывало дух.

Стараясь выглядеть веселой и счастливой, девушка бегала по горам. Змей отпустил ее погулять в узкой голубой долине, где было совсем мало зелени — только какие-то бледные цветочки в камнях. Стремясь их достать, Мера полезла вверх. Скоро она обогнала следовавших за нею по пятам слуг и продолжала лезть выше, надеясь, что с высоты увидит родной город и полетит к нему. Пока слуги побегут докладывать своему красавцу господину, пока он призовет того страшного змея — она успеет спастись. Только бы удалось взлететь сразу.

Но воины упорно лезли вверх с каменными лицами. Смотреть в их пустые глаза Мера боялась и поднималась не оборачиваясь и стараясь выглядеть беззаботной.

На вершине она оказалась первой и в изнеможении опустилась на колени, еле переводя дух. Эта гора была не самой высокой здесь — совсем рядом поднимались под облака сразу две вершины, а далеко у окоема вообще вставали такие великаны, что дух захватывало. Пещеры Змея находились довольно близко от вершины, и девушка понимала: чудо уже то, что она оказалась здесь.

Мера не знала, что ее отцом был тот, для кого подъем и на большую вершину был детской забавой, и что она унаследовала от него силу и выносливость. По незнанию ей казалось, что так и должно быть, и не задумывалась над тем, почему отстали ее охранники — они, обычные люди, не могли выдержать воздуха высокогорья и предпочли спуститься.

Торопясь, пока они не поднялись, Мера поправила на плечах крылья и огляделась, прикидывая, куда лететь. Впереди открывалось ущелье. Постепенно расширяющееся впереди, оно могло вывести ее в горную долину, откуда добраться назад было бы проще.

Она подошла к краю и раскинула руки. Ветер подхватил ее под крылья, отрывая от камней. Ощущение было так похоже на тот полет со Стривером, что Мера не выдержала и закричала во все горло:

— Лови меня, Стривер!..

— Поймал! — раздалось сзади.

Мера дернулась, но чья-то жесткая рука схватила ее за подол и вернула на место. Тут же сильные руки вцепились в нее, безжалостно сдирая крылья. Мера отчаянно сопротивлялась, но справиться с мужчиной ей было не под силу. С треском порвалась на плечах одежда, крылья сорваны и брошены в пропасть. Мелькнув последний раз, они растаяли во тьме бездны. А затем отбивающуюся девушку вскинули на плечо, и похититель шагнул вниз...

Он тоже умел летать, но без крыльев. Красивый витязь, с которым она говорила накануне, кругами снижался на дно вместе со своей ношей. Земля приближалась так быстро, что в глазах Меры помутилось от страха и она лишилась чувств.

* * *

Очнулась она уже не в своей комнате. На сей раз пленницу посадили в крошечную и темную каморку, напоминающую дно глубокого колодца. В тереме княгини Синегорки даже узилища не были такими мрачными. Стены и пол представляли собой голые скалы. От них веяло холодом и сыростью. Потолок терялся где-то в вышине, там тускло мерцал маленький светильник. Круто вверх уходила кривая, вырубленная в камне лестница.

Девушка сидела на охапке соломы и на каких-то шкурах, а цепь на ее ноге тянулась к кольцу в полу. Она была так коротка, что пленница не могла бы добраться даже до третьей ступеньки лестницы. На полу стояла миска с водой. Вот и все.

Мера оглядела мрачные стены, сжимаясь в комочек. Какая же она была глупая, что решила бежать! Но она не могла знать, что этим все кончится!.. В легендах о деяниях богов и героев, которые рассказывали жрецы и бахари по праздникам, все было не так! А может, так — просто она невнимательно слушала старых сказителей? Но одно дело мечтать о войне, слушать о девушке Ненаглядной Красе, а другое — самой оказаться на ее месте. Ненаглядную Красу спасал сказочный герой, а кто спасет Мери? Стривер? Скорее бы! А то когда светильник погаснет, она останется здесь в полной темноте... А что, если о ней никто так и не вспомнит?

Чьи-то шаги раздались на лестнице, прежде чем страх овладел девушкой. Она вскочила, готовая кинуться на шею спасителю, но он остановился, не доходя нескольких шагов, и Мера с содроганием узнала того красивого витязя. Сейчас и здесь его красота пугала больше, чем жуткая морда чудовища.

Змей догадался обо всем при первом взгляде на Мери.

— Ты боишься и ненавидишь меня, — заговорил он, — а ведь все могло быть иначе, если бы ты не попыталась бежать! Я пришел сказать тебе, что ты будешь сидеть здесь, пока не смирись и не согласишься полюбить меня.

— Ты глуп, если в этом уверен, — возразила девушка.

— Ты еще пожалеешь об этом! — вспыхнул Змей, которому опять напомнили о его главном недостатке — глупости. — Будешь сидеть здесь, пока не попросишь прощения!

Лицо его исказилось от гнева, и это было просто жутко. Он притопнул ногой и ринулся вон.

Вслед ему полетела миска.

Выбежав наверх, Змей привалился спиной к стене и медленно принял свой настоящий облик, растягиваясь по полу. Его туша мелко дрожала от гнева и желания выместить его на ком-нибудь. Злость его была еще больше от того, что он сам только что поступил как последний глупец. Мог бы околдовать пленницу и заставить ее пожелать разделить с ним ложе, но всякое колдовство рано или поздно спадает, и о том, что может сделать человек, освободившийся от заклятья, лучше не задумываться. Самое меньшее, он убивает того, кто наложил на него заклятье. И лишь кровь — кровь родного человека — способна навеки, безо всяких условий привязать к нему пленницу.

Если он правильно понял слова своих слуг, у этой дикарки есть сестра. И это было

лучшее, что мог пожелать Змей.

Синегорка и слушать не стала Стривера, который, забыв свою гордость, стоял перед нею на коленях. Подле матери с каменными лицами замерли пятнадцатилетний отрок, меньший брат девушек, и сама воительница Рада — видом вовсе мужчина, кабы не коса и черты безбородого лица. Девушка-воин опиралась на меч и буравила Сварожича такими злыми глазами, словно это он сам отвез ее сестру Змею и приполз замаливать грех.

Стривер чувствовал свою вину и был готов на что угодно — только бы простили и поверили, что он жизнь положит за освобождение своей невесты. Но княгиня не дала ему договорить и велела убираться, пока его не подняли на копья. Рада при этих словах с готовностью вскинула меч, и Сварожичу пришлось уйти.

Его все-таки проводили вон из города и вытолкали за ворота, передав приказ княгини — не показываться здесь под страхом смерти. Но его боль была сильнее страха, а потому он тотчас же полетел на север — звать на подмогу родных. Не вечно же Перуну и Даждю бродить по свету — они вернутся и помогут ему. Он вместе с братьями привезет девушку назад, и ее матери придется уступить силе.

Сердце его готово было вырваться из груди, все тело ныло и словно одеревенело от усталости и напряжения полета, но все это прошло в один миг, когда на стене замка он увидел отдыхающего Ящера.

Стривер чуть не кувырком свалился во двор, напугав всех. Он тоже больше года не показывался дома, а потому весть о его возвращении была встречена радостно. Слуги засуетились, но Стриверу было не до отдыха, и он сразу кинулся искать Перуна.

Вся семья как раз была вместе — отец, мать, братья, Жива и Дива, все за общим столом. Не хватало только детей — Перун сам не вспоминал о них, будто их и не было, и Дива, обиженная, молчала.

Перун первым вскочил, когда в зал ворвался Стривер.

— Ого, братец, — радостно вскрикнул Перун, — явился и ты! Вот здорово! Теперь бы Даждя от его Марены оторвать — и все были бы в сборе! — Он стиснул плечи Стривера. — Ну, поведай, что тебя привело!

Тяжело дыша после выматывающего полета, Стривер оперся о широкое плечо брата. Руки и плечи ныли так, что не пошевелишь, и он еле сдерживал стон.

— Здорово ты похудел. — Перун хлопнул Стривера по спине, отчего тот побледнел и скрипнул зубами, и потащил к столу. — Рассказывай!

Он обнял младшего брата за плечи, и Стривер вскрикнул. Жива тут же сорвалась с места.

— Что с тобой? — Она глянула на плечи Стривера и ахнула. — Кровь! Ты весь в крови!.. Что случилось?

Рубашка на Стривере насквозь пропиталась кровью. Думая только о том, как бы поскорее добраться до дома, он не чувствовал ничего, но сейчас вдруг застонал, бессильно повиснув на брате и сестре.

Перун застыл как столб, а Жива решительно подставила раненому плечо.

— Его надо уложить, — сказала она и накинулась на Перуна: — Не стой как истукан! Я одна его не подниму!

Очнувшийся Перун вскинул Стривера на руки. При этом он ухватил его за окровавленные плечи, и тот вскрикнул, вырываясь.

— Не надо! — взмолился он. — Я сам натер... крыльями... Я здоров!

Но на его слова не обратили внимания. Жива вновь накинулась на Перуна:

— Ты совершенно бесчувственный! Ему же больно!

Стривера уложили в его комнате, и Жива осторожно споролла с его плеч рубашку или, вернее, то, что от нее осталось, ибо там, где ее касались сочленения крыльев, она была истерта до дыр и крылья разодрали кожу. Приподнявшись на локтях, Стривер терпел, пока Жива и Дива обрабатывали ссадины. Жива еле слышно бормотала заговор, заживляющий раны, и Стривер по мере сил помогал ей. Исцелять раны он не мог, это удавалось только

Даждю и, как говорили, Хорсу и Велесу.

Наконец боль отступила, и Стривер поднял голову. Перун и Смаргл стояли рядом, не отходя ни на шаг. Здесь же была и Лада, его мачеха, помогавшая молодым женщинам.

— Матушка, — шепнул ей Стривер, — я дочь тебе выбрал, а себе жену...

— Ты лежи пока, — Лада погладила его по голове, — потом скажешь, кто она.

— Но я не могу ждать! — Стривер вскинулся к братьям. — Беда!

— Что? С кем? — наклонились к нему оба Сварожича.

— Змей в Рипейских горах завелся. — Стривер выпрямился, насколько мог. — Города зорит, людей в полон берет. Невесту мою... тоже... Не смог я в одиночку ее отбить...

Глаза Перуна полыхнули огнем.

— Где твой Змей? — воскликнул он.

Уловив в его голосе опасные нотки, Дива бросилась к мужу:

— Не пущу!

Но Перун отодвинул жену и склонился над Стривером;

— Говори!

— Княжество Синегорье в Рипейских горах, на востоке, — ответил тот. — Помоги!

— Едем непременно, — заверил Перун. — Вот встанешь — и полетим! Ящер нас в несколько дней домчит, а тем временем ты подлечишься!

Обрадованный тем, что брат не отказывает в помощи, Стривер осторожно сел.

— Я готов, — объявил он, протягивая руку Перуну. Из глаз Дивы брызнули слезы.

— Ты холодный и равнодушный! — выкрикнула она в лицо Перуну, — Ты ничего не хочешь знать, кроме своей войны! Ты ничего не замечаешь!

Она зажала себе рот руками и бросилась вон. Жива и Лада направились за нею.

Младшие Сварожичи вопросительно переглянулись, но Перун развеял их сомнения, снова напомнив о предстоящем пути. Заставив себя забыть о свежих, еще не подживших ссадинах, Стривер горячо заговорил о том, что случилось с ним на юге.

Маявшийся подле Смаргл (так хотелось броситься утешать Диву, и не было сил оставить братьев!) наконец подошел ближе.

— Я хочу поехать с вами, — сказал он. — Я могу пригодиться!

Перун, присевший рядом со Стривером, поднял на него глаза.

— Конечно, — сказал он.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Всего один день миновал, как изгнала княгиня Синегорка с глаз долой того витязя с севера, с которым вместе пришла в ее дом беда. Дружина уже была собрана, обозы готовы, назначен и сам день похода, как вдруг выяснилось, что это еще полбеды. Настоящая беда была еще впереди.

Они появились внезапно — как налетает в солнечный день ураган, неожиданно — как снег в конце весны, и необоримо — как собираются грозовые тучи. Еще вчера до окоема все небо было чисто и лишь солнце садилось за облака, предвещая ненастный день, а наутро побежали сторожа со стен будить княгиню и ее ближников, поднимать их тревожной вестью. За ночь, откуда ни возмись, под стенами города появилась целая орда.

Встревоженная Синегорка с Радой и ближниками спешно поднялась на стену. Весь склон до рощи и реки усеивали войска. За повозками, табунами и кострами не было видно земли, а где она виднелась — то лишь уже вытоптанная дочерна. Словно мураши, суетились люди, скакали всадники. Дым костров сливался в одну серую, едко пахнущую пелену, что затягивала все вокруг. Ветер с трудом ворочал тяжелые клубы и тащил их в сторону городских стен, обдавая людей смрадом и гарью и мешая дышать. Земля мелко дрожала от топота многих тысяч ног. Приходилось кричать, чтобы что-то расслышать в шуме и гаме. Вдали, у рощи, все сливалось в дыму, и казалось, что несметные полчища вырастают прямо из земли.

Сжав кулаки, Синегорка с бессильной яростью смотрела на орду.

— И откуда они взялись? — прошептала она.

Рада, обычно скорая в таком деле на речи, на сей раз помалкивала — она понимала, что одолеть такую силу они не смогут.

Воительница сощурила глаза — зрение у нее было орлиное и наметанное.

— Стяги неизвестные, — наконец протянула она. — Из земель южных, должно, — я тамошних народов не знаю.

— Откуда сила такая взялась? — повторила княгиня. — Змей, Мера, а тут еще и это...

Все молчали — понимали, что это уж слишком.

— Авось боги что присоветуют, — наконец подал голос кто-то, усердно прячущийся за чужие спины.

Синегорка даже не обернулась на говорившего.

— Что тут присоветуешь, — тихо прошептала она.

— По крайности, умрем с честью, как воины, — молвил пятнадцатилетний княжич.

Рада зло пихнула брата локтем, чтоб замолчал. Наконец Синегорка подняла голову.

— Зовите жрецов, — приказала устало. — Что им боги молвят, то и сделаем: сражаться — мечи, сдаваться — ключи...

Не прибавив более ни слова, она повернулась и пошла со стены. За нею потянулись остальные. Только Рада задержалась, еще раз оглядывая скопившуюся под стенами силу — словно черное людское море лениво билось у стен. Но дай ему знак — и оно погребет под разбушевавшимися волнами город и всех его жителей.

* * *

Разрешилось все в полдень, когда жрецы в капище спешно резали жертвенный скот и готовились кинуть жребий о человеческой жертве. Вражий стан пришел в движение — люди подтягивались, тушили костры, откатывали в сторону повозки. Всадники садились в седла, пешие нацеливали луки. По знакам строились тысячи, готовые скакать на приступ — уже в задних рядах суетились, подносили лестницы.

В городе ударили в било. Сборные дружины, приведенные за стены, бросились разбирать оружие, горожане забегали — кто лез в подполье прятаться, кто спешил на подмогу. Князь кмети тоже кинулись к воротам. Рада сорвалась с места, готовая хоть сразу в сечу — даже ее меньший брат не отставал.

В один миг город приготовился к бою, но все разрешилось намного проще. Под прикрытием орды к воротам подъехало человек десять, высоко поднимая на копьях бунчуки и стяги с изображением диковинных чудовищ.

Вперед вырвался парень с безусым еще лицом, завертелся под стеной на горячем поджаром скакуне. Люди, свесившись вниз, с настороженным любопытством разглядывали его расцвеченный пестрыми красками наряд и темное, на жарком солнце загоревшее лицо.

— Эй! — закричал он на знакомом языке удивительно чисто. — Мы хотим говорить с вашим князем! И немедленно!.. Ему лучше не отказываться от беседы!

— А кто вы такие? — прокричали сверху. Парень оскалился, горяча коня.

— То послы скажут лишь вашему князю! — нахально огрызнулся он. — И поторопитесь — иначе мы пойдем на приступ и все равно поговорим с князем, но тогда уже иначе!

Рада стояла в задних рядах — воеводы не пустили княжну-воительницу вперед: а ну как кто снизу ее приметит и стрелкам укажет? Рада с дружиной до самого Срединного моря доходила, о ней слава еще дальше прошла. Сейчас воительница тянула шею, стараясь из-за плеч вятших³ мужей разглядеть послов.

³ Лучших.

Услыхав про дело княжеское, те сами повернулись к ней, глазами спрашивая совета.

— Что ж, — молвила Рада, сдвинув брови. — Они сами того захотели... Велите обождать — я матушке скажу, а там — как она порешит!

Прихватив за локоть брата, Рада покинула стену. За ее спиной послам закричали, чтоб те ждали решения.

* * *

Синегорка не долго раздумывала — раз есть послы, знать, еще можно решить дело миром, спасти людей от гибели, а град — от огня. Придется, наверное, платить дань — а что иначе делать?

Послов упредили, чтоб входили одни, без охраны и поодиночке. За каждым зорко наблюдали десятки глаз, и еще сотни не спускали взглядов с оставшихся врагов — не замыслил ли кто предательства. Не дав послам осмотреться, ни словом перемолвиться, их окружили плотной толпой и повели в княжий терем.

Принимала их сама Синегорка, спешно сменившая наряд на расшитый цветной нитью наверхник и снежно-белый убрус. Прямая, строгая, с холодным красивым лицом, она замерла на стуле с резной спинкой, глядя прямо перед собой и чуть сведя на переносье брови. Она была еще красива, и сейчас это было видно особенно ясно.

Рада замерла подле нее — в доспехах и при оружии. Девушку в ней выдавали только черты лица и коса на груди. Обнажив меч, она опиралась на него. Ее брат отошел к младшим отрокам — чтоб в случае чего остаться неузнанным.

Послы вошли скорым чеканным шагом — лица большинства говорили о том, что то были люди с близких к Синегорью земель, но черные одежды явно были чужие. Подойдя, они разом поклонились княгине.

— Приветствуем тебя, — заговорил один из них, шагнув вперед. — Или князь твой занемог, что ты сама решила нас принять?

Рада было дернулась при этих словах, но Синегорка шевельнула пальцем — и дочь ее замерла как истукан.

— Говорите со мной или идите своей дорогой, — ледяным тоном отмолвила княгиня. — Я сама могу принять решение. Чего бы от меня ни потребовалось!

— Всегда приятно говорить с разумной женщиной, — кивнул посол. — Слушай же, княгиня! Послал нас господин наш, Черный Змей. Собирает он силу великую — то, что видишь ты под стенами, лишь первые отряды и далеко не лучшие. Мы можем всю землю огню и мечу предать, и от твоего града, пойдя мы на рассвете в бой, к полудню одни головешки останутся... Но Змей не желает напрасной крови, более того — он готов заключить вечный мир и породниться с тобой, княгиня синегорская. Есть у тебя дочь, Мера. — На этом месте посол остановился, но все вокруг и так слушали его затаив дыхание. — Увидел ее как-то Змей, влюбился без памяти и пожелал женой своей сделать...

Рада скрипнула зубами, белыми пальцами стискивая рукоять меча. Так бы и всадила послу в живот!.. А тот продолжал:

— Невеста уж и согласие дала, да есть у нее условие — должна прибыть на свадьбу ее сестра, красавица Рада. Коли выдашь господину нашему дочь свою, княгиня, вся сила отступит от города, а воспротивишься — дочь твоя убита будет, а княжество разорено!..

Синегорка невольно вскинула глаза на дочь. Рада стояла ни жива ни мертва, только закусила губу. Почувствовав, что на нее выжидательно смотрят все, даже послы, воительница очнулась и выговорила:

— Коль обо мне идет речь, мне и ответ держать... Я из воли матери не выйду — что прикажет она, все исполню, а только и у меня условие есть: коль верно все, что вы говорите, дайте мне и матери моей срок подумать.

Синегорка посмотрела на дочь — та еле заметно кивнула.

Посол прижал руки к сердцу:

— Сожалею, княжна, но срок дать мы можем лишь до вечера — жених ждать не хочет!

— Хорошо. — Княгиня выпрямилась. — Ждите слова нашего. Мы позже ответ дадим!

Послы повернулись и вышли. Вслед за ними поспешили приведшие их воины, а потом и остальные. Не прошло и минуты, как в горнице остались лишь Синегорка, Рада и маявшийся у двери княжич.

Княжна-воительница с досадой грохнула меч об пол и припала на колени перед матерью. Та откинулась назад, жмуря глаза. Рада взяла ее безвольную руку и прижалась к ней лицом, заставив Синегорку содрогнуться.

— Ты идешь? — срывающимся голосом прошептала она.

— Видно, нет мне иного пути, — глухо ответила Рада. — Не верю я, что Мера добром за Змея идет!

— Тогда что ж?

— Не пойду — град пожжет, людей побьет и сестры не пощадит. А пойду — и себя, и сестру от бесчестья избавлю!

— На смерть идешь! — ахнула Синегорка.

— А все одно — смерть, — отмахнулась Рада. — Вели-ка воротить послов и скажи — пусть орду от града уведят, а мне покамест приготовиться надобно! — Она встала с колен, одергивая рубашку и кольчугу.

— На кого ж бросаешь? — глухо вскрикнула княгиня.

— Вон, — Рада кивнула на брата, — не младенец он — князь будущий... Да мужи у тебя мудрые — не покинут небось!

Она обняла мать, которая не могла даже поднять рук, и вышла, забыв меч на полу.

Княжич, не отходивший от двери, осторожно приблизился и поднял меч сестры. Синегорка отрешенно глянула сквозь него, но постепенно взор ее просветлел, и она приказала:

— Послов покличь, сын!

* * *

На следующее утро опять выполз откуда-то густой туман. Еще с вечера он залил долину реки и низины, к полуночи подступил к самым стенам и только с первыми лучами солнца начал не спеша откатываться назад, словно волны в отлив. Люди на стенах следили за ним затаив дыхание — а ну как обманут пришельцы, не уберут своей силы от града? Сквозь туман глухо раздавались топот и ржание коней, скрип повозок и мычание тяглового скота, крики людей. Какие-то тени непрерывной волной двигались прочь, и люди успокоенно вздыхали — все вершилось без обмана.

Но в тумане можно было заметить, что от города уходила совсем небольшая группа — всего около двух сотен всадников, среди которых находился и сам Змей, и несколько повозок. Опытный искусник и чародей, он с легкостью отвел глаза целому городу, создав орду захватчиков из ничего. Переходя вброд реку, его воины таяли, как дым, растворяясь в воздухе, и после переправы путь продолжила всего лишь одна сотня всадников — другая, по уговору с княгиней, осталась на том берегу, поджидая Раду.

Город же, проводив врага, погрузился в печаль — девушке дали всего три дня, дабы прилично подготовить ее к прощанию: все были убеждены, что назад она не вернется.

* * *

Рада уже оплакала свою косу и свое девство, как любая девушка, на которую пал жребий быть принесенной в жертву богам. Эти дни она провела с девушками — настоящих подруг у нее не было. Ей так хотелось хоть ненадолго сбежать к княжеским кметям и последний раз побыть с ними, но за нею зорко следили, не сводя глаз.

Последний день она постилась, запертая ото всех в темной келье без окон на задах

капища. Обхватив колени руками, девушка не сомкнула глаз всю ночь, ожидая рассвета. Она была совершенно нагая, если не считать накидки на плечах и пояса воина, надетого на голое тело — с ним Рада не согласилась бы расстаться, даже если ее попросят об этом сами боги. За пояс девушка заткнула длинный, чуть не в две ладони, нож — он еще пригодится ей, когда она увидит наконец сестру. Всего два удара — в нее и в себя — и все будет кончено.

Сквозь щели в стенах проник свет серого раннего утра, когда за нею пришли. Два жреца встали на пороге, а к ней вошли их молодые помощники. Перед глазами вскочившей на ноги Рады развернулась грубоотканая рубаха из некрашеного полотна с глубоким вырезом на груди. Только по вороту шла вышивка. Взглянув на нее, Рада все поняла и молча протянула руки.

Жрецы помогли ей одеться и отступили прочь, нарочито не приглашая следовать за собой. Девушка вышла из клетки и, окруженная жрецами, пошла к центру капища.

Дорогой на нее не обращали внимания — Рада надела смертную рубаху, в которой жертве ходить недолго, всего лишь до того мига, когда на плоском камне ей перережут горло. Кровью потом напитают жадных до жертв богов, а тело сожгут на священном огне.

Капище было готово еще со вчерашнего дня. Не только жрецы, посвященные в тайны и имеющие право приносить кровавые жертвы, но и младшие их помощники, и кошуны, и бахари — все собрались здесь. Широкие тесовые ворота ради скорбного праздника были распахнуты, дабы любой мог войти, и на пороге уже теснилась толпа. В числе прочих Рада углядела кое-кого из кметей, мелькнуло лицо брата. Он не показывался на глаза, но Рада все равно улыбнулась ему на прощанье.

Девушку оставили в центре капища, где находился плоский жертвенный камень с ложбинкой для стока крови — уже были подставлены священные чары, чтобы собирать ее. Слева уже возвышалась готовая к сожжению крада⁴, подле нее стояли отроки с факелами. А над самой девушкой купно стояли высеченные из дерева боги — сам творец мира Род, слева — его жена и дочь Рожаницы, справа — сын, покровитель и отец воинов с мечом и конем. По бокам и чуть позади теснились остальные боги — внуки, слуги, помощники. Нахмуренные брови Рода смотрели гневно и отрешенно, и Рада невольно содрогнулась, представив, как нож взрежет ей горло. Неужто мать на свой страх и риск переменила слово или жрецы решили поступить по-своему?

Она продолжала терзаться этими мыслями и не заметила начала обряда. Рада словно стояла одна посреди чистого поля, голоса и шум долетали до нее приглушенно, как во сне.

Девушка очнулась лишь в тот миг, когда рядом послышались окрики и мычание. Она глянула мимо, лишь постепенно понимая, в чем дело. К жертвеннику подогнали двух бычков, белого и черного, украшенных лентами и цветами. Привычно ловко их повалили, спутав ноги, и подняли на камень одного за другим. Воззвав к богам принять жертвы, жрец перерезал горло первому и подождал, пока кровь не стечет в чаши, а бычок не перестанет биться. Тогда тушу прямо на камне разрубили на части, и настала очередь второго.

Окровавленные части обеих туш потащили к краде готовить к сожжению, и Рада немного успокоилась — во всяком случае, этот огонь предназначался для нее. Она даже с интересом наблюдала, как жрец мажет богам свежей кровью губы, как поджигают краду под молитвы и пение и как потом к ней самой подходят жрецы.

Невнятно бормоча заговоры, старший жрец окропил лоб, лицо и руки девушки теплой дымящейся кровью. Несколько капель при этом попало ей на рубаху и волосы. Рада воспринимала его действия со спокойствием одурманенной — ее тоже приносили в жертву, а жертвы ничего не чувствуют и ничего не замечают. И она даже сама пошла к краде, над которой клубился черный дым.

Плакальщицы голосили, как на похоронах, царапая себе лица и оседая на землю. Едкий дым окутывал девушку, стоящую так близко, что случайному прохожему могло показаться

⁴ Жертвенник.

— она сейчас прыгнет в пламя. От дыма у нее кружилась голова и хотелось спать. Рада еще не понимала, что все нарочно, но уже ничего не чувствовала.

Она смутно помнила, как потом, когда крада прогорела и начала оседать, ее отвели к идолам богов, присыпали землею в знак перерождения и потом трижды окатили водой, что должна была смыть с нее все прошлое. Обычно этот обряд растягивали на три дня, но обстоятельства требовали спешки.

Волосы Рады еще не успели просохнуть, когда появились девушки и стали ее обрядить, как одевают невесту перед свадьбой — или перед праздничным принесением в жертву, когда невесту водяного топят в реке или море. Все было как всегда в таких случаях — только невеста так и не рассталась с военным поясом, полученным при посвящении, и длинным ножом.

Всадники уже ждали ее у ворот, что в знак беды были распахнуты настежь. Они держали мечи наготове и зло косились по сторонам — не пришлось бы в голову кому-нибудь пустить стрелу.

До ворот Раду провожали почти все, кто собрался на капище, да те, кто пристал по дороге. В гуле голосов, оплакивавших ее судьбу, Раде показалось, что она различает плач и причитания матери — княгиня вполне могла, как любая мать, затеряться в толпе, прощаясь с дочерью. Но измотанная обрядом и еще не отошедшая от дурмана жертвенного дыма, Рада даже не подумала обернуться. Взгляд ее остановился на сизых даях. Молча, двигаясь как больная, она села на коня и позволила охране увезти себя.

* * *

Синегорка и в самом деле смешалась с толпой и издалека видела все, что происходило с дочерью. На капище, пред ликами грозных богов, она боялась даже стонать, кусая себе руку, но по дороге к воротам, где некоторые матери всхлипывали, оплакивая участь обеих княжон и оставшуюся без дочерей княгиню, где на глаза ей попало несколько кметей, ходивших с Радой в походы, схоронивших многих друзей и не раз смотревших в лицо смерти — сейчас они отводили глаза, порой утирая их рукавами — она не выдержала. Когда Рада и провожавшие ее жрецы вышли за ворота, чтобы передать девушку всадникам Черного Змея, княгиня закричала в голос.

Стоявшие подле подхватили ее, когда Синегорка стала оседать на землю, словно в приступе падучей. Она забилась на державших ее руках, заголосила, схватившись за голову. Ее признал кто-то из княжеских слуг, и несколько человек чуть не волоком повели княгиню назад, в терем.

Вскоре туда же прибежал юный княжич — он пробрался за ворота, провожая сестру, но его вернули. Синегорка билась и рыдала как безумная, пока на нее лили воду и бегали за знахарями. Примчавшиеся на зов ведуны еле утомили княгиню, окурили ее сушеной одолень-травой пополам с плакуном и дурманом. Смирённая их чарами, княгиня провалилась в тяжкий обморочный сон. Все в один голос твердили, что Синегорка обмерла и надо готовиться к ее кончине, но на следующее утро она очнулась и объявила траур по обеим дочерям — говорила, будто ей привиделось, что обе они навсегда потеряны для нее.

За один-единственный день Синегорка изменилась так, словно миновало лет десять. Лицо ее осунулось, чело избородили морщины, глаза и губы поблекли, в косе яснее проступила седина. Она преисполнилась уверенности, что доживет только до осени.

Вслед за княгиней в печаль и скорбь погрузился весь город — не успели справить тризну по двум княжнам, как скоро настанет пора провожать в подземный мир и княгиню. Знахари и ведуны толпились у княжеского крыльца, перед идолами денно и ночью горели костры — молился и плакал весь город и не все узнали о явлении новых гостей.

Ящера никто не видел и не подозревал о его существовании — огромный крылатый зверь не долетел до стен города и даже рощи под горой. Стривер отлично знал все вокруг и указал на долину реки чуть в стороне. Там Сварожичи наконец ступили на землю — и вскоре

три всадника на одинаковых бурых конях с черными гривами птицами вылетели из долины.

Случайно видевшие их люди долго не верили своим глазам — три жеребца летели, почти не касаясь земли, а если и касались, то все вокруг содрогалось и с деревьев падали листья. По одинаковым коням и всадники казались близнецами, тем более что у всех троих были решительные лица.

На склоне, откуда была видна почти вся гора, река с притоками, роща, пашни и несколько небольших селений-вотчин, стоял град, окруженный посадами. По склону к нему вело с разных сторон четыре дороги. Весь склон был изрыт копытами лошадей, колесами повозок и покрыт пятнами костров, но сам град стоял целехонек.

Оглядев следы странной осады, понаторевший в таких делах Перун молвил всего одно слово, кивнув на град:

— Этот?

— Он самый, — тихо вымолвил Стривер, озирая холм. Он не верил своим глазам.

— Что тут было? — спросил Смаргл.

— Сейчас узнаем, — обронил Перун, направляя коня напрямик к городской стене.

Четыре дороги под стенами сходились в две — по числу ворот, открывающихся в две стороны. До ближних было саженой десять, но Перун не захотел свернуть.

Увидев трех всадников, что во весь опор неслись к стене, с заборол закричали, замахали руками, но странные гости не обратили никакого внимания на стражу. Три жеребца одновременно толкнулись в землю, взрыв ее почти на аршин, и взвились в воздух, как три птицы. Распластавшись, они перелетели не только стену, но попавшуюся угловую сторожевую башню и тяжело опустились на доски мостовой-настила. Полетели в стороны обломки и щепки, когда мостовая затрещала, ломаясь. Жеребцы увязли чуть не по бабки, но седоки не дрогнули на седлах.

— Ну, — Перун кивнул Стриверу, — веди к княгине!

Тот вздрогнул, сжимая кулаки, и махнул рукой вперед.

Княжеские палаты находились в самом центре городища, на небольшом возвышении. Широкая улица разрезала град на две части, идя от ворот к терему, который тоже имел стены, сторожевые башни и стражу на забороллах и так же был окружен рвом. Три терема, сад, дружинные избы кметей и конюшни, избы слуг и холопов, ключни и кладовые — это был настоящий град в граде.

Три бурых жеребца неслись в указанном Стривером направлении, перемахивая палаты, гридницы, лавки торговых людей и ремесленников, избы посадских и сады при домах.

В городе началась паника — люди метались по улицам, прячась, кто мог, в подполах или разбегаясь в стороны. Страхи некоторых были обоснованны — порой тяжелое копыто опускалось не на двор, а на крышу, и тогда во все стороны летели обломки, клочья соломы, а угол проседал, разметанный конем.

Всадников заметили со стен. Кмети похватили оружие, бросились затворять ворота, всадникам закричали, приказывая остановиться и не творить бесчинств, но Стривер по дороге успел рассказать братьям, как его взашей выгнали из города, и Смаргл, а тем более вспыльчивый Перун не собирались подчиняться. Не обращая внимания на людей, все трое подхлестнули лошадей — и три жеребца мелькнули над головами людей, приземлившись уже на дворе.

Не дожидаясь, пока осядет пыль, братья спешили и, бросив лошадей, решительно направились в палаты.

Здесь дорогу преградили им княжеские гридни, выскочившие на шум из дверей. В руках их оказались мечи и щиты, но Перун, разогнавшись, уже не мог остановиться. Скачка по городу распалила его. Прокладывая братьям путь, он лишь выставил вперед плечо и с маху врезался в строй. Щиты разлетелись в стороны. Державших их воинов он небрежными взмахами рук раскидал, освободив путь. Тех, кто стоял по бокам и мог заступить дорогу, оттолкнули Смаргл и Стривер, и трое Сварожичей вломились в терем. Перун по-прежнему шел впереди, громко требуя, чтобы его немедленно проводили к княгине.

Перед нежеланным гостем пробовали запира́ть двери, но он просто высаживал их, даже не удосуживаясь складывать кулак — одними ладонями. Идущие вслед за ним молодцы тоже были настроены решительно, и с ними предпочитали не спорить.

Сварожичи ворвались так стремительно, что Синегорку не успели предупредить. Она только ахнула, приподнимаясь со стула, когда гости вошли в светлицу. Окружавшие ее сеньные девушки и боярыни брызнули во все стороны, а гридни у дверей лишь беспомощно развели руками.

Стривер с первого взгляда узнал княгиню, хотя та и переменилась со дня отъезда Рады. Сейчас она казалась старухой, и только глаза ее блеснули прежним огнем, когда она увидела Стривера за плечом Перуна.

Тот, догадавшись по лицу княгини, что она его узнала, еле успел одернуть брата.

Уловив знак, Перун на ходу отвесил короткий поклон сидящей у окна женщине и, подойдя, сразу заговорил о главном.

— Проведал я, — сказал он, — что за беда у тебя приключилась, княгиня, — Черный Змей житья не дает. Города жжет, людей в полон берет, твой род — и то обидел...

Вспомнив при этих словах о дочерях, Синегорка отвернулась к окну, закусив губу, чтобы не разрыдаться при чужаках. Последние дни она только плакала или сидела, отрешенно глядя вдаль.

Улучив момент, Стривер выступил из-за спины брата.

— Уж прости, княгиня-матушка, — заговорил он, — но не мог я мимо горя твоего пройти. Не только твоя — это и моя печаль... Утешься и не плачь — один я не смогу, а с братьями точно привезем мы тебе дочь любимую, а там...

Синегорка резко повернулась к нему, сжимая побелевшими пальцами ручки стула.

— Ты, — прошептала она, закусывая губы, — все ты!.. Что ты натворил!.. А теперь у тебя хватает смелости являться после того, как тебя взашей вытолкали?.. Да я тебя казнить в тот день могла лютой смертью, как чуженина!.. А ты...

Она не договорила — Перун и Смаргл, не сговариваясь, одновременно шагнули вперед, заслоня брата от пылающей гневом Синегорки. Перун положил руку на меч.

— Ты здесь хозяйка, — прогудел он угрожающе, — а мы лишь гости и чужаки. Ты имеешь все права, ты можешь нам приказать, и мы должны повиноваться тебе, но я никому не позволю чернить моего единокровного брата. Будь ты мужчина и воин, я бы не посмотрел на то, что я гость, но ты женщина и мать. Горе помutilo твой разум, но ты должна понять, что виновна перед нами.

Синегорка возмутилась было и собиралась кликнуть стражу, но взглянула на кулаки Перуна, на широкие плечи его и спутников и поняла, что она больше положит народу, пытаясь задержать строптивых гостей. А потому она только сжала кулаки, белея от душившего ее гнева.

Положение спас Стривер, снова выступив вперед.

— Прости княгиня-матушка, — быстро заговорил он, — брат не со зла, а от досады. Ему известно, как ты со мною обошлась. Моей вины в том, что случилось с Мерой, нет, а коли есть, то готов искупить ее — и братья мои в том мне порука и подмога. Ты же благослови нас на бой с твоим обидчиком, а заодно... Заодно обещай мне руку твоей дочери, княжны Меры, что отдашь ты мне ее в жены, когда спасу ее и приведу назад целой и невредимой!

Он говорил горячо и вдохновенно, Перун и Смаргл согласно молчали, и это тронуло Синегорку сильнее всего. Она уронила голову на грудь и сдержанно зарыдала, стесняясь своих слез.

Озадаченный ее слезами, Стривер замолчал.

— Что с тобой, матушка? — удивленно спросил он.

— Ты... ты, — еле выговорила Синегорка. — Теперь уже поздно!

Сварожичи переглянулись.

— Она за Змея замуж выходит, — выдавила княгиня и, прерывая речь рыданиями,

рассказала об осаде города и об условии, которое поставил Змей.

— Раду уже третий день как увезли, — молвила она под конец. — Сейчас, верно, она уже там... Вы опоздали — и явились только для того, чтобы напомнить мне о моем горе...

Перун топнул ногой:

— Где это?

— В первый раз видели его у Козьего перевала, в восточной стороне.

— Верхами до него сколько?

— Как раз три дня, коль спешить...

— Верно, они не доехали, — молвил Перун. — А значит, мы успеем... Жди нас с дочерьми, княгиня!

Он махнул рукой братьям и первым ринулся к выходу так же стремительно, как и вошел. Княгиня посмотрела им вслед.

— Постой, — вдруг вымолвила она.

Уходивший последним Стривер остановился на пороге, готовно обернувшись.

— Если исполнишь, что задумал, — прошептала Синегорка, — тогда поговорим... о сватах...

Она отвернулась, чтобы скрыть волнение, и Стривер бегом догнал братьев.

Пока Сварожичи говорили с княгиней, к их оставленным без присмотра коням никто не решался подойти — встав плечо к плечу, те выкатывали налитые кровью глаза, лязгали зубами, как голодные волки, и ревели от ярости. Сварожичи вскочили им на спины, задержавшись только для того, чтобы вызнать, в какой стороне Козий перевал — и исчезли тем же путем, что и приехали.

* * *

Козий перевал встретил Раду темнотой и безмолвием. Окруженная чужими молчаливыми всадниками, над которыми, даже она чувствовала, витали чары, воительница испытывала страх и неуверенность. Она не боялась за себя, но понимала — исполнить то, что задумала, будет почти невозможно.

День еще не кончился, а в ущелье, из которого начинался Козий перевал, уже спустилась ночная тьма. Факелы в руках ее стражей бросали зловещие тени на скалы, казавшиеся толпой пробужденных чудовищ. В прошлом Рада не боялась видений, но сейчас страхи обступили ее со всех сторон, и она молча молилась богам, чтобы послали ей твердость духа и удачу.

Козий перевал вставал на фоне темного леса черной стеной. Когда всадники подъехали ближе, на его склоне замерцали огни и послышался искаженный эхом шум — навстречу всадникам двигались еще люди. Рада поняла, что пропала. Она нашарила под рубахой нож, готовая выставить его.

Но ничего не случилось. Без приключений отряд с пленницей поднялся к заставе, которую по весне разгромил Змей, миновали ее и стали спускаться в ущелье. Рада, заглянув с высоты в темноту, поняла, что это ее последний день на свободе, а может, и в жизни.

И тут сзади послышался свист рассекаемого воздуха, словно огромная птица или крылатая змея камнем падала из-за облаков. Всадники сразу оглянулись и застыли на месте, увидев троих витязей на одинаковых бурых конях, что появились действительно с небес. Припав к гривам распластавшихся в полете жеребцов, витязи вскинули мечи, с которых сыпались искры. Падая, они поджигали все, чего касались, и в рядах всадников началась паника прежде, чем витязи налетели на них, рубя плеча.

Началась жестокая сеча — незнакомцы не щадили ни людей, ни лошадей и безжалостно добивали раненых. Быстро сообразив, что пощады не будет, большинство всадников бросилось удирать. На склоне среди камней была всего одна или две подходящие тропы, и там возникла давка. Чья-то лошадь споткнулась на осыпи и рухнула с седоком, увлекая за собой еще нескольких. Образовался затор, и всадникам поневоле пришлось снова

принять бой.

О Раде все забыли. Девушка припала к шее коня, все силы прилагая только на то, чтобы удержать его на месте. В полутьме, разрываемой вспышками молний от мечей незнакомых витязей, ее белая рубашка виднелась издалека. Несколько всадников из числа слуг Змея прорвались к ней, но молнии достали двоих из них. Падая с седел, они выронили оружие. Раде удалось завладеть одним мечом, и она сама вступила в схватку. Ощувив в руке привычную тяжесть, она обрела уверенность и остановилась только тогда, когда занесенный для удара меч встретил пустоту.

Девушка выпрямилась в седле. Все произошло так быстро, что она не успела ничего понять и только озиралась.

Кругом валялись трупы людей и лошадей — большинство оказались спаленными. Где-то далеко еле слышно стучали копыта — удирали остатки отряда. Единственными живыми существами, кроме самой Рады, были те трое витязей. Они еще держали мечи обнаженными, и их лезвия светились как факелы.

Витязи подъехали к Раде. Один из них оказался Стривером — девушка узнала его и успокоилась.

— Мы приехали, чтобы спасти тебя и твою сестру, — сказал Стривер. — Ты в безопасности, княжна!

Он склонил голову в знак почтения, и Рада на него не рассердилась.

— Это твои друзья? — Она с интересом посмотрела на двух других витязей.

— То мои братья. — Стривер поспешил представить их. Перун и Смаргл подъехали ближе. Старший улыбался — ему понравилось, как сражалась девушка, но он вдруг показался Раде очень старым. Вот меньший из трех братьев — другое дело. Надев привычную одежду, Рада почувствовала себя женщиной. Она улыбнулась обоим витязям, но тут же выбросила из головы все лишние мысли.

— Моя сестра! — воскликнула она. — Мы должны торопиться.

Стривер тут же натянул повод, разворачивая коня.

— Да-да, скорее...

Но Перун не тронулся с места, протянув руку с мечом в долину.

— Поздно, — сказал он.

Все обернулись и увидели, что навстречу поднимается бесформенная темная масса. Это был Черный Змей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Уцелевшие воины донесли господину о том, что произошло на перевале, и он поспешил в бой. Издалека он увидел четверых всадников со светящимися мечами, и внутри у него зашевелился страх — а вдруг среди них Сварожич? Во всяком случае, этого противного Ящера поблизости не было, и, стремясь поскорее разделаться с противниками, Змей кинулся в атаку.

Молния расколола небо и ударила в камни. Кони еле успели шарахнуться в стороны — склон ожил и рухнул вниз, увлекая за собой тела павших. Те из них, на кого попало пламя, сгорели вмиг. Вслед за первым на всадников обрушился град ударов. Камни взлетали вверх, поднялась стена дыма и пыли, земля осыпалась. Змей кружил на одном месте, поливая из пасти огнем те места, где в дыму виделось движение.

Испугавшись первых ударов, конь под Радой завизжал, вставая на дыбы. Только привычка помешала девушке вывалиться из седла, но она наверняка упала бы, если бы не Стривер и Смаргл, что, вынырнув из облаков дыма и пыли, подхватили ее коня под уздцы. Наклонившись к залитым кровью глазам коня, Смаргл что-то зашептал ему, и тот стих. — Уходим! — Стривер потянул повод на себя.

— А как же Мера? — запротестовала девушка. — Трус! Ты не мужчина!

Смаргл взял ее за руку.

— Доверься нам! — мягко сказал он. — Без твоей сестры нам пути назад нет, но главное сейчас не это!

Они потянули всадницу за собой, и она сквозь дым и пыль увидела разъяренного Змея. Встав на стременах и держа меч двумя руками, Перун отбивался от него, прикрывая остальных. Поглощенный боем, Змей не замечал ничего.

Три всадника помчались прочь, стремясь укрыться с другой стороны перевала. Вскоре вокруг них начали рушиться скалы, а еще через несколько мгновений их нагнал Перун. Змей реял над беглецами черным облаком. Обернувшись на скалу, Перун взмахнул мечом — молния ударила в самую середину туши, и Змей закувыркался в воздухе. Но почти тут же выровнялся — и шквал огня, плотный как ливень, обрушился на головы беглецов.

Запахло паленым, и в тот же миг лошадь Рады одним движением сбросила с себя девушку и ринулась прочь, но огонь настиг ее и превратил в живой факел.

Никогда не видевшая ничего подобного Рада завизжала и непременно потеряла бы голову от страха и погибла следом, но тут две сильные руки легко подняли ее. Девушка оказалась в объятьях Смаргла, посадившего ее к себе в седло.

Бросив мечи, Сварожичи все троем вскинули руки ладонями вверх — даже Смаргл, на мгновение отпустив девушку. Рада вцепилась ему в плечи и расширенными глазами следила за своими спасителями.

Они не говорили ничего, не делали загадочных движений, но пламя не попадало на всадников, отклоняясь в стороны. Только невыносимый жар окутывал их — удушливый, как четвертый пар в бане.

У Рады закружилась голова, горячий пот тек по лицу и телу, сердце бешено колотилось. Почти теряя сознание, она прикинула к плечу Смаргла, и рука его дрогнула. Пламя прорвало невидимую преграду и обрушилось бы на людей, если бы в самый последний миг его не отвел меч Перуна. Он оттянул гибель, но ненадолго.

— Смотрите, что там! — вдруг воскликнул Смаргл. Сквозь пламя и дым ему почудилось в стене ущелья на высоте трех-четырех саженей над их головами неприметное отверстие, похожее на вход в пещеру.

Надо было во что бы то ни стало выбираться отсюда, и никто не стал раздумывать. Как неживую перебросив Раду в седло Стриверу, Смаргл первым ринулся в стену огня.

Пламя охватило его вместе с конем. Рада завизжала, пряча лицо на груди Стривера, но Смаргл успел укротить огонь прежде, чем тот смог причинить ему вред. Около него образовалось пустое пространство, в которое тут же скакнул жеребец Стривера, а за ним — и Перуна.

Три всадника во весь опор поскакали к пещере. Змей, сообразив наконец, что огонь им не страшен, прекратил изрыгать пламя и взлетел повыше, но зато на головы людей и лошадей посыпались камни. Свергаясь с горы, они породили настоящую лавину, которая погребла бы всадников под собой, если бы они не успели укрыться в пещере.

Ход был до того узок, что въезжать пришлось по одному, наклоняя голову почти к самой шее коня. Пропустив Стривера с девушкой вперед, Смаргл и Перун чуть придержали жеребцов. Переглянувшись, они одновременно вскинули руки — и багровое сияние, встав стеной, закрыло вход. В тот же миг камни обрушились на него, отрезав беглецов от внешнего мира.

Змей долго не мог понять, что произошло. Но наконец до него дошло, что он натворил, и он опустился на изуродованный склон и принялся быстро разгребать завал.

* * *

Внутри пещеры стояли тьма и тишина, нарушаемые только дыханием людей и лошадей да постепенно стихающим эхом обвала. Тускло мерцало острие меча в руке Перуна, при его свете можно было рассмотреть лишь рядом стоящего.

Рада все еще прижималась к Стриверу, но глаза ее уже горели прежним огнем

воительницы. Само ее присутствие напоминало тому о необходимости действовать.

— Что будем делать? — заговорил Стривер.

— Идти вперед, — Перун взмахнул мечом, и огонек на нем засиял ярче, разбрасывая искры.

Смаргл тут же полез в — седельную сумку, доставая готовые факелы — обмотанные просмоленной и промасленной паклей палки. Две он зажег от меча и шагнул вперед, осматриваясь.

Беглецы находились в просторной пещере. У дальней стены возвышалась бесформенной грудой темная, смутно знакомая масса, но дальше все терялось во мраке. Оставив один факел братьям, Смаргл пошел дальше.

В это время позади послышался скрежет когтей — кто-то резкими сильными движениями отбрасывал камни, расчищая путь.

— Змей, — прошептали одновременно все четверо. Соскочив с коня, Перун первым бросился к завалу, прислушиваясь. Змей работал истово и сосредоточенно.

До цели ему было еще далеко, но никто из беглецов не сомневался, что рано или поздно он до них доберется.

Некоторое время все молчали, переглядываясь. Сварожичи понимали друг друга — в этом Рада была уверена. Она догадывалась также, что сейчас они слышат мысли друг друга — как иначе можно было истолковать их взгляды?

— Эй! — вдруг крикнул Перун. — Это ты, Змей?

Скрежет и грохот прекратились, и послышалось сопение.

— Не признал, Скиперов прихвостень? — продолжал Перун. — Это я, Сварожич!

Змей за стеной вздохнул.

— Как не признать, — прозвучал его утробный голос, — сразу признал... Ящер с тобой?

— А то нет! — Перун весело подмигнул остальным. — А еще со мною братья... С одним-то Сварожичем тебе легковато будет справиться, так уж попробуй с тремя!.. Не оплошаешь?

Некоторое время Змей сосредоточенно ковырял камень, а потом признался:

— Когти Ящера я крепко запомнил, да и с вами тремя мне ратиться неохота...

— Так, может, разойдемся полюбовно? — перебил его Стривер.

Раду от этих слов затрясло. И это говорит тот, кто обещал жизнь положить за ее сестру! Но Черный Змей охотно отозвался:

— Я готов! Перед Сварожичами у меня долгов нет, я вас выпущу и даже помогу камешки откатить — по моему слову они упали, по моему и поднимутся... Только есть у меня условие...

Рада почувствовала, как жесткая ладонь Смаргла сжала ей руку — он стоял далеко от входа, подле нее и лошадей, Но девушка и сама затаила дыхание, ожидая слов Змея.

— С вами есть девушка, — услышала она с ужасом. — Была она мне честно ее родом обещана, ее ко мне везли, а вы налетели, не разобравшись, и отбили... Верните что положено и можете быть свободны!

Еще полдня тому назад Рада мечтала встретиться со Змеем и отплатить ему за все, но сейчас она почувствовала страх и безотчетно прижалась к Смарглу.

— А ты уверен, — в высоком голосе Стривера зазвенел металл, — что мы захотим ее отдать?

— Уверен, — прогудел Змей в ответ, — деваться-то вам некуда! Если я до вас докопаюсь, миловать не буду!

Снова заскрежетали выворачиваемые камни. Змей торопился — было ясно, что до рассвета он ворвется в пещеру.

— Дай нам подумать! — крикнул Стривер, но Перун махнул ему рукой, и тот замолчал.

— Надо отсюда выбираться, — уверенно сказал Смаргл. — Не может эта пещера быть без второго входа! Его надо только найти! И поскорее!.. Вы тут покараульте, а я схожу

погляжу. Кто со мной?

Три жеребца, что до сего часа стояли плечом к плечу, вдруг зашевелились. Два с боков прижались к третьему. Очертания их стали блекнуть и растворяться в воздухе, зато третий жеребец толстел на глазах.

Рада расширившимися от ужаса глазами смотрела на превращение. Три коня слились в одного могучего темно-бурого жеребца с длинной косматой гривой. Встряхнувшись как собака, он вдруг подогнул все четыре ноги и рухнул на пол. Облако пыли и тумана взметнулось ввысь, а когда оно опало, перед людьми стоял крупный угольно-черный волк с мощной шеей, широкой грудью и горящими алыми глазами.

Рада шарахнулась от оборотня прочь и завизжала, но ее крик не успел прокатиться под потолком пещеры, как Смаргл с быстротой молнии оказался рядом и обнял девушку, зажимая ей рот.

— Молчи, — приказал он. — Не бойся! Облик менять могут лишь те, в чьих жилах течет кровь жителей подземного мира. Черный Змей из их числа, но там много и тех, кто от века был нашими друзьями и союзниками.

Девушка покосилась на молодого витязя, подчиняясь. Смаргл был ниже ее на полголовы, и сейчас это почему-то само собой пришло на ум. Он отстранился, разжимая руки, и почти не удивился, когда Рада послушно двинулась за ним.

Держась за руки, они отправились в сопровождении волка-Ящера в глубь пещеры, в то время как Перун и Стривер остались у завала, прислушиваясь к работе Змея.

Ящер первым добежал до того, что до сих пор казалось бесформенной тенью, и завертелся подле, ведя себя совершенно как пес — не хватало еще, чтобы все, кому не лень, узнали, что он разумен.

Подойдя следом, Смаргл ахнул, высоко поднимая факел над головой. Перед ним, заваленная мусором и пометом летучих мышей, раскинулась самая настоящая, хоть и древняя, кузня — камень-наковальня, несколько металлических болванок, клещи и молоты, сваленные кучей пополам с прочими вещами, даже зев печи открывался в стене.

Забыв о девушке и всем прочем, Смаргл засуетился, осматриваясь. Кое-как смахнув грязь с наковальни, он выложил инструменты, не забывая осматривать их, откатил болванки в сторону, заботливо отделив их по видам, слазил в горн, забравшись в него чуть не целиком — там, внутри, еще сохранились угли, часть из которых даже не прогорела. Ящер тем временем обегал все вокруг.

Рада стояла на месте. Смаргл сунул ей в руку факел, велел светить ему, а потом, когда настала пора лезть в горн, он вообще скинул ей на руки перевязь с мечом, плащ и рубаху с кольчугой, оставшись полунагим. Видя его широкие плечи и крепкое тело, девушка воззрилась на него столь откровенно, что Смаргл поспешил нырнуть в горн.

Вывалившись оттуда в облаке пепла, весь перепачканный сажей, он ринулся к братьям. Лицо его сияло.

— Я знаю, что делать! — прошептал он. — Давайте пообещаем ему девушку, а сами... — И он что-то быстро заговорил Перуну на ухо.

— Отлично придумано! — просиял тот и хлопнул Стривера по плечу. — Займи его пока чем-нибудь!

— Хм, займи! — фыркнул Стривер, пожимая плечами. — А чем?

— Пообещай что угодно, болтай без умолку, — замахнулся Перун, — хоть вон ее отдай, а только чтоб он запала не потерял! Можешь даже его поддразнить немного!

Братья поспешили к наковальне, оставив Стривера у стены в одиночестве. Не смея уйти с поста, он вытягивал шею, стараясь понять замысел братьев, но потом, увидев, что делает Смаргл, догадался, что от него требовалось, и стукнул кулаком по камню.

— Эй, ты! Змей! — крикнул он. — Слышишь меня?

Не прекращая ворочать камни, тот пропыхтел:

— Слышу. Дальше что?

— Мы тут посоветались, — заговорил Стривер, не сводя глаз с братьев, — и решили,

что ты прав. Мы обследовали стены этой пещеры — здесь и правда нет другого выхода. Мы в ловушке...

Змей прервал работу и с удовольствием расхохотался.

— А я что говорил? — самодовольно проорчал он. — Вот как со мной спорить! Я старше и знаю, что говорю!

— Да, ты оказался прав, а потому мы решили отдать тебе то, что ты просишь. Девушка твоя!

Рада, услышав эти слова, чуть не упала в обморок и уже развернулась, чтобы по достоинству ответить предателю, но тот продолжал медленно и вятно:

— Только есть у нас одно маленькое условие. Выполнишь его — все получишь!

Змей взревел так, что в пещере родилось эхо, потрясшее всех.

— Ты! — заорал он, кидаясь на камни всем телом. — Как ты смеешь!.. Здесь только я ставлю условия! Я победитель!.. Ты не смеешь! Вот я тебе покажу!

Он продолжал бесноваться, бодая головой завал так, что стены пещеры содрогались. Стриверу пришлось отойти на несколько шагов — сверху начали сыпаться мелкие камешки.

— Да погоди ты, дай сказать! — закричал он, перекрывая шум. — Сам рассуди — деваться нам некуда. Можем мы напоследок немного позабавиться, чтоб не так стыдно было перед самими собой? Все равно ты победитель, так согласишься — что тебе стоит!

О непроходимой глупости Черного Змея ходили легенды, но Стривер, знавший об этом с юности, все равно чуть не закричал от радости, когда шум снаружи прекратился и Змей заговорил вполне мирным голосом:

— А ты прав, человек! Деваться вам некуда... Но учти — если условие твое окажется трудным или глупым, я его выполнять не стану! Понял?.. А теперь говори!

Стривер набрал полную грудь воздуха — теперь самое главное соврать поправднее.

— Нас завалило, — наудачу заговорил он, — да так, что и сам Ящер не сразу откопался бы... А вот если ты сможешь в одиночку, действуя только когтями, разобрать все камни, тогда...

Змей начал было хохотать над таким простым условием.

— Да я и так скоро до вас докопаюсь, — выговорил он, отсмеявшись.

— Это еще не все, — безжалостно продолжал Стривер, — мы тебе помогать не станем, даже наоборот... Вот если ты нас пересиличишь, тогда, считай, победил!

Некоторое время Змей молчал, переваривая его намек.

* * *

Перун и Смаргл отошли к наковальне. Младший брат висел на локте у старшего и торопливо нашептывал ему свой замысел. Перун слушал, сдвинув кустистые, сросшиеся на переносье брови. Рада по-прежнему стояла у наковальни, светя им.

— Хорошо, — наконец кивнул старший брат. — Неплохо придумано. Только как ты это сделаешь?

— Пока вы с Даждем по дальним землям путешествовали, я у отца в кузне пропадал, искусство его перенимал, — с гордостью возразил Смаргл. — Доверься мне и помоги. Вот увидишь: набросим на Змея кованый ошейничек — сразу станет послушнее!

Обнадеженный этим, Перун принес свой меч и положил его на наковальню.

Смаргл же подошел к пустому и холодному горну. Немного знавшая кузнечное искусство Рада даже подивилась ему — что он будет делать? Ведь достать для топки дров было неоткуда. Но витязь протянул руку к мертвому зеву, шевельнул пальцами — и внутри заплесало пламя. Сперва небольшое и робкое, оно разгоралось сильнее и сильнее. Вроде нечему было гореть, но в горне плясал самый настоящий огонь. И жар от него был настоящим. Смаргл даже заслонился от него рукой, но не убрал вторую от огня, следя за пламенем.

Перун, на ходу снимая кольчугу, подошел к горну.

— Здорово, — похвалил он. — Где ты так выучился?
— У отца, — ответил Смаргл.
— Здорово, — повторил Перун, небрежно вкладывая свернутую кольчугу в руки Раде. — Поделишься со мной тайной?
— А то нет?

Сварожичи подошли к наковальне. Перун взял самый большой молот и уже поигрывал мышцами, готовясь к простой, но тяжелой работе молотобойца. Жар лился из горна с необыкновенной силой. Рада, отошедшая на несколько шагов, чувствовала, что у нее кружится голова. Хорошо, сказывалась привычка к долгим походам, когда летний зной пробирает тело под кольчугой и: ждешь, как милости богов, мига, когда можно будет броситься в воду, смывая грязь и пот. Но витязи не просто дали ей факел, но и нагроулили своей одеждой, оставшись полунагими. Чуть заплывшие жирком плечи и торс Перуна уже не слишком прельщали, но плотное тело Смаргла будило совсем иные, доселе неведомые мысли и желания. Рада вспомнила, как он обнимал ее, успокаивая, и ей захотелось снова оказаться в кольце его крепких рук. Но она была воином и понимала, что сейчас не время для таких дел. Ей оставалось только смотреть и дивиться.

Сварожичи словно не чувствовали удушающего жара, что вырывался из горна. Твердой рукой Смаргл опустил в самый огонь меч Перуна, и пламя взметнулось, светлея. Языки его чуть не опалили Смаргла, но не причинили ему вреда. Стоя так близко, что искры попадали на кожу, он ждал. Губы его шевелились — без колдовства и тайного знания не следовало приступать к такому делу. Ни слова не было сказано, но и он, и Перун понимали, что оставили в горах кузню не простые люди — возможно, сам Святогор.

Меч раскалился так, что больно было даже глазам стоявших поодаль Рады и Стривера. Тот и не смотрел вовсе — отвернувшись к завалу, он говорил со Змеем, лишь иногда косясь на братьев.

Те не замечали его, занятые мечом, и только один раз, услышав об условии, Перун оглянулся на Стривера и одобрительно кивнул.

Тем временем меч начал плавиться. Смаргл подхватил его за рукоять и вытащил!

Рада зажмурилась — Сварожич подобрал валявшиеся на полу кожаные рукавицы, но все равно хвататься за раскаленный металл было опасно. Она ждала запаха горелой плоти и сдерживаемого стоны сквозь зубы, но вместо этого послышался согласованный звон молотов.

Девушка приоткрыла глаза. Сварожичи как ни в чем не бывало колотили по белому, брызжущему искрами мечу. Оба работали играючи, и она залюбовалась их уверенными движениями — в свое время Перун тоже проходил обучение в отцовской кузне, и тогда Смаргл был у него в помощниках.

На глазах Рады меч начал превращаться во что-то очень знакомое.

* * *

А Змей и Стривер продолжали беседу. Задумавшись над тем, что хотел сказать его противник, Змей неожиданно услышал из глубины пещеры странные звуки — приглушенный грохот и звон.

— Эй! — рявкнул он, ударив лапой в завал. — Что там у вас?

Стривер с тревогой оглянулся на работающих братьев. В кузнечном деле он понимал ровно столько, чтобы указать кузнецу, что требуется сковать. Но сейчас он понял, что у братьев много работы и им не до него.

— А это, — заговорил он как можно громче, стараясь перекричать шум, — и есть то, о чем я тебе говорил! Ящер, насколько я знаю и насколько помнишь ты, подземный житель. Вот он и роет для нас ход в скале. Сможешь докопаться до нас первым — твоя взяла. Не сможешь, что ж, не обессудь!

Волк-Ящер, стоя на задних лапах и не сводя глаз с наковальни, обернулся на эту выдумку, а остальные просто вытаращились на Стривера. Но тот только развел руками.

Змей подпрыгнул.

— Ну, держитесь! — завопил он. — Посмотрим, кто кого!

Земля и камни полетели из-под его лап с таким азартом, что люди почувствовали это по шуму.

— И кто тебя за язык-то тянул! — зашипел с досадой на брата Перун. — Не мог придумать что-нибудь другое?

— Не отвлекайся! — Смаргл снова сунул измененный меч в горн. — Стривер дело сказал — кто быстрее.

В другое время Перун, не привыкший к тому, чтоб им командовали, вспылil бы, но вовремя вспомнил, что на сей раз брат прав, и прикусил язык. Что за штуковину ковал Смаргл, он понимал с трудом. Что-то очень знакомое, оставалось лишь вспомнить...

Ящер первым догадался о терзающих старого друга сомнениях. Его мысль осторожно коснулась сознания Перуна:

«Ты растерян и взволнован, Индар. В чем дело?.. Может, я смогу чем-то помочь?»

«Ох, Ящер, — в тоне Перуна явственно чувствовалось облегчение, — если бы знал... Я не представляю, как справиться со Змеем с помощью того, что делает Смаргл. Это же обыкновенное бычье ярмо! И даже с плугом!»

«Успокойся и вспомни, что делают с дикими быками».

«Усмиряют, но...»

«Боишься, что не сладишь с ним?.. — послышался довольный смешок. — А если в другую половину ярма суну голову я?»

Пораженный столь простым решением проблемы, Перун уставился на огонь горна.

— А ты прав! — воскликнул он вслух. — Ты прав, Ящер!

Рада посмотрела на Сварожича едва ли не с ужасом, не догадываясь ни о чем, но Смаргл понял все и, только привлекая внимание брата, буркнул:

— Не спи! Пора!

Снова застучали молоты, и постепенно глазам девушки предстало изобретение Смаргла — двойное ярмо, такое, в какие запрягают быков, но соединенное с плугом, лезвие которого было выковано из меча Перуна. Не переставая орудовать молотом, Смаргл покосился на Стривера — чего замолчал?

Черный Змей уже проделал почти всю работу — чувствовалось, что он вот-вот разгребет завал и ворвется в пещеру. Стривер приложил ладонь к камням — они чуть дрожали и шатались.

— Эй, Змей! — позвал он. — Напоследок не откроешь мне кое-чего?

На несколько мгновений шум прекратился.

— Не заговаривай мне зубы, — пропыхтел Змей, переводя дух. — Думаешь, я не догадываюсь, зачем ты болтаешь? Ты отвлекаешь меня от дела!

— И все-таки, — не унимался Стривер, — зачем тебе девушка? Ты намерен жениться?

За завалом послышался звук, как будто упала лепешка сырого теста — Змей сел.

— Как ты догадался? — просвистел он удивленно.

— Да все этого хотят!.. Просто я не уверен, что она согласится за тебя пойти.

— А чего ей не соглашаться? Я прирежу ее сестру — родная кровь вкупе с моими чарами привяжет ее ко мне навеки!

Стривер остолбенел. Он не знал, кто должен был умереть, но не мог представить, что потеряет Меру навсегда.

— Ты не сделаешь этого, — прошептал он непослушными губами, — ты не смеешь... не должен отнимать ее у меня...

Змей не расслышал за звоном молотов его шепота, но зато Рада, хоть и стояла далеко, разобрала каждое слово Змея.

— Чтоб ты сдох! — выругалась она. — Не получишь ты ни меня, ни сестры! Лучше умереть, гадюка вонючая! Слизняк! Червяк паршивый!

В эти минуты она готова была задушить не только Змея —любого голыми руками, кто

бы ни заикнулся о ней и ее сестре. Но Змей, услышав ее голос, вскочил и набросился на стену с удвоенной силой. Под его когтями затрещали последние камни, лежавшие между ним и обитателями пещеры.

Стривер с тревогой смотрел на подрагивающую стену. Казалось, позади него время остановилось, но зато впереди летит с бешеной скоростью. Змей пыхтел и сопел, подкапывая валуны. Они катились вниз по склону, и надежды оставалось все меньше и меньше. А два кузнеца работали так спокойно, словно не было на свете ни Змеев, ни врагов вообще. Только у Перуна на лбу морщились сердитые складки.

Последние камни дрогнули. Они забились в самый ход, выкопать их Змей не мог и предпочитал протолкнуть внутрь. Стривер бросился к завалу, навалился со всей силы, и закричал братьям:

— Да что же вы! Скорее! Он сейчас ворвется!

Ответом ему был довольный смех.

Не выдержав, Рада кинула на пол вещи кузнецов и, подхватив меч Смаргла, ринулась на подмогу. В другой руке у нее был факел.

Из стены выскочил камень. В завале образовалось отверстие, в которое протиснулся длинный раздвоенный язык Змея. Тяжко дыша, тот ощупывал языком воздух пещеры.

Рада подлетела как раз в этот миг и с размаху ударила горящим факелом по языку:

— Получай, проклятый!

Вслед за этим она ткнула в отверстие мечом.

Змей взревел, отпрянув. Рада успела угостить его еще одним ударом, и теперь пещера содрогалась от громового рева и толчков в скалу.

— Только попробуй сунься! — победно закричала Рада. И Черный Змей попробовал. Под его напором несколько вылетевших из завала камней сбили с ног Стривера и саму Раду. Мигнул огонь в горниле, порыв ветра ворвался под своды, а в образовавшуюся щель заглянул выпученный глаз Змея.

— Ну, теперь держитесь, — шепеляво возгласил он. — Шутить не буду!

— Видишь, что ты наделала? — шепотом напустился на Раду Стривер. — Нам конец!

Но двое остальных Сварожичей были уверены в успехе. В тот миг, когда Змей заглянул в пещеру, Смаргл опустил молот и кивнул Перуну:

— Готово! Пора!

Тот с сомнением оглядел работу:

— Остынет пусть сперва!

Но в это время Змей снаружи проревел последнюю угрозу и пошел в атаку. Раздумывать было некогда.

Волк-Ящер опять подогнул лапы и грянулся всем телом о землю. Поднявшаяся пыль скрыла его от взоров людей, а когда она осела, на ноги поднялся крупный черный бык-тур с загнутыми рогами. Встряхнувшись, он, не раздумывая, устремился к Перуну.

Тот еле успел отшвырнуть молот и подхватить еще не остывшее ярмо. В тот же миг последний удар сотряс пещеру. Завал разлетелся по камешкам, и в образовавшемся отверстии показалась морда Змея.

— Я победил! — заорал он. — Давайте мне ее!

Рада вскочила на ноги и ринулась в бой, пользуясь тем, что голова врага торчала очень удобно, но Перун опередил ее. Первым оказавшись у пролома, он с разбегу замахнулся ярмом и одним ударом насадил его Змею на голову.

Почувствовав себя в ловушке, тот дернулся и заревел, оглушив всех. Пытаясь освободиться, Змей уперся лапами в стены хода, стараясь выдернуть голову из ярма. Перун, вцепившийся в другой конец, изо всех сил налегал, упираясь ногами в землю и не давая противнику сделать шага.

Но силы были слишком неравными. Ярость неудачи удесятерила силы Змея. Вонзая когти в камень, он рвался на волю, и Перун мало-помалу проигрывал. Побагровев от натуги, напрягая каждую жилу, он еще удерживал Змея на месте, но ноги его скользили все сильнее.

Рванувшись так, что полетели камни, Змей выиграл еще шаг. Перун чуть не упал от неожиданного толчка. Когтистая лапа уже поднялась, чтобы сбить его с ног, растоптать и отбросить в сторону, но в этот миг черный тур изловчился и буквально подлез под ярмо.

Перуна отбросило в сторону, когда тур занял его место и, не долго думая, сунул рогатую голову прямо в ярмо. Теперь Змей и Ящер были в одной упряжке.

Змей словно взбесился. С громким ревом он заметался, стараясь высвободить голову, но на сей раз его противником был не человек, а зверь, не уступавший ему ни в силе, ни в проворстве. Тур не сопротивлялся, но каждая победа давалась Змею слишком дорогой ценой. Тур сам налегал то боком, то плечом, выталкивая врага-пленника наружу.

Перун последовал за противниками. Очутившись наконец в горах, Змей попытался взлететь, но оторвать от земли тура оказалось делом невыполнимым. Ловко уворачиваясь от когтей Змея, тот все гнул и гнул голову к земле. Остывающее ярмо, сдавливая шею Змея, помогало туру. Если первое время Змей еще мог освободиться, то сейчас это было практически невозможно.

Задышавшись, Змей наконец обмяк, распластавшись на камнях. Тур же совсем не вспотел и возвышался над поверженным противником спокойный, свежий и по-коровьи благодушный.

Перун подошел и наступил ногой на мягкую упругую шею Змея.

— Что, попался? — молвил он.

Змей являл собой жалкое зрелище — он спал с тела, посерел и еле дышал. Обожженный язык распух и не помещался в пасти. Глаза заволокло дымкой, рога и наросты беспомощно обвисли. Он даже не покосился на человека, принимая его присутствие как должное. Взгляд его остановился на туре.

— Ящер, — прохрипел он, — ты?

— Я. — Взгляд быка потемнел.

— О, — бессильно простонал Змей, прижимаясь к земле, — как я мог! Как я мог так ошибиться?.. Я должен был догадаться: где один, там и другой!.. Я должен был сразу... Отпустите меня — я уступаю вам девушку! Делайте с нею что пожелаете, только отпустите...

— Э нет. — Перун энергичным пинком привлек к себе внимание пленника. — Сначала заплатишь нам!

— Золото, табуны, земли? — зачастил Змей, несколько оживившись. — Я готов...

— Служба у тебя будет другая, — остановил его Перун. — Правда, Ящер?

— Правда. — Тур кивнул головой. — Поднимайся!

Он отступил, натягивая ярмо. Поджав лапы, Змей волочился по камням.

— Что вам нужно? — завыл он в ужасе. — Что вы задумали?

— Там узнаешь! — Перун снова пнул Змея. — А ну, поднимайся, живо! Хуже будет!

Всхлипывая и стона, Змей с трудом поднялся на лапы. Он слишком хорошо помнил давний бой с Ящером в небе над Пеклом и понимал, что пощады ждать нечего и на победу можно не рассчитывать.

— Я не пойду! — запротестовал было он.

— Пойдешь, — пообещал Перун, становясь к плугу, — потому что мы намерены поделить землю.

От удивления Змей забыл о страхе.

— Поделить? — переспросил он у Ящера. — Что он говорит?

— Мы проложим границу, за которую ты не должен будешь переступать, — объяснил Перун. — Живи там, где вздумается, только за границу — ни лапой, ни хвостом. А нарушишь ряд — прощайся с жизнью! А Ящер тебе поможет, если ты вдруг устанешь!

Упоминание о Ящере испугало Змея.

— Нет, — уперся он лапами в землю. — Что хотите со мной делайте, а я не пойду! Знаем мы ваши границы!

Но черный тур уже двинулся вперед, и Змей, хоть и упирался изо всех сил, вынужден был двинуться следом, спотыкаясь на каждом шагу.

Обойдя упряжку сзади, Перун налег на рукоять плуга, глубоко всаживая его в землю. Почувствовав дополнительную тяжесть, Змей дернулся, но потом все-таки пополз, таща на себе ярмо. Позади плуга оставалась глубокая борозда, в которую человек мог провалиться по колено.

Из развороченного отверстия пещеры выбежали Стривер, Смаргл и Рада. Занятый своим делом, Перун даже не обернулся на них, и они не окликнули его — их ждали пещеры Черного Змея.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мера потеряла счет дням. Ее навещали не часто — принесут воды и хлеба, поставят на камень светильник и уйдут, не сказав ни слова, молчаливые, угрюмые слуги со странным блеском в глазах. Красавец Змей не появлялся, забыв о пленнице, и та изводилась в раздумьях о своей участи. Ей уже начало казаться, что она проведет здесь всю оставшуюся жизнь.

Окончательно девушка уверилась в этом, когда о ней все забыли. До того она определяла время по частоте посещений тюремщиков, но они все не шли и не шли. В кромешном мраке и холоде силы быстро оставили пленницу, и Мера погрузилась в полусонное оцепенение, скорчившись на полу и тщетно стараясь согреться.

Ее пробудило громкое эхо — кто-то ворвался в ее темницу и бегом торопился к ней. Девушка очнулась, трепеща от страха. Она так боялась, что о ней забудут, но сейчас, когда ее уединение оказалось нарушено, испугалась.

— Мера! Мера! — послышался крик.

Голос был до того знакомым, что девушка не поверила своим ушам.

Прыгая через ступеньки, Стривер ворвался в темницу. Пламя факела, который он принес с собой, дрожало, освещая его взволнованное лицо. Он резко остановился, увидев сидящую на полу девушку в грязном платье.

— Мера! — воскликнул он, бросаясь к ней. — Наконец-то!

Чуть не уронив факел на грязную солому, Стривер упал перед девушкой на колени. Она отпрянула, настороженно блестя глазами.

— Нет! Нет! Это невозможно! — прошептала она в ужасе и вдруг с коротким криком сама бросилась ему на шею.

— Ты! Не может быть, — шептала она. — Я не верю! Это ты!

— Я, сердечко мое. — Стривер обнял девушку. — Я с тобой навсегда! Ты свободна!

Они ненадолго замерли в объятьях друг друга, забыв обо всем на свете. Напомнил им о внешнем мире странный гулкий шум, доносившийся издалека.

— Слышишь? — Мера встрепенулась, крепче вцепившись в плечи Стривера. — Что там?

— Успокойся, Мера. Там наверху заканчивается бой.

— Бой? — Девушку передернуло.

— Твоя сестра и мой брат со Змеевыми слугами разбираются, — объяснил Стривер. — А я не мог удержаться — помчался тебя отыскивать...

Он склонился над цепью, охватывавшей лодыжку девушки, провел над нею рукой — и Мера оказалась свободна. Не дав ей опомниться, он вскинул княжну на руки и понес к выходу.

Мера обнимала его за шею, не сводя влюбленных глаз. Он наконец-то с нею, и теперь ничто не сможет их разлучить! Пусть только попробуют — она убежит из дома, как когда-то мечтала. Смущаясь, девушка поведала Стриверу о попытке побега.

— Знаешь, я совсем не боялась, — молвила она, когда Стривер удивленно покосился на нее. — Ведь ты учил меня... мой чародей!

— Я рад этому, — ответил Стривер, — ведь наши дети унаследуют отвагу своей матери!

— Дети? — ахнула девушка. — Ты хочешь сказать...

— Я просил твоей руки у княгини Синегорки, — сказал Стривер. — Теперь она согласится.

Не веря счастью, Мера прижалась к нему.

Наверху и в самом деле кипел бой. Большая часть воинов Змея погибла в первом сражении со Сварожичами, но в пещерах оставалось достаточно много народу, а потому витязям сразу же пришлось столкнуться с отчаянным сопротивлением одержимых чарами людей. Не чувствуя боли, они готовы были сражаться даже тяжело ранеными — если им отсекали руку, они перекладывали меч в другую и бились до тех пор, пока вместе с кровью не уходила и сама жизнь. Казалось, их не мог остановить даже вид собственной крови — самое действенное средство, когда имеешь дело с зачарованными. Сварожичей и сражавшуюся наравне с ними Раду спасло лишь их собственное колдовство — Стривер на крыльях перенес брата и девушку через заслоны. Но даже сейчас, когда опасность миновала, недалеко звенели мечи и слышались крики.

Стривер вынес Меру в пустой широкий коридор, тускло освещенный факелами. Вдалеке открывались ходы — оттуда лился слабый дневной свет и слышался шум.

Измученная княжна еле держалась на ногах. Поддерживая ее за талию, Стривер поднял меч, готовый в случае чего защитить свою невесту.

Не успели они сделать и шага от дверей темницы, как навстречу им бросилась Рада. Воительница разодрала подол и повязала его на бедре, чтобы свободнее двигаться. Ее меч был окровавлен, подобранный где-то щит носил следы ударов, на щеке виднелась царапина — косой след от стрелы. Увидев сестру подле Стривера, княжна радостно закричала и, роняя оружие, схватила девушку в объятия, закружив ее.

— Живая! Живая! — кричала она.

Мера не могла вымолвить ни слова в ответ.

Стриверу еле удалось привлечь к себе внимание девушек.

— Где Смаргл? — спросил он у Рады.

— Там, — воительница махнула рукой. — Мы победили!

* * *

Путь до моря оказался дольше и труднее, чем представлялось.

Сначала Черный Змей шагал в охотку и даже пытался шутить, но потом сник и стал упираться. Шедший с ним в паре тур гнул до земли толстую шею, почти цепляя рогами траву. Он шагал так тяжело, что вздрагивали листья на деревьях. Перун тоже изо всех сил налегал на рукояти плуга, нарочно ведя его по корням и камням, чтобы затруднить движение. Змей прыгал и бился в ярости, пробовал скакать вперед, то кидаться из стороны в сторону, то менять обличье. Но все его усилия были тщетны. Одолеть Ящера, который вышагивал подле спокойно и ровно, ему было не по силам.

Выдохшись, Змей стал спотыкаться и падать, нарочно замедляя ход. Силы он черпал из воды, но напиться ему не давали — зная об этой его особенности, Ящер нарочно выбирал путь так, чтобы не оказываться вблизи водоемов, будь то река или лужа. Чтобы оказать достойное сопротивление, Змею необходимо было напиться, и он валился с лап не только из притворства, но и от настоящей усталости.

В один прекрасный час силы и на самом деле покинули его, и он, вывалив язык, растянулся на земле длинной дряблой гусеницей. Глаза его закатились, затянувшись пленкой, бока мелко дрожали. Шлепнулся он так неожиданно, что Ящер вынужден был остановиться.

— Все, — заплетающимся языком пролепетал Змей, — больше не могу!

— Вставай, пададь вонючая! — Перун пнул ногой тушу. — Не обманывай — не поверю!

— Ты устал, — поддержал Перуна Ящер, — но у меня еще много сил!

— Помилосердствуйте! — заскулил Змей, вытирая лапой морду. — Будьте людьми!.. Я же стар...

— И я немолод, — как ни в чем не бывало вставил Ящер.

— Ну вы же меня знаете, — продолжал увещевать Змей. — Кто я такой?.. Да, враг, да, поджигатель и вообще злодей, но у меня есть смягчающие обстоятельства — я доверчив!.. Вы сами только что обманули меня, и, как попавший в плен, я требую милосердия.

Дальнейшие его слова перекрыл довольный смех Перуна.

— Милосердия тебе? — молвил он. — А ну, поднимайся!

Змей застонал, изображая умирающего, но его стенаний не стали слушать. Убедившись, что он не собирается трогаться с места, Ящер двинулся дальше. Поджавший лапы пленник волочился за ним по земле, и Перун то и дело нарочно побольнее задевал сапогом кончик его хвоста. Голова Змея билась о камни и корни деревьев.

Он некоторое время терпел, надеясь, что Ящер устанет или ему надоест везти его на себе, но тур только задышал глубже и стал сильнее упираться в землю. Перун же со своей стороны сильнее налегал на рукоятки плуга.

Змей попытался встать, но не тут-то было.

— Эй! — запротестовал он. — Вы чего удумали?.. Так нечестно! Дайте мне подняться!

Но его враги словно оглохли, продолжая путь.

Змей дергался, упирался, колотил хвостом по земле, орал и скулил, требуя и умоляя, но все было напрасно. Охрипнув, Змей зажмурился, доверился своей судьбе и уже не замечал, куда его волокут.

Путь продолжался долго, но в конце его Змей даже немного воспрянул духом, когда впереди послышался шум прибоя.

Ящер шел прямо к морю. Спускался вечер, и вода потемнела, раскрашенная закатом. Длинные тени Ящера, Змея и Перуна далеко обогнали своих владельцев, пересекли песчаный ровный пляж и достигли прибоя. Тур грудью раздвинул кусты, выходя на берег.

— Э, мы так не договаривались! — воскликнул Змей. — Чего вы задумали?

— Ничего особенного, — ответил Перун, выдирая плуг из песка, — Помнишь, мы договаривались о разделе земли?.. Я помню об этом! Сейчас мы дошли до берега, дальше отправимся через море на ту сторону и продолжим путь до самого края земли. Северную половину возьму я, там моя родина, а юг достанется тебе — там ведь живут твои родичи!

— Ты это серьезно? — засомневался Змей.

— А то нет? Иначе чего ради мне было портить свой меч да еще тащиться с тобой в такую даль?

Ящер съехал по склону в туче песка, увлекая за собой Змея. Вслед за ними к берегу сбежал Перун. Выровняв плуг, он вонзил лемех в мокрый песок, и Ящер решительно направился в море. Спотыкающийся Змей следовал рядом. Попробовав воду, он решительно замотал головой:

— Я такую пить не буду! Погодите, дайте мне найти подходящую, иначе я не доберусь до того берега!

— Прекрати ныть! — осадил его Перун, — Мы с тобой в равном положении — я-то ведь тоже не собираюсь в пути отдыхать и восстанавливать силы!

Ящер и Змей вошли в воду, Перун ступил в прибой вслед за ними. Он сделал несколько шагов, зайдя по колено, когда Ящер на ходу обернулся, дугой выгибая крутую шею, и, поймав взгляд друга, подмигнул ему. Поняв, что теперь Ящер все берет на себя, Перун остановился и потихоньку выбрался на берег.

Змей и Ящер успели сделать еще несколько шагов на глубину, прежде чем Змей заподозрил неладное. Внезапно обернувшись, он увидел, что Перун спокойно стоит на берегу и не собирается лезть в воду.

— Эге, а это что такое? — Змей остановился, упираясь лапами. — Ты плавать не умеешь? Или... Что вы задумали?

Не дав ему на размышление и секунды, Ящер с силой потянул его вперед. Сообразив

наконец, в чем дело, Змей обиженно заревел.

— Это нечестно! — вопил он, колотя хвостом по воде. — Вы мне обещали!

— Что? — с берега отозвался Перун. — Жизнь сохранить? Свободу? Такого разговора промеж нас не было, правда, Ящер?

Тот не отвечал — согнув шею и спину дугой, он изо всех сил тащил Змея на себе. Тот извивался, бил лапами и хвостом, пробовал кусаться, но Ящер выигрывал шаг за шагом, увлекая противника на дно. Вот уже его спину захлестнула вода. На поверхности остались только большие туры рога. Ящер-тур сделал последний рывок — и ушел под воду.

Вода и берег содрогнулись. Приливная волна хлестнула по камням у ног Перуна, заставив его отступить, и на поверхности показался чешуйчатый хвост Ящера.

Ярмо лопнуло, разорванное непомерно широкой шеей старого зверя. Не ожидавший этого Черный Змей кувырнулся через голову, задрав над волной лапы. Ненадолго он потерял ориентацию в пространстве, а когда пришел в себя, на него ринулся Ящер с разинутой пастью, в которой сверкали клыки, не предвещавшие ничего хорошего.

Змей завопил в ужасе, захлебываясь водой, и ринулся на берег спастись, но Ящер ударил его наотмашь хвостом, сбил с лап и, перевернув на брюхо, попытался откатить противника подальше от суши.

Защищаясь, Змей вцепился в лапу Ящера, и в воде завертелся клубок переплетенных в драке тел.

Над поверхностью замелькали хвосты и лапы. Поднятая дерущимися приливная волна наинулась на берег, и Перун, спасаясь, отбежал подальше. Он не боялся за Ящера, но его тревожила мысль о том, что он ничем не может помочь — в битве гигантов нет места маленькому человеку. Взбравшись на каменистую гряду, отделяющую берег от зарослей мелколистного кустарника, он остановился и приготовился ждать.

В бушующих пенных валах нельзя было что-либо разглядеть — шевелилась только огромная тень. Но постепенно она стала отодвигаться прочь от берега, становясь все бледнее и бледнее. Противники почти не сражались — внутренним зрением Перун видел, что Ящер просто волочит на себе Змея. Тот упирался больше для виду, потому что противник намертво стиснул челюстями его горло. Змей задышался и почти не сопротивлялся.

Они продвигались все глубже и глубже, постепенно пропадая из виду. Вздуродженное ими море понемногу успокоилось.

За спиной оставшегося в одиночестве Перуна солнце опускалось к закату — день почти закончился. Витязь сел на прогретые камни и приготовился ждать. Вскоре после полуночи он незаметно задремал.

Разбудил его всплеск воды и шумное фыркание.

Вскочив, Перун увидел Ящера, который не спеша выходил из моря, отряхиваясь от текущей с него ручьями воды. Прикрыв глаза, он сосредоточенно мотал головой, словно приходя в себя, и тяжело дышал. Был уже день, но пляж не успел как следует нагреться.

Выбравшись на берег, Ящер с блаженной улыбкой, которая показалась бы угрожающей любому, растянулся на твердой земле и помахал крыльями, расправляя их.

Перун обошел его кругом и осмотрел. Если не считать нескольких небольших ранок и содранной кое-где кожи, тот был невредим.

— Ну, как? — спросил Перун, остановившись около морды Ящера. Тот оскалился еще шире — улыбнулся веселее:

— Отволок его к Черномору — тот обещал присмотреть. А то ему делать нечего у себя в чертогах!.. Змею там будет хорошо — век не удерет!

Как-то однажды, разоткровенничавшись, Ящер рассказал другу обо всех своих родичах, близких и дальних, к каковым относился и Черный Змей. А потому Перун не удивился упоминанию о каком-то Черноморе — тот доводился Ящеру племянником.

Когда зверь отдышался, Перун спросил:

— Возвращаемся в Синегорье?.. Надо посмотреть, как там дела у братьев. Да и на Стриверову невесту поглядеть охота!

Ящер утробно заворчал, в душе не одобряя спешки, но поднялся на лапы и расправил крылья.

— Летим, — согласился он. — Только все равно придется завернуть в долины — я голоден. Да и ты тоже!

* * *

В пещерах Черного Змея братьям пришлось ненадолго задержаться. В первой схватке погибли почти все воины Змея. Уцелели лишь немногие пленные, которых повязала сама Рада, обращавшаяся с ними со знанием дела. Пленников оказалось чуть более трех десятков. Все они были под чарами Змея — в их пустых глазах застыла ненависть. Только к исходу дня на лицах некоторых начало появляться осмысленное выражение. Сердобольный Смаргл рискнул освободить нескольких пленников, и с их помощью утром второго дня Сварожичи отправились в обратный путь, в Синегорье.

В пути вся забота легла на плечи Смаргла — Стривер был слишком занят Мерой, чтобы обращать внимание на что-то еще. Влюбленные не сводили друг с друга очарованных глаз и вели между собой нескончаемые разговоры о будущей семейной жизни. Частенько на привалах они уходили в ночь, взявшись за руки и оставляя своих брата и сестру одних.

Ободренная примером сестры, Рада тоже поглядывала на Смаргла. Вечерами, оставшись с ним у костра, воительница не сводила с молодого витязя глаз, вспоминая их знакомство. Вот он снова сжимает ее в объятьях, успокаивая, как маленькую девочку, под огнем Черного Змея. Вот осторожно ведет за собой по темной пещере, держа за руку. Вот в свете горна мелькают его широкие плечи — шире, чем у любого известного Раде воина. Вот они снова в бою — и Смаргл бережно опекает ее: она девушка, а потому слабее и не столь неутомима. Он был легко ранен в плечо — чей-то удачливый меч порезал загорелую кожу. Рада вспомнила его снисходительную и смущенную улыбку, когда после боя предложила перевязать рану. Казалось, он был больше раздосадован тем, что кровь испачкала рубашку, и смущен, что за ним ухаживает женщина. Он выглядел совсем не искушенным женской лаской и любовью. Рада приписывала это его небольшому росту и чувствовала жалость.

В дороге Рада старалась держаться поближе к Смарглу, а когда вечерами Стривер уводил Меру в тень, где никто не мог им помешать, незаметно подсаживалась ближе. Несколько раз она заводила беседу, но Смаргл отмалчивался. Подле этой девушки он чувствовал смутную тревогу, не зная, что она скрывает от него, и от души порадовался, когда их путь был окончен.

Небольшой караван — три повозки и несколько всадников — со стен заметили издалека. Дозорные подняли тревогу, и к тому времени, когда вырвавшаяся вперед Рада подъехала к воротам, об их возвращении уже знали все в городе.

Княгиня Синегорка вышла на красное крыльцо встречать дочерей и их спасителей. Она молодела прямо на глазах — не исчезла лишь горькая седина в волосах, но княгиня тщательно убрала их под повойник и венец. Наспех одетая служанками для радостной встречи, она не могла сдвинуться с места, только на глазах ее блеснули слезы, которые Синегорка и не думала прятать.

Остановив коня у самого крыльца, Стривер прыжком спешил и осторожно ссадил Меру. Рада, хотя ей не терпелось подбежать к матери, осталась в седле, и Смарглу пришлось помочь ей сойти с коня.

Сварожичи подвели девушек к княгине. Стривер, как старший, первым вложил в руку матери ладонь своей спутницы.

— Я исполнил свою клятву, княгиня, — молвил он, отступая и почтительно склоняя голову, — вернул твою дочь живой и невредимой!

Синегорка посмотрела на его склоненную голову и улыбнулась.

— Благодарю тебя за честность и верную службу, витязь, — заговорила она, — но ты привел мне не мою дочь. Ты представил мне свою невесту, и я рада твоему выбору!

Пораженный Стривер вскинул лицо. Мера смешалась, пряча глаза, а княгиня взяла молодую пару за запястья и вывела вперед. Снизу на них смотрела толпа — дружинники, княжьи холопы, работные люди и пробравшиеся вслед за гостями горожане. В распахнутых воротах толпились те, кого не мог вместить широкий двор, — многие, чтобы лучше видеть, лезли на заборы.

— Люди! — зычно позвала Синегорка. Ее низкий красивый голос прокатился над головами, и наступила завороченная тишина — все уже начали догадываться, в чем дело. — Люди! — продолжала княгиня. — Витязь, что стоит здесь, когда-то просил у меня руки моей дочери. Ныне он спас ее от врага, вызволил из плена. Какова должна быть награда победителю?

Все закричали вразнобой, кто-то засмеялся, кто-то завопил, но постепенно все перекрыл и поглотил в себе густой многоголосый слитный рев:

— Княжна! Княжна!

Мера густо покраснела и дернулась прочь — убежать в терем, прийти в себя. Стривер, неверно понявший ее смятение, обратился в ее сторону с такой заботой, что стоявшие поблизости разом восторженно загалдели.

— Что ж! — Княгиня опять возвысила голос, перекрикивая толпу. — Мне любо такое решение!.. В награду за сие деяние отдаю я меньшую дочь в жены! Быть по сему!

Отступив, она соединила руки Меры и Стривера. Обеими руками стиснув пальцы княжны, Стривер подтянул ее к себе, не веря чуду. Он ждал, что придется еще отвоевывать ее у матери, только что обретшей дочь. И вот она — невеста!

Девушка подняла счастливо блестящие глаза и вдруг вырвалась и бросилась в дом. Под крики ликующей толпы Стривер последовал за ней.

Подле Синегорки остались лишь Рада и Смаргл. Девушка-воин досадливо хмурилась, еле сдерживаясь, дабы не омрачать матери радости, но продолжала сжимать в своей руке ладонь Смаргла.

Впрочем, княгиня вспомнила о ней сама и подозвала дочь, приветствуя ее и младшего Сварожича. Увидев их соединенные руки, она все поняла и вторично повернулась к толпе.

— Люди! — воззвала она. — Обычай дедов велит, чтобы ни одна девушка не осталась незамужницей, ни одна не прожила жизнь бесплодной. А потому возвещаю вам, что и моя вторая дочь тоже станет замужней в один день со своей сестрой!

Громкие крики веселья заглушили протест Смаргла — предвкушая две свадьбы и двойное веселье, люди не хотели его слушать.

* * *

В отчаянье Смаргл почти бежал за княгиней.

— Милости прошу у тебя, княгиня, — повторял он, — освободи меня!

Рада догнала его, взяла за руку.

— Мы будем счастливы, — пообещала она. — Я тебя люблю и хочу стать твоей женой!

Смаргл остановился как вкопанный. Сразу вспомнилось все — и забота девушки о его пустячной ране, и ее готовность помочь, и взоры, что бросала она на него, и все нежные слова, будто ненароком сорвавшиеся с губ. Рада была красива, но не так, как понимал красоту Смаргл. Он посмотрел на нее снизу вверх и почувствовал тоску.

Синегорка внимательно посмотрела на пару.

— За вас все решили боги, дети мои, — вздохнула она. — Так, видно, суждено!

— Прости, княгиня, прости и ты, Рада, — последний раз взмолился Смаргл, — но не могу я!

— Ваши законы запрещают иметь вторую жену? — догадалась Рада.

— Нет у меня жены и детей пока что не было, — сказал Смаргл, — просто... не любя ты мне! Прости...

Воительница задохнулась, словно ее ударили по лицу. Синегорка гневно свела брови —

это было диковинкой, чтобы жених от такой девушки отказывался.

— Таков обычай, — промолвила она твердо сквозь стиснутые зубы. — Ты ее от Змея спас — тебе она судьбой в жены предназначена... И не положено, чтобы старшая сестра при младшей незамужницей оставалась!

Последнее было для Рады страшнее всего. Лицо ее жалобно дрогнуло, и Смаргл понял, что пропал.

— Ну, тогда и мое слово выслушайте, — взмолился он напоследок. — Не спешите со свадьбой — у нас третий брат есть, Перун. Он в горах остался, прибудет позже — прошу его подождать. Здесь он мне и Стриверу взамен отца станет!

На это мать и дочь согласились.

* * *

Смаргл от души надеялся, что Перун подаст ему совет, как избежать женитьбы, или сможет переубедить княгиню и тем спасет младшего брата. Но бесчувственный Перун, прибыв через четыре дня, выслушал сбивчивый рассказ Смаргла, исподтишка смерил глазами крепкую фигуру Рады и шепнул:

— Хороша, братишка! Хвалю, и да будет вам счастье!.. Она тебе крепких сыновей родит!.. А что сильна да смела, так ты ж воин. Не все тебе дома сидеть — мир-то, он большой! Места всем хватит!

— Да не лежит у меня к ней душа! — доказывал Смаргл. — Прямо холодом по сердцу тянет... Тебе вот хорошо — ты Диву-Додолу по любви брал...

Перун неожиданно помрачнел и стиснул кулаки.

— Сам ведаю, что по любви, — проворчал он почти зло. — А что ты со своим отказом братнину счастьем мешаешь, о том ты подумал?

Свадьба Стривера с меньшей сестрой Рады могла и не состояться, если старшая княжна оставалась незамужницей. Этим уже пробовали припугнуть Смаргла, и, услышав те же слова из уст Перуна, он смешался и замолчал, не заметив, что брат чем-то раздосадован.

Как оказалось, старшего из трех братьев Сварожичей действительно что-то больно задело. Не слушая просьб и приглашений, Перун уехал один накануне свадьбы.

* * *

Гулять должен был весь город три полных дня. Все припасы, оставшиеся к середине лета в княжестве, свезли в столицу. Дело было небывалое — не каждый день отдают в жены сразу двух княжон. Княжьи люди ходили такие гордые, словно дочери Синегорки становились женами кого-то из них.

По обычаю, на княжескую свадьбу приглашали всех — даже бродяг и чужеземцев, буде таковые встретятся. А на две свадьбы и вовсе откуда-то понаехало так много народу, что брачный пир раскинули у реки близ рощи, где места должно было хватить для всех.

Пир уже был в разгаре. Пьяные молодым летошным вином, гости уже веселились кто во что горазд. Весь склон холма, на котором когда-то гуляли Стривер и Мера, был усеян зажженными к ночи кострами, подле которых сидели, лежали и плясали люди. Отовсюду доносился густой дух печева и варева, звучали песни и голоса девушек. Те, ради кого все это затеялось, Стривер и Мера, уже удалились на покой, но это мало кто заметил.

Смаргл сидел у костра, глядя на огонь. Его не раз окликали, но Сварожич ничего не слышал. Словно в насмешку, его собственная свадьба должна была состояться лишь завтра.

Зашуршало подолом праздничное платье. Рада легко и бесшумно — сказывалась воинская выучка — опустилась на колени и заглянула в лицо Смарглу преданным взором. Видно, она только что плясала и еле отдышалась.

— Не грусти, милый мой, — молвила она, погладив его по плечу. — Что ты затуманился? Идем в круг!

Им кричали, махали руками, но Смаргл отвернулся.

— Ты иди, мне неохота, — выдавил он.

— Ну, так и я никуда не пойду, — решительно сказала девушка, садясь у огня.

— Иди, очень тебя прошу — От досады Смаргл заговорил решительнее. — Или уйду я!

Он вскочил и пошел прочь. Ноги сами несли его в темную чащу, подальше от костров и чужого веселья. Рада, не раздумывая, бросилась за ним.

— Я с тобой!

— Да пойми ты! — всплеснул руками Смаргл. — Не по сердцу мне эта свадьба! Что за жизнь у нас будет, когда меня на тебе насильно женить хотят!

— Но я люблю тебя! — Рада вдруг преградила ему путь/ Ее руки оплели его шею, девушка прижалась к нему и Жадно, неумело поцеловала в губы.

Сдавленно вскрикнув, Смаргл вырвался из ее объятий, оттолкнул княжну и опрометью бросился куда глаза глядят. Вслед ему неслись отчаянный крик Рады.

* * *

Раздирая о ветки руки и рубаху, Смаргл мчался по чаще, боясь оглянуться. Ему казалось, что все духи леса гонятся за ним, все мыслимые и немыслимые злые боги ополчились на него.

Скатившись по заросшему мелким колючим кустарником склону, он застыл, пригнувшись и дыша ртом. Сердце колотилось у самого горла, его стук мешал прислушиваться.

Его преследовала Рада. Воительница шла по следу жениха, как волк за раненым оленем. Смаргл терзался сомнениями — он мог заблудиться в незнакомом лесу, а оставлять брата одного в городе не хотелось. Неизвестно, что предпримет отвергнутая невеста. Поэтому он волей-неволей кружил на одном месте, чувствуя, как в душе волной поднимается страх.

Зашуршала трава под стремительными шагами.

— Смаргл?.. Смаргл, где ты? — послышался осторожный шепот. — Я чувствую — ты недалеко... Отзовись!

Зажав рот рукой, Смаргл осторожно двинулся прочь по дну оврага. Наверху девушка нашла его следы — примятую траву и взлохмаченные ветки — и теперь спускалась за ним.

Впереди пахло водой. Река должна была сбить преследовательницу со следа. Ободренный этой мыслью, Смаргл прибавил ходу, не заботясь об осторожности.

Треск ветвей выдал его. Радостно вскрикнув, Рада припустила за ним.

Сломав голову Смаргл ворвался в заросли — и свалился вниз по склону, рухнув как раз в сплетение ивняка у самой воды.

Брызнули в стороны перепуганные лягушки, закричали спросонья птицы. Рада замерла, удивляясь шуму.

— Смаргл? — послышался ее голос, и Сварожича всего затрясло. — Что с тобой? Ты жив?

Беглец не успел пошевелиться — над ним раздался веселый смех. Вскинув глаза, Смаргл ошолбенел.

Над ним у самой воды в полосе лунного света стояла девушка невысокого роста. Единственной ее одеждой были длинные волосы, спускавшиеся до колен и закрывавшие фигуру. Она просвечивала сквозь них загадочно и маняще. В ее раскосых глазах отражалась луна и светило такое веселье, что Смаргл почему-то обрадовался ей как лучшему другу.

Обхватив себя руками за плечи, девушка смотрела, как он выбирается из кустов.

— От кого ты убегал, молодец? — ласково и напевно молвила она.

— Сма-аргл! — донесся голос Рады.

— От нее, — сознался он, и девушка снова зашлась смехом, чуть не сгибаясь пополам.

— Ой, держите меня! — заливалась она. — Воин от девушки бежит!

Смаргл бросился к незнакомке и схватил ее за руки.

— Избавь меня от нее! — взмолился он. — Что хочешь для тебя сделаю! — И выпалил неожиданно для себя: — В жены тебя возьму!

Девушка дернулась было из его рук, но раздумала вырываться и прислушалась к шорохам леса. За это время Смаргл успел заметить, что она ниже его ростом.

— Добро, — улыбнулась своим мыслям незнакомка. — Идем!

Она перехватила запястья витязя и шагнула назад. Двинувшийся было вслед, он остановился, недоумевая:

— В воду?

Девушка опять расхохоталась. Она стояла босыми ногами на поверхности воды, будто ничего не весила.

— Да идем же, Смаргл, — улыбнулась она и пропела, явно подражая Раде: — Смаргл...

Того словно хлестнули плетью, и он сделал шаг.

Девушка ступала по глади уснувшей реки легко и бесшумно, лишь чуть морща ногами серебристую лунную дорожку. И Смаргл, идущий за нею, чувствовал, как его что-то влечет над самой водой — он словно ступал по чему-то мягкому и упругому, но на воду смотреть боялся, не сводя глаз с девушки. Та же нарочно не обращала никакого внимания на его жадные взоры.

Река сделала поворот, и они повернули вместе с нею. Здесь ее берега были гораздо круче, а русло уж и точно глубже. Высокие плакучие ивы толпились вдоль воды, свесив ветви в реку. Девушка решительно направилась к одной из них и отвела ветви рукой.

— Входи!

Доверившись незнакомке, Смаргл сделал несколько шагов.

Под корнями кряжистой ивы было устроено небольшое, но уютное логовище. Пол был земляной, густо обсыпанный для тепла опавшими листьями, стены и потолок слагала сама древесина ивы, ветви образовывали вход. Сквозь листву лился свет луны, позволяя осмотреться.

Дав гостю обвыкнуться, незнакомка неслышно скользнула следом. Во тьме пещерки вдруг оказалось, что ее кожа светится розово-золотистым светом. Не смущаясь своей наготы, она откинула волосы назад и уселась на подстилку из листьев, жестом пригласив присесть и витязя. Откуда ни возьмись, в ее руках оказались не ко времени зрелые дикie яблоки.

— Ты водяница? — спросил Смаргл, осторожно принимая угощение.

Девушка снова рассмеялась.

— А ты испугался? — весело молвила она, приблизив лицо к его глазам. — А хвалился замуж взять!.. Впрочем, что взять с того, кто от девки убежал!

— Да не любя она мне! — объяснил Смаргл. — Силком оженить хотят, потому как мы с братом ее от Змея выручили. А это вроде благодарности...

Девушка недоверчиво прищурилась, и Смаргл откровенно поведал ей обо всем, начиная с того момента, как Стривер явился в замок звать братьев на подмогу. Выслушав его торопливый рассказ, девушка кивнула и встала, отряхнув колени.

— Что ж, — молвила она, — ты прав — силой ничего хорошего сотворить нельзя... Подожди меня здесь — я скоро!

Она шагнула вон, отводя ветки, но Смаргл поймал пушистую прядку ее волос.

— погоди, — взмолился он, — честно скажи — не причинишь ли ты ей зла?.. Такой ценою не хочу от нее избавиться!

— Что ты, — девушка взяла в ладони его лицо, — глаза ей отведу — пусть тебя в роще ищет, с лесовиками развлекается... Лесовики у нас как на подбор — молодые красавцы. Авось какой полюбится взабол!

Она выскользнула вон, оставив Смаргла стоять на коленях и с волнением прислушиваться к звукам ночи.

Шурша ветками, пролетел в ивах ветер. Он принес с собой голоса людей — кого-то

окликали девушки, им отзывались мужчины. Вот донесся знакомый оклик — витязя всего затрясло от волнения, — но голоса стали удаляться, растворяясь в шорохе листвы. Еще раз донесся чей-то смех, нежный голос затянул песню — и все стихло. Людей сменили лесные звери — неподалеку плеснула щука, крикнула сова — и снова все затихло.

Смаргл, насторожившись, слушал тишину. Бродя в скалах на родном севере, он научился распознавать и самые тихие шорохи, но здесь он не успел и вздрогнуть — ветви ивы качнулись в стороны, и незнакомка шагнула к нему.

Увидев ее окутанный волосами силуэт, витязь притянул ее к себе, обнимая прохладное тело. Голова закружилась от ароматов летней ночи, исходивших от нее.

— Пришла, пришла, — шептал Смаргл, касаясь губами ее шеи. — Я так ждал...

Девушка молчала и не сопротивлялась, упираясь руками ему в грудь.

— Пусти, — наконец молвила она. — Гость, а ведешь себя непотребно!

Смаргл заглянул в ее горящие глаза.

— Поедем со мной, — предложил он. — Я на север тебя свезу, к матери моей, отцу.

Девушка засмеялась, высвобождаясь из его рук.

— Ведаешь ли ты, кого за себя зовешь? — сказала она. — Ни имени не спросив, ни рода-племени...

— А ты назовись — я знать буду, кого перед отцом-матерью женой назвать. — Смаргл все стоял на коленях.

— Луной меня зовут, — подумав, ответила девушка. — Луной Купальницей, Девонь-водяницы дочерью...

...Проблуждавшая всю ночь по лесу Рада наконец забылась беспокойным сном под ракитовым кустом в объятьях молодого лешака. Крепко спящая, она не почуяла, как на самом рассвете мимо нее проскакали всадники. Стривера и Меру сопровождал Смаргл. Впереди него на луке седла сидела легкая как перышко Луна Купальница.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не оставшись на свадьбе братьев, Перун не спешил возвращаться домой, к жене. Сам о том не ведая, Смаргл своей просьбой отговорить княгиню Синегорку от свадьбы его с Радой тронул в душе старшего Сварожича незаживающую рану.

Диву-Додолу Перун действительно брал без любви — лишь потому, что был обязан защищать ее от Велеса. За долгие годы он успел привыкнуть к доброй и самозабвенно любящей его жене, но сам полюбить ее не смог.

Все это время в сердце была она — его первая и последняя настоящая любовь, погибшая уже невесть сколько лет назад дочь Непры-княгини, нежная красавица Ршава. С годами образ ее стерся, поблек, утратил четкость, но память жила постоянно. Отправляясь в дальний путь, Перун в каждой светловолосой девушке видел Ршаву. Порой ему казалось, что он почти нашел ее — но стоило взойти солнцу, и пелена спадала с глаз. Он искал ее везде — на востоке в неизведанных безымянных краях, где с гор когда-то спустился род его отца Сварга, и в непролазных дебрях Диких Лесов, населенных еще более дикими обитателями, на севере в вечно заснеженных скалах и на юге, среди крошечных островков и болот теплых земель. Искал везде — но только не здесь. Слишком ясно помнилось все случившееся на берегах Рось-реки, чтобы ему хотелось еще раз испытать ту же боль.

Ящер втайне не одобрял намерений друга через столько лет впервые появиться в тех местах, откуда они когда-то начали свой путь. По его мнению, Перун должен был явиться сюда сразу после завершения работы над Рунами — или не являться совсем. Но старый зверь молчал и хранил мысли свои при себе, послушно вышагивая в облике бурого коня под седлом друга.

— Ящер, — вдруг окликнул его Перун, ослабляя повод, — как думаешь, может, нам лучше вернуться?

Жеребец встряхнул гривой, меняя шаг.

— Давно пора, — прозвучал его задумчивый голос. — Места знакомые близко — что ж себя зря неволить-то!..

— Не то ты помыслил. — Перун прищипорил остановившегося было коня. — Я про Синегорье толкую — не зря ли я Смартглу в подмоге отказал. Как он с нелюбимой жить станет?

Большие глаза коня вдруг полыхнули зловещим кровавым светом.

— О том раньше думать надо было, — ответил он. — Уж несколько дней миновало, и он либо женат, либо удрал... Да ты за него не тревожься — дело молодое! Годы и не такое смиряют! — Он собирался говорить и дальше, но почувствовал, что его друг не хочет слушать, и замолчал.

Перун откинулся в седле, отпустив повод и глядя по сторонам. Ночь недавно вступила в свои права — на западе только-только догорел закат, казалось, небо, подобно углям потухшего костра, еще хранило его тепло. Крупные летние звезды высыпали на небе, окружая полную луну, сиявшую сверху как глаз невиданного зверя. Она медленно плыла по ночному небу за всадником, отмечая его путь.

Холмистая степь, поросшая кое-где островками леса, мирно дремала. Горизонты пропадали во тьме, и только ближние холмы вставали вокруг, как спины спящих зверей, с торчащей щетиной лесов. Заросшая по обеим сторонам Рось извивалась между ними, как змея. Вода ее при свете луны мерцала, как настоящая чешуя. Пробегавший порой ветер морщил речную гладь и шевелил кроны деревьев.

Ночь была наполнена шорохами и звуками. Трава шуршала под копытами коня, неумолчно голосили сверчки, где-то внизу, у самой воды, разливалась песня соловья. Вдалеке затыкала лисица, слышался крик ночной птицы.

Крутобокий холм, поросший густым лесом, выплыл из темноты неожиданно, будто нарочно ждал Перуна. Не вглядываясь, тот сразу же узнал место — где-то здесь он впервые увидел Ршаву, а чуть дальше будет остров, подле которого она утонула.

Ящер тоже узнал эти места и прибавил шагу, дабы поскорее миновать их, но Перун осадил бурого коня.

— Узнаешь? — спросил он, простирая руку. — Наша заводь!

— Узнал лучше тебя, — ворчливо отозвался Ящер, потихоньку трогаясь с места. — Ты немного ошибся — наша заводь на другой стороне за рощей.

— Какое это имеет значение! — отмахнулся Перун. — Здесь прошли самые счастливые дни моей жизни! Здесь я полюбил первый и последний раз в жизни, а ты... Ты-то хоть знаешь, что такое любовь?

Последние слова он произнес очень тихо. Чутко понимавший все чувства друга, Ящер вздохнул.

— Любовь? — Бурый конь опустил голову. — Это такое незнакомое и вечно чужое чувство, когда начинаешь жалеть, что ты — это ты, а не самый лучший, самый красивый и самый сильный; когда ненавидишь все вокруг, если нет любви, и любишь все вокруг, когда она появляется... Знал я, когда помоложе был, одну... Случалось, себя подле нее забывал... Где-то она теперь?

Свесившись вперед, Перун с удивлением слушал Ящера.

— Вот как, — молвил он. — Что ж ты раньше молчал, старое бревно?

— А ты б поверил, — притворно обиделся зверь, — что я не всегда был бревном, да еще и старым? Да если вспомнить, кем она была!

— А кем? — немедленно отозвался Перун.

— Человеком, — фыркнул Ящер так, что трава вокруг полегла, как от урагана. — Таким же, как и ты, с руками-ногами... Чародейкой она была из древнего народа, сейчас уже исчезнувшего в веках, а я молод был, зелен...

— И что ж, она тебя, такого зубастого, с крыльями, и любила?

— Зачем с крыльями! — В брюхе Ящера что-то зарокотало. — Я к ней молодцем летал. Она молчала, не догадывалась, пока младенец не родился...

Последнее было Перуну близко и понятно.

— И младенец был? — переспросил он.

— А то нет? — Ящер гордо выгнул шею. — Весь в меня уродился!

— Такой же зверь?

— Зверь... Тут она все поняла, да и я таиться от нее перестал — так и летал к ней в открытую. А вскоре потоп случился, ну, тот, про который мы со Святогором тебе рассказывали. Тогда мы друг дружку и потеряли. Я надолго в Пекле застрял, а потом ты появился... Так-то вот. А ты говоришь — любовь!

Оба друга притихли. Холм остался далеко позади. Бурий жеребец широким шагом шел вниз по течению Роси, постепенно приближаясь к берегу. Глухая ночь была тиха и пустынна. В тишине и покое хорошо думалось. Уйдя мыслями в прошлое, Перун потерял чувство реальности.

Неожиданно Ящер вскинул голову, дернув ухом:

— Слышишь ли?

Витязь выпрямился. С высоты седла он не только услышал, но и увидел, что они не одни в ночи.

Впереди, в полуверсте от всадника, Рось делала поворот — тот самый, за которым был мост и остров. С высокого берега ровная гладь реки была хорошо видна. В воде резвились купающиеся женщины, морща серебристую лунную дорожку. Их нежные напевные голоса далеко разносились по реке.

— Водяницы гуляют, — молвил Перун. — Как раз в том месте, где...

Ящер кивнул.

Сколько раз за годы странствий видел Перун девок-водяниц, живущих в реках, морях и ручьях. Многих он знал, со многими проводил ночи, а потом случаем узнавал о зачатых младенцах. Он забывал их тут же, как забывают летом о холодах прошедшей зимы, но сейчас вдруг ясно вспомнилось, что и Ршава тоже стала водяницей, унеся под сердцем его ребенка. Все дети, забытые раз и навсегда, не стоили для него этого нерожденного малыша. Перун забыл обо всем на свете при взгляде на играющих в лунном свете водяниц и пришпорил Ящера, направляясь к ним.

Не доезжая шагов ста, он спешился и, бросив коня, крадучись углубился в заросли, закрывшие его от купальщиц. Осторожно раздвигая руками мокрые от росы ветки, он подбирался все ближе и ближе, пока наконец не оказался на самом обрыве.

Берег здесь довольно резко спускался к воде, но, поскольку Рось тут поворачивала, у обрыва образовался песчаный пляжик, небольшой, но достаточный для его обитательниц.

Вода в ночи казалась черно-седой. Больше десятка нагих водяниц отдыхали на узком бережке или с веселыми криками плескались на мелководе, толкая друг дружку, ловя за светло-зеленые волосы и в шутку опрокидывая на спину.

Перун не сводил с них жадного взгляда. В каждой он видел Ршаву, но водяницы все были похожи как две капли воды, и он не мог распознать ее. А в то же время что-то нашептывало ему, что она может быть здесь. Увидеть ее еще раз, перемолвиться хоть словом, сказать, что не забыл — Перун хотел этого так сильно, что, не сумев совладать с собой, выпрямился во весь рост и шагнул к бережку из кустов.

Но он не сделал и трех шагов, как его заметили. Прекратив игры, водяницы разом обернулись. Полтора десятка юных прекрасных лиц словно вспыхнули у него перед глазами.

— Ршава! — позвал Перун.

Сгоряча ему показалось, что одна из девушек вздрогнула, узнавая его, и он бросился к ним. Но в тот же миг водяницы хором завизжали и опрометью бросились в реку, перегоня друг дружку.

— Ршава! Ршава! Вернись! — закричал Перун, кидаясь следом.

Водяницы уже скрылись, оставив лишь расходящиеся круги и легкие следы на песке. Не помня себя, Перун бросился за ними в реку. Он был готов гнаться за ними под водой, преследовать каждую, пока хватит жизни — одна из них была ею, его погибшей любовью.

Если она забыла Перуна за годы, его жаркие объятья заставят ее вспомнить — водяница, не забываящая встретить зарю подле любимого, может снова стать человеком. И на сей раз он не отпустит ее ни за что!

Сзади затрещали кусты, раздался гневный окрик. Решив, что это Ящер, Перун отмахнулся, на ходу срывая с себя плащ и рубаху, но прежде чем он забежал в воду по колено, преследователь настиг его и остановил резким рывком.

— Назад! — прозвучал срывающийся от ярости молодой голос. — Назад, негодяй!

Это было так неожиданно, что Перун не успел ничего понять. В следующий миг тяжелый удар сбил его с ног, вываляв в песке. Витязь растянулся на земле, а над ним вырос гневно сверкающий глазами коренастый юноша.

— Как ты смеешь! — закричал он ломающимся голосом. — Не смей мешать моей матери, или я тебя размажу по песку — следа не останется!

Перун снизу вверх взглянул в замутненный взор юноши и почувствовал, как в нем самом закипают гнев и ненависть. Еще никто не сбивал его с ног и не грозился убить безнаказанно. Давняя привычка не давать спуску задирам, тем более таким юным и глупым, взяла верх, и он забыл обмолвку парня.

— Значит, ты уверен, что сможешь со мной совладать? — спросил он, оттягивая время.

— Убью и рода-племени не спрошу! — воинственно заявил парень. — Узнаешь ты у меня...

— Нет уж, ососок, узнать придется тебе! — перебил его Сварожич.

Парень двинулся на лежащего, сжав кулаки, но Перун был опытным бойцом. Горсть мелкого речного песка полетела в лицо нападавшему. Тот на миг дернулся, отводя взгляд — и этого Перуну хватило, чтобы одним прыжком вскочить на ноги.

— Ну, — молвил он, — поглядим, кто кого обучать станет.

Зло оскалившись, парень откинул с лица вьющуюся прядку. Лунный свет упал ему на лицо, и оно показалось Перуну до странности знакомым. Но сообразить, кого так напоминает ему незнакомец, он не успел — тот со сдавленным рычанием бросился на противника.

Перун и не думал уходить от удара — парень врезался в него, как в скалу, и тут же был отброшен назад так, что чуть не упал на песок. Еле выровнявшись, он смерил пришельца взглядом.

— Я убью тебя! — взревел он, мгновенно распаляясь, и вторично устремился на врага.

На сей раз Сварожич не стал дожидаться. Он двинулся чуть вбок — и парень проскочил мимо. Не успев затормозить, он влетел в реку — и в тот же миг тяжелый пинок заставил его рухнуть на четвереньки.

— Охлонись малость. — Перун окунул голову парня в воду и немного подержал так. — Будешь знать, на кого кидаться. Молоко сперва с губ оботри!

Парень только мычал сквозь стиснутые челюсти. Отбросив его в сторону, Перун отправился было назад, но не прошел и трех шагов, как сзади снова послышался крик и свист рассекаемого воздуха. Витязь успел развернуться навстречу, и подобранная парнем коряга пришлась ему по плечу.

Это рассердило Перуна, враз задурманив голову. Коряга с треском сломалась, и, вырвав из рук парня обломки, Сварожич рывкнул:

— Ну, прощайся с жизнью, щенок! — и бросился в бой. К его удивлению, парень сам устремился ему навстречу.

Он был без оружия, в ношенных портах, босой, да и сам Перун оставил меч у седла Ящера, а потому они схватились врукопашную.

Противнику Перуна было не больше двадцати лет, а потому Сварожич удивился его буйной силе. Несмотря на юность и неопытность, парень оказался грозным соперником. Обхватив Сварожича за бока, он словно врос в землю, сопя от натуги. Оставалось лишь дивиться тому, каким станет он, когда чуть заматерее и войдет в полную силу.

Занятые только собой, противники не могли видеть, что спугнутые водяницы не спешили покидать берега. Отплыв на безопасное расстояние, они из воды с волнением

наблюдали за схваткой, затаив дыхание. Особенно волновалась одна из них, подплывшая ближе всех к берегу. Она чуть не закричала, когда стало видно, что одолеет старший.

Стиснув зубы, Перун сдал ребра парня так, что тот вскрикнул. Обоим показалось, что что-то хрустнуло внутри. В следующий миг Сварожич одним рывком оторвал от себя противника и со всей силы бросил о землю.

Ударившись об обломки своей коряги, парень скрипнул зубами, но не успел пошевелиться — победитель набросился на него и прижал к земле, схватив за горло. В другой его руке блеснул нож.

Водяницы разом нырнули, не в силах вынести этого зрелища, и только одна появилась на поверхности снова, кинувшись к берегу.

Придавив парня к земле так, что тот и не думал сопротивляться, Перун приставил к его горлу нож.

— Ты похвалялся, что убьешь меня и рода-племени не спросишь напоследок, — молвил он. — Что теперь скажешь?

Парень дернулся, когда холодное лезвие слегка царапнуло ему шею.

— Зверь, — прохрипел он, — пес поганый... Не смей смотреть на мою мать! Не смей!

Перун уже собрался перерезать вздрагивающее горло, но вдруг что-то остановило его. Парень был молод и в последнюю минуту жизни думал не о себе — о матери.

— Кто ты? — спросил Сварожич. — Откуда? Как зовут? Кто твои родители?

Парень презрительно скривил дрожащие губы.

— Зачем тебе? — прохрипел он наконец. — В горе их утешить? Нашелся жалостливый!

— И все-таки скажи, — настаивал Перун. Сейчас, когда повергнутый противник лежал в песке не в силах пошевелиться, он уже не казался грозным и страшным — просто мальчишка, которого много баловали, но мало учили.

— Мне твоего имени было не надобно, — гордо отозвался парень. — И тебе мое знать ни к чему! А решил убить — убивай! Мне-то что...

Рука Перуна, сжимавшая нож, странно дрожала.

Одно нажатие — и освобожденная кровь зальет убийцу и его жертву... Но именно потому, что на ум приходило это слово «убийца», Перун долго не мог заставить себя покончить с парнем.

Тот щурил странно знакомые глаза в издевательской усмешке.

— А ты старик, — вдруг протянул он, — трусость в тебе старческая...

И в тот же миг рука Перуна перестала дрожать.

— Я не старик, — возразил он, — но тебе уже поздно раскаиваться в ошибке.

Он коротко взмахнул ножом, но тут рядом раздался плеск воды и отчаянный женский крик:

— Нет! Не смей! Это твой сын!

Бледное тело метнулось к противникам. Мокрые холодные ладони остановили занесенную руку в полете, отводя ее в сторону. Пораженный внезапным вторжением, Перун обернулся.

Подле него на коленях стояла водяница и изо всех сил выворачивала его руку, нацеливая нож себе в грудь. В какой-то миг ей удалось отвести клинок от шеи парня, и она, налегая на лезвие телом, заглянула Перуну в лицо.

— Не смей, — прошептала она. — Не смей его трогать, Индар! Это твой сын!

Оба противника замерли, одинаково пораженные, уставившись на водяницу как на лишившуюся рассудка. Не пытаясь вырвать руку из ее ладоней, Перун медленно выпрямился, не замечая, что коленом сильнее упирается в грудь совсем переставшего дышать парня.

— Индар? — переспросил он, не веря своим ушам. — Ты?..

Глаза водяницы вмиг наполнились слезами, и влага потекла по ее бледным щекам.

— Узнал, — простонала она, пытаясь улыбнуться. — А я-то...

— Ршава!

Отбросив нож, Перун бросился к водянице, ловя ее в объятья.

Та сама устремилась к нему, обхватив руками за шею. Тело ее было холодное, мокрое и скользкое, от него пахло илом и рыбой, но где-то в глубине еле-еле заметно постукивало сердечко, и Перун уловил этот стук. Схватив в ладони лицо любимой, он жадно поцеловал твердые неподатливые губы. В какой-то миг ему удалось их оживить, заставить ответить, но потом водяница вдруг выскользнула у него из рук, словно не имела костей.

— Нельзя, — прошептала она с сожалением, — ты живой, я мертвая.

Взгляд ее скользнул вниз, и Перун вспомнил о парне.

Тот лежал, разметавшись на песке, и лицо его было Велес луны. Прижатый Перуном, он еле дышал. На шее виднелась косая царапина от ножа.

— Это правда? — выдохнул Перун, жадно пожирая глазами запрокинутое лицо.

Ршава бросилась парню на грудь, тормоша и причитая. Захватив в горсть прядь своих волос, она обтерла лицо и шею парня. От знакомых прикосновений он пришел в себя и открыл глаза.

— Мама...

— Сынок! — Водяница за плечи подняла его, приглаживая взлохмаченные волосы и с нежностью лаская. — Все хорошо, сынок! Не бойся!

Поддерживаемый ею, парень сел на песке, поморщился, коснувшись пальцами царапины на шее. Ршава заботливо осматривала его, словно забыв о присутствии Перуна.

Тот, онемев, не сводил глаз с парня. Угар боя прошел, и теперь он с удивлением разглядывал его, понемногу понимая, на кого похож парень. Светлые волосы и глаза достались ему от матери, но черты лица и фигура — их Перун столько раз видел в своем отражении, что терялся в догадках: как он мог не признать юношу раньше?

— Ршава, — наконец позвал он, — неужели это правда?

Водяница и ее сын разом обернулись на витязя. Мать выпрямилась, гордо улыбаясь.

— Да, — сказала она. — Я обещала, что он родится — и он родился. Его имя Тарх.

Парень сбоку глянул на мать:

— Кто он такой?

В глазах медленно вставшей Ршавы по-прежнему светилась гордость.

— Это твой отец, — прошептала она, подходя к Перуну и подводя к нему сына. — Я так счастлива, что вы встретились. Я жила ради этого дня.

Отец и сын стояли друг против друга и глядели во все глаза, словно стараясь запомнить увиденное на всю жизнь. Перун чувствовал, как у него сжимается сердце. Шагнув к сыну, он взял его за плечи.

— Так вот ты какой, — промолвил он, — Тарх...

Парень дернул плечами, высвобождаясь:

— Я не знаю тебя!

— Ну так и я не знал!

— Нет, знал! — Тарх отступил, сжимая кулаки. — Мать еще давно мне все поведала, когда я совсем малой был. Ты знал обо мне. Знал, но бродил где-то все это время! Мы были тебе не нужны...

Ршава испуганно отшатнулась, зажимая себе рот руками. В глазах ее мелькнул ужас. Она метнулась было к Перуну, словно тот уже готов был накинуться на ее сына с кулаками, но оба спорщика не замечали ее.

— Это неправда, сын! — воскликнул Перун. — Вы мне нужны! Вы — моя семья. Я любил... люблю твою мать!

— Но ты ее бросил! С младенцем под сердцем!

— Не бросал я! — В душе Перуна опять зашевелился гнев. — Но я думал, что вы погибли — и Ршава и ты... Я совершил с тех пор много ошибок, но я хочу исправить хоть одну из них! И я возьму вас с собой на север — мы будем жить вместе. Ради вас я оставлю Диву...

Он осекся, потому что Тарх перебил его.

— У тебя есть другая? — ахнул парень.

— Да, но ты должен меня понять — я...

— Сначала ты бросил мою мать, поверив, что она мертва, — голос парня дрожал от гнева, — а теперь ты хочешь ради нее бросить обманутую женщину! А может, где-то есть третья, ради которой ты оставишь мою мать?

— Но, сын!..

— Я тебе не сын, — гордо отрезал Тарх, отворачиваясь. — И если ты не уедешь немедленно, я найду способ расправиться с тобой!

— Еще захотел, щенок? — вспылил Перун.

Он двинулся было на Тарха, но Ршава бросилась между ними, закрывая сына своим телом.

— Не трогай его! — закричала она. — Прошу тебя! Ради нашей любви! Он еще молод и не знает жизни! Он поймет потом! Уезжай, Индар! Уезжай пока!

Тарх оттолкнул мать и ринулся на отца. Тот уже успел отойти на несколько шагов вверх по склону, где маячила голова бурого коня. Тяжелые шаги за спиной заставили его обернуться — Тарх налетел на него, едва не сбив с ног.

— Пес! Поганный пес! — хрипел он в бешенстве. — Ненавижу!

— Молчи, — закричала Ршава, кидаясь к нему. — На отца!

Но Тарх в ярости ничего не слышал и не видел. Словно обезумевший, он замахал кулаками. Будь у него нож, он бы не тратил время на бесполезные раздумья и давно уже пырнул бы отца.

Пропустив несколько ударов, Перун перехватил одной рукой оба запястья Тарха и подтянул к себе багрового от ярости парня. Даже в злобе он походил на отца — так же быстро распалялся, забывая в ненависти себя и не замечая ничего вокруг. И даже огонь, пылавший в его глазах, был знаком Перуну. Велес тоже мог бы его узнать, но сам Сварожич только содрогнулся.

— Я был бы рад назвать тебя сыном, — молвил он. — Я искал тебя и мать — я любил только ее, а ты растоптал мою память о ней. Сегодня ты не захотел назвать меня отцом, но ты и сам однажды не сможешь никого назвать сыном! У меня нет более сына — так пусть и у тебя его не будет!

Перун не успел прибавить ни звука — низовой сильный ветер пронесся над рекой, поднимая волну и сгибая кусты. Испуганно мигнули звезды, прячась за невесть откуда взявшиеся тучи, с небес докатился раскат сухого грома.

Ршава завизжала в ужасе, упав на колени. У самого Перуна в душе что-то оборвалось, но он оттолкнул Тарха так, что парень, пролетев несколько шагов, плюхнулся в реку на мелководье.

— Запомни мои слова! — прогремел голос Сварожича.

Вспыхнувшая в ночи молния озарила его, замершего с простертыми руками. На миг он показался высоким — выше деревьев. Потом мрак снова окутал землю, и над притихшей рекой прокатился второй раскат грома.

Ветер немного растолкал тучи, очищая небо для звезд. Когда чуть развиднелось, Перун уже исчез. Ветер стер его следы на песке, разгладил потревоженные кусты, и только вдалеке, напоминая, что это не сон, стучали тяжелые копыта бурого коня.

Очнувшаяся Ршава бросилась к сыну. Тарх все сидел в воде, ошеломленно хлопая глазами. Он никак не мог прийти в себя после видения и не понимал, что с ним. Мать прижала его голову к своей груди, целуя мокрые щеки и что-то бессвязно лепеча в утешение ему и себе.

— Ты это видела? — прошептал Тарх наконец. — Молнию и гром...

— Да, сынок, да. — Ршава плакала, вытирая лицо собственными волосами. — Не обращай внимания...

Ее сжимал страх надвигающейся беды — в отличие от Тарха, она понимала, что означают последние слова Перуна. Проклятье должно будет свершиться над ее

единственным сыном рано или поздно — через год или десять лет, не важно. Оно найдет свою жертву, и избавить от него сможет лишь сам Перун, если простит Тарха.

— Ты видела? — повторял тот, — Мой отец чародей?

— Да, сынок, да, но лучше бы тебе не знать этого!

— Нет, мама, это ему лучше бы забыть обо мне. — Тарх встал, выходя на берег. — Ибо я найду его! Найду, и тогда — чародей он или нет — я заставлю его пожалеть о том, что он сделал с тобой!

— Не смей, сынок! Не смей! Он погубит тебя! — закричала ему вслед Ршава, но Тарх даже не обернулся, уходя.

* * *

Где-то на севере уже вступала в свои права осень — меняли наряд леса и долины, собирались последние урожаи, завершалась заготовка припасов к зиме. В лесах раздавались голоса влюбленных оленей и лосей, к югу тянулись стаи птиц. Хотя солнце еще дарило тепло, но уже не радовало.

А в этих краях все еще продолжалось лето, словно не веря в то, что где-то может быть холодно. Ни единой сединки не было в косах деревьев, все еще мелькали в траве огоньки цветов, перекликались птицы, а с берега ближнего моря доносился манящий шум прибоя.

Здесь и деревья росли не такие, как на севере, — они были выше, шире, гуще. По их стволам вилась повитель, по склонам невысоких, гладких от времени гор взбегали к вершинам пестрые луга.

Тарх шел куда глаза глядят. Он хоть и заблудился, все же отказывался себе признаваться в этом.

Первые два-три дня парень еще шел по следам, оставленным бурым жеребцом отца. Глубокие, с вывороченной землей и обломанными кустами ямы от копыт виднелись издалека, но потом пропали. Тарх и не подозревал, что на самом деле под седлом его отца был Ящер, снова принявший свой настоящий облик.

Тарх продолжал следовать в том же направлении, надеясь, что рано или поздно опять нападет на следы. Но миновало слишком много времени — очевидно, Перун свернул в сторону.

Однако унаследованное упрямство мешало Тарху повернуть, и он продолжал безнадежный путь.

Склон, по которому он шел, зарос густым лесом. Узкая тропинка извивалась меж стволов и камней. В кронах попискивали птицы.

Неожиданно тишину леса нарушили постепенно приближающиеся странные звуки — звонкий топот, фыркание, взвизги и лopotание, будто невнятно спорили несколько девушек.

Уже третий день Тарх не встречал ни одного человека, а потому поспешил на шум.

Тропа сделала поворот, резко метнулась по склону вниз и выскочила на небольшую прогалину, с другой стороны которой открывалась расщелина, где звенел ручеек. Оттуда по той же самой тропе прямо на Тарха двигались те, чье присутствие он почувствовал недавно. Увидев, кого он принял за играющих девушек, парень застыл на месте.

На прогалине веселились десятка полтора молодых кобылиц. Все они на первый взгляд казались одинаковыми — высокие, тонконогие, светлой масти, с длинными мягкими гривами и хвостами, явно никогда не знавшие узды и седла. Весело фыркая, они скакали и катались по траве.

Пораженный увиденным, Тарх сделал несколько шагов, прежде чем одна кобылка случайно не заметила его. Взвизвись на дыбы, она завизжала совсем как маленькая девчонка, которая внезапно увидела, что за нею наблюдает парень.

Кобылицы миготом прекратили игру и сбились в кучу, топорща хвосты и настороженно блестя глазами. Они явно боялись человека.

Тарх протянул к ним руку.

— Простите меня, — заговорил он тихо, — я чувствую — мать меня обучила, — что вы не просто лошади, а юные девушки. Кто-то наложил на вас заклятье. Не бойтесь меня! Я заблудился в этих краях и прошу у вас помощи и совета!

Это и в самом деле было так. Выросший среди речной и лесной нежити, Тарх с младенчества знал, что есть на свете такие, кто может не только менять свой облик, но и превращать других людей в животных и чудовищ. Несомненно, эти девушки когда-то встретились с чародеем.

Кобылицы с любопытством блестели глазами, раздумав убежать. Тарх осторожно подошел — между ним и ближайшей кобылкой было не такое уж большое расстояние — только протяни руку.

— Я прошу у вас помощи, — снова заговорил Тарх. — Мне нужно найти того чародея, что заколдовал вас. Я понимаю, вы наверняка боитесь и ненавидите того, кто обратил вас в лошадей, но если вы мне поможете, то сначала я попрошу его отомстить одному человеку, а потом уничтожу его. Тогда чары с вас спадут и...

Кобылицы заметно заволновались.

— Вы думаете, что я не справлюсь? — догадался Тарх. — Ничего, я смогу! Я...

Внезапно он рванулся вперед, и кобылицы бросились врассыпную. Все, кроме одной — Тарх крепко держал ее за гриву. Она жалобно заржала, пытаясь вырваться. Ее подруги, опомнившись, накинулись было на Тарха, но тот ужом скользнул между ними и одним прыжком оказался на спине пленной кобылицы, цепляясь изо всех сил.

— А ну, неси меня к чародею! — приказал он. — Иначе пожалеешь!

Кобылица встала на дыбы, потом прыгнула вверх, поддавая задом, заметалась на поляне, прыгая и брыкаясь. Остальные метались подле, стараясь зубами — стащить человека, но больше мешали друг другу. Вырвавшись наконец из кольца, кобылица ринулась куда глаза глядят вместе с вцепившимся в ее гриву Тархом.

Обхватив руками гибкую шею кобылицы, Тарх зажмурился, отдавшись на милость судьбы. Лошадка неслась напролом по лесу, не замечая преград — вламывалась в заросли, одним скачком преодолевала русла ручьев, овраги, чуть не кувырком скатывалась со склонов. Она то брыкалась, то принималась кататься по земле, то вертелась волчком, то с размаху ударялась боком о дерево. Ее жалобное ржание, напоминавшее крик ужаса, далеко разносилось окрест. Взволнованные голоса ее подруг давно стихли вдали.

Исхлестанный ветками Тарх даже не заметил, когда прекратились бесконечные толчки и прыжки. Кобылица была покрыта пеной, тяжело дышала и гнула гордую шею до земли. Парень выпрямился и пнул пятками крутые бока:

— Живо вези меня к чародею!

Кобылица почти застонала, пошатнулась, но Тарх кольнул ее ножом в бок, и она была вынуждена подчиниться. Непрестанно подгоняя ее ножом, Тарх гнал кобылицу через лес.

Испуганная, исцарапанная, та мчалась вперед.

Лес раздался так резко, что Тарх не успел как следует рассмотреть выдающийся в море одинокий голый утес, казавшийся мрачным даже при ярком солнце. Море билось о камни. Самые большие валы почти достигали сложенной из валунов и стволов старых деревьев ограды. Неровный, кое-где устроенный поверх ограды тын был украшен странно знакомыми предметами, но Тарх рассмотрел их позже — когда кобылица поднесла его к распахнутым настежь воротам и мостку, перекинутому через ров с отвесными стенками. За миг до того, как кобылица одним прыжком влетела в ворота, парень успел узнать странные предметы.

Это были человеческие черепа.

Тарх почувствовал тревогу, но было поздно — он уже оказался во дворе, где замученная кобылка упала на колени.

Парень спешил, оглядываясь.

Во дворе царил ужасный беспорядок — какие-то кости, части доспехов и конской упряжи, исковерканная домашняя утварь, ржавое оружие. В центре двора стоял сложенный наполовину из камней, наполовину из бревен приземистый грубый дом, украшенный

черепом твари, которую Тарх никогда раньше не видел. Дом издалека напоминал чудовище, присевшее и распахнувшее крылья — скаты крыши.

У высокого узкого крыльца-влезня толпились давешние лошади, со страхом глядя на изнемогающую подругу. Удивляясь, как это они оказались здесь раньше его, Тарх не увидел хозяйки здешних мест, пока она не подошла ближе.

Это была женщина высокого роста. Годы согнули ее, и все-таки она была огромна — плотная, сильная, закутанная в шкуры диких зверей и кованые доспехи. Густая грива волос окутывала ее до пояса. Грубое лицо напряглось, маленькие глазки под тяжелыми веками полыхнули ненавистью, когда она посмотрела на кобылицу.

Тарх решительно заступил ей дорогу.

— Ты не причинишь ей вреда, — заявил он, сунув нож под нос женщине. — Иначе я разрежу тебя на кусочки. Но я не трону тебя, если ты согласишься помочь мне!

Женщина проворно отпрянула. Глаза ее забегали, словно в испуге.

— Помочь тебе? — хрипло буркнула она. — Не много ль просишь, молодец? И того ль, чего тебе нужно? Обычно у меня иного просят — чтоб смилостивилась и отпустила живым и здоровым!

Она презрительно усмехнулась, но Тарх только подбочился.

— Не пугай меня! — заявил он. — Если захочу — я в любой час отсюда выйду!

— Ты в этом уверен? — Женщина показала ему рукой за спину. Тарх мгновенно обернулся — для того, чтобы увидеть, как ворота с треском захлопнулись.

Он развернулся к хозяйке, сжимая кулаки. В глазах его загорелось бешенство.

— Немедленно прекрати издеваться! — крикнул он. — И отвечай: согласна ты помочь мне?

Кобылицы шарахнулись в стороны с ужасом. Женщина тоже отпрянула.

— О помощи, стало быть, просишь? — выдавила она. — Только с тебя за нее кое-что потребую!

— Я готов! — пылко воскликнул Тарх.

Грубые пальцы тут же вцепились ему в запястье:

— Пошли!

Женщина потащила гостя через двор. Кобылицы смотрели ему вслед, и Тарх был готов поклясться, что в их ржании слышалась насмешка.

Хозяйка подвела Тарха к низкой деревянной дверке в стене у самого пола и пинком распахнула ее.

— Иди, — приказала она. — Внизу увидишь кадку. Сможешь ее поднять да на свет вынести — считай, половину отработал.

— Раз плюнуть! — фыркнул Тарх и прыгнул вниз. Ступеней не было. Охнув от неожиданности, парень упал на ворох соломы.

Здесь было темно, хоть глаз коли. Привстав, Тарх повел протянутыми руками по сторонам, ища ощупью кадку, и вздрогнул, когда что-то щелкнуло и холодные железные обручи сомкнулись на его руках.

Рванувшись назад, Тарх обернулся ко входу.

— Хозяйка! — позвал он. — Хозяйка! Здесь...

Но голос его осекся — дверь захлопнулась, и он услышал, как на нее снаружи повесили замок. Затем раздалось довольное хихиканье женщины.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ту ночь Дива не спала. Которую уже ночь она проводила без сна — только под утро усталость заставляла ее задремать, но лишь для того, чтобы тут же вскочить и не присесть до самого вечера.

Ох и шумно стало в северной твердыне с некоторых пор! Вернулись Смаргл и Стривер — оба с молодыми женами. Смаргл, правда, вскоре покинул замок — его ладная маленькая

жена больше любила берега рек и тенистые рощи. Пока еще было тепло, супруг разыскал неподалеку брошенную несколько лет назад заставу. Она стояла на островке посреди устья одной из речек, берега которой густо поросли лесом. Луне с первого взгляда понравилось новое место, и молодая семья на лето и осень переселилась туда. В замке остались Стривер и Мера.

Оба Сварожича, конечно, в первые же дни рассказали Диве о Перуне — он покинул Синегорье первым, но до сих пор от него не было ни слуху ни духу. И чем больше проходило дней, тем тревожнее было на душе у Дивы.

Но не только одиночество томило ее и мешало жить — за десять дней до возвращения братьев она в очередной раз стала матерью. И снова родилась двойня, как и предсказывал Перун, и снова мальчики. Оказавшаяся связанной по рукам и ногам шестью детьми, Дива сбивалась с ног и от души благодарила Меру, которая, чуть обжившись, принялась ей помогать. Молодая женщина тоже мечтала иметь много детей. Целые дни она проводила с малышами — старшие дети полюбили ее как сестру.

Теперь только отсутствие мужа тревожило Диву, но в ту ночь он явился.

Комната была погружена во мрак. Огарок свечи разгонял тени по углам, бросая загадочные отсветы на стены, своды потолка, дверь в нише, постель под пологом и узкое окно. Дива сидела на лавке подле колыбельки, где спали близнецы, борясь с дремотой. В противоположность остальным, эти малыши росли беспокойными — подолгу не засыпали, часто капризничали и хныкали. Лада, мать Перуна, тоже имевшая шестерых детей, уверяла, что дети здоровы — их беспокоит что-то другое. Возможно, этих двоих ждет особая, ни на что не похожая судьба.

Уставшая за день кормилица давно спала на лавке, а Дива все не могла сомкнуть глаз. Тревога не давала ей покоя — что ждет ее детей? Она задумалась так крепко, что не заметила, как подкралась дрема...

Крик ребенка пробудил ее мгновенно. Женщина бросилась к колыбели, ожидая самого худшего, но мальчики были на месте и лишь ревели в два голоса. Еще не прикоснувшись к ним, Дива поняла, что они голодны — как и их старшие братья в этом возрасте, близнецы постоянно хотели есть.

Разбудив кормилицу, Дива передала ей одного сына и взяла другого.

Накормив детей, обе женщины принялись их успокаивать, но близнецы не желали засыпать. Они расшумелись так, что грозили разбудить и старших братьев.

— Подумать только, — вдруг встрепенулась кормилица, — за окном-то что творится! Настоящая буря!

Дива сердито обернулась, собираясь урезонить женщину, но ее взгляд упал на окно, и она поняла, что та права.

Снаружи бушевала летняя гроза, гневная и жуткая, какая бывает только в горах. Молнии сыпались, как горох из мешка. Гром ревел непрерывно, и монотонный гул дождя заглушал все прочие звуки. Казалось, что вот-вот не выдержат и треснут стены замка или рухнет разбитый молниями утес.

— Неудивительно, что они не могут заснуть, — ворчала кормилица.

Вдали послышался чей-то отчаянный рев. Дива метнулась к окну.

— Сходи к старшим, — быстро приказала она. Не став спорить, кормилица ушла.

Молодая мать не успела пошевелиться, как снаружи в окне что-то мелькнуло. Дива вгляделась, с удивлением узнавая знакомые широкие плечи. Пошатываясь от порывов ветра и пригибаясь под дождем, по крепостной стене к окну бежал ее супруг. Издалека в неверном свете молний витязь показался Диве выше ростом и крупнее, но то был лишь обман зрения. Поняв все, женщина бросилась открывать окно.

Перун подбежал как раз в тот миг, когда обе створки распахнулись. Молния последний раз вспыхнула над башнями замка, озарив его со спины кровавым светом, и он спрыгнул на пол прямо в объятия заждавшейся Дивы.

— Опять ты за свои шутки, — улынулась женщина, прижимаясь к его мокрой

груди. — Не устал?

— Вестимо, устал, — согласился Перун, отодвигая жену, чтобы снять плащ и пояс. — А еще больше тебя замучил... Заждались тут меня небось?

Дива отвернулась, пряча улыбку — во время своих ночных явлений Перун всегда был мягче, нежнее, словно в нем жили два разных человека. И, сказать по правде, этот второй, что говорил с нею сейчас, нравился ей гораздо больше. Если б он и приходил почаще!

— Заждались, — кивнула Дива. — Братья твои с женами молодыми уж давно вернулись, а Смаргл успел и новое жилье для семьи присмотреть. Все вернулись — лишь тебя дома нет! Что задерживает тебя? Долг?

Перун вздохнул:

— И долг, и боль. А тяжелее всего, что от тебя вдали. И дети наши без меня растут...

При упоминании о детях Дива странно улыбнулась.

— А у меня для тебя добрая весть, — прошептала она. Но Перун уже и сам догадался — младенцы чуть попритихли, когда окно распахнулось и ночной холод ворвался в окно, но потом словно опомнились и начали снова похныкивать.

— Что, уже? — ахнул Перун.

— Тридцать три дня, — прошептала Дива и спрятала лицо на груди супруга. — Мальчики...

— Ай, спасибо тебе, солнышко ясное! — Перун подхватил женщину, закружил по комнате. — Вот так подарочек! Лучше не придумаешь! Спасибо!

Он крепче обнял жену, целуя ее. Ноги Дивы не касались пола, но она и не думала вырываться, а сама обхватила руками шею супруга. Он целовал ее нежно, исступленно, но когда, перехватив поудобнее, поднес было к постели, женщина мягко отстранилась:

— Не надо! Погоди немного, устала я...

В прежнее время Перун бы вспылil, как порой случалось, когда жена отказывала ему в ласке, но сейчас он лишь тихо молвил, кивая на колыбель:

— Ну, так хоть на сыновей взглянуть можно?

Маленький ребенок, пока не научился сам защищаться от зла, легко может погибнуть даже от неосторожного слова или сглаза, а потому все матери так страшатся в первые дни за жизнь своих детей. Сама Дива коршуном кидалась к любому, захотевшему взглянуть на детей Перуна в неурочное время — младших ее близнецов еще не видел никто, кроме Лады и кормилицы, а средних пока прятали даже от мужчин. Но сейчас, когда нежно любящий муж ласково заглянул ей в глаза, Дива только кивнула:

— Будь осторожен!

Тенью следуя за женой, Перун крадучись подошел к колыбели и склонился над младенцами. Они были похожи на средних близнецов — те же светлые волосики завивались мелкими кудряшками, те же синие глаза. В первый миг малыши залились таким ревом, что даже Дива поморщилась, не ожидая от них такого шума, но Перун вдруг протянул руку и качнул колыбель.

— А вы что шумите? — тихо молвил он. — Кричите лягушками на болоте, матери вашей уснуть не даете! Сейчас ночь темна, пришло время сна. День потом придет, радость принесет!

Он еще что-то пошептал, низко склоняясь над колыбелью, и оба близнеца неожиданно успокоились и заулыбались. Изумленная Дива только смотрела на супруга, который ласково успокаивал детей, напевая что-то тихое. Она не подозревала, что ее муж способен на такое, но приходилось верить глазам, когда близнецы вдруг притихли и заснули.

Перун гордо выпрямился навстречу жене:

— Уснули...

— Ты настоящий чародей! — Дива обняла его, ласкаясь. — Даже я не справляюсь с ними... Это Ящер тебя научил?

— Он, — кивнул Перун. — Знаешь, я поклялся себе, что не будет мне покоя, пока я не постигну все, что он знает и умеет. Я давно у него учусь...

— И поэтому тебя так долго нет? — догадалась Дива.

— Да, моя ласочка. — Посмотрев последний раз на спящих детей, Перун отошел от колыбели. — И сегодня мне пора.

Дива не смогла скрыть разочарования.

— Все уходишь и уходишь, — воскликнула она. — Опять меня одну оставляешь!

— На сей раз ненадолго, — Перун набросил на плечи мокрый плащ. — Ты подожди — через несколько дней я вернусь! Не век тебе одной оставаться!

Нежно поцеловав жену в висок, Перун вскочил на подоконник и шагнул наружу.

Ночная тьма поглотила его фигуру, но Дива все смотрела и смотрела вслед мужу, свесившись из окна и не обращая внимания на дождь. Гроза ушла, все вокруг стихло и погрузилось во мрак. И все-таки Дива упрямо смотрела вдаль. Еще один раз увидела она пробирающуюся по стене тень, которая мелькнула и пропала, но женщина успела увидеть большие, чуть изогнутые рога, похожие на рога Велеса.

* * *

Несколько дней потом Дива размышляла над тем, что ей примерещилось. Можно было подумать, что на север явился Велес, но после того случая на свадебном пиру, когда Жива запретила Перуну убивать ее жениха, изгнанник не появлялся поблизости от замка, и даже на границе его никто не видел. Куда он исчез, что с ним — не знал никто. Да и знать никому не хотелось.

Поразмыслив, Дива для себя решила, что ей это померещилось от усталости — хлопоча о детях, она не смыкала глаз несколько ночей подряд. Конечно, усталость и ожидание с кем угодно могли сыграть злую шутку, а потому вскоре Дива забыла и думать о видении и принялась готовиться к встрече с супругом.

Перун не сказал ей, в какой день его ждать. Дива каждое новое утро просыпалась с мыслью, что он вернется сегодня, и каждый вечер засыпала, уверенная, что новый день принесет ей встречу.

Перун явился неожиданно, вечером одиннадцатого дня. Обитатели замка собрались на вечернюю трапезу, когда вдруг снаружи послышался шум крыльев, свист рассекаемого воздуха и чье-то огромное тело закрыло в окнах свет. Затем послышались приветственные крики стражи — их перекрыл ликующий рык Ящера.

— Вернулся! — Дива вскочила с места.

Не помня себя, она вспрыгнула на стол — обходить ей показалось просто невозможным — перебежала его, спрыгнула с другой стороны и первая, обгоняя Живу, бросилась во двор.

Ящер уже складывал крылья, стараясь ничего не зацепить.

Перун, на ходу освобождаясь от плаща и оружия, которые небрежно сбрасывал на руки спешивших за ним слуг, шел через двор. Он нисколько не удивился, когда двери распахнулись и Дива выскочила ему навстречу.

— Вернулся! — закричала женщина, кидаясь ему на шею. — Вернулся! Я так и знала! Я знала, что ты приедешь именно сегодня!

С дороги Перун устал, но был спокоен и рад встрече. Обняв жену и на руках внося ее в дом, он улыбнулся:

— А разве я мог не вернуться?

Дива поджала ноги, устраиваясь поудобнее у него на руках.

— Ты вернулся именно в тот день, когда я тебя ждала!

— А что сегодня за день?

— Ты сам мне о нем сказал, — стыдливо улыбнулась Дива, удивляясь, что Перун забыл про это.

— Когда?

— Когда был последний раз...

На лице Перуна отразилось такое искреннее недоумение, что Дива могла бы заподозрить неладное, но в этот миг он дошел до зала, где собрались его родные. Разговор с женой вылетел у Перуна из головы, и он приветствовал отца, мать, Стривера и Меру. Отсутствие Смаргла сразу бросилось ему в глаза. Он завел беседу о младшем брате и его свадьбе и совсем забыл о собственной жене.

Только поздно вечером, когда они остались одни, Перун словно впервые за весь день увидел Диву. Готовя ложе для сна, она почувствовала тяжелый жадный взгляд мужа, которым он следил за нею.

Перун исподлобья смотрел на жену, невольно по давней привычке сравнивая ее со Ршавой. Даже мертвая, дочь Непры продолжала оставаться страстной и любящей, а Дива и в первую их ночь была холодна. Она вечно чего-то боялась, чего-то ждала и годы спустя продолжала оставаться такой же скромной. И дети... В памяти снова и снова вставал Тарх — так похожий на него, но в то же время такой чужой. А согласись он и Ршава последовать за ним на север — и он бросил бы Диву не раздумывая. Велес исчез, больше он ее не тронет. Поискала бы себе другого мужа!

Дива опустила перед Перуном на колени, снимая сапоги. Глядя на ее склоненную голову, он стащил с себя рубашку и поднял женщину за плечи:

— Иди ко мне!

Дива покорно села ему на колени. В глазах ее светилась тревога, когда она заглянула в лицо супругу. Женщина искала в нем следы той нежности, которой были полны их тайные свидания по ночам, но Перун истолковал ее испуг по-своему.

— Все боишься? — молвил он. — Чего ты испугалась?

— Ничего, — ответила Дива.

В тот же миг Перун опрокинул ее на ложе и навалился сверху, торопливо сдирая с нее рубашку и шаря руками по обнажившемуся телу. Его жесткие губы закрыли ей рот, мешая вздохнуть. Зажмурившись, Дива сжалась в комочек, подчиняясь силе мужа. После первой ночи он мало времени провел на супружеском ложе, чаще устало засыпая подле заждавшейся жены. И только в те таинственные ночи его словно подменяли — но пришел день, и все вернулось.

Уставшая после недавних родов, Дива только стонала и вскрикивала, подчиняясь яростному напору. Перун словно сорвался с цепи. Он неистовствовал, и когда наконец все кончилось и он отвернулся от Дивы, тяжело и громко дыша, она, измученная, едва нашла в себе силы прошептать, прижимаясь щекой к его лоснящемуся от пота плечу: — Ты никогда еще не был таким... страстным!

Перун на миг перестал дышать и стиснул зубы. Не ее — Ршаву сегодня хотел он держать в объятьях.

* * *

Все сыновья вернулись домой — и жизнь опять пошла своим чередом.

Перун не мог долго усидеть на месте. Несколько дней он отдыхал, а потом как-то на рассвете вывел бурого коня и отправился искать Смаргла и его жену. Вернувшись от брата успокоенным по поводу его судьбы, он всего два дня провел в родных стенах — кмети Стривера обнаружили вторгшихся в южные пределы земли чужаков, и Перун отправился их изгонять.

Миновало больше месяца. Дива привыкла к тому, что ее супруг то и дело исчезает на день-два — точно так же они уже прожили первые восемь лет своей жизни, — и только одно тревожило ее. До сих пор Перун ничего не знал о детях, просто не обращая внимания на осторожные разговоры жены. Дива не знала ничего о Тархе и его размолвке с отцом — для Перуна же после того, как он узнал о существовании парня, перестали иметь значение все остальные дети — как живые, так и еще не рожденные.

Тайна перестала быть тайной внезапно. Кроме двоих старших близнецов, другие

малыши постоянно были с Дивой, особенно младшие. Женщина даже немного радовалась, что муж не замечает ее — она могла все тепло и любовь отдавать им без остатка. Мальчики росли более живыми и бойкими, чем их старшие братья, и требовали больше заботы.

Однажды ночью тишину комнаты нарушил двухголосый детский рев. Дети плакали и раньше, но не тревожили отца. Но в тот день Перун, спавший чутко перед предстоявшей ему дальней дорогой, проснулся. Приподняв голову, он с удивлением увидел, как Дива поднялась, оправила рубашку и поспешила вон.

За низкой дверкой в нише вспыхнул огонек свечи, и послышался голос Дивы, успокаивающей малышей. Она уговаривала их не шуметь и не будить отца.

Удивленный Перун встал и последовал за женой. В щель приоткрытой двери он увидел колыбель. Дива склонялась над двумя младенцами. Нежность, с какой она смотрела на них, не оставляла сомнения — это были ее дети.

Перун шагнул в комнату, распахивая дверь. Свечка замигала, едва не погаснув. Дива в первый миг вскинулась, загоразивая малышей, но узнала Перуна и улыбнулась.

— Прости, — с виноватой улыбкой молвила она, — разбудили мы тебя!

Перун подошел к колыбели, посмотрел на детей. Дива исподтишка разглядывала его лицо, ища знакомую грустную нежность.

— Дети? — спросил вдруг Перун. — Откуда здесь дети? Чьи они?

Дива удивленно заморгала — она не ожидала этих слов.

— Твои, — прошептала она. — Это твои сыновья, Перун...

Витязь отчужденно глянул на малышей. Устав плакать, они только нудно хныкали.

— Мои? — переспросил он таким тоном, что Диву всю передернуло от страха. Чтобы не выдать своего смутения, она склонилась к сыновьям.

— Твои, — тихо отвечала она. — Я так хотела, чтобы ты увидел их... еще раз... Но ты все сражаешься, все спешишь куда-то и не замечаешь ничего. Прости, что я так говорю, но ты воин, что мы тебе!..

Перун стоял и смотрел, как его жена хлопочет, успокаивая детей. Понемногу малыши стихли, чувствуя тепло и заботу матери, и только тогда Перун подал голос.

— Скажи мне, Дива, — прошептал он, — я ничего не понимаю, но ты-то... когда ты успела?

Женщина изумленно выпрямилась:

— Забыл?.. А та осенняя ночь, когда...

Она недоговорила — Перун задумчиво потер лоб.

— Осенняя ночь, говоришь? — переспросил он. — Это когда я...

Он осекся, вспоминая свое возвращение из Диких Лесов как раз незадолго перед тем, как явился Стривер звать братьев на подмогу.

— Да, да, тогда, — торопливо добавила Дива. — Забыл?

— Забыл, — кивнул Перун, и взгляд его неожиданно стал теплеть. — Значит, ты все-таки родила мне сыновей?

Он еще раз оглянулся на колыбельку и вдруг сгреб Диву в объятия, закружив ее по комнате.

— Родила, родила, — повторял он. — Все-таки родила!.. И ты молчала! Да об этом надо было сказать давно... Когда они родились?

Дива молчала, сбита с толку — Перун вел себя так, словно и не знал ничего о близнецах. Но кто, как не он, успокаивая их полтора месяца назад? Кто, как не он, стоял перед ней на коленях, слушая, как малыши шевелятся во чреве? Кто, как не он, зачал их?

— Недавно, — вымолвила она наконец. Ей хотелось сказать, что недавно малышам исполнилось два месяца, но Перун не дал ей договорить и, поставив на ноги, поцеловал.

— Верно, устала ты с ними, — сказал он. — А мне поведать о том боялась... Ну что ж, теперь все по-иному пойдет! Теперь ты увидишь, что будет!

Улыбаясь так весело и молодо, что у Дивы сжалось сердце, Перун оглянулся на близнецов и, подмигнув им на прощанье, поспешил прочь, увлекая жену за собой.

Дива прижалась к его плечу. У Перуна что-то случилось с памятью, но теперь все позади. Теперь он переменится, и к ней наконец-то придет счастье — не во сне, а наяву.

* * *

Дремавший на крыше южной башни Ящер проснулся уже давно и шурился на встающее солнце. Перун мог явиться в любой момент — сегодня они намеревались слетать в заливы, где якобы видели странных морских тварей.

Ящер медленно расплел длинное тело, расправил крылья, затекшие в прохладном воздухе ранней осени, и зевнул. На ходу разминая лапы, он стал не спеша спускаться на двор.

Перун выскочил ему навстречу, когда огромный зверь уже устроился на прохладных плитах. На ходу поправляя кольчугу, витязь со всех ног мчался к другу.

— Опаздываешь, — проворчал тот, подставляя спину. — Ты впервые проспал рассвет!

Не обращая внимания на ворчанье Ящера, Перун кинулся к его морде, радостно ткнув кулаком в нос зверю.

— Я отец, Ящер! — крикнул он. — Отец!

— Подумать только! — По голосу Ящера трудно было догадаться о его чувствах. — Вот это новость... Но ради нее ты, надеюсь, не отложишь наш полет? Я голоден!

— Нет, конечно. — Перун торопливо перебрался на затылок зверя и пришпорил его пятками. — Я по дороге расскажу!

Ящер довольно заурчал и взлетел, оттолкнувшись лапами от плит. Он поднялся в воздух прямо, как вспугнутая птица, выровнял полет над шпилями замка и полетел в сторону заливов.

Подавшись вперед, Перун дышал полной грудью. Ящер отчаянно работал крыльями, торопясь поскорее найти подходящую дичь. В ушах у них свистел ветер, но они давно научились понимать друг друга при любом шуме.

— Я отец, Ящер! Понимаешь? — воскликнул Перун.

В сознании зверя промелькнул образ Ршавы и парня подле нее, но Перун энергично замотал головой, едва уловив его.

— Вовсе нет! Я узнал это только что!.. Представляешь, Дива родила мне двоих сыновей!

— Сразу? — Сложив крылья, Ящер перевернулся в воздухе несколько раз, выражая восторг и восхищение. — И ты поэтому опоздал? Был подле нее? А почему я ничего не почувствовал?

— Чудак! Она родила недавно! Помнишь, мы ненадолго прилетали?

— Тогда тебе надо быть с ней поосторожнее, — сказал Ящер. — И с детьми особенно...

Окончание своей мысли он скрыл, но Перун почувствовал неладное. Он стукнул кулаком по лбу зверя:

— Что ты мелешь? Как поосторожнее?

— Может, я чего-то не так понял, — в голосе зверя зазвучала обида, — но мать моего младенца была человеком, и я кое-что узнал от нее о людях. Последний раз мы залетали сюда весной...

— Правильно! — подхватил Перун. — Тогда я и зачал мальчишек...

— Если так, то твоим сыновьям еще рано рождаться! — рявкнул Ящер. — Одно из двух — или ты что-то не понял, или здесь что-то не так и тебя обманывают. Твоя жена не успела бы выносить детей за столь короткое время...

В ту же секунду на голову Ящера обрушился удар — сразу две или три молнии разрядились о его лоб.

— Замолчи! — закричал Перун. — Замолчи! Ты это нарочно?

Ящер не издал больше ни звука, но его молчание заставило задуматься.

Размышляя, Перун принялся загибать пальцы. Ящер действительно оказался прав. Но тогда выходило, Дива весной встретила мужа уже непраздной. Если это так, то не он отец ее детей. А кто тогда?

— Эй! — Перун ткнул Ящера в бок. — Поворачивай! Летим обратно!

* * *

Дива впервые по-настоящему была счастлива. Ее супруг наконец-то вел себя по-человечески — прощаясь, обнял и шепнул на ухо: «Не скучай, я скоро вернусь!» Ожидая мужа, она вышивала ему ворот праздничной рубахи. Иногда она поднимала глаза на близнецов — малыши не спали, тараща глазенки.

Одинокость матери нарушала только Мера, возившаяся в стороне со средними детьми. Старшие близнецы носились по двору с детьми остальных обитателей замка — из окна доносился их веселый гомон.

Оторвавшись от работы, Дива залюбовалась на Меру и сыновей. Молодая женщина, почувствовав ее взгляд, подняла глаза и улыбнулась.

— Хочешь таких же? — спросила Дива.

— Да, — призналась Мера.

— Еще родишь, — сказала Дива. — Дети — радость.

— Ты про всех сказала? — вдруг молвила Мера.

— Нет пока. — Дива вздохнула, прислушиваясь к голосам во дворе. — Сам пусть вспомнит...

Мера хотела что-то сказать, но снаружи послышался знакомый уже свист рассекаемого воздуха, сопровождаемый визгом, в котором смешались страх и восхищение — приземление Ящера неизменно вызывало восторг и ужас детворы, которая бежала со всех ног посмотреть на это зрелище.

То, что явился именно Перун, подтвердил громоподобный крик зверя. Обе женщины переглянулись, и Мера встала.

— Пойду к себе, — сказала она. — Не хочу вам мешать!

Дива только счастливо кивнула — Перун вернулся еще раньше, чем обещал, и она считала это добрым знаком.

Коротко попрощавшись с детьми, Мера направилась было прочь, но едва дошла до двери, как та распахнулась, и на пороге возник Перун.

Обе женщины замерли. Сварожича как подменили — с потемневшим лицом, с налитыми кровью глазами, он тяжелым взглядом окинул комнату, и под его взором Мера и Дива отпрянули, а игравшие у очага дети с ревом бросились к матери.

Перун едва сдержался, чтобы не закричать, но вовремя увидел Меру, застывшую перед ним. С трудом совладав с собой, он кивнул ей на дверь, молча приказывая выйти. Княжна шагнула было прочь, но поймала взгляд Дивы и осталась.

— Я сказал, иди отсюда! — вскипел Перун и за локоть вытолкнул Меру прочь.

Захлопнув за нею дверь, он повернулся к жене. Дива не смела поднять на него глаз, прижимая к себе заливающихся испуганным плачем детей.

— Это тоже мои? — спросил он требовательно. Дива подняла дрожащее лицо.

— Да, средние, — ответила она тихо, но Перун расслышал.

— Ах, средние... Значит, есть еще и старшие?

— Да, двое... Мальчики...

— А эти где?

Дива не успела ответить — дверь распахнулась, и старшие близнецы ворвались в комнату, очевидно самостоятельно решившие последовать за отцом в покои матери. Им было лет по шести, и уже ясно можно было сказать, что они совершенно не похожи на Перуна. Встретив враждебный взгляд, мальчики попятились, но присутствие матери удержало их на месте.

— Сколько им? — спросил Перун. Его холодный голос заставил вздрогнуть и мать, и детей.

— Шесть... седьмой пошел, — тихо ответила Дива и незаметно кивнула детям, чтобы они уходили. — Я называла их сама — тебя не было... Их зовут...

— Меня это не интересует, — отмахнулся Перун. — Скажи лучше — откуда у тебя дети?

Дверь за старшими мальчиками уже закрылась, и Дива пожалела, что не удалила с ними и их братьев.

— От тебя, — ответила она. — Ты их отец!

— Этих? — Перун кивнул на дверь и колыбель. — Меня семь лет не было дома, а старшим нет и семи!

— Позволь мне сказать... Ты уехал в Дикие Леса, оставив меня с младенцем под сердцем. В день прощания я пыталась тебе все сказать, но ты так спешил, что не понял меня или не захотел понять. Только Дажь меня выслушал — я просила его побережь тебя для твоего ребенка.

— Если Дажь явится сюда и сам подтвердит твои слова, я готов буду ему поверить, — сказал Перун. — Но откуда взялись остальные?

Понимая, что происходит, дети снова разразились плачем. Но Дива не стала их утешать, а гордо выпрямилась, взглянув в глаза Перуну.

— Не заставляй меня оправдываться, — бросила она ему в лицо. — Они все от тебя! Вспомни — ты являлся ко мне за эти годы несколько ночей и...

— Являются только призраки и духи, — перебил Перун. — Меня здесь не было.

Глаза его сердито сверкнули, и Дива отшатнулась.

— Но это был ты! Ты! — воскликнула она. — Я не могла ошибиться!

— Скажи уж лучше — не хотела! — Внезапно Перун понял все. — Кто-то бегал сюда, оставляя тебе детей, а когда вернулся я, вы с любовником решили скрыть ото всех твою измену и придумали для меня отговорку! Надеялись, что я настолько занят своими делами, что ничего не пойму?.. Как, должно быть, смеялись вы, сочиняя для меня басню, да только я не поверил!.. Говори, кто он!

Перун сделал шаг вперед, сжимая кулаки. Решив, что он хочет ее ударить, Дива отпрянула к стене, но потом бросилась к детям и закрыла их собой. Тело ее напряглось в ожидании удара.

— Это был ты... Ты, — прошептала она и заплакала. Дети испуганно притихли. Замер и Перун.

Долго Дива не решалась поднять глаз. Когда же она взглянула на то место, где только что стоял Перун, его в покоях уже не было.

Перуна не было и в самом замке. Выскочив из покоев жены, он со всех ног кинулся к Ящеру и улетел в неизвестном направлении.

Не желая никого видеть, Сварожич забился на один из необитаемых островков в заливе, до которого так и не смог добраться сегодня утром. Несколько дней он не казал оттуда носа. Даже исконные обитатели островка — десяток птичьих семей и мелкие зверьки — не знали о его присутствии. Все это время Перун просидел в маленькой пещерке в камнях, слушая крики птиц и строя планы мести. Чтобы не мешать ему, Ящер ненадолго убрался с глаз долой и все это время охотился за акулами в открытом море. Он рискнул вернуться на десятый день — к тому времени Перун успел проголодаться и в его голове созрел план.

Теперь друзья ждали наступления темноты. Короткое северное лето кончалось, ночи становились все длиннее и темнее. Стоило закату расцветить красками небеса, Ящер потихоньку взлетал и вместе с Перуном отправлялся к замку. Там, приняв над башнями облик огромной тучи, он проводил всю ночь и только перед рассветом возвращался на остров.

Перун ждал появления своего соперника. Рано или поздно, решив, что Сварожич уехал надолго и вряд ли вернется до зимы, тот должен поверить в это и прийти. Тогда-то ему не

поздоровится.

Но миновало почти тридцать дней напряженного ожидания, прежде чем в одну из осенних ночей, холодную и сырую, засевший на крыше главной башни Перун заметил внизу какое-то движение. Пользуясь тем, что в руках стражи гасли факелы, неизвестный почти ползком, чтобы не заметили его на гребне стены, пробирался к женской башне.

Перун мысленно окликнул висевшего в поднебесье Ящера, призывая его быть готовым ко всему, и стал спускаться. У двери в покои Дивы они окажутся одновременно. Будет ли она тогда отрицать свою измену?

Но когда Перун добрался до двери, то сразу догадался, что неизвестный гость уже опередил его.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На сей раз Диву разбудил осторожный стук в ставень. Снаружи было тихо, только свистел ветер, и кто-то настойчиво и упрямо стучал в окно.

Дива щелкнула огнивом, затеплила свечу — от волнения с первого раза не получилось — и села на постели, не решаясь спустить ноги на пол.

— Кто тут? — шепнула она.

— Открой, — молвил смутно знакомый, хриплый голос. После того как Перун ясно дал ей понять, что она ему не нужна, Дива запирала на ночь окно, выбросив из головы все, что связано с мужем. Ничего глупее он придумать не мог, кроме как обвинить ее в измене. Она не виновата, что у него плохо с памятью! Если он так хочет, пусть вообще не является больше! Только и умеет, что зачинать ей детей — недавно, три дня назад, Дива с ужасом поняла, что снова тяжела от него, и решила, что больше не допустит мужа на свое ложе. Она сильно устала после третьих родов и боялась за свою жизнь и жизнь этого нового младенца. Гость постучал настойчивее.

— Кто ты? — громче повторила Дива. — Имя!

Она сузила глаза, шепча про себя заговор от ночных духов.

Некоторое время гость молчал, словно и впрямь был духом.

— Я это, Дива, — наконец виновато ответил он. — Перун...

Дива запнулась на полуслове.

— Нет! — прошептала она. — Уходи откуда пришел!

Гость стукнул уже кулаком.

— Открой! — повысил он голос. — Открой, честью тебя прошу! Два слова всего сказать...

— Что я не жена тебе больше и ты рвешь со мною? — перебила его Дива. — Это я и сама поняла... Знаю, какой позор на меня ляжет... а только сумею сыновей твоих поднять. Братья твои из них воинов сделают не хуже, чем мог бы ты! Вырастут, будь уверен!

— Но Дива! — взмолился гость. — Ради детей открой! Я тотчас же уйду, но не могу я то, с чем пришел, в пустоту говорить — мне глаза твои видеть надобно! Позволь сказать, что наболело, а потом я уйду, коли гонишь! Детьми в том клянусь!

Запоздало коря себя за то, что делает, Дива встала и подошла к окну. Перун за ставнем почти перестал дышать.

— Скажешь, что хотел, — и уходи, — последний раз предупредила Дива и откинула щеколду.

Ставень распахнулся от мощного толчка. Перун ввалился в покои прямо к ногам Дивы. Она отступила, ожидая, когда он встанет, но Сварожич не собирался этого делать. Выпрямившись, он снизу вверх глянул на жену.

— Говори, — потребовала она.

— Я в вине пришел сознаться, — покаянно молвил Перун, опуская голову. Взлохмаченные непослушные волосы его рассыпались по плечам, и Дива некстати вспомнила, как нравилось ей перебирать и причесывать его кудри. Чтобы не оттаять душой,

она закусила губу и поднесла свечу к запястью, нарочно причиняя себе боль.

— Прости меня, — тем временем молвил Перун, не поднимая лица, — Обидел я тебя, доверие и любовь твою растоптал. Ни в чем ты не виновата, а из-за меня теперь на тебя позор ляжет... И дети — заугольниками их кликать станут, а их-то вины нет. Все я! Прости... Я много думал... Права ты — нельзя нам больше вместе, не хочу я тебе больше горе причинять. Уйду я навсегда, даже имени моего ты никогда не услышишь, а если долетит, то новое, ибо я прошлое свое уничтожить хочу. Только ты прости, если сможешь, потому что, боюсь, нет мне прощения... Что я наделал!

Он схватился за голову и глухо застонал.

Дива все держала огонек свечи у ладони. Стиснув зубы, она терпела, но потом не выдержала и тихо вскрикнула.

Перун мгновенно вскинул голову и увидел на ее нежной коже след ожога.

— Что ты! Что ты! — вскрикнул он, бросаясь к женщине. — Зачем? Ради меня? За что?

Схватив обожженную руку, Перун торопливо поцеловал красное пятно. Под его прикосновениями боль неожиданно быстро стала спадать, а красное пятно начало уменьшаться.

Исцелив ожог, Перун не выпустил руки Дивы.

— Не стою я того, чтобы ради меня на такое идти, — молвил он. — Побереги себя хотя бы ради детей.

Он притянул ее к себе, но Дива и не думала вырываться. Даже позволила взять из рук свечу и отставить ее в сторону. Перун осторожно обнял ее ноги.

— Ухожу я, — повторил Перун. — Молчи! Все решено! Не отговаривай меня! Я люблю тебя и соглашусь лучше навеки расстаться с тобой, чем оставаться подле. Ты еще не понимаешь до конца всю боль, что я тебе причинил...

— Исцелил, — прошептала Дива.

— Раны на теле исчезнут, в душе — останутся навсегда, — возразил Перун. — Нет мне прощения. Когда-нибудь ты еще проклянешь меня и благословишь лишь за то, что я покинул тебя... Я сейчас уйду, но пообещай мне, что мои дети не помянут меня недобрым словом. Обещай, что не возрастишь в них ненависти ко мне! Пусть не знают обо мне ничего — ни хорошего, ни дурного... Обещаешь?

— Ты уходишь насовсем? — Дива осторожно дотронулась до его волос.

— Насовсем, ибо не могу больше лгать. Обещай лишь, что дети...

Он недоговорил — Дива наклонилась и поцеловала его в губы.

— Обещаю, — просто сказала она. — У них будет самый лучший отец в мире!

Перун вновь обнял ее ноги, прижимаясь к ней всем телом.

— Я люблю тебя, — сказал он. — А теперь прощай!

— Нет, на сей раз тебе придется немного задержаться!

Новый голос заставил обоих вздрогнуть. Дива оглянулась и закричала. Перун, от которого она невольно загородила дверь, не сразу нашел глазами пришельца. То, что он увидел, заставило его отпрянуть от Дивы. Лишившись опоры, молодая женщина покачнулась, падая, и он немедленно вскочил, обнимая ее. Но даже находясь в полубоморочном состоянии, Дива все-таки нашла в себе силы отстраниться от него.

Она была в ужасе, но и ее спутник тоже казался удивленным. И немудрено — в дверях, держа на отлете обнаженный меч, стоял один Перун, а подле женщины, бережно поддерживая ее — второй. Оба Перуна были похожи друг на друга как две капли воды — даже волосы обоих одинаково топорщились от ветра — только один был в кольчуге и в полном вооружении, а у второго не было ничего, кроме ножа за поясом.

Соперники пристально смотрели друг на друга, а Дива безмолвно переводила взгляд с одного на другого. Она бы давно упала, если бы второй Перун не держал ее за локоть.

Пришелец сделал шаг от двери и не глядя затворил ее.

— Отойди от нее, самозванец, — приказал он, наставляя меч. — Подними руки и назовись. А лучше скинь маску, дабы я мог видеть, кого сейчас убью!

Дива вздрогнула, но человек крепче сжал руки, подтягивая ее к себе силой.

— Ты прольешь кровь здесь, в ее покоях? — спросил он.

— Я пролью и ее кровь, если она не уберется, — был ответ, — Иди вон, Дива, пока я не вспомнил о твоей измене!

Женщина попыталась сдвинуться с места, но не смогла пошевелиться.

— Пожалуйста, не надо, — попросила она еле слышно.

— Пошла вон!

— Оставь ее в покое, Перун! — воскликнул человек. — Ей дурно!

— Притворяется, — фыркнул Перун. — Надеется отвлечь меня... Видишь, Дива, к чему привело твое вранье? Ты и не пыталась скрыть, что этот неизвестный — твой любовник!.. Эй! Покажись, кто ты? От кого она прижила детей?

Не дожидаясь ответа, Перун шагнул к нему, поднимая меч. Лезвие блеснуло перед глазами Дивы. Ей показалось, что из кончика меча вырвалась молния и опалила ее. Вскрикнув, женщина покачнулась и упала на руки незнакомца.

Над нею завис меч, почти доставая грудь человека.

— Я убью тебя, — пообещал Перун, — если ты и дальше будешь испытывать мое терпенье.

Незнакомец поднял на руки Диву и, пятась, пошел в глубь комнаты. Не сводя глаз с идущего следом Перуна, он опустил женщину на ложе и медленно выпрямился.

— Обещай, что не причинишь ей вреда, — сказал он. Дива с тревогой взглянула на противников. У Перуна, стоявшего подле нее, не было ни одного шанса уцелеть — простой нож не оружие против меча. Но спину его скрывал плащ — может быть, под ним... Диве очень не хотелось, чтобы здесь убили безоружного, кем бы он ни оказался на самом деле — он ведь просил за нее!

Незнакомец сделал незаметное движение, Перун уловил его и шарахнулся в сторону, но было поздно — сорванный с плеча плащ взвился в воздух и упал на его голову. Дива вскрикнула — сзади за пояс незнакомца был заткнут двузубый топор, точь-в-точь такой, какой был у Велеса, но с короткой рукоятью. Незнакомец выдернул его и бросился на Перуна.

— Не смей! — завопила Дива, вскакивая с постели. Незнакомец помедлил — и этого хватило Перуну, чтобы сбросить с головы плащ. Меч и топор встретились, и противники закружили по комнате, осыпая друг друга ударами. Оба они были отличными бойцами, достойными друг друга. Дива с ужасом смотрела на их одинаковые лица, одинаково искаженные гневом и ненавистью.

Сражение тем временем разгоралось — оба Перуна знали, с кем бьются. Остановить бой могла только случайность — оплошность со стороны одного из них, которая будет стоить ему жизни.

Постепенно один из Перунов начал теснить своего противника. Отражая град ударов, тот пятился, постепенно приближаясь к ложу, на котором скорчилась Дива. Испуганная женщина не сводила глаз — ей самой хотелось узнать, кто из них настоящий, но она не смела и молиться за победу одного из противников, скованная страхом.

Тот Перун, что вошел к ней первым, уже стоял над нею. Несколько раз он пытался прорваться к окну или двери, но второй не давал ему этого сделать.

Первый в очередной раз рискнул прорваться, приняв тяжесть меча противника на рукоять топора, он отбросил Перуна на несколько шагов и рванулся в сторону распахнутого окна. Стремясь срезать угол, он зацепился за ложе. Этой краткой заминки хватило, чтобы второй Перун догнал его.

Отчаянный крик Дивы, над которой взвился меч, заставил беглеца обернуться. Уворачиваясь от лезвия, описывающего сверкающую дугу, он шарахнулся прочь — и врезался лбом в витой столбик полога.

Послышался треск. Столбик переломился, но и Перун упал на колени, хватаясь за голову. Под пальцами его показалась кровь из рассеченного лба. Он не успел пошевелиться,

как его противник вырос над ним, занося меч для последнего удара.

Однако Перун не смог опустить оружия на поверженного. На его глазах оглушенный болью противник начал меняться. Рана помешала ему контролировать себя, и он стал самим собой.

Прежде чем Перун опомнился, перед его глазами взметнулись вверх изогнутые рога, рассыпалась по широким плечам угольно-черная грива — и в следующий миг Велес проворно откатился в сторону, попутно подхватывая оброненный было топор.

— Велес... — только и смог вымолвить Перун. — Ты?

Изгнанник пригнулся, поудобнее перехватывая топор и исподлобья глядя на противника. Лоб его над глазами был рассечен, и кровь заливала горбатый нос, что придавало сыну Земун зловеший вид.

— Значит, это был ты, — Перун пошел на него, — ты — тот, с кем эта женщина приживала все эти годы детей... Ты решил, что так сумеешь отомстить мне? Но ты немного просчитался. Этот день станет последним в твоей жизни, а также в жизни твоей любовницы и ваших...

В этот миг Велес бросился на него.

Прыжок его был так стремителен, что Сварожич еле успел поднять меч для защиты. Топор обрушился на него с такой силой, что металл жалобно заскрипел. Глаза противников встретились. Перун был моложе, но Велес значительно сильнее. Налегая плечом так, что затрещала ткань его рубахи, он заставил Перуна опустить меч и боднул его головой, как настоящий бык.

Запрокидываясь назад, Перун рухнул на пол, роняя оружие. Дива закричала, когда над ним оказался Велес, но изгнанник не стал тратить время на упавшего. Перешагнув через противника, он кинулся к женщине и одной рукой подхватил ее, перебросив через плечо.

Дива забилась в его руках, но с таким же успехом можно было сухому листику спорить с ураганом. Придерживая ее так легко, словно она ничего не весила, похититель бросился к окну.

Перун вскочил на ноги в тот миг, когда Дива оказалась в руках Велеса. Не помня себя, он бросился вдогонку, но опоздал — похититель уже скрылся в темноте ночи вместе со своей жертвой.

Высунувшись из окна, Перун до боли в глазах всматривался во тьму, одновременно призывая Ящера. Зверь отозвался мгновенно, но ошеломленный случившимся Сварожич не сразу это понял. Выбравшись из окна на узкий каменный парапет, он отчаянно вертел головой, напрягая все чувства в надежде заметить хоть какое-то движение.

Ящер плавно соскользнул к нему по стене. Его огромная тень шевельнулась в поле зрения Перуна, привлекая внимание.

— Случилась беда, — уверенно изрек зверь.

— Велес, — только и смог вымолвить Перун. — Он был здесь... и похитил ее...

— Садись. — Плоская голова придвинулась к нему. Одним прыжком Перун перебрался на затылок зверя, и тот оторвался от стены, не тратя времени, чтобы выровняться. Толкнувшись, он взмыл вверх, поднимаясь над замком, и тут же резко спланировал вниз, описывая круг у самой земли. Его светящиеся в темноте глаза обшаривали каждый камень, каждую трещину в скалах. Похититель не должен был далеко уйти со своей добычей, он где-то здесь. Настроившись, Ящер ловил тепло, исходящее от двух тел, но горы были холодны и мертвы. И нигде не было даже следов Велеса.

— Он должен быть где-то здесь! — вскипел Перун после третьего круга. — Он не должен успеть вырваться! Не улетел же он по воздуху!

Мысль Ящера тут же кругами устремила в стороны, ощупью изучая пространство вокруг, проникала внутрь спящего замка и в подземелья. Нигде никакого движения, нигде нет и следа присутствия чужака. Поднявшись выше, вровень с крепостной стеной, он сделал еще один круг.

— Хватит топтаться на месте! — не выдержал Перун. — Лети вперед!

— Куда? — отозвался Ящер. Голос его звучал невозмутимо, хотя в сознании все смешалось. — Должен признаться, я ничего не понимаю. — Он отвел глаза даже мне! Я ничего не чувствую, словно он прошел сквозь пространство!

— Он украл мою жену! Это ему даром не пройдет! Я отомщу ему!

— Согласен, но сначала его надобно отыскать!

— И мы сделаем это сейчас же!

Перун с силой грохнул по голове Ящера, и тот, решив не спорить, опять отправился в облет замка, описывая все большие круги в надежде, что наткнется на след Велеса.

* * *

Когда Велес перебросил Диву через плечо, она принялась отчаянно отбиваться, стараясь выскользнуть из его рук. Не обращая внимания на ее сопротивление и крики, похититель выскочил из окна и помчался в темноту, куда глаза глядят.

Страх придал Диве силы. Она забилась в руках похитителя, грозя свалиться с его плеча, и он перехватил ее двумя руками так, что у нее потемнело в глазах. Силы покинули ее, и Дива лишилась чувств, успев заметить лишь провал бездны, в которую прыгнул ее враг.

...Она долго не приходила в себя — сказывались страх и усталость. Но наконец мрак небытия отступил — словно волны черного ледяного океана разомкнулись, вытолкнув ее на поверхность, к свету и теплу.

Еще не открывая глаз, Дива вспомнила все, что с нею случилось. Ночной бой, страх, боль, Велес — все смешалось в ее сознании. Последнее, что она помнила, было падение в бездну.

Но сейчас все было позади. Она лежала в тепле, на мягких шкурах. Неподалеку потрескивал огонь, а поодаль глухо завывал ветер. Почему-то было так сладко слушать вой непогоды сейчас, здесь.

Дива даже улыбнулась, и тотчас рядом кто-то пошевелился. Хозяин этих мест придвинулся ближе, склоняясь над нею. Он боялся дотронуться до нее, причинить боль — это было слышно в его тяжелом дыхании. Он мягко дотронулся до ее щеки, и Дива открыла глаза.

Только что она готова была поверить, что все случившееся с нею — страшный сон. Но нет, это была самая настоящая явь. Она лежала на низком массивном ложе, заботливо укрытая шкурами медведей. Над ее головой смыкались грубо сработанные стены лесной заимки, сложенные из толстых бревен с низким потолком. Темноту разгонял огонь в каменном очаге, а над нею склонялся Велес. Взглянув на его рога, в его раскосые блестящие глаза, Дива снова почувствовала дурноту. Превозмогая слабость, она рванулась прочь, как раненое животное. Ужас схватил ее за горло. Парализованная страхом, она только моргала.

— Успокойся, — первым нарушил молчание Велес и дотронулся до ее руки. — Ты еще слишком слаба.

Его прикосновение заставило женщину передернуться от отвращения. Она попробовала отодвинуться, но Велес притянул ее назад.

— Лежи смирно, — строго приказал он. — Ты чуть не потеряла ребенка. Не двигайся, если хочешь его сохранить.

Но Дива и так уже начала чувствовать тянущую боль, поднимающуюся снизу. Мысль о ребенке заставила ее оцепенеть, а Велес вдруг бережно погладил ее по голове.

— Через день-два ты будешь совсем здорова, — тихо пообещал он. — Только не губи себя.

Понимая, что женщине тяжело видеть его так близко от себя, Велес перебрался к огню. Там на углях стоял закопченный горшок. Хозяин занялся им, совершенно забыв о госте. Дива мужественно боролась с приступами боли и слабости, но соблазнительный дух, поднимавшийся от горшка, заставил ее забыть о недомогании.

— Где я? — решила спросить она.

— У меня, — отозвался Велес, не повернув головы. — Это мой дом... Прости, что пока не могу предложить тебе ничего получше,

— От тебя я не приму ничего, — ответила Дива,

— Я в самом деле не готов был к похищению. — Велес, казалось, не слышал ее слов. — Если бы я решился на это заранее, я бы позаботился о более удобном доме... Правда, тогда он не был бы настолько безопасен, но какое это имеет значение, когда в нем ты!

Он повернулся к Диве от очага. Свет огня падал на его морду сбоку, и Дива ясно увидела свежую рану у него на лбу — свидетельство недавнего боя. Кровь запеклась горкой, пряди гривы прилипли к ране. Это напомнило Диве о том, что случилось, и она приподнялась на ложе.

— Немедленно доставь меня назад!

Велес опять пропустил ее слова мимо ушей. Перелив часть варева из горшка в миску, он из-под старой, но чистой тряпицы достал добрый ломоть хлеба и ложку и поднес все это Диве.

— Ешь, — сказал он. — Тебе надо восстанавливать силы после болезни!

Дива ожгла его взглядом, в котором смешались гнев и презрение. Она холодно посмотрела на явно самодельную утварь.

— Как ты низко пал! — прошептала она. — Ты же был лордом! И был равен моему отцу и Сваргу! И что теперь?

— Я здесь потому, что любил и люблю тебя, — спокойно отозвался Велес. — И я пойду на все — лишь бы ты жила! А сейчас успокойся и поешь — тебе надо поскорее восстановить силы.

— Ты немедленно вернешь меня назад, к Перуну, — ответила Дива, — если таклюбишь, как говоришь.

— Нет, — сказал Велес, — ты не выйдешь отсюда по крайней мере еще несколько дней. — Он повернулся к остолбеневшей от возмущения Диве и объяснил: — Ты здесь уже два дня. Все это время ты не приходишь в себя. И сейчас еще слишком слаба.

Забыв о боли, Дива села, спустив ноги на пол. Ей показалось, что она ослышалась.

— Как — два дня? — прошептала она. — Целых два дня?.. Да как ты посмел? Как ты мог!.. А мои дети? А мой супруг? Ты о них подумал? Да там же все с ума сходят! А Перун? Ты его не знаешь! Он же теперь... Он убьет меня! Что ты наделал!.. А ну отправь меня назад, чудовище!

Дива сорвалась на крик и разрыдалась, повторяя без конца «чудовище» и «ненавижу».

Велес вдруг вскочил. Его огромная уродливая тень взметнулась, закрыв весь потолок и половину дома. Во тьме глаза вспыхнули огнем, и Дива отпрянула, завизжав. Велес шагнул к ней, и этого оказалось достаточно, чтобы женщина упала на ложе. С ужасом глядя из-под руки на своего похитителя, Дива вдруг поняла, что он может сделать с нею все, что захочет — ударить, убить, сделать своей женой насильно: для этого Велес и похитил ее.

— Рано или поздно ты поймешь: для тебя быть здесь — лучшее, что ты можешь пожелать, — тихо произнес он.

— Нет! — изо всех сил закричала Дива. — Нет!

Велес сжал кулаки.

— Успокойся, — решительно приказал он и, резко повернувшись, вышел, прежде чем Дива выкрикнула ему вслед хоть слово.

Женщина осталась одна. После вспышки гнева боль снова сковала ее, заставив ненадолго взять себя в руки и подумать о ребенке. Она сидела неподвижно, пока внутри все не успокоилось. Страх за свою участь уступил место страху за своих детей — как они там без нее? Не сделает ли Перун им чего-нибудь дурного? Ведь выходит, что они — дети Велеса, по крайней мере четверо младших, зачатые после отъезда Сварожича в Дикие Леса. А может, все-таки нет?

Дива сидела одна еще очень долго, пока ее внимание снова не привлекло угощение, оставленное Велесом. Едва она придвинула миску к себе, как почувствовала, что

проголодалась. Еда успела остыть, а хлеб слегка зачерствел, но Дива не заметила этого.

Поев, она снова задумалась о судьбе своих детей и своей собственной, но огонь в очаге догорал, понемногу впуская в дом ночной мрак. Вместе с сытостью подкатывала усталость. Велес не собирался нарушать уединения пленницы. Дива свернулась калачиком на краю ложа с намерением дожидаться его возвращения, чтобы опять потребовать отправить ее домой, но не заметила, как уснула.

Когда она проснулась, было позднее утро.

Лучи солнца проникали в дом сквозь небольшие окошки. Светлые пятна лежали на сухих камышах, густым слоем устилавших пол. Дверь была плотно прикрыта, в очаге оставались лишь холодные угли.

Дом был пуст — судя по всему, Велес больше не приходил сюда, оставив пленницу в покое.

Дива села, натянув на плечи шкуру, которой только что укрывалась. В доме царила мертвая тишина, снаружи долетал шум леса — голоса поздних птах, шорох падающей листвы. Издалека донесся рев какого-то зверя. Некоторое время женщина прислушивалась, надеясь уловить хоть один звук, говоривший о том, что ее похититель поблизости — ведь он провел снаружи всю ночь — но все было напрасно. Выходило, что она одна в лесу на целые версты.

Будь она помоложе, Дива, не раздумывая, стала бы готовиться к побегу, но сейчас к ней вернулась вчерашняя слабость. Усмехнувшись мысли о побеге, она осторожно дошла до двери и толкнула ее.

Дверь оказалась не запертой, и Дива тихонько вышла. Остановившись на пороге, она оглядела густой дремучий лес, заросший мелколистным кустарником так, что не было видно ни малейшего просвета. Вековые деревья смыкали кроны над массивной крышей невысокой избушки. В листве были заметны первые просветы — начинался листопад — и в них проникали солнечные лучи. Один из лучей упал на лицо Дивы, и женщина улыбнулась его теплу.

Правее заросли были гуще. Судя по всему, там был склон, а внизу бежала речка. Притворив за собой дверь, Дива прошла туда и поняла, куда девался Велес.

Он сидел на склоне над рекой, и сквозь кусты виднелась его широкая спина. Грозные рога смотрели вверх, как обугленные пожаром сучья. Подтянув колени к груди, изгнанник, не отрываясь, смотрел на лениво ползущую меж крутых берегов реку. По темной воде куда-то плыли опавшие листья, кусты клонились к самой поверхности. Трава вокруг Велеса была примята — тут он лежал, дожидаясь утра.

Велес так глубоко задумался — или же бесконечно доверял ей — что не обернулся на подошедшую женщину.

Дива старалась идти как можно тише, раздвигая кусты. Почти бесшумно ей удалось подобраться на расстояние нескольких шагов, но тут мужество покинуло пленницу, и она остановилась.

Велес медленно выпрямился, устраиваясь поудобнее.

— Это мое любимое место, — вдруг сказал — он, и Дива поняла, что он прекрасно слышал ее приближение. — Я часто сижу здесь. В той стороне, — он махнул рукой куда-то вниз по течению, — эта река впадает в другую реку, а та течет на юг, в места, где живут они...

— Кто — они? — почему-то спросила Дива.

— Люди, — вздохнул Велес. — Те, кого обычно называют смертными дикарями... Я много времени провел с ними после того, как Перун сбросил меня с Пекленских гор. Я повидал все племена, что живут в той стороне, и в каждом находил друзей... Но время для них течет не так, как для нас. Мы говорим — «год», а у них успевает смениться два-три поколения. Измеряя жизнь их годами, я прожил, по их счету, больше, чем все Сварожичи, вместе взятые... Конечно, они боялись моего долголетия — им казалось, что я бессмертен. Меня называли богом, но я уходил сразу, как только мне начинали поклоняться и приносить

жертвы... Знаешь, они добры и доверчивы, как дети... Станный и удивительный народ, не такой, как в других частях света. Мне кажется, они в родстве с нами — то есть с вами: лица их девушек и женщин чертами так похожи на лица наших женщин... И наречие — ты бы поняла многих из них с полуслова!.. Они звали меня Волосом и считали, что я приношу богатство. Знаешь, — Велес вдруг привстал, словно увидел что-то на том берегу, — а ведь кое-кто из нашего народа живет там...

Велес говорил тихим голосом, словно беседовал сам с собой. Он ничего не спрашивал, ничего не просил — просто рассказывал, и Дива вдруг почувствовала, что больше не боится его. Она осторожно подошла еще ближе.

— А Родомысл, — решила она наконец перебить его, — ты ничего не слышал о Родомысле?.. Перун сказал, что он взял себе жену из простых смертных и ушел в восточные леса...

Велес впервые оглянулся на женщину.

— Он основал город на междуречье — великой Ра и Йоки, как ее называют местные племена, — объяснил он. — В самом сердце болот. Сейчас, правда, городов там уже несколько — Хитеж, Резня, Чарград... Я видел его...

— Родомысла? — Дива придвинулась вплотную и, забывшись, потормошила Велеса за плечо. — Как он?

— Слишком стар, чтобы казаться твоим братом. — Велес не смотрел в ее сторону, но рука женщины по-прежнему лежала на его плече. — Сейчас он больше похож на твоего деда... Его потомков уже можно называть народом — так их много... Знаешь, — Велес вдруг просиял, словно только что увидел Диву, — я не говорил, но если бы мы с тобой явились туда, он был бы только рад! Он ведь тоже почти изгнанник, только по доброй воле. И он тоже никого не видел из своей родни, как и я... Впрочем, я, с тех пор как покинул восточные леса и поселился здесь, видел кое-кого — тебя, детей, Перуна... Поедем со мной туда! — Он развернулся к Диве, напугав ее резким движением, — Будешь жить где пожелаешь, хоть подле брата, хоть в ином городе! Ты права — здесь тебе не место. Так я предложу тебе почти княжескую жизнь — ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

Велес выпрямился, стоя перед Дивой на коленях. Женщина попятилась, отталкивая его.

— А мои дети? — возразила она.

— Они будут с нами! — воскликнул Велес. — С тобой! Разве я могу разлучить вас?

— Я люблю Перуна, — отрезала Дива. — А ты обманул меня и его!

— А любит ли он тебя? Я не спрашиваю, любит ли он тебя так, как я — просто любит ли он? Способен ли понять и простить? Может ли дать тебе счастье?

Дива отпрянула, прижавшись к дереву.

— Он мой муж, — прошептала она, закрывая глаза, — и отец моего ребенка!.. А ты? Что ты понимаешь в любви и преданности? Ты всегда поступал так, как хотелось тебе. Ты когда-нибудь думал о других? Ты желал только наслаждений и мести — и ты их получил, разбив мою жизнь и мою семью. Ты готов уничтожить все, что мешает тебе. Настанет день, когда и я стану для тебя помехой — и ты расправишься со мной, а может быть, и с детьми... Верни меня домой, прошу тебя!

Велес не двинулся с места, выслушав эту отповедь и не пытаясь возразить. Потом встал, отступил назад.

— Ты еще слишком слаба, — тихо ответил он, — Тебе нельзя волноваться, иначе потеряешь ребенка. Вспомни, как ты перенесла эту дорогу. Подожди. Я хочу, чтобы ты и младенец окрепли для долгого пути!

Дива неверяще распахнула глаза, но Велес молча обошел женщину и направился прочь.

Она долго стояла над водой, погрузившись в раздумья. Когда же, решившись, вернулась в дом, там всю хозяйничал Велес. На огне очага опять кипел горшок. Поприветствовав женщину взглядом, Велес заботливо усадил ее у стола, предупредив, что надо немного подождать.

Терпеливо сидя на лавке, Дива при свете дня окинула пристальным взглядом скромное

убранство одинокого домика и поняла, что ей очень хочется остаться здесь — навести порядок.

* * *

Осень стояла в тот год неожиданно теплая и долгая. Лишь изредка шли небольшие дожди — чаще небо было чистое, весенне-голубое, щедро дарившее земле тепло. Лето словно решило задержаться здесь подольше — чтобы обитателям одинокой избушки жилось как можно лучше.

Дива жила, сама не понимая, кто она — гостья или пленница. Велес берег ее, как последнюю на свете женщину, терпеливо сносил порой ее упреки, не гнушался приняться за женскую работу, если это было нужно. Но одновременно он следил за Дивой, не позволяя отлучаться далеко без его ведома, и постоянно сопровождал ее во время прогулок по лесу, наблюдая за каждым ее шагом.

Поначалу Дива боялась его — помня его страсть, она все ждала, что однажды он воспользуется их уединением и возьмет ее силой. Но Велес не прикасался к ней. Сам установив границы, за которые нельзя переступать, он медленно приручал к себе Диву. Не раз и не два ловила она на себе его тревожный взгляд, полный тоски и нежности. Он был ласков и предупредителен с нею, но одна мысль о том, что где-то там остались без нее дети, что у нее есть муж, отец ребенка, которого она носила, и что он рыщет по свету в поисках своей жены, мучаясь от горя и ревности, одна мысль о том, что она станет преступницей, вспыхивая нежными чувствами к своему похитителю, приводила Диву в трепет.

А младенец рос во чреве, и Велес уже начинал прислушиваться к его шевелению, ожидая появления ребенка на свет. Вспоминая, как когда-то он точно так же прикасался ладонью к ее животу, мысленно разговаривая с сыновьями, Дива все сильнее начинала тосковать о них. Миновало уже три месяца, подступала зима.

В ту ночь Велес почувствовал тревогу. Вскочив, он бросился от порога, где спал, к ее ложу. Дива лежала, свернувшись в комочек, и беззвучно давилась слезами. Бережно, как ребенка, Велес поднял Диву и обнял.

— Малыш, да? — молвил он осторожно. Дива покачала головой.

— Я не могу больше, — простонала она. — Я хочу домой. Отпусти меня!

— Если ты тоскуешь о сыновьях, — начал было Велес, — то я...

— Нет! — Дива выпрямилась. — Я хочу к Перуну. Я и так запятнала себя. Я должна вернуться сама, иначе всем будет хуже — ему, тебе, детям. Отпусти меня, если я и вправду что-нибудь для тебя значу. Пойми, это мой долг. Что бы ни случилось, мы никогда не будем вместе. Перун мой муж, он не отпустит меня, но даже если он и согласится, я сама не уйду от отца своих детей.

— Это мои дети, — напомнил Велес.

— Не все! Ты совершил преступление, зачав их, но ты совершаешь новое, разлучая меня с теми, кого я люблю...

— Меня ты никогда не полюбишь, — мрачней, перебил Велес.

— Пойми, ты не такой, как все! Ты хочешь слишком многого и пойдешь на все, лишь бы получить свое... Тебя, наверное, сможет полюбить какая-нибудь женщина, та, которая ждет тебя, единственного, но мое сердце занято. И я не верю, что ты любил меня когда-нибудь...

— Дива!

— Да, — женщина освободилась от его объятий, села на постели, отвернувшись, — ты не такой, как все. Всю жизнь ты чувствовал это и хотел, чтобы различие исчезло. Многие смотрели на тебя как на ошибку природы, в том числе и женщины, которых ты знал до меня. Две-три неудачи — и ты озлобился на них и на всех женщин в мире. А тут подвернулась я. И ты не мог упустить такого случая.

— Ты не права, — Велес с трудом сдерживался.

— Уверен?.. Хоть раз в жизни посмотри правде в глаза! Вспомни, я же не предавала тебя, не давала тебе надежды. Ты был мне всего лишь другом, братом, но не более!.. Я тебя не виню — ты не был избалован вниманием женщин и мою дружбу принял за любовь. Желаемое ты принял за действительное. Может, это и хорошо — твоя сила, твой пыл — но это не для меня. Где-то на земле есть та, что назначена тебе — твоя единственная, она все поймет, все примет, все простит...

— Будто это правда, — прошептал Велес дрогнувшим голосом.

Дива круто обернулась к нему, заглядывая в его потемневшие глаза.

— Она твоя судьба, — воскликнула она, — а значит, вы обязательно встретитесь! А я должна идти навстречу своей судьбе... Может, там меня ждет гибель, но это мой путь. Никто не должен мешать кому бы то ни было сделать выбор, пусть ошибочный, но свой! Ищи свою судьбу, а меня... отпусти. Так будет лучше...

Велес взял женщину за плечи. Дива отвела взгляд, обнимая округлившийся живот.

— О, если бы твои слова были правдой, — прошептал изгнанник и замолчал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Несколько дней Велес не разговаривал с Дивой, с головой уйдя в свои мысли, но в день, когда выпал первый снег, он откуда-то привел коня и коротко кивнул пленнице: «Собирайся!»

Дива не осмелилась перечить — взгляд Велеса был такой мрачный, словно он готовился умереть. Оказавшись в его объятьях на луке седла, она зажмурила глаза, вверяясь судьбе.

Конь понесся через чащу, вламывался в кусты, прыгал по камням, как горный баран. Каждую минуту Дива ждала, что он споткнется и все трое упадут в пропасть или в ледяную воду горной реки. Но все окончилось благополучно, и Дива не поверила собственным глазам, когда вокруг вдруг замелькали знакомые места, а потом с вершины сопки ей открылся каменистый утес над морем, на котором высился замок патриарха Сварга.

Велес на миг сдержал коня, давая Диве возможность осмотреться.

— Узнаешь? — спросил он. Дива только кивнула.

— Последняя просьба. — Велес посмотрел в сторону замка. — Ты позволишь мне увидеть их?.. Когда-нибудь, при случае... один раз...

Дива обернулась на своего похитителя, не веря своим ушам.

— О Велес, — только и смогла вымолвить она, — какой ты добрый...

* * *

Сторожа на стенах не поверили своим глазам, когда узнали подъезжающего всадника и его спутницу. Вообще-то Велеса многие из них не знали точно и потому не думали, что он решился появиться здесь в открытую, да еще вместе со своей жертвой. Поэтому перед всадником сразу же открыли ворота, позволив беспрепятственно въехать в замок, и только гонец поспешил оповестить Перуна о возвращении его жены.

Сварожич явился этой ночью перед самой полночью, залетев ненадолго — вызнать, не объявились ли следы похитителя и его жертвы. С рассветом он хотел возобновить поиски и сейчас собирался в дорогу. Услышав, что рогатый всадник, очень похожий на Велеса, привез Диву, он выскочил во двор.

Это действительно было так. Сторожа топтались у распахнутых ворот, отовсюду выглядывали жители замка, Ящер с гребня стены внимательно разглядывал гостей, а по опустевшему двору не спеша ехал Велес, бережно придерживая Диву. Он с любопытством осматривал замок, который при свете дня последний раз видел, много лет назад. Ящер, разлегшийся на стене и сверкающий оттуда глазами, вызвал его интерес. Несколько секунд огромный зверь и изгнанник пристально смотрели друг другу в глаза. Потом Ящер отвлекся,

заметив что-то позади гостя, и Велес обернулся.

На крыльце замер Перун. Он был уже готов для дальней дороги — в доспехах, при полном вооружении. Вытаращив глаза, Перун смотрел на старого врага, но его удивление уступило место ярости, когда он увидел Диву.

Встретившись взглядом с полыхавшими ненавистью глазами Перуна, Велес ничуть не смутился. Одним прыжком он спешил и осторожно помог сойти женщине, поддерживая ее.

Перун покачнулся, опираясь на копьё. Перед глазами у него все поплыло, когда он увидел, что идущая к нему женщина беременна. Опираясь на руку Велеса, Дива свободной рукой оберегала начавшее расти чрево. Она смотрела прямо в глаза Перуну, лицо ее с каждым шагом светлело, и Сварожича понемногу начало трясти от бешенства. При одной мысли о том, что невесть сколько человек увидят эту встречу, у него помутилось в сознании, и он не разобрал, что сказал Велес.

Тот с первого взгляда догадался, о чем думал Сварожич, и, остановившись, отступил от женщины.

— Не кори своей жены, Перун Сварожич, — молвил он, — она была верна тебе. Коли хочешь мести — меня одного карай! Люблю я ее и не хочу, чтоб ей было причинено зло. Гордись своей женой, я же от нее отрекаюсь и до конца жизни больше не посмотрю на нее...

Дива ахнула и оглянулась на него. Перун же, расслышавший только последние слова Велеса, вздрогнул, приходя в себя, и окинул пару тяжелым взглядом, задержавшись на фигуре Дивы.

— Никак, опять тяжела? — подал он голос. Дива опустила глаза, прикрывая руками чрево.

— Уже четыре месяца, — шепотом ответила она. — Пятый...

— С привеском вернул! — воскликнул Перун. — Потешился — и в сторону! Ты — муж, ты и корми, а я чист! Так, что ль?

Поудобнее перехватив копьё, он бросился с крыльца на Велеса.

— Да ты что! — Дива метнулась к мужу. — Твое это дитя! Твое!

— Пошла прочь, потаскуха! — Не останавливаясь, Перун оттолкнул жену так, что она едва не упала. — Чем ты ее прельстил, урод?

Велес не дрогнул, глядя на Сварожича.

— Выслушай меня... — начал было он.

— Ты все сказал! — обрубил Перун.

— Велес, беги! — отчаянно закричала Дива.

Оба соперника вздрогнули от ее крика, но Перун, которому это восклицание придало сил, тут же бросился в бой. Не смущаясь тем, что его противник безоружен, он налетел на него, готовый с маху поразить незащищенную грудь Велеса.

Тот увернулся в самый последний момент. Краем глаза он увидел Диву, оседающую на землю с белым от ужаса лицом. Она любила Перуна, у нее под сердцем был его ребенок, старшие близнецы могли быть тоже его детьми...

Эти мысли молнией пронесли в голове Велеса, и он сделал рывок. Перун так и не понял, что произошло, но копьё, только что нацеленное в грудь врагу, вдруг ожило и вырвалось из руки, отлетев на несколько шагов. Обезоружив противника, Велес кинулся к коню.

— Закрывать ворота! — закричал Перун. — Ящер, ко мне! В один миг Велес был в седле, но тут же понял, что опоздал. Сторожа сообразили все раньше и уже опустили решетку, закрывая путь к отступлению. А сверху уже расправил крылья Ящер. Его горящие глаза неотступно следили за пришельцем, когти напряглись — зверь готовился схватить его.

И все-таки оставался еще один путь — тот, каким Велес всегда приходил к Диве и каким он унес ее. О нем никто не знал. И Велес кинулся наперерез снижающемуся Ящеру, торопясь проскочить к стене в Девичьей башне.

Огромные когти Ящера щелкнули впустую — зверь промахнулся. Увернувшись от

хвоста, Велес помчался наверх, стремясь достичь гребня стены прежде, чем Ящер развернется и кинется на него.

Вихрь, поднятый огромным зверем, толкнул его в спину. Ящер тяжело шлепнулся на двор, на несколько мгновений закрыв беглеца от Перуна, он тут же круто развернулся, убирая крылья и открывая обзор, но за это время Велес успел через три ступеньки взлететь на галерею. Оставалось всего ничего — по другой лестнице добраться до верхнего парапета стены и прыгнуть вниз из бойницы, доверившись силе и удаче.

Полудобнее перехватив копьё, Перун в два прыжка запрыгнул на плоскую голову Ящера. Не дожидаясь, пока друг сам выберет наиболее удобную позицию, он притопнул ногой, требуя от зверя немедленно замереть на месте, и прицелился. Велес уже стремительно взбегал по ступеням наверх, к спасению, и Перун понял, что враг сейчас уйдет.

Вложив в бросок всю силу и ярость, он метнул копьё в темный силуэт. Плечи беглеца исчезли за камнями стены, но Сварожич мог поклясться, что за мгновение до этого они дрогнули, словно от сильной боли.

— Есть! — закричал он и непременно шагнул бы с головы Ящера вниз, если бы зверь не поспешил сам поднести его ближе к ступеням. Выхватив меч, Перун спешил добить раненого врага.

* * *

О приезде жены Перуна Живе сообщила девушка-холопка, влетевшая в ее покои и застывшая на пороге — госпожа была строга и запрещала входить к ней без разрешения.

— Что случилось? — Жива поднялась.

— Миледи Дива... — От волнения холопка не находила слов.

— О ней что-нибудь известно? — догадалась Жива.

Об исчезновении жены Перуна и матери шестерых детей знали все и терялись в догадках, что могло с ней случиться.

— Да, хозяйка. — Девушка чуть осмелела, заметив, что ее не отчитывают за вольность. — Я слышала только, что ее привел какой-то... — холопка показала руками большие рога, — странный человек...

Когда изгнали Велеса в день свадьбы Перуна, этой девушке было всего два года, она просто не могла ничего знать о Велесе, чье имя запрещалось упоминать. Но Жива прекрасно помнила, кого Перун еще долго презрительно называл ее женихом. Порой во сне Жива слышала его голос: «Когда-нибудь полюбят и тебя...» Неужели он вернулся?

Она сдвинула брови, смерив холопку холодным взглядом:

— Что ты стоишь? Живо отправляйся к себе, и чтобы я тебя здесь больше не видела!

Холопка убежала, забыв закрыть за собой дверь.

Жива торопливо накинула плащ и выбежала из своих покоев. Ее окна выходили в другую сторону — ни двора, ни ворот из них не увидишь.

Девичья башня, что была почти пуста, имела несколько выходов. Главный открывался во двор. Еще один вел на крепостную стену, и два были тайными — из одного можно было потихоньку перебраться в любую часть замка, а из другого открывались подземные ходы, о которых вспоминали в случае осады.

Жива бросилась к ходу в стене, но, еще не добежав, поняла, что подле него кто-то находится. Дверь была распахнута, заливая ход светом. Выскочив из-за угла, Жива чуть не наткнулась на гостя. Вырвавшийся крик замер у нее на губах, и она пошатнулась, побелевшими глазами уставившись на него.

...Копьё с глухим стуком вошло в спину чуть ниже лопатки, едва не сбив его с ног. Велес споткнулся, чувствуя, как деревенеет от боли тело, как перестает слушаться правая рука. Перед глазами поплыли кровавые пятна, и он понял, что до спасительной стены ему не добраться, а если и доберется, то прыжок будет означать смерть. Оставалось одно — та маленькая дверь в конце галереи. Каким-то чудом он оказался лицом к ней. Еще можно было

попытаться укрыться за нею — если, конечно, Перун не заметит, куда он спрятался...

Раненый рывком выпрямился, хватаясь руками за стену и стараясь удержаться на ногах. Торчащее копьё мешало ему — все силы он тратил на то, чтобы сдерживать кровь, не давая ей вытекать из раны. Рога взметнулись перед самым носом Живы, и глаза женщины и беглеца встретились.

Чтобы не закричать, Жива зажала себе рот руками, но в глазах ее стоял ужас. Велес покачнулся, едва не падая на нее, и привалился боком к стене.

— Я... — прошептал он еле слышно, — сейчас уйду... Отдохну и уйду... Только ты... удержи его.

Ноги его подкосились, и он рухнул на колени.

Жива бросилась к нему, пытаясь поднять. Велес, теряющий сознание от боли, только мотал головой и нутужно хрипел, задыхаясь — копьё пробило грудь чуть не насквозь. Все же ему удалось встать, но было видно, что на большее он не способен.

— Туда! — приказала Жива, указывая на коридор. — Не стой, если хочешь жить!

— Глаза ему... отведи, — еле слышно выдохнул Велес и сделал шаг.

Сцепив пальцы, Жива бросила на него последний взгляд и побежала на двор.

Сделав всего три шага, она нос к носу столкнулась с Перуном, торопящимся ей навстречу с обнаженным мечом. От неожиданности Жива вскрикнула — ей показалось, что брат уже все знает и пришел за нею.

— Где он? — Перун сам был удивлен сестре.

— Кто? — отшатнувшись, Жива не отрывала глаз от лица Перуна — так чары быстрее действуют.

— Не бойся меня, Жива. — Сварожич отвел меч в сторону. — Я искал Велеса...

— Я сама хотела спросить тебя о нем, — вдруг выпалила Жива.

— А тебе-то он зачем?

— Понимаешь, — Жива отступила еще на шаг, — мне сказали, что он приехал. Я и поспешила — вдруг мне удастся его увидеть? Все-таки когда-то он считался моим...

Она недоговорила и опустила глаза, потому что Перун расхохотался.

— Твоим женихом? — добавил он, — Ты что думала, он к тебе рвался?.. Нет, сестра, ты никогда не повзрослеешь!.. Велес — к тебе? Да ему о спасении своей шкуры надо думать, а не о развлечениях!

— Что ты хочешь с ним сделать?

— Убью, а шкуру повешу вместо вымпела на башню! — Перун огляделся, и вдруг взгляд его упал на камни под ногами. — А вот и следы!

Жива невольно опустила глаза. Здесь, очевидно, беглец упал, торопясь добраться до ее покоев — на камнях виднелись кровавые следы! Еще одно пятно крови оказалось в щели бойницы.

Слома голову Перун бросился к бойнице и высунулся из нее чуть ли не по пояс, высматривая врага. Жива последовала за ним, от души молясь, чтобы он увидел то, что хотел.

— Ага, что я говорил! — воскликнул Перун, — Вон, внизу!

Жива выглянула. У подножия замка густо разрослись кустарники и молодые деревца, кое-где образовывая почти сплошной ковер. С утра все они были засыпаны снегом, но сейчас, ближе к полудню, снег растаял, и заросли снова превратились в темную бесформенную массу. На голых ветвях болтался, зацепившись, плащ Велеса — шкура пещерного медведя. Возможно, ее наугад швырнул туда беглец в надежде сбить погоню со следа. Сверху были отлично видны кровавые следы на ней.

— Удрал, — сквозь зубы процедил Перун. Лицо его потемнело от ярости. — Но ничего — далеко не уйдет!

Он нацелил меч на шкуру. Сноп искр вырвался из острия и ударил в нее. Сила была такова, что вспыхнула не только шкура, но кусты вокруг, занявшись веселым золотистым пламенем.

Тишину внезапно пререзал короткий стон боли, быстро заглушенный треском огня.

— Все, конец! — Перун торжествовал.

Жива выпрямилась, сжимая кулаки. В глазах ее стояли слезы. Увидев их, победитель неожиданно утратил веселость.

— Ты плачешь? — ахнул он, бросившись к сестре. — Что с тобой?

— Как ты мог! — закричала Жива. — Как ты мог так с ним поступить? За что?

— Ты ничего не знаешь, Жива. — Несколько опешивший от ее напора, Перун отступил. — Ты ничего не знаешь, что он сделал с моей семьей — по закону, я должен теперь покарать Диву... Мне придется это сделать из-за него! Он убил меня! Он разрушил покой всех живущих в этом доме, а ты его жалеешь! Ты о нас подумала?

— Никогда, — прошипела Жива, наступая на брата, — слышишь — никогда не смей больше являться ко мне!

Повернувшись, она решительно направилась к себе. Перун только пожал плечами.

* * *

В коридоре Велеса не было, но следы его вели к покоям. Обходя кровавые отпечатки, Жива ворвалась к себе, заперла дверь на крючок и только тут огляделась. С первого взгляда ей стало ясно, что за стон слышали они на стене.

Просторная уютная комната Живы была обставлена сообразно ее привычкам, оставшимся от дома ее воспитателей в Аркариме. Она была поделена на две половины. В глубине, за пышным занавесом, располагалась изложня, а впереди — горница, где Жива проводила большую часть дня. От ее покоев, тех самых, где ее много лет назад успокаивал Велес в день свадьбы Дажда, нынешние отличались размерами и местоположением в Девичьей башне — были не в пример больше и занимали верхний этаж вровень с крепостными стенами.

Сейчас уютная комната была в беспорядке — несколько лавок были опрокинуты, вещи разбросаны по полу, а через комнату в сторону изложни вели кровавые следы.

Велес сидел на полу, боком неловко опираясь о ложе. При первом же взгляде на него Жива застыла на месте, не в силах даже заплакать. Пол и вещи вокруг были заляпаны кровью, сам Велес тоже был в крови. Рука его лежала на Перуновом копье с обломанным древком — он сам вырвал его из раны и даже попытался остановить кровь, но боль помешала ему. Беглец не открывал глаз, он не шевельнулся, когда захлопнулась дверь, и только по булькающему дыханию можно было догадаться, что он еще жив.

Подбежав, Жива опустила перед ним на колени, не решаясь прикоснуться к изгнаннику. Все-таки он почувствовал ее присутствие — вздохнул поглубже, попытался пошевелиться, и Жива еле разобрала его шепот:

— Я... я скоро... прости...

Глаза его остановились, и дыхание замерло на посеревших губах.

Жива заглянула в искаженную болью морду полузверя, в тот же миг слезы градом хлынули у нее по щекам, и она припала к груди раненого.

— Ненавижу тебя!.. Ненавижу! — всхлипывала она сквозь рыдания. — Что ты со мной сделал!

* * *

Велес пришел в себя от мягкого прикосновения женских рук к его истерзанному болью телу. Некоторое время он провел в полузабытьи между жизнью и смертью, не понимая, где он и что с ним. Мир вокруг был наполнен болью — даже дыхание, даже биение сердца, даже простая мысль: «Я жив» — все отзывалось мукой. Эта боль долгое время держала его без сознания, но наконец чуть ослабила тиски, и он вернулся в реальный мир.

Не замечая, что причиняют ему боль, или не ведая, что он еще может что-то

чувствовать, руки касались раны, промывая ее. Это, очевидно, была не просто вода — рану щипало, а ноздри щекотал терпкий запах трав.

Велес застонал от боли и бессилья — любое движение было для него сейчас слишком болезненно.

— Потерпи, — глухо донесся женский голос. — Сейчас будет легче!

Зажурчала вода. Мягкая ткань живительной прохладой прикоснулась к ране, и ловкие руки снова возобновили свою работу, накладывая тугую повязку. Велес покорно позволил делать с собой что угодно — даже если бы его сейчас жгли огнем, у него не было сил сопротивляться.

— Ну вот и все. — Говорившая, судя по всему, устало улыбнулась. — Спи!

Его аккуратно перевернули, устраивая на чем-то мягком. Велес хотел было открыть глаза, но боль уходила, а вместе с нею улетали силы и наваливалась усталость... Он еще долго пребывал в забытии, просыпаясь порой от того, что нежные руки касались его раны, меняя повязку. В редкие минуты просветления Велес понимал, что он мог бы выздороветь за день-два, если бы не потеря крови и слабость — его жизненных сил хватило бы на трех здоровых людей. И чем дальше, тем яснее он начинал понимать, что не умрет.

Когда он это понял окончательно, то открыл глаза.

Все расплывалось в розовой дымке, предметы то приближались, то удалялись, двигаясь по своему желанию. С отвычки его замутило, но прежде чем он снова провалился во тьму, кто-то склонился над ним, закрыв собой свет.

— Очнулся, — послышался голос. Тот самый, который он уже слышал раньше. — Наконец-то...

Нежные, тоже знакомые, руки коснулись его щек, пробежали по высокому лбу и надбровным дугам, спустились по горбтому носу до сухих твердых губ, двигаясь осторожно и цепко, как у слепого. Велес отчаянно моргал, стараясь избавиться от дымки и узнать лицо, черты которого он смутно различал.

— Кто ты? — спросил.

Он не услышал своего голоса — тот отказывался повиноваться — или же дело было в глубокой ране в груди, но женщина ласково положила ладонь ему на губы.

— Молчи, — прошептала она. — Пока молчи... Все будет хорошо, ты будешь жить...

Отвернувшись так быстро, что он не разглядел ее исчезновения, она сдавленно заплакала. Велес догадался об этом по ее изменившемуся дыханию. Слепо, на звук, он потянулся к женщине, и его рука встретила ее пальцы.

— Лежи. — Голос ее и правда дрожал от слез. — Лежи...

Велес откинулся назад, запрокидывая голову, и почувствовал, как женщина обняла его за плечи, склоняясь к груди.

А потом настал день, когда он открыл глаза и не увидел розовой дымки. Осторожно протянув левую руку — правая сторона тела почти не двигалась — Велес протер глаза, оглядываясь.

Этой комнаты он не знал. Память подсказала, что он уже видел нечто подобное, но тогда, теряя сознание от боли и потери крови, он не мог позволить себе осматриваться. До сего мига он вообще не знал, где находится. Помнил — удар, сводящая с ума боль, сознание того, что надо укрыться вон за той дверкой, затем лицо женщины, вынырнувшей из-за поворота, ее голос, прикосновения, а дальше только боль и тьма. И поэтому сейчас, придя в себя в незнакомом месте, Велес с удивлением рассматривал убранство покоев — стены и пол, устеленные шкурами, очаг и уголок духов подле него, лавки, крытые узорной тканью, окованные сундуки, рукоделье у окна, светец, стулья с высокими резными спинками и огромное, в рост человека, зеркало, в деревянную раму которого был воткнут нож. Рукоять его была увешана нитками бус, подле рядом стояли мисочки с притираниями, но Велес смотрел только на нож. И постепенно в памяти его стало всплывать воспоминание — он узнал этот нож и понял, где находится. Когда-то это лезвие дрожало в опасной близости от девичьей груди, готовое пронзить ее, а он, Велес, выкручивал руки девушке, в отчаянье

решившей броситься на нож.

И только он подумал про нее, как она вошла.

Жива не посмотрела на раненого — руки ее были заняты горшком, от которого поднимался пар и исходил терпкий запах целебных трав. Он жег ей руки, и женщина поспешила притворить дверь и поставить горшок на лавку. Только после этого она выпрямилась, обернувшись к ложу.

Их глаза встретились, и Велес сразу узнал ту, чье лицо в тумане вставало перед его воспаленным взором. За годы Жива изменилась — исчезла девичья гибкость стана, она стала резче в движениях, казалось, даже немного пополнила. Все еще задорно-рыжие волосы теперь не витали вокруг головы непослушным облачком, а, заплетенные в косу, послушно лежали на спине. Краски лица потускнели, оно как-то осунулось, под глазами залегли тени. Но, увидев, что гость смотрит на нее, женщина улыбнулась, и глаза ее заблестели прежним огнем юности.

Подойдя, Жива присела на край ложа, заботливо поправив шкуру, которой был укрыт ее гость.

— Очнулся, — улыбнулась она и потянулась к его щеке, но не донесла руку. — Хорошо...

— Я у тебя? — Не доверяя своему голосу, Велес говорил еле слышно.

— Уже несколько дней, — ответила Жива. — Я так рада, что ты жив!

Она произнесла эти слова так, что у Велеса перехватило горло. Он попытался что-то сказать, но опустил голову. Жива тоже почувствовала смущение и отвернулась.

— Тебя все считают мертвым, — пустым голосом сказала она.

— Знаю... — Велес попытался потянуться к ней непослушной правой рукой, но женщина отстранилась, не поднимая глаз.

— Зачем ты приехал? — Голос ее дрогнул от горечи. — Если бы ты знал, что ты наделал! Теперь Диву...

— Ты должна знать, — Велес повысил голос, не обращая внимания на растущую при каждом слове боль в груди, — что я не прикасался к ней в тот, последний раз... Ну, когда унес ее... Просто у меня не было выхода — я испугался, что Перун убьет ее. Она к тому времени уже была тяжела от него, ребенок в ее чреве — от Перуна, я тут ни при чем... Если бы она порвала с ним, я бы взял ее и не стал бы делать различий между ее детьми... Но она оказалась такой... Я не знал ее раньше, не понимал! — Голос его сорвался. Он натужно закашлялся, и Жива испуганно рванулась к нему, но Велес все-таки договорил: — Теперь она мне как сестра — я отказался от нее... отпустил, и мне жаль...

— Тебе жаль? — ахнула Жива. — А ее Перун запер в башне и запретил кому бы то ни было видаться с нею! Он даже не позволил ей побыть с сыновьями! Она уже несколько дней сидит под замком, и неизвестно, что ее ждет, а ты говоришь — жаль!

— Да! — Велес рванулся к женщине, выпрямляясь и забыв о ране. — Я говорил с Дивой и впервые понял ее. Потому и решил сам вернуть ее Перуну. Если бы он дал мне шанс все объяснить, я бы сказал ему, что преклоняюсь перед его женой и отказываюсь от борьбы за нее. Если бы несколько лет назад я знал о ней то, что знаю теперь, ничего бы этого не было, и я...

Он не договорил — силы покинули его, он закашлялся, падая в постель. На губах его и повязке на плече выступила кровь.

Жива забыла о споре.

— Потерпи, я сейчас! — воскликнула она, бросаясь к оставленному на лавке горшку. — Потерпи немного!

Принесенное варево успело поостыть, и Велес ничего не чувствовал, когда Жива промывала рану и меняла пропитавшуюся кровью повязку. Успокоившись, он терпеливо ждал, но женщина еще долго не решалась заговорить. Наконец она мягко дотронулась до его руки и прошептала:

— Прости. Я не хотела тебя обидеть — совсем забыла, что тебе нельзя волноваться!

Велес посмотрел на свою забинтованную грудь.

— Ты уже дважды спасаешь меня от Перуна, — сказал он. — Я твой вечный должник...

— Тебе вредно много разговаривать, — остановила его Жива. — Ты должен восстановить силы...

— И уйти отсюда? От тебя? — Дотянувшись, Велес накрыл ладонью руку Живы. — Что мне сделать для тебя?.. Понимаю, после того, что случилось с Дивой по моей вине, ваша семья меня на дух не переносит... Но если бы ты знала, что творится у меня внутри!

Продолжая говорить, он осторожно взял безвольную руку Живы и подтянул женщину ближе. Она не сопротивлялась, пока не оказалась в его объятьях. Горячее дыхание обожгло ей щеку. Не удержавшись, Жива оперлась о грудь Велеса. Он уже потянулся к ней, но, словно опомнившись, Жива вдруг повела плечами.

— А ну пусти, — прошептала она и рванулась прочь.

— Не бойся меня! — Велес схватил ее за плечи. — Пойми, я...

— Нет! — Жива отстранилась, с силой упираясь ладонями ему в грудь. Зеленые очи ее сверкали почти так же неистово, как глаза Перуна. — Это ты пойми меня! Я до сих пор помню, что ты не дал мне убить себя в ночь свадьбы Даждя. Ты разбудил во мне жажду жизни, воскресил меня, дал надежду... В ту ночь я почти полюбила тебя!.. — Не веря своим ушам, Велес восторженно вскрикнул, но Жива остановила его твердым взглядом. — Да, — продолжала она, — я тебя любила в ту ночь! И бросилась защищать от брата потому, что ты для меня очень много значил. Я даже не догадывалась о том, кто ты на самом деле. Что ты сделал с нами, я узнала от брата, когда он вез меня домой... Но мне было все равно, что говорят про тебя. Я думала — ты вернешься однажды и сам мне все расскажешь. Я ждала — годы ждала твоего возвращения! Я думала, что ты погиб... Но я тебе верила, а потому терпела одиночество... А ты вернулся только для того, чтобы снова все разрушить!

Она замолчала и отстранилась, словно сама испугалась своих слов. Велес не мог поверить. Он только смотрел на немолодую рыжеволосую женщину, с трудом воспринимая происходящее.

— Я отрекся от Дивы, — наконец выговорил он. — Она мне говорила... почти то же самое, что я сказал тебе... Я помнил о тебе эти годы, но... Что я наделал!

Велес откинулся назад, закрывая глаза. Лицо исказила судорога боли, и Жива мигом оказалась рядом.

— Болит? — участливо спросила она, касаясь плеча под повязкой.

— Прости, — только и смог выдавить Велес.

Шли дни — время не стояло, словно торопясь поскорее отодвинуть последние события в прошлое. Вскоре после возвращения Дивы выпал снег и пришла зима. А потом покинул замок Перун — Сварожичу нагадали, что его противник еще жив, и он отправился его искать.

Поиск ничего не дал — следов Велеса обнаружить не удалось. Вернувшись через четыре дня злой на весь свет, витязь ушел в себя. Он бродил по замку мрачнее тучи и не хотел никого видеть. Он рассорился даже с Ящером, и зверь нарочито не обращал внимания на бывшего друга, целыми днями то летая в одиночестве над занесенными снегом долинами, то отсиживаясь на крепостной стене и греясь в лучах зимнего солнца. Приближались самые короткие дни — время перелома года.

Обычно в эту пору готовятся проводить прошлое и встретить будущее. По легендам, в эти дни, когда здесь, на севере, люди еще не селились, случилось несчастье — солнце погасло вообще. Одни считали, что это сделали злые духи, другие — что всему виной были грехи предков. Те, кто знали правду, погибли в то время, а уцелевшие придумывали сотни историй, одна другой страшнее и чуднее. Но все сходились в одном — только чудо тогда спасло мир от полного уничтожения. Оно изменило жизнь всей планеты, и с тех пор самые короткие дни в году считались днями перелома — днями, когда меняется сама жизнь.

Вступая в новое время, обычно все радовались, но сегодня в замке Сварга царила необычная тишина. Лишь простые люди привычно отмечали праздник — прочим было не до

веселья. Леди Дива до сих пор сидела под замком, и ее супруг не собирался прощать жену-изменницу. Его близкие не смели перечить Перуну, с тревогой ожидая, чем это кончится.

Все же праздники прошли. Родился новый мир, молодой и сильный. В первые дни после праздников ударили морозы.

Натягивая на голову плащ и пригибаясь под пронизывающим северным ветром, Жива торопилась в Девичью башню. Последнее время она редко делила трапезу с остальными родичами, предпочитая одиночество, а с тех пор как вернулась Дива, сестра Перуна вообще уединилась.

Два или три дня она не покидала своих покоев и запретила даже холопкам приходить к ней. Лишь на праздники она нарушила уединение — может быть, потому, что патриарха Сварга навестили соседи, желая просватать его дочь. Но Жива не стала слушать послов, и они уехали ни с чем. Жива оставалась незамужней.

На сей раз Перун ее понял, решив, что сестра убивается по погибшему Велесу.

Меньше всего на свете дочь Сварга сейчас думала о женихе — пусть и сыне соседа. Прижимая к груди горшок с настоем, она спешила к Велесу. Все праздничные дни он провел почти один — Жива забегала сменить ему повязку, прибраться и накормить больного: отойти надолго мешали гости. Проводив их, Жива неожиданно поняла, что готова прожить жизнь одна — лишь бы не выходить замуж за другого. А он, единственный, был рядом.

Над ее головой жестко, как схваченные морозом листья, зашуршали перья. Остановившись как вкопанная, Жива обернулась. На улице уже стемнело, свет давали только горящие окна и пляшущие на ветру факелы, но она все равно разглядела сидящую на гребне крепостной стены огромную, чуть ли не в рост человека, лохматую птицу. Перья ее стояли дыбом от ветра. Жива остолбенела — голова, шея и плечи птицы были человеческими. От холода обнаженная кожа покраснела. Птица закрывала шею поднятыми крыльями, выглядывая из-за них то одним, то другим глазом.

Несколько мгновений женщина молчала, переводя взгляд с когтистых лап и крыльев на лицо полуптицы и обратно, а потом тихо спросила, видя, что существо не нападает, а только с любопытством разглядывает ее:

— Кто ты — человек или птица?

Гость поежился, открывая раздумывавшееся на морозе лицо вечно молодого мужчины с веселым блеском светлых глаз.

— Ни то ни другое, — чуть хрипловатым голосом заявил он. — Я Гамаюн, сын Сирина. А ты кто? Перуну не родня ли?

— Сестра, — согласилась Жива. — Живой зовут.

— Моя мать — враг Перуна, — открыл Гамаюн.

Жива обернулась назад, на главную башню, откуда только что ушла. По дороге она столкнулась с Перуном, но тот даже не посмотрел в сторону сестры.

— Он уже несколько дней ничего от ненависти не видит, — сказала Жива. — Если ты знаешься с его врагами, лучше улетай, пока не поздно. Если он найдет здесь тебя...

— Убьет, — пожал плечами Гамаюн. — Мы виделись только что!

Жива ахнула.

— Тогда тебе повезло. — Она подошла ближе. — Эти дни к нему лучше не подходить. Он со всеми перессорился — даже с Ящером. Во всем мире только Дажь мог бы его остановить, но Дажь нет!

Гамаюн наклонился так низко, что его глаза оказались на одном уровне с лицом женщины. Он с таинственным видом обнял ее крылом за плечо, не давая отойти.

— Если ты мне поверишь, — загадочно шепнул он, — то я тебе такое скажу!..

Глаза полуптицы поблескивали во тьме. Жива разглядела в них боль и страх и кивнула:

— Говори!

— Я весть о Дажде принес. Помощь ему нужна! Жива ахнула, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Вспомнилось забытое когда-то дорогое лицо, ее первая, еще полудетская любовь и боль

потери, от которой ее избавил Велес. Вспомнились ее тревоги и зависть, когда она, одинокая, каждый день видела Марену и Дажда — сначала счастливых, а потом постепенно становящихся друг другу чужими. Дажда в те годы часто заходил к ней, подолгу сидел молча, но чувствовалось, что в тихих покоех Живы он старался избавиться от гложущей его боли. Жива одна понимала, что всему виной Марена, и она догадалась, что была права, когда имя сестрицы-соперницы прозвучало из уст гонца.

— Прости, я не могу говорить о ней, — потупился Гамаюн. — Я должен найти помощь поскорее, иначе она его убьет. Но здесь никто не будет меня слушать...

Он осекся, потому что Жива решительно взяла его за лапу.

— Я, кажется, смогу найти помощь, — сказала она, — Но только надо, чтобы никто не догадался, что это сделала я. Подожди здесь до ночи, когда погасят огни и все уснут. Тогда я приду на это самое место... Ты будешь ждать?

Гамаюн выпрямился, оглядывая замок. Он не верил, что помочь ему может хрупкая женщина с испуганными глазами, так похожая на Перуна. Но она крепко держала его за лапу, и Гамаюн, отбросив колебания, посмотрел на нее.

— Я буду ждать, Жива, дочь Сварга, — сказал он.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вбежав в комнату, Жива заперла дверь на крючок, что делала в редких случаях. Заждавшийся Велес с тревогой следил за нею с ложа. Он давно уже чувствовал, что силы возвращаются к нему, только правая рука все еще была слаба да в груди что-то подозрительно хрипело при вздохах. Это могло ему стоить жизни в бою, а потому он, зная, что находится под носом у смертельного врага, втайне от Живы начинал вставать с постели и разминал руку. Сейчас он успел вернуться на ложе, будто ничего не было, но взволнованное лицо женщины заставило его забыть об осторожности. Велес сбросил шкуру и вскочил, протягивая к ней здоровую руку.

— Что случилось? — спросил он. — Перун, да?

Жива поставила на камни очага горшок и откинула со лба накидку плаща. Взгляд ее скользнул по фигуре Велеса — полуобнаженный, он и сейчас, с висящей правой рукой, являл собой грозного бойца.

— Ляг, — негромко приказала она. — Тебе нельзя.

— Но Перун...

— Это не он! — Жива сбросила плащ, пригладила волосы.

Велес жадно смотрел на ее нежно-зеленое платье, туго обтягивающее ладное, крепкое тело.

— А кто тогда? Что случилось?... На тебе лица нет!

— Вернись в постель, — повторила Жива. — Тогда скажу!

Велес послушно сел.

— Я воин, — негромко сказал он. — Я не могу долго сидеть на одном месте. Подле тебя я в безопасности, но если Перун заподозрит неладное, лежащий я не смогу тебя защитить.

Он протянул здоровую руку, и Жива подошла, взяла ее в ладони, отогревая свои замерзшие пальцы. Велес потянул ее к себе, и женщина, не выпуская его руки, присела к нему на колено.

— Я кое-что принесла тебе с праздничного стола, — сказала она. — Праздники закончились, а для тебя пусть они немного продолжатся.

— Когда ты здесь, для меня уже праздник, — неловко молвил Велес. — Эти дни ты и минутки лишней не была со мной. Я тебя обидел?

Вынув ладонь из рук Живы, он осторожно обнял женщину за плечи, привлекая к себе. Она не сопротивлялась впервые за долгое время, приникла к его широкому плечу, а щекой — к теплой твердой коже. Густая полуседеющая грива Велесовых волос смешалась с ее чуть

растрепавшимися рыжими. Больная правая рука Велеса лежала на коленях Живы. Женщина чувствовала, как напряжено его тело, как он борется с собой, не зная, раздавить ее в объятиях или выпустить нежные плечи, пока они не хрустнули под его рукой. Желая успокоить его, Жива легонько погладила Велеса, и он прерывисто вздохнул, прижимая ее к себе.

— У нас гость, — касаясь губами его кожи, молвила Жива.

Велес немедленно отстранил ее, заглядывая в глаза. На дне его темных зрачков мелькнул страх.

— Кто он? — выдохнул он.

— Я не знаю, — ответила Жива, высвобождаясь из объятий. — Но вы должны увидеться. Я чувствую, что это необходимо — мне он ничего не говорит. Может быть, ты сумеешь заставить его все открыть.

— Кто он? — повторил Велес.

— Я приведу его ночью, чтобы никто не догадался, — ушла от ответа Жива, вставая.

Остаток вечера Велес угрюмо молчал, не сводя с женщины пристального взгляда. О его присутствии в замке не знал никто, и кроме Перуна он никого не ждал. Возможно, это друг Живы, у которого случилась беда. Если так, то не проболтается ли незваный гость о местонахождении изгнанника?

Наконец снаружи послышались глухие протяжные удары — били в большой медный диск. Это означало, что день кончился и все, кроме стражи, уходят на покой. Услышав последний удар, Жива строго приказала Велесу сидеть смирно и ушла.

Она провела Гамаюна почти через всю Девичью башню, нарочно выбирая самый запутанный путь, чтобы сын Сирина не смог потом внятно объяснить, где искать Велеса. Когда-то они были дружны — это Жива слышала от Перуна — но с тех пор Велес изменился. А вдруг его предаст бывший друг?

Остановившись у двери, она обернулась на Гамаюна. Полуптица едва доставала ей макушкой до плеча.

— Помни, — сказала Жива, — ты не должен никому говорить о том, что увидишь!

— Клянусь! — сверкнули глаза Гамаюна, и Жива скользнула в покой.

Велес не терял времени даром. Оставшись один, он достал свой нож — единственное оружие, которое было при нем, когда он повез Диву назад — и спрятал его у левой руки. Кто бы ни ворвался, он успеет выхватить оружие и встретить врага, как положено воину.

Жива вошла очень осторожно, словно догадываясь о его намерениях. Окинув комнату взглядом, она кивнула Велесу и распахнула дверь.

— Вот он, — просто сказала она, ни к кому не обращаясь.

Гамаюн боком шагнул через высокий порог и остановился, раскинув крылья. Велес полулежал в слабо освещенной половине комнаты, а потому полуптица некоторое время только неверяще хлопала глазами. Узнав Гамаюна, Велес подался вперед. Глаза его сверкнули.

Жива осторожно притворила дверь.

Гамаюн шагнул вперед, всплеснув крыльями. Лапы его дрогнули, и он чуть не упал.

— Ты? — выдохнул Велес.

— Отец! — воскликнул Гамаюн и бросился к нему, распахивая крылья. Вскочив на постель, он прижался к раненому, пряча лицо у него на плече. — Живой...

Велес обнял его здоровой рукой, запуская пальцы в лохматое оперение. Не сразу он вспомнил о Живе и поднял на нее глаза.

Женщина стояла у двери, глядя на них. Поймав взгляд Велеса, она попыталась улыбнуться, но в зеленых глазах ее стояли слезы. Не в силах бороться с собой, она молча опустила на лавку и закрыла лицо руками.

* * *

Гамаюн наконец вспомнил, зачем явился. Подняв голову, он взглянул Велесу в глаза.

— Я искал тебя, — сказал он. — Ты единственный, кому я могу довериться, кто поверит мне... кроме моего хозяина.

— У тебя есть хозяин? — переспросил Велес.

— Есть, и самый лучший из всех! — Гамаюн выпрямился на ложе, пошире расставив ноги. Он снова улыбался, но в глазах его жила тревога. — Тот, кто спас мне жизнь, кто поверил мне и позволил сопровождать, тот, кого я люблю почти так же сильно, как и тебя, и которому нужна помощь! ⁵

— Кто он?

— Ты должен понять, — замялся Гамаюн. — Ведь вы когда-то были... — Он осекся под строгим взглядом Велеса и выпалил: — Дажь Сварожич!

Остолбеневший Велес в волнении оглянулся на Живу. Женщина отняла руки от заплаканного лица и жадно прислушивалась к их разговору. Перехватив ее взгляд, Велес задержал дыхание и помертвевшим голосом выдавил:

— Он не примет моей помощи!

— Но он в беде! Ему грозит гибель! Если не ты, то больше никто ему не поможет!

Жива обратила на Велеса полные мольбы глаза. Не выдержав ее взгляда, он отвернулся.

— Когда-то Дажь был моим другом и названным братом, — негромко сказал он. — И вряд ли забыл, что я с ним сделал, хотя действительно он ни в чем не виноват. Такое не прощают... Но раз ты говоришь, что он спас тебе жизнь и смог простить...

— Да, да! — радостно закричал Гамаюн, прыгая по ложу.

— Говори, что знаешь!

Полуптица, приседая и растопыривая крылья, торопливо затараторила, торопясь высказать все, что случилось. Гамаюн начал свой рассказ аж со дня их первой встречи с Даждем в подземельях Ехидны и подробно расписал все их путешествие. О том, где был Дажь после расставания с Перуном на границе с Кельтикой, не знал никто, и потому Жива слушала из своего угла с неослабным вниманием. Весть о том, что Дажь отправился к Марене с некоей чарой, испугала ее — Марена была не из тех, кто выпускает добычу из рук. Если Дажь решил с нею порвать, она и впрямь может убить его. А тут еще какой-то Кощей!

Велес и Гамаюн тем временем словно позабыли о женщине, углубившись в свой разговор.

— Что ты все твердишь об этой чаре? — перебил Велес полуптицу. — Что в ней такого?

— Она настолько важна для хозяина, что, боюсь, он не захочет даже под страхом смерти бросить ее, — ответил тот. — В ней спасение одного человека — хозяин не говорил, кого именно. И Марена это знает. В чаре действительно есть некая сила — иначе зачем Марене прятать ее на острове посреди Огненной Реки в самом Пекле?

— Откуда у тебя такие вести? Ты летал в Пекло? Как можно быть таким неосторожным!

— погоди, не сердись. — Гамаюн дурашливо отскочил в сторону, прикрываясь крыльями. — Я туда и носа не казал — там меня еще по мятежу помнят! Но у Даждя есть спутник — мальчишка, который очень хочет помочь хозяину. Его зовут Агриком. Он познакомился кое с кем из местных, и те рассказали ему, что видели, а он передал мне... Ты знаешь, что такое Огненная Река?

Велес мрачно нахмурился, опустив голову на грудь. Гамаюн нерешительно топтался рядом.

— Это очень серьезно, — наконец вымолвил Велес. — Огненная Река... Живым через нее никто не переберется, но если это так важно...

— От этого зависит жизнь Даждя! — горячо воскликнул Гамаюн.

⁵ См. книгу II «Чара силы».

Велес бросил косой взгляд на Живу. Та тщетно старалась заняться шитьем, но дрожащие руки выдавали ее с головой.

— Дай мне время, — сухо произнес Велес. — Я почти не владею правой рукой.

— Это сделал Перун? — догадался Гамаюн. Велес кивнул, поглаживая забинтованное плечо.

— Надеюсь, что будет не слишком поздно, — пробормотал Гамаюн и неловко спрыгнул на пол.

— Я тоже надеюсь... сын, — отозвался Велес. Гамаюн обернулся, услышав последнее слово, но Велес не смотрел на него, глубоко задумавшись и растирая плечо. Пятясь, полуптица отошла к двери.

Жива поднялась, готовая проводить гостя. То и дело оборачиваясь назад, он послушно последовал за нею. Женщина проводила его в небольшую комнатку, где можно было в тепле переждать ночь. Устроив гостя на ночлег, она вернулась обратно. Велес все сидел, откинувшись назад. Он вяло поглаживал раненое плечо, остановившимся взглядом уставясь в стену. Морщины выдавали его напряжение.

Жива посмотрела на него, встав у постели.

— Кто он? — наконец решилась спросить она. — Это правда?..

— Он действительно мой сын, — не глядя на женщину, тихо ответил Велес. — Я тогда был очень молод, мало знал жизнь, а Сирина... Она очаровала меня. И она не отталкивала меня... И когда Дажь заточил ее в Пекленскую тюрьму, я взял Гамаюна к себе. Я не мог его бросить — еще неоперившегося...

— Не оправдывайся. — Жива мягко положила руку на плечо Велеса. — Ты поступил правильно!

Велес перевел на нее потеплевший взгляд, дотянулся до ее запястья, погладил.

— Я рада, что ты такой, — сказала Жива и перевела разговор на то, что сейчас волновало ее больше всего. — Ты поедешь?

— А ты этого хочешь?

— Пожалуйста, — Жива умоляюще заглянула ему в глаза, — спаси Дажь. Ты все можешь, у тебя все получится... Ты должен помочь Даждю — Гамаюн прав: кроме тебя, никому! Помоги ему! — Голос ее задрожал, она склонилась к раненому.

— Я не знаю, должен ли, — ответил Велес. — Вряд ли Дажь согласится принять мою помощь — мы ведь расстались врагами. Но ради тебя я на все пойду... Только бы он понял, как ты его любишь!

Голос его дрогнул, и Жива осторожно опустилась ему на колени, снизу вверх глядя на его тяжелый бычий профиль. Горбатый нос сморщился, большие раскосые глаза потемнели.

— Дажь самый лучший из всех, кого я знаю, — заговорила женщина. Велес сердито сжал левой рукой ее плечо, но это не заставило Живу замолчать. — Если бы он знал то, что знаю я, он бы меня понял...

— Я сделаю все, раз этого хочешь ты! — с горечью перебил ее Велес. — Для тебя!

Его тяжелая рука тискала плечо Живы. Безвольная правая рука, не шевелясь, лежала на колене женщины. Та подняла глаза, осторожно дотронулась до прядок гривы, перебирая их.

— Я хотела тебе сказать, да забыла, — вдруг тихо зашептала она. — На праздники к нам приезжали соседи — хотели сговорить меня за сына их патриарха. Это большая честь — стать женой старшего сына соседа...

Неподвижные пальцы правой руки Велеса при этих словах вдруг ожили и зашевелились.

— Зачем мне это знать? — прохрипел он. — Чтобы порадоваться за тебя?

— Я хочу, чтобы ты знал, — Жива выпрямилась, — что мне никто не нужен, кроме одного мужчины...

Жива ласково повернула к себе голову Велеса. Ее гибкие пальцы скользнули по изгибам рогов, спустились на выпуклый лоб, пробежали по надбровным дугам до глаз, прикоснулись к загнутым длинным ресницам, огладили щеки и расправили морщины на

носу. Затаив дыхание, Велес не сводил с нее глаз. Он замер, не веря в происходящее, когда Жива притянула его голову ближе и осторожно поцеловала в губы.

— Ты еще не понял? — прошептала она.

Вместо ответа Велес крепче стиснул ее плечи, прижимая женщину к себе и с наслаждением вдыхая запах ее тела. Правая рука его ожила и поползла по бедру Живы. Почувствовав под платьем его руку, Жива замерла, словно околдованная, и только руки ее крепче сомкнулись на шее Велеса. Доверившись его рукам, она закрыла глаза, послушная и готовая на все.

Морщась от боли, которую причиняло каждое движение правой руки, Велес осторожно уложил женщину на ложе и склонился над ней. Она так и не открыла глаз, только вздохнула облегченно...

Забытые свечи горели всю ночь, освещая прижавшихся друг к другу любовников. Жива всем телом приникла к Велесу, положив голову на его широкое плечо и блаженно улыбаясь.

* * *

С того дня у изгнанника появилась цель. Все время он тратил на то, чтобы поскорее вернуть себе силы и утраченную ловкость. Прерываясь только для того, чтобы отдохнуть в объятиях влюбленной женщины, Велес разминал правую руку, чувствуя, как с каждым днем ему все легче и легче двигать ею.

Его любимый двузубый топор, с которым он не расставался много лет, в памятную ночь похищения Дивы остался в замке как добыча Перуна. Тот держал секиру у себя, дабы не забыть о мести. Ее исчезновение он бы сразу заметил, а потому вместо нее Велес пробовал свои силы с огромным двуручным мечом, самым большим из тех, что сумела достать для него Жива. С огромным, почти в его рост оружием сын Земун управлялся так легко, словно это был прут. Холодно блестящее лезвие мелькало в воздухе, разгоняя ветер и заставляя мигать огонь в очаге.

* * *

Некоторое время спустя два всадника шагом покинули замок, воспользовавшись тайным ходом, что вился в скале над самым обрывом. Снаружи выл ветер, метель сбивала с ног. Сторожа не особо вглядывались в темноту и даже не догадались, что замок кто-то покинул.

* * *

Метель утихла только на третий день пути. Все это время всадники двигались в сопровождении снежного урагана, что не стихал ни на миг, заваливая дороги и не давая как следует осмотреться. Что днем, что ночью — одинаково трудно было отыскать дорогу. Лошади упирались, желая повернуть назад. Только привычный к походам боевой тяжелый жеребец Велеса, все это время простоявший в конюшне, упрямо продирался вперед, прокладывая путь мерину Живы и заводным лошадям.

Первые дни, пока вокруг расстилались владения Сварга и его соседей, приходилось торопиться и таиться. Про Велеса до сих пор никто не догадывался, а исчезновение Живы могли обнаружить еще утром. Перун ни за что не бросил бы последней сестры и отправился на ее поиски. Ящеру нипочем была никакая метель — он мог легко найти следы беглецов с воздуха. Помня о давнем знакомстве с его когтями, Велес то и дело в тревоге оборачивался назад, высматривая движение в небе. Но шло время, а погони не было.

И все-таки до самых границ с землями смертных дикарей беглецов не покидала тревога. Что-то должно было произойти.

Наконец горы кончились. Путники оказались в бесконечном море лесов,

протянувшихся насколько хватало глаз и воображения. Отсюда было несколько дорог. На восток — в земли дикарей и дальше, туда, где жил Родомысл и его потомки. На юг — через те же леса до степей и Пекла у южного моря. На запад — в глушь Невриды, а мимо нее — до самых Диких Лесов и в Кельтику. Когда-то, много лет назад, в этих же самых местах нежить преследовала Волхова по приказу Велеса.

Как смутно помнил Велес, здесь кое-где жили люди, которым можно было довериться. Сам он мог переночевать даже в снегу, но не смел даже подумать, чтобы Жива и дальше делила с ним тяготы пути. Женщина не жаловалась — она даже шутила над его чрезмерной заботой, но чувствовалось, что ее гложет какая-то тайная печаль.

День склонился к вечеру. Лошади с трудом нашли занесенную снегом дорогу и пробирались по ней. Здесь давно никто не проезжал — дорога выглядела совсем запущенной и нехотя ползла с холма на холм, продираясь сквозь лес. Если бы не мост, на который всадники наткнулись за очередным поворотом, можно было подумать, что это запорошенное русло ручья, промерзшего до дна.

Речка извивалась меж холмов, как змея с перебитым хребтом. Густые заросли подступали к ней вплотную, спускаясь с заснеженных вершин. Заваленный снегом мост выныривал из сугробов, что намела метель, — можно было видеть только косые перила, торчащие из снега.

Лошади проваливались почти по брюхо, осторожно спускаясь по склону к мосту. В довершение ко всему ближе к вечеру снова повалил снег. Ветра не было, и он падал крупными хлопьями медленно и красиво, но путникам было не до этого.

Привстав в стремях, Велес в надвигающихся сумерках огляделся и обернулся к Живе. Почувствовав его тревожный взгляд, женщина выпрямилась и улыбнулась, кивнув ему, но Велес заметил, что сегодня она странно бледна.

— Судя по всему, на том берегу дорога идет вдоль берега реки, — сказал Велес. — Переправимся — и я постараюсь отыскать жилье... — Он осекся, видя ее белое лицо. — Зря ты поехала!

— Я тебя не оставлю, — прошептала Жива. — Я должна...

Осаживаясь на задние ноги и вздрагивая всем телом, лошади спустились к мосту. Тяжелый жеребец Велеса первым двинулся вперед, прокладывая дорогу. Уверенный в хозяине, он ступил на заледенелые бревна, и они звякнули под его широкими копытами.

Остальные лошади вслед за жеребцом осторожно вступили на мост. Конь Велеса уже почти дошел до противоположного края и на шаривал под глубоким снегом конец переправы, когда под копытами лошадей что-то затрещало.

Очевидно, мост был старым или поврежденным, чего нельзя было угадать под снегом. Лошади забеспокоились, заторопились, опора под их ногами перестала быть надежной. Мерин Живы как раз находился на самой середине моста, когда ее заводной конь вдруг споткнулся и, напуганный, с визгом шархнулся прочь.

Напоровшись грудью на перила, он поддал задними ногами. Удар пришелся в бок мерина. Тот качнулся, оступился и, цепляясь копытами, рухнул вместе со всадницей в снег.

Обернувшийся на шум Велес увидел, как упал конь Живы. Она закричала, когда под тяжестью коня и всадницы лед треснул и плеснула темная вода. Почувствовав ее, мерин забился отчаяннее, пытаясь встать. По льду пробежали трещины, увеличивая полынью, но прежде чем лошадь и женщина провалились под лед, Велес спрыгнул с седла и бросился к Живе.

Не раздумывая, он через сугробы добрался до бьющейся лошади и выдернул из-под нее женщину. Мерин с жалобным визгом провалился в полынью и забился в холодной воде. Остальные лошади сбились в кучу на мосту, мелко дрожа и не зная, куда бежать. Вместе с упавшей лошадью оголилась часть бревен, и стало видно, что мост сильно расшатан, а середина его почти разобрана.

Велес на руках вынес цеплявшуюся за него женщину подальше от берега, к своему коню, который спокойно стоял там, где его бросил хозяин. Подсадив Живу на высокое седло,

Велес вернулся за лошадьми.

Напуганные, они не сразу дались в руки и подчинились только грубой силе, но позволили вывести себя и привязать к деревьям подальше от реки. Затем Велес вспомнил о мерине. Тот еще бился в воде — река была мелкая, течение несильное и опасность ему не грозила. Поймав повод, Велес с такой яростью дернул за него, что бедный конь уже с первого рывка оказался на берегу. Толкая, как неживого, сын Земун выволок его к остальным лошадям.

Жива все сидела боком на спине жеребца, сжавшись в комочек. Обеими руками она держалась за живот и дышала так тяжело, что Велес почувствовал неладное. Встав на стремя одной ногой, он притянул к себе женщину. Даже сквозь полушубок он чувствовал, что ее колотит мелкая дрожь.

— Что с тобой? — Велес с тревогой заглянул в белое лицо женщины. Расширившиеся глаза Живы смотрели мимо него. Взгляд ее помутился, и она вдруг с коротким стоном покачнулась, ткнувшись лицом ему в грудь.

В один миг Велес оказался в седле и заботливо усадил Живу спереди. Почувствовав его сильные руки, она немного пришла в себя и прошептала, пытаясь выпрямиться:

— Все хорошо... Голова вот только...

— Молчи, береги силы, — приказал Велес, прищипывая коня.

Привязанные лошади заржали, потянулись за ними, но Велес решительно тронул коня вперед. Понимая, что от него требуется, жеребец широким шагом направился вдоль берега реки, постепенно забирая вбок, вверх по склону.

Кусты там росли гораздо реже. Доверившись чутью жеребца, Велес не осаживал его, и тот шел очень осторожно, как волк по следу, высоко поднимая ноги.

Стемнело неожиданно быстро. Тьму разгоняли редкие звезды в просветах низких облаков. Снег тускло мерцал в их лучах, но под деревьями царил почти полный мрак.

Жеребца словно что-то тянуло вперед, и вскоре Велес с радостью увидел, что чутье коня не подвело — за стволами замелькал огонек. Жеребец шел прямо на него. Велес осторожно встряхнул за плечо прильнувшую к нему Живу:

— Впереди люди!

Женщина только вздрогнула и тихонько застонала.

Жеребец преодолел последние метры некрутого подъема и вышел на небольшую прогалину у подножия крутобокого холма-кургана. К нему лепилось бесформенное строение — крошечное окошко было освещено.

Жеребец заржал, и почти сразу же низкая массивная дверь приоткрылась и чей-то грубоватый голос бросил во тьму:

— Кого там носит?

В щели Велес увидел чью-то лохматую голову и развернул коня так, чтобы хозяин хижины мог его рассмотреть.

— У меня женщина, которой нужна помощь, — объяснил он.

— Ей я помочь уже ничем не могу, — ответил хозяин. Задохнувшийся от гнева Велес подхватил Живу на руки и спешился, перекинув ногу через холку жеребца. Заметив его движение, хозяин поспешил притворить дверь.

— Мало ли кто ходит... — услышал Велес обрывок его ворчания.

— Мне нужна помощь, и я ее получу, — прошипел он. Жива попыталась слабо сопротивляться, но он только поудобнее перехватил ее и решительно направился к хижине.

Массивная дверь распахнулась от мощного пинка. Пригнувшись, Велес шагнул в дом вместе с клубами морозного пара, плечами оберегая Живу. Ему навстречу кинулись, пытаясь остановить, но он, не глядя по сторонам, решительно прошел к очагу, сложенному в середине хижины из грубых валунов. Между ними на груди веток плясал огонь. Опустившись на колени, Велес усадил Живу у очага и пристроился рядом.

Прикрыв глаза, Жива склонила голову ему на плечо. Придерживая женщину, Велес осмотрелся.

Небольшая хижина была освещена только огнем очага и маленькой лучиной у окна. Стены строения были сложены из плохо ошкуренных бревен и камней, щели меж которыми были замазаны глиной. Кроме грубо сколоченного стола, единственной утварью были лавки вдоль стен и низкое ложе, заваленное шкурами. Недопряденная кудель лежала под лучиной. За спиной незваных гостей в полутьме можно было рассмотреть кросна, ⁶ шесты для растяжки шкур, какие-то мешки и горшки, прочие вещи, сваленные в беспорядке.

Хозяйка хижины была тут же. Молча притворила она тяжелую дверь, поправив ее с неожиданной для женщины силой, и встала перед гостями, скрестив руки на груди.

Была она, наверное, ровесницей Живы, но тяжелая жизнь в лесу состарила ее раньше времени. Высокая, сильная, грубоватая, в некрашеной домотканой рубахе с простым шитьем по вороту, с непокрытой головой, она производила впечатление силы и уверенности в себе. Ее желто-карие глаза смотрели с не улыбочивого лица внимательно и презрительно, и Велес, встретившись с ней взглядом, впервые почувствовал себя неуверенно.

— Имя мне Велес, сын Земун-коровы, — поспешил объяснить он, — а это Жива, дочь Сварга с севера...

Он умолк, заметив, как странно блеснули глаза хозяйки. Но женщина смотрела мимо них, и Велес осторожно обернулся.

Груда шкур на ложе зашевелилась. Из нее высунулись две головки. Девочки — наверное, дочери хозяйки — разбуженные чужаками, с любопытством рассматривали их. Встретившись взглядом с Велесом, девочки вздрогнули как зверьки, впервые выглянувшие из родной норки.

Старшая из двух девочек с некрасивым бесцветным личиком, больше похожим на мордашку водяного, пискнула и полезла прятаться под шкуры. Ее сестра с нежными голубыми глазками и золотистыми локонами не последовала ее примеру. Не отводя замороженных глаз от гостей, она медленно вылезла из-под шкур и, одергивая рубашонку, засеменила к ним.

Немного отогревшаяся Жива села прямее. Девочка подошла к ней и вдруг без слов полезла к ней на колени. Устроившись поудобнее, она склонила головку набок.

— Ты кто? — спросила она. — У тебя что-то болит?

— Нет. — Жива улыбнулась, придерживая девочку. Хозяйка следила за девочкой как коршун. Решив не портить с нею отношений, Велес осторожно потянулся к девочке, чтобы снять ее с коленей Живы. Малышка мигом развернулась к нему, с любопытством уставившись на него.

— А почему у тебя такое лицо? — вдруг спросила она.

Велес вздрогнул от неожиданности, чувствуя на себе пристальные тревожные взгляды.

— Не знаю, — выдавил он наконец. — Оно таким было всегда...

Девочка вдруг завопилась на коленях Живы, вставая. Чтобы удержаться, она схватила прядь гривы Велеса, подтягивая его ближе.

— А они настоящие? — Ее пальчик ткнулся в рога. — Их можно потрогать?

— Можно, — ответил Велес, и обрадованная девочка вновь потянула его к себе.

Подчиняясь ее маленьким ручкам, Велес послушно наклонил голову. Все-таки он был слишком высок — требуя, чтобы он наклонился еще ниже, малышка вцепилась ему в ухо. Наконец ей удалось дотянуться, и маленькие пальчики благоговейно погладили твердый, чуть шероховатый рог.

— Ух ты! — восхищенно прошептала она.

Тут хозяйка сдвинулась с места. Наклонившись, она подхватила дочку с колен Живы. Велес только поморщился, когда девочка дернула его за гриву. Успокаивая закапризничавшую девочку, женщина отошла к ложу.

Оставив там дочку, она вернулась. Теперь в ее взгляде больше не было холодности.

⁶ Ткацкий станок.

— Что ж, — молвила она со вздохом, — пришли — гостями будете. Говорите, зачем пожаловали!..

— Это моя жена. — Велес обнял Живу за плечи. — Занемогла она что-то. Помощь ей нужна!

Женщина наклонилась, вглядываясь в лицо дочери Сварга. Та отвела взор, прижавшись к Велесу.

— Чем же я могу ей помочь? — молвила хозяйка. — Пока ничем! Роды принимать рано, и не мне та честь предназначена!

Услышав слова хозяйки, Жива выпрямилась, вскинув на нее удивленные глаза. Смысл сказанного с трудом доходил до нее.

— Что так глядишь на меня, сестрица? — усмехнулась женщина. — Мужняя жена — должна понимать, что пора дитя иметь!

Жива обеими руками схватила за живот, прислушиваясь к себе. В глазах ее мелькнула тревога. Обернувшись на Велеса, она хотела что-то сказать, но только закусила губу — слова застряли у нее в горле.

— Ребенок? — еле слышно переспросила она. — Это правда?

Велес притянул ее к себе, укрывая полами полушубка.

— Родная моя, — ожег щеку Живы его шепот. — Спасибо тебе! Я никогда тебя не брошу, никогда с тобой не расстанусь. Все для тебя сделаю — только ты береги его и себя и... Прости, но дети Дивы-Додолы будут ему братьями...

— Я знаю, пусть так! — прошептала в ответ Жива. Хозяйка сжала кулаки при последних словах Велеса, но тут же спокойно обратилась к гостям:

— Устали вы, а на дворе ночь. Располагайтесь. Меня Макошью зовите...

Она, очевидно, ожидала вопросов, но их не последовало. Велес только кивнул ей поверх головы прильнувшей к нему Живы. Волхва, казалось, была удивлена.

— Иль не слышали обо мне? — спросила она. — Я-то думала, знаете вы, к кому попали!.. Хотите что еще узнать?

— О том, куда и зачем я иду, мне и так известно, — гордо ответил Велес. — И с этим я сам справлюсь. А вот она?

— О ней я позабочусь! — Макошь взяла Живу за плечи, предлагая ей следовать за собой.

— Там остались наши лошади. — Велес тоже встал. — Я приведу их!

— Смотри, дверь рогами не вышиби, — беззлобно кинула ему вслед пророчица, но он не отозвался.

Жива было обернулась к волхве что-то спросить, но та строго сдвинула брови, показывая, что сейчас не время говорить, и потянула с плеч гостью полушубок.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пока Велес ходил за лошадьми, Макошь расшевелила почти уснувший огонь в очаге и наскоро согрела гостей угощение. Для Живы она отдельно приготовила целительное зелье. После него Живе сразу захотелось спать. Макошь уложила ее на меховое ложе к дочерям. Старшая, некрасивая девочка, раз насторожившись, так и укуталась с головой, держась от гостьи подальше, а младшая сразу придвинулась ей под бок да там и уснула. Сама Жива долго боролась со сном, прислушиваясь к разговору, который завели у лучины Велес и волхва.

Она так и заснула под их голоса, а пробудилась уже поздним утром, когда со двора доносились фыркание и ржание готовых к походу лошадей.

Отбросив шкуры и не обращая внимания на дурноту, Жива вскочила и бросилась вон. У крыльца вросшего в снег домика стояли Велес и Макошь. Сын Земун был уже готов к дороге. Увидев за спиной волхвы Живу, он порывисто шагнул к ней, протягивая руки.

— Уезжаешь? — догадалась Жива. — Без меня?

— Прости, родная, — Велес взял в ладони ее лицо, — но останься я — ты б сама меня в дорогу поторопила. Знаешь ведь — время Даждю дорого!

Жива отстранилась, кладя ладони ему на плечи.

— Все знаю, потому и не спорю, — сказала она. — Боялась лишь — уедешь не простясь. — Женщина прижалась к Велесу, пряча лицо у него на груди.

Макошь отошла в сторону, и Велес горячо обнял Живу.

— Я тебя никогда не забуду, — прошептал он. — Что бы ни случилось!.. Я слишком долго тебя ждал. Дождись меня — больше ни о чем не прошу. И сохрани ребенка!

Силой оторвав от себя льнувшую к нему женщину, Велес метнулся к своему коню и одним прыжком взлетел в седло. Жеребец заржал, осаживаясь на задние ноги.

Жива бросилась к Велесу.

— Он будет расти со своими братьями! — крикнула она. Велес только кивнул ей и погнал жеребца вперед.

Увлекая за собой заводного коня, тот вломился в кустарник.

Макошь властно остановила кинувшуюся вдогонку Живу, заглянула ей в лицо.

— У этого ребенка не будет братьев, — внятно сказала она, не отрывая потяжелевшего взгляда от лица Живы. — Крепись — только отвага и сила помогут тебе вырастить его!

Обняв оцепеневшую от страшного пророчества женщину за плечи, волхва повела ее обратно в избушку.

* * *

Тем временем огромный всадник мчался к югу.

Припав к косматой гриве коня, Велес торопил его, не давая поблажек ни себе, ни жеребцу. Заводных коней он оставил у Макоши, взяв себе одного порезвее, и шел сейчас одвуконь. Останавливаясь только на ночлег, он спешил, забыв обо всем. Впервые за долгое время кому-то надобна была его помощь, и ради этого он был готов на все — на новое преступление или подвиг — одинаково. Он был кому-то нужен, его ждали, в него верили, на него надеялись и его любили. Это удесятерило его силы, и даже коням передалась часть его пыла — казалось, все трое сделаны из камня.

Версту за верстой покрывал Велес, приближаясь к цели. Он мчался напрямик, следуя местами, которые успел раньше хорошо изучить. Но даже и не зная, куда ехать, он не должен был ошибиться — впереди лежало море.

Засидевшись допоздна в избушке Макоши у лучины, Велес не расспрашивал волхву о будущем — говорил сам, не давая ей вставить слова. Он спешил рассказать хоть одной живой душе о том, что творилось с ним. Макошь не знала его раньше, она могла и должна была ему верить. И она поверила, а из нескольких слов, брошенных ею наутро, Велес понял, где ему, вернее всего, окажут помощь. Об остальном он не хотел знать.

Запах моря он почувствовал задолго до того, как увидел его. Невысокие гладкие горы, заросшие лесами до вершин, скрывали берег в этих местах. Они защищали долины, где селились люди, и каменистые косы-полуострова. Некоторые из них были связаны с землей столь узкими перешейками, что в прилив оказывались полностью отрезанными от берега. На одном из таких островков и лежала его цель.

В последние дни болезни, когда Велес был почти готов отправиться в путь, в зиме наступил перелом. Здесь, на юге, в воздухе уже чувствовалась весна — дышалось легко и вольно, в ноздри проникали пьянящие запахи, а ухо ловило голоса птиц и вздохи просыпающегося леса: невнятное бормотание вод под снегом, сонное ворчание реки, шепот оживающих деревьев. Воздух стал прозрачен, а снег потяжелел и липнул к копытам коней. Углубившись в леса на склонах невысоких гор, Велес был вынужден придержать неистовый бег своего жеребца.

Впереди развиднелось. Тропа, явно проложенная здесь всадниками, пошла круто вверх. На вершине, к которой она вывела путника, деревья ушли в стороны, оставив только

нечастые кусты. Велес остановил коня.

Отсюда открывался великолепный вид. Ровный и пологий склон горы был почти оголен — кроме островков кустарника, ничто не закрывало обзора. Тропа, местами протоптанная чуть не до земли, вела мимо зарослей и крупных валунов вниз, к каменистому берегу шириной всего саженой в десять. Хотя до него было больше версты, наметанный глаз Велеса, казалось, различал отдельные камешки там, где снега не было. От берега в море уходила широкая, не меньше сотни саженой, коса, лишенная растительности. Идеально ровная и гладкая, она примерно через полверсты заканчивалась небольшим возвышением, на котором стояла сложенная из валунов и бревен крепостца.

Зоркие глаза Велеса при желании могли бы отсюда разглядеть ее, но он даже не стал вглядываться — его внимание привлек пляж.

По камням, ломая льдинки, бродило десятка три кобылиц, выискивая мелкие травинки. Пологий склон горы, очевидно, весной превращался в отличный луг, но пока снег там был слишком глубок. Все кобылки были как на подбор — светлые, почти белые, высоконогие, изящные, с длинными гибкими шеями и нежными гривами. Они были так увлечены поисками, что дали время незваному гостю осмотреться и сразу понять, что он попал куда хотел. Полузвериным чутьем обратившись к кобылкам, Велес догадался, что ведьма, которую он искал, живет здесь — все они до одной были ее родными дочерьми.

Жеребец Велеса, ничего не знавший о колдовстве, учуял только кобыл и всхрапнул. Те мигом вскинули точеные головки и увидели всадника.

Пронзительный визг, раздавшийся над берегом, заставил гостя поморщиться. Сбившись в кучу, кобылки ринулись на него. Глаза их весело сверкали, но стремительность их атаки заставила бы отступить кого угодно.

Одним прыжком спешившись, Велес шагнул к кобылкам, раскинув руки.

— Что ж вы, девоньки, гостей так принимаете? — воскликнул он. — Али вам от своих парней отбоя нет, что вы на меня накинудись?

Галоп сбился. Подкидывая задними ногами, кобылки остановились, блестя глазами. Усмехнувшись, Велес пошел на них. Его жеребец, приученный понимать замысел хозяина, двинулся следом.

Подойдя к кобылкам, Велес приласкал ближайшую, пощекотал ее. Кобылка терпела, блестя глазами, а потом игриво фыркнула и толкнула его под локоть. Тотчас ее сестры ринулись отпихивать друг дружку носами — всем не терпелось попасть под сильную и ласковую руку. Вокруг Велеса закружился настоящий хоровод белых лошадок.

— Успокойтесь, красавицы, — Велес еле высвободился из круга. — Никого не обижу. Но сейчас мне бы до матушки вашей добратся поскорее! Надо ж ей сказать, кто приехал, а то не поймет сгоряча...

Кобылки захихикали, толкаясь и покусывая друг дружку, и расступились, освобождая дорогу. Велес пошел по косе к крепостце. Лошадки покорно топали сзади.

Крепостца возвышалась на каменистой россыпи. Огромные валуны составляли ее основу. Низ их был облизан волнами и казался гладким как лед. Море здесь не замерзало до конца — только небольшие льдинки бились в воде.

Крепостная стена была сложена из толстых стволов вековых дубов, воткнутых в камни и пригнанных так плотно, что меж ними нельзя было вонзить и иглы. Как ни высок был Велес, но бревна возвышались над кончиками его рогов на целых три локтя. Тын украшали шесты, на которых болтались выбеленные временем лошадиные и человечесьи черепа. Их не было только над тяжелыми воротами, к которым через неглубокий ров вели мостки из таких же бревен, как и в стенах. Ворота были не заперты. Кобылки выскочили вперед. Две из них согласованно ударили в воротину копытами, и она распахнулась настежь, пропуская кобылок и их гостя внутрь.

Там их никто не встретил, никто не обратил внимания на вторжение, а потому Велес спокойно огляделся.

Кобылки по-хозяйски разбрелись по двору. В самой середине его стоял на каменном

основании терем, сложенный из бревен. Двускатная крыша его была украшена черепом еще какой-то твари. Терем подслеповато смотрел на мир двумя небольшими окошками. Кроме терема тут были еще просторные чистые конюшни и горы мусора — от поломанных саней и телег до конской упряжи и домашней утвари. Пока гость оглядывался, его тоже увидели. Едва он сделал шаг к терему, как дверь распахнулась от сильного пинка изнутри.

Велес только понаслышке знал о ведьме и теперь с любопытством разглядывал высокую, когда-то сильную женщину. Ростом она была совсем под стать ему — с широкими плечами, крепким телом, которому внушительности добавляли шкуры, составлявшие ее одежду, и кожаный доспех с нашитыми на него срезами конских копыт. Ее густые полуседые волосы были собраны в длинную косу, обмотанную вокруг головы. Морщинистое лицо было обветренно. Тяжело опираясь на посох, увенчанный черепом волка, она сошла по крутым ступеням навстречу гостю.

— А ну-ка, кто тут явился незван-непрошен? — ворчливо осведомилась она. — Кого ветром занесло?

Кобылки со всех сторон кинулись к ней, обступили, что-то щебеча и повизгивая. Женщина не дослушала и отогнала их взмахом посоха. Велес спокойно ждал, покуда она сама подойдет поближе. Только тогда он махнул ей короткий поклон.

— Здрава буди, хозяйюшка, — сказал он, — коли и впрямь ты та самая Буря, о которой весь свет наслышан!

Женщина криво усмехнулась, отчего ее грубоватое лицо еще больше собралось морщинами.

— И ты здоров будь, гостыюшка. — Она сощурилась, склоняя голову набок. — Что-то я не понимаю, кто ты такой? Вроде бы и не зверь, но и не человек...

— Велес я, Земун-коровы сын!

Буря покачала головой:

— Слышала о тебе, слышала, богатырь!.. Твоя-то славушка впереди тебя бежит по миру! Что тебя к нам привело? Таких, как ты, у нас отродясь не встречалось.

Кобылки не дали Велесу и рта раскрыть — всем скопом опять обступили Бурю, что-то бормоча ей в уши. Ведьма сердито отмахнулась от них:

— А ну, цыц, болтушки! — И снова повернулась к Велесу: — Аль запомнил ты, как тебя родичи мои поминают? Аль не знаешь, что ход тебе сюда заказан?

— Все знаю, хозяйюшка, — кивнул Велес, — да только не драться я нынче явился, а с миром. И они вон тебе подтвердят!

— Да они мне о тебе все уши прожужжали, — отмахнулась Буря. — И чем ты их приворожил?.. Ладно уж, пошли!

Стуча посохом, женщина скрылась в тереме. Пригнувшись, чтобы не зацепиться рогами, Велес последовал за нею.

В тереме Бури было темно, тесно, но удивительно чисто. Словно забыв, сколько ей лет, ведьма засновала по горнице так проворно, что Велес только удивлялся. Расшевелив огонь в очаге, она быстро накрыла стол и пригласила гостя к угощению.

Велес не стал отказываться, понимая, чем может обернуться для него любое колебание. С Бурей он не сталкивался ни разу, но с многочисленной родней воевал довольно часто, особенно в прошлом, когда еще был дружен с Даждем и пока не стал изгоем. Буря была одной из самых могущественных ведьм, с которой опасно было ссориться.

Опершись локтями на стол, Буря смотрела на гостя немигающим взглядом горящих глаз. У любого другого пропал бы аппетит от ее взгляда, но Велес нарочно не смотрел на хозяйку.

— Коль ты ищешь кого, — вдруг сказала она, — тут я тебе не помощница!

— Ты ничего не знаешь, — возразил ей Велес. — Меня самого нынче ищут — иначе б я и носа у тебя не показал!

— Это верно, — Буря заерзала на лавке, — да только смотря кто ищет! Коль кто из наших...

— Перун Сварожич. Слыхала о таком?

Хозяйка застыла, хлопая глазками.

— Это который самого Скипера прибил? — прошептала она.

Велес только кивнул не переставая жевать.

— Чем же ты его так прогневил-то? — В глазах Бури заблестело любопытство. — Ты ж вроде со Сварожичами всегда заодно был! С этим, как его, Сварговым старшим дружбу водил. Вы еще с ним у моей сестрицы мужа убили... Думаешь, не помню я?

— Меня теперь у Сварга не друзья, а смерть лютая ждет, — ответил Велес, выпрямляясь. — Дажь со мной рассорился, а Перун жены простить не может. — Он опустил глаза и фыркнул насмешливо. — Он ее у меня отбил — моей невестой должна была стать Дива. А он — красивый парень, даром что рыжий как огонь! Перебежал мне дорогу, успел влюбить в себя девушку и женился сам... А я ему отомстил — дождался, пока он уехал в Дикие Леса, и к жене его в спальню! Глаза ей отвел, чтоб ни о чем не догадывалась... Долго так мы с нею забавлялись — она мне сыновей нарожала, пока Перун воевал... Одно только не рассчитал я — он раньше срока вернулся. Ну и поймал нас... — Буря захихикала, но Велес даже не посмотрел на нее. — Что с Дивой, мне не ведомо, я вот теперь прячусь. Найдет меня Перун — головы не сносить!

— Ай, молодец! — приговаривала она сквозь смех. — Что ж ты ее не утащил совсем-то?... То-то муженек побегал бы!

— Я того и хочу, — вставил Велес. — Попроюсь на север, Диву поперек седла — и в путь! Да только мне надобно вначале место сыскать, где нас Перун не найдет... Я знаю, что безопаснее Огненной Реки и островов на ней в мире нет ничего. Никто через нее не переберется живым, коль секрета знать не будет. Ты б присоветовала, как мне через Реку перебраться — ты все знаешь!

Едва Буря услышала об Огненной Реке, ее веселость как рукой сняло. Прищурившись, она твердо взглянула в глаза Велеса:

— А не врешь?

Велес подался вперед, ответив хозяйке таким же тяжелым холодным взглядом. Широкие ноздри его раздулись, глаза налились кровью, взгляд их отяжелел, но в остальном он не выдал ни волнения, ни какого иного чувства. Буря попыталась силой мысли заставить гостя открыться, зачем ему знать, как побыстрее пробраться за Огненную Реку, но казалось, что сила ее натывается на каменную стену, за которой лишь холодная пустота. Глаза гостя полыхнули гневными огоньками. Он чуть привстал, и ведьма откинулась назад, неожиданно понимая, что впервые встретилась с достойным противником. Он мог убить ее, если она вздумает перечить.

Буря отерла вспотевшее лицо, чувствуя на себе пристальный взгляд гостя.

— Что ж сразу не сказал, что тебе надобно? — тихо сказала она. — Своим мы завсегда помочь рады! И я тебе помогу. Как добраться туда, я укажу — есть способ... Но только должен ты мне отработать!

Сказав это, Буря сама испугалась своих слов, но Велес неожиданно кивнул:

— Само собой! — Он даже пристукнул ладонью по столу. — Разве я не понимаю? Что надобно сделать?

Он поднял на Бурю строгие глаза, но в это время окошко за спиной хозяйки с шумом распахнулось. Толкаясь и покусывая друг дружку, в него сунулись сразу две головки любопытных кобылок. Судя по шуму снаружи, остальные бросились отвоевывать у сестер удобное место. Одна из кобылок взвизгнула и исчезла, ее место тут же заняла другая.

Буря торопливо схватила ухват, радуясь помехе.

— А ну, брысь отсюда! — завопила она, замахиваясь. Кобылки в притворном ужасе закрыли глаза и с визгом отпрянули. Рога ухвата врезались в стену.

Велес сорвался с места. Оттеснив хозяйку в сторону, он высунулся, отпихивая кобылок, и успел подмигнуть им прежде, чем закрыл окно.

Буря опустила ухват, наблюдая за гостем. От нее не укрылся его намек, и она молвила,

когда Велес обернулся к ней:

— Ловко ты... Отлично! Вот завтра ты ими и займешься!

— Как это? — Велес обернулся.

— Узнаешь в свое время!

* * *

До самого вечера ведьма больше не сказала гостю ни слова. Велес полночи ворочался на приготовленном ему ложе, обдумывая ее слова. Ведьма могла заподозрить неладное, когда он помешал ей проникнуть в его мысли — иначе она бы догадалась, что ей сказали только половину правды. В этом случае с мечтой помочь Даждю пришлось бы распрощаться навсегда. А это означало только одно — Велесу придется пройти через все, что приготовит для него ведьма.

Он встал задолго до рассвета, чем обрадовал свою хозяйку. Сытно накормив гостя, она буквально потащила его во двор.

Там сероватый рассвет только разгонял ночную тьму. Всюду еще лежали тени, но мрак скрадывали облака тумана, поднимавшегося от моря. Перед крыльцом собрались кобылки, во все глаза глядя на Бурю и Велеса.

Ведьма хлопнула гостя по спине.

— Вот, — довольно произнесла она. — Присмотри за моими лошадами! Я по делу твоему отлучиться должна, а их одних бросать жалко. Боюсь я за них — глупые ведь! Чуть отвернешься — что-нибудь приключится! Вот летом было — какой-то смертный парень одну из них чуть до смерти не замучил!.. Я за тебя хлопотать не смогу, коль сердце за них болеть будет. Убережешь их от беды — считай, и я свое обещание исполню. А с какой из них беда случится или вообще пропадет — сам знаешь, ничего не получишь! Понял ли?

Велес оглядел табунок.

— Понял, — коротко ответил он. — Но и ты не забывай!

Вместо ответа Буря столкнула его с крыльца, и Велес оказался окруженным кобылками, которые, тычась носами и повизгивая, стали подталкивать его к воротам.

— Если хоть одной недосчитаюсь, — прозвучал голос Бури, — пожалеешь!

И она исчезла в тереме прежде, чем Велес обернулся.

Кобылки вели себя отлично. Смирные как девушки, они отправились за Велесом обратно на берег моря, ступая чуть не на кончики копыт. Они шли медленно и осторожно, с обожанием глядя на него.

Так же тихо и мирно табунок поднялся на вершину горы и углубился в лес. Здесь снег лежал плотными слежавшимися сугробами и начинал подтаивать только вокруг стволов. Велес спокойно шел впереди, и лошади трусили за ним.

Он так и не понял, что случилось с табунком. Внезапно одна из кобылок завизжала и поддала ногами соседку.

И тут же весь табунок с диким визгом бросился врассыпную. Взметая снег, кобылки помчались прочь, белыми теньями мелькая меж деревьев. Далеко по притихшему лесу разносилось их испуганное ржание.

В первый миг Велес бросился за ними, но быстро опомнился и, выйдя вперед, свистнул.

Оглушительный свист разнесся эхом далеко в лесу, заставив качаться ветки. Услышав его, разбегающиеся кобылки остановились, с удивлением оглянувшись.

Не дожидаясь, пока они поймут, в чем дело, Велес сплюнул под ноги и бросил нарочито громко:

— Я-то думал, что вы храбрые! А вы просто трусики!

Махнув рукой, он повернулся и решительно пошел обратно к берегу.

Оставленные без присмотра кобылки немного потоптались, а потом двинулись за ним следом.

Велес широким шагом возвращался назад, пробираясь по снегу напрямик. Он выглядел спокойным и равнодушным, и кобылки были задеты за живое. Одна за другой они стали возвращаться к Велесу, но тот не замечал их. Вздохи лошадки сбились в кучу за его спиной и трусили следом, иногда заглядывая ему в глаза через плечо. Но даже когда его неосторожно толкали в спину, он не замечал ничего. Это сбивало кобылок с толку.

Велес только однажды поднял глаза — когда уже почти спустился по склону к косе. В небе что-то мелькнуло, и он успел увидеть толстого крылатого змея, что исчез в облаках. Порыв холодного ветра, толкнувший его затем в грудь, подтвердил подозрения — это Буря отправилась куда-то по делам.

Все еще не оборачиваясь, но прекрасно слыша, что лошадки цокают копытами следом за ним, Велес вошел в пустой двор. Широкие двери конюшни были распахнуты настежь и манили теплом и покоем. Когда он подошел поближе, навстречу пахло сеном — огромная куча душистого сена занимала добрую половину конюшни.

Здесь кобылки наконец-то перестали дурачить его. Вырвавшись вперед, они попадали на землю, вставая уже девушками в одинаковых рубахах. В полутьме сарая все они казались совершенно похожими, как близнецы. Несколько десятков пар глаз в волнении уставились на Велеса. Тот только сейчас словно впервые окинул их взглядом.

— Ах, вот оно что! — рассмеялся он. — Я так и думал, что у вас на уме только это... Ну что ж! Дайте мне только закрыть двери!

Снимая на ходу полушубок, он притворил дверь, и конюшня погрузилась во тьму.

Не успел он сделать и шага, как сразу несколько пар женских рук вцепились в него и потащили за собой. Велес не сопротивлялся и готовно позволил увлечь себя на сено.

* * *

Буря вернулась в крепость перед самым закатом, когда солнце одним краем уже коснулось моря. Первое, что она увидела, отряхнувшись после долгого пути, был Велес, который, чуть пошатываясь, выходил из приоткрытых дверей конюшни. Он был занят тем, что оправлял рубаху, и не заметил хозяйки, пока она не накинулась на него в ярости.

— Так-то ты, гость дорогой, дела исполняешь! — прошипела она, потрясая кулаками перед его носом. — Я что наказывала? Теперь не добьешься ты от меня помощи, и хорошо будет, коли сумеешь доказать мне, что я должна тебя живым отпустить!

Вместо ответа Велес молча кивнул на распахнутые двери. Оглянувшись, Буря с удивлением увидела кобылок, которые по одной выходили во двор. Некоторые были в облике девушек — эти, не смущаясь матери, ласково кивали Велесу, а одна даже томно вздохнула и послала ему поцелуй.

Вытаращив от удивления глаза, хозяйка стала пересчитывать девушек и кобылок. Убедившись, что все они на месте, Буря вмиг подобрела и с ухмылкой хлопнула гостя по плечу.

— Ну, не думала, что ты так ловко с делом справишься, — молвила она. — Уж не держи зла на старуху и проходи в дом!

Ведьму словно подменили. Напряженно думая о чем-то своем, она не спускала с Велеса внимательного взгляда и невнятно бормотала себе под нос. Подавая ему умыться, она словно невзначай потрогала твердое широкое плечо. Велес притворился, что ничего не заметил.

Но теряться в догадках ему оставалось недолго. Сразу после ужина Буря притворила двери, чтобы их никто не подслушал, и с таинственной улыбкой обратилась к нему.

— Я довольна тобой, Велес, — тихо сказала она, подходя вплотную. — Дочерям моим ты сумел понравиться — это и слепому видно. Теперь сумей мне услужить!

Она игриво качнула крепким телом, и Велес подобрался на лавке, сожалея, что он здесь только гость и на многое не имеет права.

— Что, сейчас? — спросил он, смерив глазом расстояние до окна.

Очевидно, оба поняли друг друга правильно, потому что Буря довольно рассмеялась.

— Охолонь сперва! — отсмеявшись, выговорила она. — Завтра поговорим!

Но на следующее утро хозяйка напрочь забыла обо всем. Когда Велес пробудился, то оказалось, что угощение, накрытое чистой тряпицей, ждет его на столе, а самой Бури нет. Не было и ее дочерей — только распахнутые ворота и следы маленьких копытцев ясно говорили о том, что кобылки рано утром покинули крепость.

Гость оказался предоставлен сам себе. Воздав должное приготовленным яствам, Велес вышел на крыльцо, по-хозяйски озираясь вокруг. Видимо, ему предстояло пройти еще одно испытание — на терпение и умение ждать.

Долгая жизнь в одиночестве приучила его спокойно относиться к необходимости провести день наедине с собой. Велес прошел к своим коням, вычистил их, накормил и вернулся на двор. Еще вчера он заметил царящий здесь беспорядок. Хоть и была хозяйка ведьмой, мужской руки ей явно не доставало. Тын с черепами покосился, кое-какие камни в стене были расшатаны, кучи мусора переросли все возможные размеры, под ногами чавкала грязь. Раздумывая, с чего начать, Велес остановился посреди двора и тут почувствовал на себе чей-то взгляд.

Он был не один. В чужом месте любой мог оказаться врагом, а потому Велес молниеносно выхватил из-за сапога нож и крутнулся на месте, готовый отразить нападение сзади. Даже нежить не успела бы спрятаться — так стремительно он развернулся, но за спиной никого не было.

Стараясь ничем не выдать волнения, Велес застыл посреди двора. Его широкие ноздри осторожно зашевелились, ловя запахи. Где-то здесь притаился человек — самый обыкновенный, не чародей. Но все-таки было в нем что-то странное.

Перекинув нож из руки в руку, Велес шагнул в сторону, выходя на открытое пространство, и тут же сзади послышался шорох. Незнакомец выдал себя.

Велес обернулся. Позади был терем Бури с прижавшимися к нему хозяйственными пристройками. Среди них гость разглядел низкую массивную дверцу, а чуть в стороне, в темном углу у самой земли — маленькое, чуть шире двух ладоней, окошко.

Оно было темно как ночь, но Велес был уверен, что не ошибся. Он подошел ближе и в самом деле увидел устремленный на него взгляд.

Человек тянулся изо всех сил — окошко было прорублено слишком высоко от пола. Темные глаза его заблестели, когда он понял, что Велес идет к нему.

— Кто ты? — спросил тот, склоняясь над окном.

— Пожалуйста, не заслоняй света, — попросил незнакомец. — Я так редко вижу его!

Велес пинком подкатил ближе к окну узловатый комель из ближней кучи, уселся в тени.

— Кто ты и что тут делаешь? — снова спросил он.

Узник прижался лицом к прутьям, крест-накрест перегораживающим окно. Лицо его заросло грязно-рыжей лохматой бородой, спутанные волосы закрывали половину лица, и он поминутно откидывал их со лба, но все равно можно было разглядеть, что он еще очень молод — наверняка ему не было и двадцати лет.

— Тархом меня звали, — ответил он. — Уже полгода я тут сижу, света не вижу. И что со мной будет дальше — не ведаю!

Он пошевелился, устраиваясь поудобнее. Послышался звон цепей.

— Ты узник? — догадался Велес. — В чем твоя вина?

— Того и сам не знаю, — сознался Тарх. — Чем-то не потрафил я здешней хозяйке, а чем — понять не могу. Только явился да о помощи ее попросил — ни добра не успел унести, ни коня угнать...

— А хотел?

— Коня-то? Да уж больно они у нее норовистые! — фыркнул парень и отвернулся. — Я одного оседлал, да тот чуть все нутро мне не отшиб, пока брыкался. Как я на нем усидел — до сих пор понять не могу.

— А ты что ж — садился на них верхом? — Велес наклонился к окошку.

— Да всего одного-то и успел... Я ведь не зла хотел — мне помощь требовалась!

— Да ты, верно, не так просил! — угадал Велес. — С чародейками поосторожней надобно — где лаской, где мольбой, а где и делом!

— Это я уже понял. — Тарх завозился, звеня цепями. — И что меня толкнуло — не понимаю! Ведь видел, чувствовал, что то не кони — люди зачарованные... Потребовал у ведьмы, чтоб она с них заклятье сняла, а не то...

Велес с удивлением воззрился на узника.

— На ее конях катался, с нее чего-то требовал, — недоуменно молвил он, — и все еще жив? Ты судьбу должен благодарить, парень, что до сей поры не погиб здесь смертью лютой! С такими, как ты, у нее разговор короткий — черепа-то видел? Вот и твой там мог оказаться!

Тарха всего передернуло при этих словах — видимо, об этом он сам порой подумывал. Лицо его потемнело.

— Скажи-ка мне лучше, — продолжал тем временем Велес, — чего ты у нее искал? Какой помощи?

Парень безнадежно махнул рукой.

— О том лучше не поминать, — горько прошептал он. — За это и несу, видать, свое наказание... Отец меня проклял, я и отправился по свету управы на него искать, а то и его самого, чтоб слова его противные ему же в глотку затолкать! Он сам виноват, — воскликнул Тарх, распаясь, — бросил мать мою, когда я лишь во чреве у нее был. Поверил, что умерла она, и дорогу к нам позабыл, на другой женился, семью завел. А недавно случаем встретил мать мою, признал ее и позвал жить с собой. «Я, — говорит, — ради вас двоих с Дивой расстанусь, брошу ее!» А только разве это честно — сначала моя мать, потом та женщина, а потом снова Ршава? Я ему не поверил, вздул его как следует, а он на прощанье меня проклял, сказал, что я сына своего никогда не увижу... Теперь думаю, что он прав. — Тарх пригорюнился у окна. — Детей у меня не было и не будет — умру я здесь, на цепи..

Велес, сперва вполуха слушающий рассказ парня о его беде, вдруг уловил в его рассказе знакомое имя. Конечно, это не могла быть она, его Дива-Додола, но ведь слышал он, что будто уже была у Перуна возлюбленная и тоже вроде как погибла она. Когда-то сам Сирин за нею отправлял и ждал ее возвращения — держа девушку в плену, можно было спорить с сыном Сварга. Наклонившись и почти закрывая узнику солнце, Велес потребовал:

— А ну-ка, скажи мне, кто твои родители! Коль имен не помнишь, какие они из себя, поведай!

— Отца Индаром звали, — неохотно пробурчал парень, и Велес похолодел при звуках этого имени, — а мать при жизни Ршавой кликали. Ныне она в Роси водяницею... Град ее матери на берегу Рось-реки стоит до сей поры. А ты что, встречал кого из них?

Велес пристальнее взгляделся в лицо узника. Конечно, в полумраке темницы, заросший грязной бородой, исхудавший, Тарх не был похож на того отчаянного парня, что полгода назад кидался с кулаками на родного отца, но Велес слишком хорошо запомнил, как выглядит его враг, и теперь с некоторым содроганием узнавал в лице молодого узника знакомые черты. Те же брови, почти сросшиеся на переносье, те же прищуренные зеленые глаза — только эти больше и с длинными загнутыми ресницами. Остальное рассмотреть было невозможно, но Велес был чародеем — он почувствовал в Тархе кровь Сварожичей. Тот невольно притих под пристальным взглядом сына Земун.

— А ты отца видел? — воскликнул Тарх с юношеской горячностью.

Велес сжал кулаки. Почему-то он не мог открыть парню всю тайну и открыто назваться врагом Перуна. Еще неизвестно, как поведет себя его сын.

— Видать-то я его видал, — осторожно отмолвил он, наблюдая за лицом узника, — а только скажи мне, зачем он тебе — мести станешь искать или как?

Иметь сторонником сына самого Перуна — мог ли он мечтать о таком! Но Тарх сжал кулаки.

— Не о том думы мои, — медленно выдавил он. — Я с ним, конечно, мириться бы не

стал, но упросил, чтоб он простил меня и отпустил на все четыре стороны. Как думаешь, он меня простит?

Он снова доверчиво посмотрел на Велеса, и тот отвернулся, ковыряя землю каблуком.

— Должен, — ответил сын Земун. — Он ведь отец тебе...

Он не увидел, как просиял при этих словах Тарх, отпрянув от окошка. Послышался быстро приближающийся ветер. Море потемнело, на нем вздулись волны. Они кинулись на мыс, стремясь достать крепостцу. Тарх было заволновался перемене погоды, но Велес остался совершенно спокоен — только встал, поспешно отходя от темницы. В тучах мелькнуло длинное извивающееся тело — то Буря в обличье змеи возвращалась домой.

Гость вышел на середину двора, чтобы хозяйка издалека его видела. Змея сложила крылья и камнем упала на двор. Грязь брызнула во все стороны, и за краткое мгновение ведьма успела принять свой настоящий облик. Едва отряхнувшись, она заковыляла к гостю, растирая ушибленный падением бок.

— Пошли скорее! Скажу главное! — торопилась она. — Нашла я!

Велес и бровью не повел, выражая свою радость. Он только вытер с горбатого носа ошметки грязи и широким шагом последовал за ведьмой. Тарх следил за ним из окошка со смешанным чувством ненависти и зависти.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Весь вечер Буря была как на иголках — ей не сиделось на месте. Ведьма то принималась суесться, то начинала что-то быстро говорить, то буравила гостя таким взглядом, что Велесу поневоле становилось не по себе. Она что-то знала и горела желанием выложить все.

Пока Велес ужинал, она вертелась рядом, болтая непрерывно. Не раз и не два ведьма оказывалась слишком близко от гостя. Ее рука то касалась его руки, то приглаживала его пышную гриву, то пробовала на упругость его широкое плечо. Она еле дождалась, пока Велес отложит ложку.

— Что, гость дорогой, — пропела старуха, заметив, что тот выпрямился и больше не смотрит в сторону стола, — сыт, доволен?

— Вполне, хозяйшкa. — Велес чинно склонил рога.

— Ну, а раз так, то пора и о деле поговорить! Проворно и внимательно Буря осмотрела все углы в горнице, веником прогнала какое-то мелкое существо, напоминавшее крысу, и плотно затворила окошки, устроив загадочный и немного зловещий полумрак. При свете единственного язычка пламени в масляном светильнике глаза ведьмы загорелись алым светом. Она стала уродливей и будто выше ростом. Потирая руки, Буря приблизилась к Велесу вплотную.

— Много мне постараться для тебя пришлось, — заговорила она. — Сколько я мест облетела — не счесть! А все-таки нашла то, что тебе понадобится может. И наверняка знаю, что ничего иного искать не придется. Ошибки не будет.

— Что же это?

— На вид — так, ничего особенного, — отмахнулась Буря. — Вроде как полотно тонкотканое. И хрупко, и нежно, а чуть только раскинешь его — над водой, аль огнем, аль над пропастью — и встанет мост крепче каменного! По нему хоть пешком идти, хоть на коне скакать, хоть одному, хоть с товарищами-попутчиками — все выдержит! И не просто выдержит, а проведет куда надо и назад целым через все преграды проведет, что бы ни ждало на пути! Только нельзя сходить с него ни ногой, пока путь не закончится.

Велес, затаив дыхание, слушал ведьму. Мост через огонь, который выдержит любого и защитит путника — что может быть лучше?

— Доволен ли ты вестью, гость дорогой? — молвила ведьма медовым голосом.

— Доволен, — кивнул тот. — Так доволен, что и сказать нельзя! Спасибо тебе, хозяйшкa!

— То не вся моя весть тебе. — Буря придвинулась ближе. — Где сокрыто полотно, только я знаю. Всей твоей чародейной силы не хватит у меня до срока тайну выведать, а потому придется тебе еще одно испытание пройти, прежде чем скажу я, где искать полотно заветное!

— Говори, — кивнул Велес. — Все исполню!

— Ишь, приткий какой! — Буря одобрительно захихикала. — Погодь малость!

Она отступила, предлагая гостю пройти в его покои отдохнуть.

Спать Велесу не хотелось — весь день он прослонулся по двору и не чувствовал усталости. Стянув рубаху, он лежал поперек кровати, глядя в приоткрытое окно и с удовольствием вдыхая прохладный морской воздух. Странная тревога не давала ему покоя. Он должен был что-то сделать, и как можно скорее.

Послышался шорох, тихо скрипнула приоткрывшаяся дверь. До сей поры никто и ничто не беспокоило гостя, а потому он только приподнялся на локте, когда слышались осторожные шаги.

Чья-то тень выступила из темноты, подходя к ложу. Незнакомец был высок, но как-то странно скроен — не поймешь, мужчина или женщина — и одет в длинную, до пят, белую рубаху.

— Кто ты? — быстро спросил Велес.

Гость захихикал, и по голосу сын Земун узнал Бурю.

— Не бойсь, добрый молодец, — пропела ведьма медоточивым голосом, — не бойсь, не трону!

Она подошла вплотную, попав в полосу света из окна. Волосы ее были распущены и седоватыми прядями спадали на плечи и спину. Низкий вырез открывал когда-то высокую, но теперь отвислую грудь. Хозяйка откинула со лба непослушную прядь и улыбнулась. Сейчас она лицом казалась много моложе обычного, и только старость тела выдавала ее.

Велес сел.

— Что тебе нужно, хозяйка?

— А ты не догадываешься? — Буря остановилась так близко, что касалась края ложа. — Я впервые такого, как ты, встречаю! Муж мой когда-то молодцем был, а и ему далеко до тебя. Ты, видела я, сумел всем моим дочерям понравиться, хотя на них трудно угодить. Теперь попробуй мне понравиться!

С того мига, как она заговорила, Велес все понял и не удивился, когда Буря одним движением сорвала с себя рубаху, оставшись нагой.

Когда-то она и впрямь была красивой женщиной, но с тех пор потолстела и подурнела. Не успел Велес как следует окинуть ее взглядом, как ведьма уже оказалась у него на коленях, заигрывая с гостем.

Где-то там оставалась Жива, носящая под сердцем долгожданное дитя. Но он отправился в путь спасти бывшего друга именно потому, что так захотела она. Велес был не из тех, кто празднует труса в подобных делах. Его сила была всегда при нем. Легко обхватив Бурю за талию, он привычным движением опрокинул ее на ложе и набросился на нее, прежде чем она пошевелилась.

Довольно скоро ведьма поняла, что столкнулась с мужчиной, какого давно не встречала. Она вырывалась, стонала, кричала, но Велес не отпускал ее до тех пор, пока Буря не выбилась из сил и не провалилась в глубокий, похожий на обморок сон. Но и после этого он нашел в себе силы довершить начатое.

* * *

Всю ночь ведьма стонала и вздрагивала сквозь сон, в кошмарах возвращаясь к тому, что ей пришлось пережить. Велес почти не спал, прислушиваясь к ее бормотанию и вздохам. Он задремал только под утро, но когда вскоре проснулся, то обнаружил, что остался один. Буря пробудилась раньше и поспешила покинуть своего странного любовника.

Проклиная все на свете, Велес торопливо оделся и выскочил на улицу. Он был почти уверен, что ему готовят подвох, но на дворе его ждала Буря. Ведьма выглядела помятой, но была одета для дальней дороги и вооружена.

— Скоро же ты, — пришибленно прохрипела она и скривилась от боли в боку. — Ждать не пришлось...

Все, что хотел спросить Велес, умерло у него на губах, но Буря догадалась обо всем по его глазам и захихикала. .

— Да, витязь, да, — закивала она головой. — Я такого еще не встречала... Сумел ты... — Она неловко переступила с ноги на ногу. — Ух и силен! Может, еще на одну ночь останешься?

— Тогда это все зачем? — кивнул Велес на ее доспехи и оружие. У ног ведьмы лежали его собственный меч и щит.

— Это ты верно заметил. — Буря опять захихикала. — Куда уж вернее... Что ж, ты слово свое сдержал, придется и мне свое обещание исполнить. Садись на меня, и летим!

В первый миг подумал было Велес, что старуха выжила из ума, не перенеся ночных забав, но все-таки поднял свой меч и щит. При этом он на краткий миг потерял; ведьму из виду, но этого времени ей хватило, чтобы сменить облик. Пестрая змея с черной гривой захлопала крыльями, выгибая спину дугой. Она повелительно сверкнула глазами, и Велес уселся на нее верхом. Змея взмыла в воздух, стремительно удаляясь от земли.

Сжимая гладкие теплые бока коленями, Велес смотрел вниз. До этого летавший только единожды — и то как пленник Ящера в его когтях — он теперь боролся с дурнотой. Первое время он все ожидал, что упадет с извивающейся спины змеи, и не сразу успокоился.

Облака, в которые они нырнули, скрыли, землю, но Велес успел заметить лесостепи, где жили его знакомые смертные люди, называвшие его богом. Потом мелькнула лента Смородины-реки, за нею чащи и болота Невриды, а потом — северное море. Когда же из-за горизонта поднялась земля, Велес почувствовал страх — там, впереди, сразу за Дикими Горами, начинались владения северян, одним из которых был патриарх Сварг. Если Перун увидит со спины Ящера летящую в облаках змею со странным всадником... Но, на его счастье, Буря резко свернула к западу.

Здесь горы представляли собой беспорядочное нагромождение скал с пропастями между ними. Горы проносились внизу с такой скоростью, что разглядеть приметы было невозможно.

Вдруг змея стала стремительно снижаться. Она нырнула в ущелье, в самую темноту, и тяжело шлепнулась на камни.

Велес слез на землю. Мрачнее места ему видеть давно не приходилось. Угроза исходила здесь от каждого камня. Непроступные стены почти смыкались над головами пришельцев — только на самом верху оставалась щелка света. Кругом царило такое запустение, что Велесу показалось, будто он опять в Пекле.

Буря не дала ему времени оглядеться. Не тратя времени на перемену облика, она щелкнула хвостом по камню, с виду ничем не отличавшемуся от других.

— За ним — ход, — прошипела она. — Пойдешь все время прямо, только в самой первой развилке свернешь направо. Там тебя ждет полотно.

Велеса подмывало спросить, кто владелец пещеры, но ведьма торопила его. Обхватив хвостом камень, она откатила его в сторону и подтолкнула Велеса к открывшемуся черному провалу.

— Надо спешить, — напутственно прошипела она. — Иначе нас учует владелец пещеры. А с ним нам не совладать!

Велес прыгнул внутрь, оказавшись в небольшой круглой пещерке, из которой куда-то вниз вел единственный ход. Похоже, что проделали его люди — в углу валялось несколько факелов. Прихватив их, Велес отправился в путь.

Ход плавно спускался вниз, ровный и гладкий. Свет факела выхватывал из мрака своды и низкий потолок. Его давно никто не посещал — Велес чувствовал, что горы с удивлением

наблюдает за ним, осмелившимся нарушить их одиночество.

Шагов через сто была развилка. От нее ход круче пошел вниз, так что двигаться приходилось с большей осторожностью, то и дело проверяя каждый камень под ногами. Вход давно остался позади, и теперь свет давал только факел.

Занятый дорогой, Велес не заметил слабого пятнышка света впереди и гораздо позже понял, что в ходе стало светлее. Это миглом заставило его замереть на месте, затаив дыхание.

Свет, белый и чистый, напоминал дневной, и Велес решил, что это выход. В нем зашевелилась глухая мстительная ненависть к Буре — старуха нагло обманула его. Но потом он заставил себя задуматься — возможно, там выход к жилищу владельца полотна или светится оно само.

С этой мыслью Велес снова пустился в путь, но, подойдя ближе, понял, что ошибся.

Ход заканчивался довольно просторным тупиком. С потолка и стен свисал источник света — длинные, пушистые, очень тонкие нити, сиявшие белым чистым светом. Они переплетались, образуя сетку, похожую на паутину. В самой ее середине, вытянувшись, лежал крупный, с небольшую лошадку, волк.

Не веря глазам, Велес подошел поближе, подняв факел над головой. Волк был когда-то красивым сильным зверем с гордой осанкой и светлой шерстью. Но теперь он являл собой жалкое зрелище — шерсть свалялась и потемнела от грязи. Ребра и кости выпирали из-под шкуры, глаза ввалились. Худые лапы туго перетягивали точно такие же нити, как и сама сеть. Лобастая голова зверя беспомощно свешивалась вниз, глаза были закрыты. Зверь казался мертвым.

Но едва тяжелые шаги Велеса эхом отдались у самого уха странного волка, он пошевелился. Велес остановился у самой его морды, разглядывая узника при свете факела и сияющих нитей. Он не дрогнул, когда волк, медленно приоткрыл глаза и воззрился на него. Вначале мутный, взгляд его постепенно просветлел.

— Ты... ты кто?

Голос волка был слаб и безжизнен, но в нем чувствовалось безмерное удивление. Велес отвел факел в сторону.

— Велес имя мне, — сказал он. — Я сын Земун.

— Кого? — прохрипел волк и закашлялся.

— Матерью моей была небесная корова, — пояснил Велес.

К его удивлению, зверь прикрыл глаза и вздохнул.

— Выходит, не мерещится мне, — прошептал он. — Ты наполовину зверь?

— Да

— Я тоже, — Волк с усилием поднял дрожащую голову. В глазах его загорался интерес. — Мой отец выглядел так же, как и все люди, а моя мать... Я ее никогда не видел — был слепым щенком, когда меня от нее забрали, но все говорили, что она была чудовищем, каких мало... Я Фернир!

Сказав это, волк явно ждал от Велеса удивления или испуга, но тот и ухом не повел.

— Что ты делаешь здесь, Фернир, сын человека? — спросил он.

Волк оглядел пути на своих лапах.

— Жду конца, — с неудовольствием сообщил он. — Я вырос среди родичей моего отца-человека, но его там не любили и меня тоже. А потом один нахал... Впрочем, это наше с ним дело... В общем, он захотел меня убить, но я догадался — перехитрил его и откусил ему руку. Ту самую, которой он замахивался. — На морде Фернира появилось мстительное выражение. — За это меня посадили сюда, на привязь, как пса... Здесь меня настигнет смерть — если те, кто пленил меня, не вспомнят обо мне... Я поклялся себе, что убью первого, кто попадется мне на глаза. Пришел ты... Но ты наполовину зверь, а значит, я не должен тебя трогать.

— Стало быть, здесь темница? — Велес факелом освещал стены. Волк следил за ним взглядом.

— Не совсем, — ответил он. — А что ты здесь делаешь, друг?

Велес коротко поведал про полотно.

— Если ты ничего не перепутал, — задумчиво промолвил Фернир, — то я мог бы тебе помочь. Я же сказал, что это не совсем темница. Тут много всего спрятано, и твоя вещица тоже может оказаться здесь.

— Где она? — Велес сунул факел под нос волку.

— Убери эту штуку, — заскулил тот, отворачиваясь, — Я отвык от света!.. Твоя вещь может оказаться вон там — посмотри за мной, у самого пола.

Велес подлез под провисающую сеть и, осветив пол пещеры, обнаружил в полу у стены отверстие, достаточно большое для того, чтобы в него можно было пролезть.

— Увидел? — подал голос Фернир. — Туда свалили много всякой всячины, прежде чем мною закрыли дорогу. Некоторое время я честно выполнял свои обязанности сторожа. Посмотри по углам!

Велес вылез обратно и огляделся. Не замеченные им сначала, повсюду валялись человеческие черепа.

— Хоть и трудно приходилось, а я убивал их и съедал, — похвалился Фернир. — А иначе как бы я столько протянул?.. Знаешь, я должен был убить и тебя — только что, когда ты сам подставил свой загривок мне под зубы, разглядывая ход, но я этого делать не буду. К тебе у меня нет вражды. И драться не буду — я совсем обессилел...

— И я, — в тон ему ответил Велес, — почти не владею правой рукой.

— Тогда разойдемся мирно? — оживился волк. — Ты освободи меня и иди к своему полотну! А я на свободу побегу. Мне так хочется на волю!

Его тоскливый взгляд почему-то напомнил Велесу Тарха — совсем отрока, обреченного вечно сидеть на привязи у Бури за единственную промашку. Засунув факел в щель между камнями, он обнажил меч, примериваясь.

— Будь осторожен — не отруби лапы, — предупредил Фернир, когда Велес замахнулся.

Послышался свист рассекаемого воздуха, гулкий хлопок, и нити лопнули. Волк тяжело грохнулся наземь. Обрывки сети качались над его головой.

Опершись на меч, Велес молча наблюдал, как Фернир сучит дрожащими от слабости лапами, пытаясь встать. Оставалось только удивляться, как он вообще мог шевелиться — кости едва не протыкали свалывшуюся шкуру. Наконец он выпрямился и поднял голову. Глаза их встретились, и волк неожиданно завилял хвостом.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Иди своей дорогой.

Вынув факел из стены, Велес кивнул зверю на прощанье и повернулся к дыре в полу. Склонившись над нею, он внимательно посмотрел вниз, освещая ее.

Глаза волка вдруг хищно сверкнули, едва взгляд его упал на широкую спину и плечи Велеса. Припав к земле, он оскалил клыки.

— Только одно, — прохрипел он, — не поворачивайся ко мне спиной!

Велес и ухом не повел, продолжая осмотр и уже примериваясь, чтобы спуститься.

— Не поворачивайся ко мне спиной! — закричал Фернир. — Не смей этого делать, потому что я хочу жрать!

При этих словах он взвился в воздух, нацеливаясь на загривок Велеса.

Тот не дрогнул, чтобы не выдать себя, но в самый последний миг метнулся в сторону, выбросив навстречу оскаленным зубам кулак. Челюсти волка сомкнулись на запястье, но прежде чем зубы впились в кожу, Велес развернулся, и его тяжелый кулак врезался в горло Ферниру. Удар отбросил зверя к противоположной стене, где он тяжело шлепнулся на камни. Некоторое время он только сучил лапами, натужно кашляя. Велес стоял над ним, растирая поцарапанную руку.

— Что ж ты, — простонал волк, — сказал, что правой рукой не владеешь?..

— А ты сказал, что вовсе обессилел и драться не будешь, — перебил Велес.

— Но я не со зла, — торопливо стал оправдываться Фернир. — Просто ты сам ко мне спиной повернулся, вот я и не сдержался... Прости, коли можешь, да отпусти подобру-

поздорову!

— Иди, — приказал Велес. — Но чтоб я видел!

Волк, пошатываясь, поднялся на ноги и неверными длинными скачками устремился прочь. Велес не сводил с него глаз, пока он не скрылся из виду. Тогда он подобрал факел и спустился в дыру.

* * *

Буря терпеливо ждала Велеса, хотя с каждым часом оставаться здесь ей хотелось все меньше и меньше. Она почти обрадовалась, когда снизу послышался шум торопливых шагов.

Пестрая змея придвинулась ближе, готовая встретить Велеса, но с воплем шарахнулась в сторону, когда прямо на нее выскочил тощий грязный зверь, в котором с трудом можно было признать волка.

Фернир припал к земле, готовясь к прыжку. Взбешенный! неудачей, он был готов уничтожить любого, но вовремя узнал змею и остановился. Против нее ему невозможно было выстоять. Взревев в ярости, он кинулся прочь в поисках менее сильной жертвы.

Буря, затаив дыхание, следила за ним. Из пещеры выскочил ее сторож — значит, Велес навсегда остался там. Жалости в ее душе не было — Буря приняла смерть Велеса как должное. Обхватив хвостом камень, она снова завалила ход и улетела.

* * *

Велес не верил ни волку, ни ведьме. Они оба были там, снаружи, значит, могут договориться и попытаться его погубить. А потому он даже не поднял головы, когда подземное эхо донесло до него глухой удар — знак того, что камень вернулся на свое место, закрывая выход. Что ж — он был готов к этому. Теперь он отыщет другой путь и найдет способ отомстить Буре за предательство.

Мысль о неизбежности мщения возникла в его голове, когда он, пробираясь по низкой пещере, заваленной всякой всячиной, вдруг наступил на что-то мягкое и упругое. Факел к тому времени почти погас, освещая дорогу всего на два-три шага, а потому Велес присел и ощупью нашарил то, на чем стоял.

Это оказался мешок, в котором было что-то неожиданно теплое, почти живое. Сунув руку внутрь, Велес чуть не закричал — пальцы наткнулись на тонкую, мягкую и нежную ткань.

Торопясь, он развернул находку. Перед его глазами расстилалась серебристо-белая ткань, излучавшая слабый свет. На ощупь она оказалась удивительно прочной и тянулась из мешка до бесконечности.

— Что ж, Буря, — промолвил Велес. — Вот ты и попалась! Посмотрим теперь, кто кого!

Загасив бесполезный факел — полотно давало достаточно света — он нашел один конец, вывернув для этого мешок наизнанку, и встряхнул полотно, расстлая его.

— Ну, — сказал он, — покажи, на что ты способен! Отнеси меня к Буре — я должен с нею покататься!

Белая полоса взметнулась вверх и пала, прочертив на полу пещеры длинный след. Она легла удивительно прямо, и Велес, не колеблясь, ступил на ткань.

Мягкая, как пух лебедя, под его сапогами она становилась тверже камня и лишь чуть пружинила. Ее след пропадал во тьме, и Велес мог только догадываться, куда он ведет. По своему опыту он знал, что горы пронизаны сетью пещер, которые ведут иногда даже на равнину. Он не сомневался, что полотно выведет его в другую пещеру, к выходу.

Тонкая ткань слегка подрагивала под ногами, словно живая. Приглядевшись, Велес заметил, что это и в самом деле было так — полотно несло на себе хозяина.

Поняв это, Велес рассмеялся и обнажил меч. Его появление будет для Бури большой неожиданностью.

* * *

Понемногу он освоился со своей дорогой. Там, где полотно поднималось, он взбегал наверх, помогая ему. Там, где оно ныряло вниз, скользил, словно мальчишка с горки, радуясь свисту ветра в ушах. Раз или два полотно проходило так близко от каких-то подземных поселений — Пекло было далеко не единственным местом, где под землей располагались целые города — что Велес слышал шум, производимый людьми. Но его ни разу никто не заметил — он был надежно скрыт полотном.

Дорога все тянулась, и Велес успел приготовиться к любым неожиданностям. Он не удивился, когда дорога внезапно окончилась.

Полотно упиралось в самую обыкновенную дверь. Велес осторожно сошел с него и свернул ткань, запихав ее обратно в мешок. Сразу вокруг него сгустилась кромешная тьма, но зато стало ясно, что он достиг цели. Едва Велес приложил ухо к двери, как до него донесся шорох — там, за дверью, был кто-то живой. И он не собирался прятаться.

Перекинув мешок с полотном за спину, Велес обнажил меч. Кроме дыхания незнакомца и его шевеления, слышался какой-то звон — не то цепей, не то оружия. Готовый встретить еще одного волка, Велес налег плечом.

Дверь жалобно крикнула и сорвалась с петель, рухнув вперед. Подняв для атаки меч, Велес ворвался внутрь — и застыл.

ОН оказался в крошечном подвальчике, тускло освещенном единственным окошком. Многочисленные цепи свисали с вделанных в стену колец. На одной из них сидел Тарх. Перепуганный неожиданным вторжением, он не сразу узнал Велеса.

Опустив меч, тот подошел к парню.

— Ты? — только и смог вымолвить узник. — Но как...

— У меня нет времени, — оборвал Велес. — Буря надеялась, что я погиб, но она просчиталась.

— Ты убьешь ее? — Голос Тарха как-то странно дрогнул.

— Я очень спешу. Один человек нуждается в помощи — ему грозит гибель. Если я промедлю еще, он может умереть, а я не должен этого допустить — это слишком важно... А потому я не стану тратить время на месть — я просто заберу своего коня и уйду. — Он прошел мимо застывшего Тарха к дверке во внешний мир, но вдруг обернулся.

— Ты еще хочешь оказаться на свободе? — спросил он.

Тарх глухо вскрикнул и встал на колени, протягивая к нему закованные руки.

— Собирайся!

Вернувшись к узнику, Велес взялся за его оковы. Они оказались не заговоренными. Сжав их посильнее, Велес напрягся — и цепи с хрустом сломались.

Тарх с удивлением смотрел на свои руки.

— Это невозможно, — прошептал он. — Так не бывает!

— Бывает, — осадил его Велес. — Я чародей!.. А теперь спешим!

Снаружи опускался вечер, и беглецам пришлось немного обождать, пока не утихомируются кобылки, затеявшие на дворе беготню и игры. В тереме не светило ни одно окошко — Буря либо улетела куда-то, либо уже ушла на покой.

Дождавшись, пока кобылки скроются в конюшне, Велес осторожно снял с петель дверь, попутно выворотив и засов вместе с замком. Пригибаясь, две тени пробежали через двор и нырнули в приоткрытые двери конюшни. Через некоторое время они появились снова, ведя в поводу жеребца.

Оборачиваясь на каждый шорох, беглецы выбрались за ворота и поспешили прочь. Только на склоне горы, там, где их мог скрыть лес, они остановились, сели в седла и пустились вскачь.

Но никто из них не заметил крылатую тень, что в это время появилась в темном небе. Буря сразу почувствовала неладное и ринулась во двор.

* * *

Когда шум моря растаял вдали, беглецы сдержали коней. Откинувшись в седле, Тарх блаженно улыбался, подставив лицо ветру и глядя на редкие звезды в разрывах туч.

— Я так счастлив, — прошептал он дрогнувшим голосом. — Я и не надеялся когда-нибудь оказаться на свободе. За это можно все отдать. Каким же я был глупцом!

Он обернулся к Велесу и протянул ему руку.

— Я не знаю, что принято в землях, где ты живешь, Велес, — заговорил он, — но я хочу отплатить тебе за твою доброту. Если желаешь, я готов последовать за тобой.

Велес взял протянутую руку, крепко сжал ее. Тарх ответил неожиданно сильно — парень явно унаследовал силу Перуна.

— А куда бы ты сам отправился, если бы я тебя отпустил? — осторожно спросил он.

— Я думаю найти отца, — тихо сказал Тарх, — я больше не хочу назад. Ради свободы я готов отказаться от мести и даже попробую полюбить его...

Велес закусил губу. Если бы он был уверен в Перуне, все было бы по-другому! Он старше Сварожича, он больше видел и имеет опыт. Они бы могли попытаться понять друг друга — а это означает прощение... И тогда никому не будет грозить опасность, и успокоится Дива, и он сам сможет жить вместе с Живой и растить своих детей. Но между ними стоял Перун, который по-своему был прав, не доверяя тому, кто когда-то хотел его смерти.

— Я немного знал твоего отца, — тихо ответил Велес. — Мы никогда не были друзьями, но... ты верь! — Солгать оказалось легче.

Тарх пылко стиснул его ладонь:

— Ты попросишь его за меня?

Велес вздрогнул, оборачиваясь на парня — знает ли он, кого просит о помощи?

— Ты должен знать, — осторожно заговорил он, — что я спешу. Сейчас для меня дорога каждая минута. Даже сейчас, хоть ты и не давал согласия следовать за мною, я еду в сторону Пекла — там мой друг. Ему грозит гибель... Я спешу!

— Отлично, — улыбнулся Тарх. — Я последую за тобой. Два меча лучше, чем один. А потом ты поможешь мне отыскать отца!

Велесу не оставалось ничего другого, как согласиться. У него будет достаточно времени, чтобы объяснить Тарху, как на самом деле он относится к его отцу. Лучше это сделать попозже — возможно, тогда парень успеет узнать Велеса получше и сможет стать тем, кто наконец положит конец нелепой вражде.

Размышления Велеса были прерваны странным гулом. Кони под ними заволновались, не слушаясь повода.

— Велес, что это? — закричал Тарх.

— Горы!

Камни вдруг затряслись. Земля мелко колебалась, словно живое существо, которое беспокоят оводы. Она тряслась все сильнее и сильнее, билась в судорогах и стонала, словно от невыносимой боли.

— Погоня! — крикнул Велес, поймав взгляд Тарха. — Это Буря!

Парень удивленно обернулся, не понимая, в чем дело. Тогда Велес поймал повод его коня и прищиприл своего. Конь под Тархом взвизгнул и помчался вниз по склону вслед за тяжелым жеребцом.

Вокруг них мир словно лишился разума. Горы мелко дрожали или вдруг дергались, а потом принимались биться, словно стараясь разорвать невидимые путы. Камни оживали, выскакивая со своих мест, и катились вниз, сталкиваясь и сминая все на своем пути. Трещали ломаемые ими деревья, вырывались из земли с корнем. К землетрясению

примешался ветер. Ураган пронесся так низко, что задел беглецов, чуть не опрокинув лошадей. Деревья валились вокруг, крона одного из них чуть не выбила из седла Тарха. Парень прижался к шее своего коня, вцепился в его гриву, доверившись лошади и Велесу. Гнедой жеребец сына Земун мчался вперед, не замечая преград. Только однажды, когда падающее дерево задело его сбоку, он коротко взвизгнул, но не остановился.

Деваться беглецам было некуда, но они не спешили сдаваться.

Неожиданно земля содрогнулась с криком боли и ярости. Велес еле успел осадить жеребца — гора перед ними раскололась надвое. Одна половина ее провалилась в разверзшуюся пропасть, а другая встала стеной перед мордами лошадей. Беглецы оказались в тупике.

Тарх открыл глаза, медленно выпрямляясь в седле.

— Что это? — выдавил он.

— Буря. — Велес шумно перевел дух. — Она настигла нас. Теперь мы можем только драться!

Выпустив повод Тархова жеребца, он развернул своего коня навстречу погоне, доставая меч. Тарх сделал то же самое.

Склон горы, по которому они промчались только что, шевелился как живой. Деревья на нем были поломаны, камни выворочены, а под изуродованной кожей земли, перекатываясь, к беглецам спешило какое-то огромное существо, похожее на невиданных размеров змею или гусеницу — трудно было понять, каково оно на самом деле.

— Что это, Велес? — шепнул Тарх.

— Буря, — ответил тот, — Слушай меня, малыш. Когда она с нами поравняется, успеешь отскочить вправо. У нас больше шансов победить, если мы нападём на нее с двух сторон...

— Нет!

Не поверив своим ушам, Велес обернулся. Неужели кровь Перуна дала о себе знать? Но Тарх смотрел спокойно и твердо.

— Нет, — повторил он. — Я благодарен тебе, Велес, за то, что ты для меня делаешь, но ты сам сказал, что торопишься. Где-то там умирает человек, к которому ты спешишь. Уезжай, пока не поздно — я ее задержу!

Велес смерил расстояние до Бури.

— Ты с ума сошел! — прошипел он. — Ты погибнешь!

— Торопись. — Парень гневно сдвинул брови, став до странности похожим на отца. — У меня с нею счеты, а ты, если хочешь помочь... Найди моего отца и передай ему, что я прошу у него прощения. И что я погиб с его именем на устах!

— Да мне за такое Перун голову оторвет! — рявкнул Велес, разворачивая жеребца. — Если Перун первым не найдет меня...

Верный конь, от страха не чуя ног, в несколько прыжков внес хозяина на склон. На вершине Велес задержался, всматриваясь в даль. Кроны деревьев скрыли от него Тарха, но по дрожанию земли можно было догадаться, что Буря уже близко. Сын Перуна был обречен.

* * *

Подняв меч, Тарх следил за приближающейся Бурей. Он не чувствовал страха — все в нем ликовало в предчувствии битвы. Сколько раз в детстве он представлял себе, как сражается и убивает чудовищ. Наконец судьба ему улыбнулась — он принимает бой с врагом, защищая друга. Земля зашевелилась уже совсем рядом — Буря стремительно приближалась. Тарх бросил последний взгляд на склон горы, где скрылся Велес, и пришпорил коня.

— Ну, держись!

Жеребец сделал всего несколько прыжков и вдруг резко остановился, осаживаясь на задние ноги и не слушая повода. Не ожидавший этого Тарх чуть не вылетел из седла. В тот же миг земля перед ним разверзлась, и огромная перепачканная голова вырвалась на

поверхность.

Жеребец завизжал и шарахнулся в сторону. Стиснув ему бока коленями, Тарх не растерялся и с размаху опустил меч на нос змеи.

Злобный рев был ему ответом. Брызнула кровь. Нос Бури оказался рассечен до губы.

— Ага, получила? — закричал Тарх. — Вот тебе!

Окрыленный первой удачей, он развернул коня навстречу змее и снова устремился на нее. Узкая горбоносая голова с маленькими тусклыми глазками повернулась в его сторону. Ее украшал только короткий гребень, из которого пучками росла черная грива. Змея была в ярости. Разинув пасть, она метнулась к Тарху, но он увернулся и нанес второй удар.

Этот был еще удачнее. Буря забилась, колотя головой о камни и сходя с ума от боли — меч Тарха пронзил ее глаз. Кровь и желтая слизь хлестали из раны, заливая морду.

— Получила! Получила! — радовался Тарх. — Ну-ка, подставляй и другой!

Взбешенная змея ринулась на него. Земля и камни полетели в разные стороны, когда ее грязно-бурое с разводами тело стало вылезать из-под земли.

Тарх осадил храпящего коня, с трудом удерживая перепуганное животное на месте. Он сам не ожидал, что его враг будет таким огромным, и торопливо соображал, как быть. Но все равно он должен был отвлечь ее, чтобы Велес мог уйти.

Закричав, он снова послал коня вперед, поднимая меч. Буря зашипела и сама устремилась ему навстречу...

Они сшиблись. Менее устойчивый, жеребец рухнул наземь, подминая под себя всадника, но тот, уже падая, успел отмахнуться и почувствовать, как его меч задел что-то. Оглушительный вопль подсказал ему, что это действительно так.

Буря была вне себя. Третья рана была неопасна, но ужасно болезненна. Ведьма никогда не получала ранений, и сейчас это ее взбесило. Не помня себя, она устремилась к бьющемуся на земле жеребцу. Падая, тот сломал ногу и не мог встать. Тарх торопливо вылезал из-под него.

Взвился со свистом длинный хвост, и раньше, чем Тарх успел его заметить, он оказался опутан змеиными кольцами. Бока его сдавило так, что он не мог вздохнуть. Меч выпал из ослабшей руки. Беспомощного, его подняли вверх. Над ним закачалась одноглазая голова змеи.

— Попался! — прошипела Буря, — Ну, прощайся с жизнью!

— Делай что хочешь, — воскликнул Тарх, — хоть убей, а я все-таки тебя отметил! На всю жизнь зарубка!

В ответ его сдавило так, что он едва не потерял сознание. Буря шипела от ярости.

— Глупый мальчишка! — еле выговорила она. — Ты за это заплатишься!

— Посмотрим, кто кого!

Вместо ответа Буря замахнулась хвостом — и Тарха как пушинку отбросило в сторону. Ударившись о камень, он бессильно сполз наземь.

Перед глазами запрыгали разноцветные пятна. Потом они задрожали, сливаясь в огромную голову одноглазой змеи. Тарх заставил себя взглянуть на нее — сил пошевелиться не было: казалось, у него сломаны все кости.

— Все равно, — услышал он свой шепот, — за меня отомстят... Но даже если этого не случится, я свое дело сделал... Велеса тебе не достать...

Змея сердито зашипела. Ее хвост снова обхватил парня поперек туловища, крепко прижимая его руки к бокам.

— Ты думал, что сделал свое? — прошипела она. — Да, ты отнял у меня глаз, но я сделаю больше...

— Можешь меня убить, — прошептал Тарх.

— Ну нет! — Змея взмахнула своей жертвой. — Ты отнял у меня один глаз, а я возьму у тебя оба!

Не сразу Тарх понял, что она хочет сделать. Страшная истина стала ему понятна, лишь когда он увидел когтистую лапу, тянущуюся к его лицу.

Он закричал, тщетно пытаясь разжать тиски., что сдавливали все сильнее, и отворачиваясь, но когти все тянулись и тянулись к нему. Буря не спешила, наслаждаясь страхом своего пленника. Передняя лапа медленно шевелилась, готовясь нанести удар.

Последнее, что увидел Тарх, были когти, тянущиеся к его глазам...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Несколько дней прожила Жива у Макоши, восстанавливая силы, а потом в один из дней оттепели собралась и поехала назад, на север. Волхва пустилась было ее отговаривать, предрекая кару за эту ошибку, но потом махнула рукой и ушла в дом.

Живе было немного страшно. Она покинула родной замок тайно, глубокой ночью, чуть ли не месяц назад, а возвращалась, неся под сердцем дитя врага своей семьи. Но она любила Велеса и была готова ко всему.

Большая часть пути уже осталась позади, вокруг вставали знакомые горы. Вот еще раз дорога сделает поворот — и спустится в долину, на противоположной стороне которой стоит их замок. А там отец, мать, братья...

Жива не заметила крылатого силуэта, пока он не стал снижаться, вынырнув из-за облаков. Услышав приветственный рык, она обернулась. Ящер, вытянув шею, пронесся так низко, что поднял небольшой снежный вихрь. Сидевший у него на загривке Перун заорал что-то счастливо и замахал руками. Он был рад ее видеть и делал отчаянные знаки, чтобы сестра торопилась домой. Сделав поворот, крылатый зверь устремился вперед.

Он поспел гораздо раньше Живы. Подъезжая к замку, женщина увидела Ящера, восседавшего на гребне крепостной стены и косящегося на нее оранжевым теплым глазом. Ей почудилось, что старый зверь обо всем догадывается, и она послала ему воздушный поцелуй. В ответ тот разразился долгим довольным ревом.

Перун ждал ее в воротах и выскочил навстречу, стаскивая с седла и подхватывая на руки. Лицо его дрожало от радости, губы прыгали и никак не могли сложиться в улыбку. Бережно обняв Живу, он понес ее в замок.

— Сестренка, мы так волновались за тебя, — с нежностью сказал он. — Ты себе даже и представить не можешь...

Он был так счастлив, что Жива почувствовала, что у нее комок подступает к горлу. Она пылко обняла брата за шею, пряча лицо у него на плече.

— Где же ты была все это время? — продолжал Перун. — Я места себе не находил, все горы излазил. Отец и мать извелись... Добро б летом, а то зимой...

— Ты и не мог меня найти, — ответила ему Жива с улыбкой. — Я далеко была — на юге!

— Где-где? — Перун остановился.

— Ты Макошь-волхву знаешь? Я к ней ездила, о будущем гадала.

— К Макоши? — переспросил Перун. — Могла б для такого случая мне сказать — Ящер бы тебя за день домчал, да и я не прочь у нее кое-что выспросить. Ты знаешь, чем рисковала?

— За меня не стоило беспокоиться. — Жива вдруг решила выложить брату всю правду — неизвестность пугала ее, и хотелось поскорее положить ей конец. — Я не одна ездила, и в дороге за мною было кому присмотреть!

Перуна как подменили. Глаза его потемнели, и он медленно поставил сестру на землю.

— Кто он? — спросил он очень спокойно, но руки сами сжались в кулаки.

На всякий случай Жива отступила на шаг.

— Ты его знаешь, — гордо сказала она. — Это мой жених!

— Велес?

Жива подняла на брата счастливый взгляд. — Мы любим друг друга, — спокойно сказала она, — и хотим быть вместе.

— Велес, — повторил Перун, — Значит, он жив... И ты обманула меня тогда, на стене...

Он размахнулся, и Жива не успела ни отпрянуть, ни защититься — тяжелый удар сбил ее с ног. Женщина едва успела перевернуться, оберегая живот — над нею вырос Перун.

— Он жив! — закричал он в бешенстве. — Предатель жив! А ты... ты его...

Он занес было ногу, чтобы ударить сестру, но Жива проворно отпрянула, спеша вскочить.

— Не смей меня трогать! — закричала она, тоже теряя терпение от злости. — Велес мой муж, я ношу его дитя!

Она выпрямилась, закрывая рукой живот и глядя в белые от ненависти глаза брата.

— Ты что? — прошептал он.

— Я жду его ребенка.

— Потаскуха! — взревел Перун, бросаясь на сестру.

— Жива! Вернулась! Вот радость-то!

Новый голос заставил Перуна остановиться и обернуться. Через двор к ним бежала Мера — как была, одетая по-домашнему, простоволосая, покрасневшая от радости. Подбежав, она обхватила Живу и закружила.

— Вернулась! Вернулась! — радовалась она. — Ну, пойдем скорее, мать обрадуем, а то она знаешь как тосковала без тебя! И всем тут без тебя было грустно! — Тут она заметила, что платье Живы сбоку мокрое и грязное. — Ой, а что это?

— Я споткнулась и упала, — виновато объяснила Жива. — Столько времени в седле провела, что ноги не держат!

Мера захихикала.

— Что ж ты так! Вот меня Стривер тоже все гоняет — не женское дело, мол, летать! А меня в небо тянет... Ну, пошли — отдохнешь, переоденешься.. А то эти мужчины такие непонятливые — о себе лишь и думают!.. Ты мне расскажешь, где была?

Жива была от души благодарна Мере за вмешательство. Та же, словно понимая, кто она здесь, уводя Живу, победно обернулась на Перуна и состроила ему рожицу, показав язык.

Весть о возвращении Живы взбудоражила замок. Все его обитатели спешили взглянуть на нее, убедиться, что это она и с нею все в порядке. Жива, умывшись и переодевшись с дороги, сидела у очага подле Меры и еле успевала рассказывать всем одно и то же: что за нее не надо бояться, все хорошо, а неприятности позади.

Неожиданно дверь со стуком распахнулась, и голоса сразу стихли. На пороге стоял Перун. Не говоря ни слова, он прошел к сестре, и все, кто был в комнате, поспешили к выходу. Мера решила было остаться, но Перун строго указал ей на дверь, и она отошла назад.

С белым от ярости лицом Сварожич остановился перед сестрой. Жива замерла — ей показалось, что брат сошел с ума. Его глаза метали молнии, но взгляд оставался пустым. Он судорожно стискивал зубы, но порой они скрипели, заставляя морщиться его самого.

— Где он? — спросил Перун бесцветным голосом.

— Кто? — прошептала Жива.

— Не притворяйся! — Перун сорвался на крик. — Этот ублюдок, Велес!

— Он не ублюдок, — возразила Жива, — Он изменился, чего ты не хочешь понять...

— Молчи, если хочешь жить! — взревел Перун. — Отвечай!

Жива почувствовала, что задыхается. Схватившись руками за горло, она покачнулась и прошептала еле слышно:

— Оставь меня. Я...

— Ты мне все скажешь! — Перун наклонился и встряхнул ее за плечи. — Скажешь или пожалеешь!

Совсем рядом пылал огонь, и Жива поняла, что он сделает с нею. Страх сдавил ей горло. — Ты сам поймешь, что он невиновен, — прошептала она, чувствуя, что задыхается от близости огня. — Но будет поздно... Он уже в Пекле — Даждю нужна помощь... Она недоговорила — Перун оттолкнул сестру и ринулся прочь. Жива без сил сползла на пол. Дурнота подкатывала волнами, туманя рассудок. Она не заметила, как к ней подбежала

Мера, и опомнилась, только когда прохладная вода смочила ее виски.

— Бедная ты, бедная, — прошептала Мера, — Ты вся больная вернулась, а он того не видит... Пойдем, тебе надобно прилечь!

— Нет, — Жива сама удивилась твердости своего голоса, — оставь меня, подруга. Беги к детям, он к ним пошел!

— К каким детям? Кто?

— Сыночки Дивы! — воскликнула Жива. — Перун знает, что их отец жив. Он может месть задумать — не успокоится, пока чью-нибудь кровь не прольет. Беги, он убьет детей!

— Так не бывает, — решительно заявила Мера, — чтоб детей за грехи родителей казнили. Наоборот...

— Ты не у себя в Синегорье! Беги!

— Я Стриверу скажу, — отрезала Мера. — Пусть мужчины сами разбираются. А я тебя не брошу!

* * *

Перун не видел и не чувствовал ничего от душившей его ненависти. Попадись на пути родная мать или даже Ршава — и то излил бы на них свой гнев. Велес, опозоривший его семью и его самого, осквернивший его жену, был жив и даже завоевал сердце его сестры. Перун почувствовал, что его предали.

Его сознания осторожно коснулась мысль Ящера — тот, как всегда, тонко чувствовал состояние друга. В другое время Перун с радостью доверился бы старому зверю, но сейчас он решительно прервал связь. Ему был просто необходим кто-то, на ком можно было сорвать злобу.

Внезапно до его слуха долетели детские голоса — внизу, на дворе, играли дети обитателей замка. Среди них были и старшие близнецы, семилетние сорванцы, которые частенько верховодили в играх. И сейчас Перуну показалось, что он ясно различает их голоса.

Он остановился, сжимая кулаки и безуспешно пытаясь справиться с подступившей яростью. Дети Велеса, его врага, сколько раз пытавшегося убить соперника и нашедшего способ отомстить, отняв самое дорогое — детей. Из-за него погибла Ршава, а сам Перун оказался разлучен с сыном. Велес всегда был виновником всех бед и неприятностей, случавшихся с ним. И сейчас он начал снова — где-то там,

в Пекле, собирает войска, чтобы пойти войной на север и потребовать у Перуна его жену и детей. На этот раз Диву ему отдадут — Перун не смог уберечь ее, она родила Велесу детей. Сварг не захочет спорить с такими доказательствами, он даст согласие...

Нет! Пусть Велес поднимет хоть все Пекло, хоть весь мир, он не получит ни детей, ни их матери. Лучше пусть они погибнут, чем восторжествует их отец!

Решение пришло внезапно, словно кто-то нашептал его. Сорвавшись с места, Перун бросился на двор.

Мальчики с воплями гонялись друг за другом — они играли в осаду крепости, которая только что пала. Победители требовали, чтобы осажденные сдались, но те вздумали обороняться, и игра грозила перейти в настоящее побоище. Появление Перуна остановило начавшуюся было ссору — старшего Сварожича побаивались, но и благоговели перед ним, как перед воином и другом самого Ящера.

Еще издалека тот углядел близнецов. Одинаково растрепанные и запыхавшиеся, они вдруг показались Перуну так похожими на Тарха, что он остановился.

Почувствовав, что он смотрит на них, мальчики бросились к нему:

— Отец! Отец!

Их голоса снова пробудили в нем досаду и ярость. Дива всего раз или два исподтишка показывала Перуна сыновьям, но те запомнили его. Сейчас это слово звучало пророчеством и насмешкой одновременно.

— Отец, ты к нам? — Мальчики подбежали, глядя на него с восторгом снизу вверх.

— К вам, — выдавил Перун. — Идем за мной!

Не прибавив ни слова, он повернулся и пошел прочь. Он даже не задумывался, следуют ли за ним близнецы, но они напомнили о себе, забежав вперед с двух сторон:

— А мама? Где мама, отец?

Дива который месяц сидела под замком в башне. Ключ от ее темницы хранился у самого Перуна, чтоб никто не мог выпустить его жену. Услышав слова детей, он вздрогнул, разгоняя туман в голове.

— Мама?.. Вы ее увидите.

— Скоро?

— Да. Сегодня. Чуть позже.

С пленок знавшие, что к воинам следовало относиться с почтением, близнецы замолчали.

Перун сам не понимал, куда и зачем ведет детей. Ноги куда-то несли его, а куда — он не ведал. Словно во сне, внезапно он оказался у самой крепостной стены, где вместо стены поднималась настоящая скала, защищавшая замок с моря. У подножия ее обрыва низвергался водопад, над которым возвышалась та самая башня, где сейчас сидела взаперти Дива. Точно такая же башня, похожая на эту, как сестра-близнец, стояла с другой стороны и именовалась Девичьей. В тупике, образованном стеной и основаниями башен, располагалась кузня — деревянный навес, прилепившийся к боку скалы. Когда-то здесь работал сам патриарх Сварг, обучая сыновей своему искусству. Но с тех пор, как отца сменил Смаргл, она стояла заброшенная — младший Сварожич устроил кузню в другом месте.

Внутри почти не осталось кузнечного инструмента, только печь с горном и наковальня. В саму кузню и вокруг нее понемногу начали сносить мусор. Запустением и холодомдохнуло на Перуна и детей из приоткрытых дверей.

Окинув взглядом внутренности кузни, Перун втокнул в нее близнецов:

— Ждите здесь. Я скоро!

* * *

Встревоженный тем, что сказала ему Мера, Стривер поспешил к Диве. Он и его жена были единственными, кто не забывал и часто навещал бедную узницу в заточении. Няньки, подчиняясь приказу Перуна, не водили к ней даже сыновей. Раз или два зашли патриарх Сварг и его супруга леди Лада, но больше никто не нарушал ее одиночества. Сам Перун и подавно не смотрел в сторону башни-темницы.

Подходы к ней с земли постоянно охранялись, дабы никто не пытался помочь Диве сбежать, но для Стривера не существовало неприступных крепостей. Он легко слетел с парапета у своего окна и, покружив немного над колодцем двора, спланировал на выступ стены как раз против окошка Дивы.

Здесь было очень тесно — двоим не повернуться — но Стривер наловчился садиться на этот выступ. Сложив крылья на спине, он освободил из ременной петли руку и постучал в ставень узкого окошка, забранного полосками металла.

Окна в башне-темнице были узкими — чуть шире одного локтя. Сделано это было для того, чтобы затруднить возможный побег. Сейчас всего один узник содержался в башне, и только несколько окошек было прикрыто, отмечая покои Дивы.

В ответ на стук Стривера ставень распахнулся. Проем окна тоже был забран прутьями, так что выглянувшая Дива не могла дотянуться до гостя, иначе как прижавшись к решетке.

Несколько дней не видел Стривер свою маленькую леди, но поразился, какие с нею произошли перемены. Дива побледнела и подурнела, под глазами у нее залегли тени, в неприбранных волосах мелькнула первая седина, и женщина казалась старше своих лет. Узкое окошко мешало увидеть ее всю, но Стривер уже догадывался, что скрыто ото всех — большое тяжелое чрево, несущее новую жизнь.

Узнав Стривера, узница слабо улыбнулась, протягивая сквозь решетку руку.

— Пришел, не забываешь, — промолвила она. Голос ее тоже изменился — стал тихим и хриплым, словно простуженный.

— Как я могу, сестрица? — Стривер сам протянул руку, беря ее тонкие холодные пальцы в ладонь. — Мера поклон тебе шлет!

Дива отвернулась, пряча глаза.

— Умру я здесь без солнца, — прошептала она. — А помнишь, как мы раньше...

— Не время о прошлом думать, — вынужден был остановить ее Стривер. — Не с доброй я вестью!

— Перун? — догадалась Дива. — С ним что?

На лице ее отразилась такая боль, что Стриверу осталось только удивляться силе женщины.

— С ним ничего, — ответил он, — но Мера мне велела сказать, что он зачем-то к детям твоим пошел...

При этих его словах Дива так страшно побледнела, что Стривер испугался — случись с ней сейчас беда, пока он поднимет тревогу да пока прибегут и отопрут двери, будет поздно ее спасать. Он почти уже уверился в этом, когда лицо Дивы вдруг исчезло. Сварожич подался вперед, окликая Диву, но внутри слышался лишь тихий скрежет по полу, а потом лицо узницы появилось снова, на сей раз высоко. Стривер с облегчением понял, что женщина подтащила поближе лавку и встала на нее.

— Повтори, что ты сказал! — прошептала она.

— Он что-то задумал. Мера боится, как бы он зла кому не причинил. Жива ей сказала...

Стривер осекся вторично, потому что заметил, что Дива остановившимся взором следит за чем-то внизу — отсюда ей были видны часть двора, угол Девичьей башни и даже стена, ограждавшая водопад. Проследив за ее взглядом, Стривер сразу все понял.

За угол Девичьей башни шел Перун в сопровождении двух старших близнецов.

— Стривер, что это? — прошептала Дива, наваливаясь грудью на окно. — Что он решил сделать?..

Она покачнулась, едва не падая. Понимая, что не сможет ее подхватить, Стривер все равно протянул руки, ловя через прутья решетки ее запястья, но Дива оттолкнула его.

— Не думай обо мне, — прошептала она одними губами, сползая по решетке вниз. — Оставь меня... Детей! Детей спаси! Убьет он их!

— Не бойся, — откликнулся Стривер, торопливо расправляя крылья и стараясь казаться спокойным. — Ничего с ними не случится! Я прослежу!

Дива ничего не ответила. Поднимаясь в воздух, Стривер поймал себя на мысли, что она права.

* * *

Перун сам не мог бы внятно объяснить, что заставляло его поступать так, а не иначе, какая сила толкала его на этот шаг. Закрыв старших близнецов в кузне, он отправился за остальными, торопясь, словно его изнутри что-то подстегивало — спеши, иначе не успеешь. Их отец где-то там собирает войска, чтобы кровью отвоевать детей. Замку наверняка не выстоять в борьбе, так лучше заранее сделать так, чтобы победа Велеса превратилась в поражение.

Наверное, в это время лицо у Перуна было странное, потому что нянька, что была с детьми, не стала спорить, а просто вскочила, прижимаясь к стене.

Детям разрешали играть всем вместе, в одной комнате, не делая различий между сыновьями господ и детьми их кормилиц. Они прекратили игру, когда в комнату вошел Перун. Тот только смерил остолбеневшую няньку холодным строгим взглядом, прошел к детям и, ни слова не говоря, поднял на руки младших близнецов, потом нашел глазами средних и кивнул им, приказывая следовать за собою. Ничего не понявшие мальчики

застыли, хлопая глазами.

Сердито скрипнув зубами — придется тратить время и возвращаться за ними — Перун направился к выходу.

Здесь путь ему преградил запыхавшийся Стривер.

— Она оказалась права, — сказал он, окинув взглядом брата и детей. — Что ты задумал?

— Не твое дело, — сквозь зубы буркнул Перун, отодвигая его плечом с дороги.

Но Стривер не спешил сдаваться. Обогнав брата, он снова встал перед ним, упираясь руками в стены.

— Что ты хочешь с ними сделать? — без обиняков спросил он. — Ты их убьешь?

— А тебе-то что? — не выдержал Перун. С досады он так стиснул детей, что они заплакали от боли.

— За что ты их? Ведь дети!

Перун переложил орущих мальчишек в одну руку и толкнул Стривера так, что тот отлетел на несколько шагов и едва не упал. Крылья при ударе о стену жалобно хрустнули.

Оставив перепуганного брата разбираться с крыльями, Перун решительно направился своей дорогой. Встречные торопливо и испуганно уступали ему дорогу, даже не задумываясь над тем, куда старший Сварожич несет ревущих в голос близнецов.

Уже на дворе его догнал Стривер. — Ты не имеешь никакого права карать их! — закричал он на бегу. — Я тебе этого не позволю! Они же всего-навсего дети!

Перун приостановился, опять перекладывая мальчишек в одну руку и привычно слагая другую в кулак.

— Молчи, — оборвал он, сунув его под нос Стриверу, — не защищай их. Подумай: сам-то ты кто? Не приемыш ли, невесть от кого рожденный? Отец мой добрым был, всех сирот собирал, не думая, его ли это или чужое дитя, а я не такой! И хочу, чтобы все это помнили! И ты первый. Понял?

Стривер посмотрел на кулак размером с детскую голову. Одного его удара было достаточно, чтобы свалить дикого быка, проломить череп любому зверю. В глубоких глазах Перуна загоралось самое настоящее бешенство, смешанное с безумием. Подняв взгляд на брата, Стривер разглядел злобный огонек в его глазах и отступил, отворачиваясь.

Презрительно хмыкнув, Перун продолжил путь.

Стривер был готов ненавидеть себя и свое малодушие. Он испугался огромной силы брата, которую он не раз уже играючи показывал, гордясь ею. Случись драка, старший Сварожич мог и убить младшего, даже не желая того, а просто не рассчитав своих сил. Сейчас боль и ярость удесятирили его силы и затуманили разум.

Но Стривер знал, что он не может все так оставить. Там, на верху мрачной башни-темницы, Дива сейчас с надеждой и страхом выглядывает из своего крошечного окошка, гадая о судьбе детей. Ради нее он должен что-то сделать.

Стривер привычным рывком расправил крылья и несколько раз с силой взмахнул ими, поднимая поземку. Сегодня им предстоит много работы.

* * *

Повсюду в воздухе уже который день носились свежие весенние ветры — с юга понемногу приходило тепло. Но по вечерам снова холодало, тем более здесь, в лесах и по берегам извилистых речек, окруженных густыми труднопроходимыми зарослями.

Лишь одна-две речки могли позволить себе вольно раскинуться на равнине — прочие с трудом продирались сквозь горы, годами отвоевывая каждую пядь берега. Здесь же было одно из немногих дивных мест, где на плодородной земле стеной стоял лес, не стесненный горами. Река пересекала его, разделяясь на многочисленные рукава с островами и отмелями.

Где-то на этих островах поселились Смаргл и Луна. Привыкший к просторам поднебесья, Стривер не запомнил точно, на каком островке, заросшем ивняком, искать брата,

а потому он просто снизился над самым льдом и закружил вдоль реки, зовя Смаргла.

Сначала Смаргл отозвался, а уж потом Стривер в зарослях на противоположном берегу увидел его фигуру, невысокую, коренастую, ставшую, казалось, еще шире и плотнее. Сложив крылья, Стривер ловко приземлился на лед и немного проехался по нему, тормозя.

Почти не проваливаясь в слежавшийся снег, Смаргл скатился с крутого склона ему навстречу. В волчьем полушубке мехом наружу, с отросшей по грудь бородой он казался старше Стривера и до изумления похож на Перуна — только ростом да цветом волос не вышел. Два волка, неизменно сопровождавшие его, тоже красовались в зимних нарядах. Вооруженный коротким копьём и луком, Смаргл так походил на дикаря, что Стривер не признал бы его, кабы тот не заговорил.

— Что, не признал, братишка? — Смаргл весело оскалился. — Аль вы там про меня позабыли?

— Беда, Смаргл! — выпалил Стривер. Тот вмиг посуровел, отступив на лед.

— Говори!

Чувствуя себя неуютно под взглядом пронзительных темно-серых глаз, Стривер быстро рассказал о том, что собирается сделать Перун. Конечно, старший брат не делился с младшим планами, не звал помочь их выполнить, но что он задумал дурное, сомнений не вызывало.

— Куда он повел их? — выслушав, уточнил Смаргл.

— За Девичью... ну, где старая отцова кузня. Мы еще детьми...

Стривер недоговорил — Смаргл бросил копьё и лук и скинул полушубок на лед.

— Скверно дело, брат, — процедил он сквозь зубы. — Медлить нельзя. Дай-ка мне свои штуки!

Не дожидаясь, пока Стривер поймет, в чем дело, Смаргл стал снимать с него крылья.

— Не бойсь — не сломаю!

С неба донесся пронзительный, звонкий крик-клекот. Крупный, с молодого орла, сокол, сложив крылья, камнем пал на оброненную Смарглом шапку и взмыл на дерево, держа ее в когтях. Его ясные янтарные глаза по-человечьи пристально следили за двумя людьми.

Не прекращая облачаться, Смаргл кивнул на птицу:

— Имя ему Рарог. Я его летом приручил... Он останется с тобой и проводит тебя до дома — к тебе или ко мне, как прикажешь. А звери мои назад воротятся. Выбирай!

— Я ночь у тебя пережду, — решил Стривер. Словно поняв его последние слова, сокол Рарог опустил на плечо Стривера.

* * *

Крылья были рассчитаны на высокого худощавого Стривера, а потому первые взмахи дались Смарглу с трудом. Он едва не врезался в верхушки деревьев на берегу реки, но успел чудом выровняться и полетел к замку.

Уже вечерело, солнце почти скрылось за отрогами гор. Заметно похолодало к ночи. Смаргл спешил изо всех сил — пока братья собирались, Перун не терял времени даром.

Знакомые стены над обрывистым берегом вынырнули из ночной темноты зловещими черными пятнами, и Смаргл тут же понял, что опоздал.

От подножия Девичьей башни поднимались огонь и дым. Горела кузня.

* * *

Попытка Стривера остановить брата взбесила Перуна окончательно. Ему вдруг показалось, что весь мир против него, что всюду притаились враги и нет возможности победить их. А он должен был победить во что бы то ни стало. Мысль об этом овладела им полностью, уничтожила, растоптала все сомнения: он довершит начатое любой ценой и никто ему не помешает.

Напуганные дети молчали. Только старшие близнецы спокойно и как-то странно ясно смотрели на Перуна, будто поняли все. Младшие успели охрипнуть от плача и только хныкали. Средние были слишком напуганы, чтобы плакать вслух, и скулили тихо и робко, как щенки. Здесь с ними в эту минуту должна была быть их мать, но привести Диву Перун не мог — и не только потому, что для этого должен был сам пойти и выпустить жену. Просто он так спешил, что забыл о ней.

Старшие близнецы молчали, но он заметил, как они обнимают братьев, будто стараются защитить их. Если эти шестеро вырастут, они так же сплоченно пойдут по жизни, и как знать! — не обратится ли их соединительная сила против него. Стоит им узнать, кто на самом деле их отец и какова его судьба — и выросшие парни найдут способ отомстить Перуну.

Стараясь не думать ни о чем, Перун торопливо прикрыл дверь кузни и припер ее поленом. Затем он обошел кузню со всех сторон, проверяя, и вернулся ко входу. Предстояло совершить самое последнее...

В это время он сам не понимал, что собирается делать. То безумие, которое разглядел на дне его глаз Стривер, понемногу овладевало им. Протянув руку, он напряг пальцы, глянув сквозь них на сруб. И такая ярость полыхнула в его глазах, что вырвавшееся из ладони пламя в один миг окутало бревна сруба и разложенные вокруг поленья.

Густой удушливый дым стал клубами подниматься вверх, окутывая кузню. Когда он скрыл ее всю, а языки пламени начали лизать старые бревна сруба, из-за двери послышались плач и крики — младшие звали маму, старшие — отца.

Перун медленно опустил руку, но огонь не думал стихать. Он торопливо поднимался все выше и выше, озаряя наступающую ночь. Сварожич отпрянул — дым достигал его, а жар начал уже распространяться вокруг. Дети стали задыхаться в густом дыму. Их голоса сквозь треск и гудение пламени звучали все слабее и слабее. Младшие уже замолчали.

Откуда-то издалека долетели новые голоса — жители замка заметили ярко выделяющееся в темноте пламя. Шум пожарной суматохи нарастал, но Перуну было не до того. Голоса детей все громче звучали у него в ушах. Он пробовал затыкать уши, мотал головой, шептал заговоры — ничего не помогало. Голоса звучали уже совсем рядом — мольба, боль и ужас слышались в них. И Перун упал на колени, закрывая лицо руками и не слыша ничего — ни шума, ни треска пламени, ни собственного отчаянного крика.

Стена пламени поднималась все выше и выше, а он все стоял, согнувшись, скорчившись на коленях под тяжестью боли, и, не обращая внимания на дым, жар и искры, плакал и громко звал детей.

* * *

Клубы дыма скрыли ото всех Смаргла, который, забыв об обещании беречь крылья Стривера, падал вниз, как сокол на добычу. Лишь чудом ему удалось не упасть прямо на крышу, дранка на которой уже начинала дымиться. Завернув крыло так, что оно чуть не сломалось, он шлепнулся на камни позади кузни и стал безжалостно сдирать крылья. Несколько крошечных пластинок отлетело, упав в снег — он не заметил этого. Важен был каждый миг — возможно, он явился слишком поздно.

Скинув крылья, Смаргл ринулся к огню. Кузню он знал не в пример лучше Перуна, но сейчас ему показалось, что брат все предусмотрел. Если он вспомнил об этом маленьком вытяжном окошке...

Набрав полную грудь воздуха, Смаргл бросился прямо в дым. Он успел отвыкнуть в лесах от копоти и удушья кузни, и дым тут же больно хлестнул по глазам, вышибая слезы. Сварожич отвернулся, но внутри что-то радостно стукнуло — он успел углядеть, что небольшое отверстие в крыше не забито.

Не обращая внимания на дым и огонь, он торопливо полез по бревнам на крышу. Старая древесина ломалась под пальцами в труху, которую тут же радостно пожирал огонь.

От тепла снег на крыше растаял и стекал вниз. Это ненадолго оттянуло время, когда займется крыша, но все вокруг уже дымилось.

Отверстие было слишком мало для Смаргла — он проделывал его отроком неполных десяти лет, когда, воспитывая в себе смелость, решил заночевать в пустой кузне. У детей внизу — если они еще живы — не достанет сил воспользоваться этим отверстием. Смаргл нашарил полуобвалившиеся края, дернул со всей силой и оторвал кусок дранки.

В образовавшуюся дыру тут же повалил дым, но Сварожич уже спустил внутрь ноги, шепча про себя заговор:

*Брат огонь, меня не тронь —
В нас одна и плоть и кровь.
Мы с тобою не враги.
Не мешай, а помоги!*

И спрыгнул внутрь.

Кузня была наполнена дымом. Огонь начинал проникать внутрь, выедавая стены. На расстоянии протянутой руки нельзя было ничего увидеть. С первого глотка воздуха, отравленного гарью, у Смаргла закружилась голова, и он с горечью понял, что опоздал — дети не успели сгореть, но задохнулись в дыму.

Сквозь проделанное им отверстие свежий воздух поступал внутрь, и огонь стал распространяться еще быстрее. В одном углу занялась крыша, дверь и стена уже были полностью охвачены пламенем.

Смаргл сделал всего один шаг и наткнулся на что-то мягкое. Мысленно поблагодарив духов огня, он рухнул на колени, ощупывая находку, и с содроганием узнал одного из мальчиков. Ребенок уже не дышал, но под тонкой кожицей на шее еще слабо билась жилка, борясь за жизнь.

Смаргл покачнулся, чувствуя, что еще немного — и сам рухнет подле детей, задохнувшись в дыму. А потому действовать надо быстро.

Все шестеро лежали вместе, взявшись за руки. С ужасом прислушиваясь к нарастающему грохоту и гулу разошедшегося огня, который теперь не укротят никакие заговоры, Смаргл торопливо ощупывал детей. Начать он решил с самых маленьких. Подхватив двоих, как надеялся, близнецов, он уже собирался встать, когда маленькая рука вцепилась ему в запястье.

Мальчик наверняка не отдавал себе отчета в том, что делает, инстинктивно схватившись за что-то живое, но отдирать его от себя Смаргл не стал. Подставив ему плечо, он бросился к отверстию.

Его полностью заволокло дымом. Смарглу показалось, что чьи-то нежные заботливые руки ласково обнимают его, увлекая на дно, где темно, уютно и спокойно. Глотнув дыма, он чуть не свалился обратно — но радостно рывкнуло пламя, прорвавшись внутрь, и крыша с жалобным хрустом начала проседать, подточенная огнем. Что-то горячее — объятая пламенем балка — рухнула на него сверху. Глухо застонал от боли цеплявшийся за него мальчик — и Смаргл, обдирая одежду, хватаясь чуть ли не зубами, вырвался наружу и свалился с горячей крыши в тающий от жара снег. Последним усилием он оттащил спасенных детей подальше от огня, к крыльям Стривера, и растянулся на снегу, охлаждая пылающее лицо.

Предстояло повторить этот путь — там оставались еще дети. Заставив себя не думать о боли в груди, о тумане в голове, об ожогах на руках, Смаргл рывком сел.

Мальчишка все еще цеплялся за него. Пальцы его свела судорога последнего движения, и Смарглу пришлось стащить под кольчужную куртку, в которую тот вцепился. Взглянув на белое лицо спасенного, Сварожич смог только вскинуть брови — перед ним был один из старших близнецов. Рубашка на нем была обожжена, а на спине проступали алые пятна ожогов. Когда снег коснулся его ран, он даже не вздрогнул, оставшись лежать как мертвый.

Возможно, этот отчаянный рывок отнял у него последние силы.

Смаргл с трудом прощупал у него биение жилки.

— Молодец, — прошептал он. — Удержал жизнь. Теперь сам выдержи...

Страшный треск ломающегося дерева привлек его внимание. Обернувшись, Смаргл бессильно застонал, прижимая кулаки к глазам. Пока он приходил в себя, рухнула крыша, погребя под собой остальных детей.

Сноп искр взметнулся к ночному небу перед глазами Смаргла. Грохот обвала смешался с треском огня и криками людей, что сбежались на пожар,

Кузница догорала, поднимаясь в ночи столбом огня и подсвеченного алым, словно подкрашенного кровью, дыма. Вблизи нее невозможно было дышать от жара, головешки и уголья с громким треском разлетались в стороны.

Собрав силы, Смаргл подтянул к себе детей. Только сейчас, в свете костра, уничтожившего их братьев, он с суеверным страхом увидел, что все трое спасенных разного возраста — семи, четырех лет и девяти месяцев. У каждого в огне только что погиб брат-близнец. И Смаргл прижал их к себе, чувствуя еще большую боль от того, что не может облегчить им этого горя.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Алые, золотые и янтарные языки пламени, слагаясь в причудливый узор, исполняя завораживающе прекрасный танец, бликами отражались в глазах Ящера. Задремавшего зверя разбудила людская суeta внизу. Проползши по гребню крепостной стены, он увидел пламя и замер, не сводя с него глаз.

Исполинский костер поднимался ввысь, и что-то величественное было в нем, что-то, чему нельзя мешать, как нельзя мешать гореть погребальному костру, даже если на нем уходит к небесам твой лучший друг или брат. Ящер чувствовал колдовские силы, вызвавшие огонь, и испытывал трепет и тревогу. Но новое, незнакомое чувство пробудилось в нем, когда он почуял там, возле огня, Перуна и понял, что огонь — дело его рук.

А потом он увидел старого друга там, среди мечущихся людей. Кто-то спешил растащить обгорелые остатки кузни, кто-то просто стоял и смотрел, кто-то плакал и молился, кто-то ждал, что огонь перекинется на стоявшую ближе всех Девичью башню, но все люди, не сговариваясь, отступали от Перуна, когда он, сгорбившись и закрыв лицо руками, пошатываясь, уходил прочь. От него шарахались, как от прокаженного. В удивлении коснувшись разума друга, Ящер понял, что Перун зажег этот огонь не просто так — только что в огне погибли дети, и Перун это знал. Сейчас он, почти ничего не видя от боли и слез, направлялся к Ящеру. Его смятенное сознание было полностью открыто для старого зверя. Тот без труда восстановил все события и попятился от друга, понимая, что новое чувство, овладевшее Перуном — это ужас. Ужас от свершенного преступления.

Перун отчаянно звал его — без слов. Его крики колоколами звенели в мозгу Ящера и таяли, не находя ответа. Огромный зверь наглухо закрылся от бывшего друга и уже отвернулся, чтобы улететь. Он раскинул крылья, готовый взмыть в ночное небо, но замер, не веря себе.

Чей-то новый голос, незнакомый и странно дрожащий, словно от усталости или страха, проник в его разум:

«Что ты делаешь, Ящер?»

«Я не могу больше здесь оставаться, — ответил зверь. — Я возвращаюсь домой!»

Он глухо взревел и щелкнул хвостом, едва не сбив Перуна — тот уже поднимался на стену.

«Не бросай его, Ящер, — неожиданно попросил голос. — Ради всех остальных — не бросай! Он сам не ведал, что творил! Настанет время, и он все поймет, но в тот день с ним должен быть по-настоящему сильный и мудрый друг, который поможет ему пройти очищение! Не бросай его, Ящер!»

Голос затих, и зверь так и не смог понять, кому он принадлежал, мужчине или женщине.

Он обернулся, не складывая крыльев. Перун уже поднялся на стену и смотрел на него снизу вверх. Лицо его было залито слезами, но в глазах горело фанатичное упорство — такой огонь пылает в глазах того, кому в жизни не осталось ничего, кроме мести. Но Перун выдержал испытующий взгляд Ящера и, поняв, в чем тот его обвиняет, не отвел взгляда.

— Куда направляемся? — как можно равнодушнее поинтересовался Ящер.

— В Пекло, — выдохнул Перун. Он уже привычно потянулся к его затылку, но зверь вскинулся, расправляя крылья.

— Нет, — строго ответил он, — отныне ты будешь сидеть только на моем загривке!

Он удивился, что обычно вспыльчивый Перун не стал спорить.

У Дивы затекла спина от долгого стояния у окна, но тревога за сыновей не давала ей покоя и позволяла забыть об усталости и боли. До рези в глазах она смотрела вниз. Отсюда ей не было видно самой кузни, но она видела, как мимо ее башни прошел Перун — оба раза он был с детьми. Женщина не могла разглядеть Стривера и терялась в догадках — где же он?

Она не поверила усталым глазам, когда в темное вечернее небо вдруг стал подниматься дым.

— О нет! — прошептала Дива, подавшись вперед. — Он не мог этого сделать! Не мог!

Но клубы дыма густели на глазах, поднимаясь все выше и выше. Снизу он был подсвечен розовым и золотым, и скоро женщина разобрала в тишине характерное потрескивание — голос огня, торопливо пожирающего сухое дерево и дранку.

— Нет! — закричала Дива, покачнувшись.

Огонь взметнулся ввысь, на миг показавшись узнице, и она завизжала от ужаса и боли, закрывая себе рот руками. Ей показалось, что она слышит крики своих детей.

Ноги ее подкосились, и Дива упала с лавки. Тут же, не чувствуя ничего, она вскочила и бросилась было к окну, но неожиданная боль сковала ее тело, заставляя согнуться пополам. Превозмогая ее, женщина все же добралась до окна, выглянула только для того, чтобы убедиться с содроганием и ужасом, что пожар ей не померещился. Пламя уже можно было увидеть и отсюда. С веселым и зловещим треском оно пожирало остатки кузни. Сбежавшиеся люди смотрели, бессильно разводя руками — спасать было нечего.

— Нет! — закричала Дива так громко, что кое-кто услышал ее крик — одно или два бледных лица обернулись на башню-темницу. — Нет! Выпустите меня!

Крик перешел в низкий вопль, и Дива осела на пол. Ребенок мягко повернулся во чреве, толкнул мать с неожиданной силой, и женщина забилась на полу в родовых схватках.

Она ничего не видела и не понимала происходящего, крича и извиваясь на каменных плитах пола как безумная. Боль сводила Диву с ума, а потеря сыновей делала ее еще невыносимее. Почти потерявшая рассудок женщина сама не помнила, как все случилось, и вздрогнула, пробуждаясь от мрака беспамятства, когда после очередного приступа боли вдруг наступила тишина и покой.

Тело ниже пояса не двигалось. Последним усилием Дива на руках подтянулась вперед, вслепую шаря по полу в кровавом месиве, и дрожащие пальцы ее наткнулись на теплый скользкий комочек.

Мать подняла его, прижимая к себе. Почувствовав ее прикосновение, новорожденный зашевелился, кашляя и хрипя. Торопясь, она дрожащими, неверными руками очистила личико ребенка, и он тут же захныкал — не так, как кричат дети, приветствуя новый мир, а жалобно и тихо.

Встать и сделать все необходимое у Дивы не было сил, а потому она наклонилась над новорожденным и зубами впилась в пуповину.

Когда привлеченные ее стонами и криками охранники подняли тревогу и при сбежавшихся людях разбили топорами дверь, Дива без памяти лежала на полу в луже крови. Подле нее попискивала и сучила ножками новорожденная девочка.

Лада медленно шла к себе. Этот страшный долгий день наконец-то кончился. Пожар потушили — от погибших детей не осталось ничего, только пепел. Так и не пришедшую в себя Диву и ее дочку на руках перенесли в покои — после того, как Перун улетел, никто даже не подумал держать молодую мать и младенца в темнице. Уже после этого к Ладе подошла бледная, но решительная Жива и сообщила, что уезжает отсюда надолго, если не навсегда: здесь она и ее будущий ребенок не будут чувствовать себя в безопасности. Мать пыталась ее отговорить, но Жива была непреклонна. А тут еще и отсутствие братьев... Где они, что случилось? Вместе они бы смогли остановить Перуна, не допустить беды. Почему они медлили?

Но теперь все немного успокоилось. Потрясенный замок замер, затаился, как человек, впервые столкнувшийся со злом и не вынесший страшной истины окружающего мира. Люди расходились молча, не глядя друг другу в глаза и не зная, как жить после того, что произошло.

Лада шла, не пользуясь огнем — любое пламя напоминало ей о пожаре. Ее легкие шаги почти не отражались от каменных стен — супруга патриарха ходила столь бесшумно, что о ее приближении не догадывались до самого последнего момента.

— Мама...

Впереди, на верху крутой лестницы, послышался шорох. Ее кто-то ждал у двери.

Лада протянула руку, поднимая сомкнутые пальцы вверх. Робкая искорка заплескала на них, освещая уходящие вверх ступени, темные, испещренные узорами своды стен и дверь в конце. Какая-то невысокая фигура выступила из мрака, загораживая дверь. От нее пахло дымом и гарью.

— Смаргл?

— Я ждал тебя, мама, — Сварожич чуть посторонился, приглашая леди Ладу подняться. — Только ты можешь мне помочь — больше мне некому довериться...

Лада поравнялась с сыном. При свете огонька она разглядела, что одежда его испачкана копотью и сажей, рубаха порвана на плече, а всклокоченные волосы и отросшая борода немного опалены. На щеке под глазом виднелась черная полоса.

— Ты был там? — твердо спросила она.

— Да. — Сварожич снизу вверх посмотрел на мать. — Я забрал у Стривера крылья, чтобы поспеть вовремя, и чуть не опоздал... Если ты считаешь, что я не прав, делай со мной что хочешь, но я не мог поступить иначе...

Мать с интересом взглянула на сына, ожидая объяснений, но он только распахнул перед нею двери.

Лада чуть не бегом устремилась в свои покои, но замерла на пороге, не веря своим глазам. Смаргл бочком протиснулся мимо нее.

Комната была погружена во тьму. Правда, в глубине ее в очаге теплился крошечный язычок огня, озаряя камни, но комната была столь просторна, что большая часть ее тонула во мраке. У самой двери стояла лавка. На ней, лежа на боку, чтобы не тревожить свежих ожогов на спине, разметался мальчик семи лет. Он все еще стискивал в руках куртку Смаргла и так и не пришел в себя, но дышал гораздо ровнее и глубже. Можно было также рассмотреть, что к щекам его понемногу начал возвращаться прежний цвет, хотя он все еще был смертельно бледен. Второй мальчик дремал рядом, привалившись к брату. Во сне он дергался, стонал и хныкал.

Смаргл опустил на колени подле детей, успокаивая младшего и прислушиваясь к хриплому дыханию старшего. Почувствовав на себе испытующий взгляд матери, он обернулся, не вставая с колен. Лада вытаращенными глазами смотрела на сына.

— Это его дети, — с нажимом сказал Смаргл, — дети Велеса, прижитые им от Дивы. Конечно, он враг нашей семьи и в свое время охотился на меня, но они всего-навсего невинные дети и должны жить...

Лада подошла и опустилась на колени у лавки, ласково оглядывая спасенных. Ее внимательный взгляд быстро заметил ожоги на плечах старшего мальчика. Она резко встала, точеное лицо ее построжело.

— Бедные малыши, — тихо произнесла она.

— Мне нужна помощь, мама, — снова заговорил Смаргл. — Конечно, я понимаю, что их нельзя оставлять здесь. Я заберу их, найду для каждого новую семью, где Перун их не достанет, но пока пусть они побудут здесь. Хоть до рассвета...

Он готов был на коленях умолять мать о милосердии к детям давнего врага своей семьи, но Лада неожиданно улыбнулась ему и прохладной рукой ласково потрепала всклокоченные вихры меньшего сына.

— Ты настоящий мужчина, сын мой, — промолвила она. — Ступай и будь спокоен — эти мальчики ни в чем не будут нуждаться. Они станут тебе братьями, а мне — сыновьями.

Лада обернулась на догорающий в очаге огонь, и Смаргл почувствовал, как огромный ком тревоги и напряженного ожидания сорвался с его плеч.

— Спасибо, мама, — только и выговорил он.

* * *

Утром следующего дня Смаргл уже был дома.

Стривер не дождался брата — на рассвете, когда еще только начал светлеть восток, из свинцово-синего деляясь серо-розовым, он ушел в замок — измучился от неизвестности. Сокол Рарог проводил его до реки и вернулся одновременно с появлением хозяина.

Заждавшиеся волки прыгали вокруг, визжа как щенки и норовя лизнуть хозяина и друга в нос и щеки. Они протиснулись за ним в дом, но Смаргл не выставил их за порог, как порой бывало.

Луна вышла ему навстречу. Маленькая ладная женщина пополнела с лета и каталась по дому с живостью лесного зверька. Она вечно что-то щебетала — то болтала с супругом, то напевала песни своей родины. Никогда не унывающая, она и сейчас, увидев в дверях мужа, скидывающего полушубок прямо на пол, бросилась к нему, всплеснув пухлыми ручками.

— Ну, разве так можно? — притворно рассердилась она. — Пусть и весна скоро, но ночи еще холодные! Где ты бродишь?

Не отвечая на ставшую привычной воркотню жены, Смаргл прошел к огню и осторожно развернул небольшой сверток, который держал на груди. На лице его отразилась нежность и тревога.

Луна подбежала, сгорая от любопытства. Смаргл загородил свою ношу широкими плечами от жены, кладя ее с бережением на камни у очага. Сунувшаяся было посмотреть, Луна почувствовала от его волос запах дыма и гари.

— Ты где шатался? — зашипела она. — Брат твой мне так ничего и не объяснил, а ты... Что это?

Почувствовав тепло, странный сверток зашевелился и издал какой-то неясный хнычущий звук. Смаргл молча посторонился, давая жене возможность посмотреть на девятимесячного мальчика, лежащего у огня.

— Наш сын, — просто объяснил Смаргл. — Первенец. Маленькая женщина отпрянула, невольно закрывая ладонью свое выступающее чрево.

— Откуда он?

— Он сирота, — пустым голосом ответил Смаргл, не сводя жадного взгляда с мальчика. — Его мать... с ней случилось несчастье... Отец в изгнании и, может, уже погиб — о его судьбе никому не известно. А этого малыша и его братьев хотели убить... К сожалению, я не смог спасти их всех...

Он глухо застонал и сгорбился, закрывая лицо руками. В ушах еще звучали стоны детей и трещал неумолимый огонь, пожирая беззащитные тела; снова рушилась крыша, погребая под собой последнюю надежду на спасение... Сколько еще его будет преследовать

этот призрак? Забудет ли он когда-нибудь эту страшную ночь?

Луна Купальница нерешительно посмотрела на мужа и ребенка, погладила сквозь одежду чрево.

— Через три месяца мне самой становиться матерью, ты сам знаешь, — молвила она. — А тут еще и он... этот... — Наклонившись над ребенком, она обреченно вздохнула и осторожно, чуть ли не с опаской взяла его на руки. — А звать-то его как?

Смаргл поднял голову. Сначала тусклые, глаза его понемногу загорелись. В них заплясал знакомый огонек.

— А звать его будут Переплутот, — молвил он и пояснил удивленной жене: — Чтобы помнить — мы сумели перехитрить самого Перуна.

* * *

Двое суток — до вечера следующего дня — понадобилось Ящеру, чтобы достичь Пекла. Все время пути он и Перун не обмолвились и словом, как незнакомые, и только перед воротами, когда зверь тяжело опустился на подтаявший снег и сложил кожистые крылья, Сварожич пошевелился на жестком загравке и похлопал друга по холодной чешуе:

— Сразу к Волхову... если можно!

Ящер довольно заурчал, услышав непривычное в устах Перуна обращение. Его раскосые глаза сыто прищурились и посветлели — кажется, старый приятель понемногу оттаивал. Еще немного, и он начнет терзаться угрызениями совести — тогда-то Ящер и займется всерьез его душой. А пока же огромный зверь согласно кивнул головой и, пригнувшись, толкнул носом массивный камень, загораживавший ход. Только внутреннее зрение чародея или коренного жителя подземного мира могло подсказать, что эта мрачная глыба — не часть нависающей над ущельем скалы, а искусно изваянная дверь, открыть которую может лишь тот, кто знал тайны камня.

На носу Ящера вспыхнули и погасли разноцветные искры, ударившись о камень. Глыба дрогнула, пошатнулась, роняя с шероховатых боков нанесенный ветром песок, и с недовольным скрежетом отползла в сторону. Понемногу взорам гостей предстал широкий, по размерам Ящера, провал, уходящий вдаль и немного вниз. Он походил на разинутую пасть огромного зверя, готовую проглотить неосторожную жертву Вечным холодом, мраком, сыростью и злыми силами колдовства пахло изнутри, но Ящер, опустив голову к самому полу, спокойно ступил внутрь. Его кривые когти заскрежетали по неровному полу, создавая противное визгливое эхо. На эти звуки из темноты бесшумно, словно и впрямь были только бесплотными тенями, выступило человек двадцать пекленцев. Светловолосые бледнолицые воины в одинаковых одеждах из кожи, похожие как братья, внимательно и настороженно осматривали пришельцев, но не спешили нападать. Открыть двери с той стороны мог только житель Пекла, и, хотя ни один из них никогда не видел Ящера, все сразу поняли, что у него есть право входить без приглашения. Но все-таки, проезжая верхом на Ящере смутно знакомыми подземельями, Перун все время чувствовал на своей спине внимательные и порой недоброжелательные взгляды.

Чем ближе подбирался Ящер к цитадели пекленского князя, тем больше попадалось удивленным пришельцам воинов. Небольшие отряды либо охраняли боковые ходы, недоверчиво сверкая глазами из-под шлемов, либо проходили мимо торопливым маршем. Наравне с людьми встречалась и нежить из числа тех, кто сражался на стороне Скипера в памятных битвах почти двадцатилетней давности. Люди и звероподобные твари относились друг к другу спокойно, как к равным, но Перуна всякий раз передергивало от праведного гнева и отвращения. Он ничего не знал о том, что на самом деле происходило в Пекле после победы над Скипером, и надеялся только, что князь здесь остался прежним.

Цитадель Волхова располагалась в бывших покоях Скипера: и дорогу к ней найти оказалось легко — все вооруженные люди и нежить шли либо туда, либо оттуда. Перед высоким входом, украшенным каменными изваяниями двух крылатых разъяренных тварей,

похожих на Ящера как две капли воды, в сводчатой пещере-зале толпилось около сотни воинов — людей вперемешку с нежитью. Они бродили, сидели на камнях у стены, отдыхая, о чем-то мирно беседовали или спорили. На появление Ящера с седоком обратили внимание лишь те, кто оказался на пути огромного зверя, и поспешили убратся в сторону, но прочие даже не повернули головы.

Окованные медью и серебром ворота были распахнуты настежь. Их совершенно не охраняли, но не успел Ящер подойти, как мимо него промчался на поджаром пекленском коне какой-то воин. Осадив угольно-черного, зло скалящегося и фыркающего коня у ворот, пекленец ворвался внутрь, и все услышали, как он громко зовет князя.

Спешившись одним прыжком, Перун устремился за ним.

Внутренние покои Скипера за годы претерпели значительные изменения. Зал, где когда-то Перун убил Скипера, был отделан светлым туфом и гранитом. Все следы Установки исчезли. В глубине, между двух высоченных очагов, сложенных из самых редких по расцветке камней, на стене красовались останки Скипера: его клешни, разбитый череп и часть скелета, оправленные в серебро и железо. Между спускавшимися почти до пола отлично сохранившимися клешнями располагался трон князя, но сейчас он пустовал.

Жизнь кипела вокруг массивного каменного стола, заваленного пергаменами и всякой всячиной. Несколько воинов, чьи украшенные серебром доспехи говорили о том, что это наверняка сотни или тысячники, стояли или сидели вокруг. Сам князь Волхов небрежно расположился на углу стола и, скрестив руки на груди, внимательно слушал гонца. В том, что это был именно князь, Перун не сомневался — он успел заметить, что обогнавший его пекленец имел совершенно седые волосы, хотя на вид был не старше тридцати лет.

Князь был так поглощен его торопливым, но обстоятельным рассказом, что не обратил внимания на подходившего Перуна. Остальные слушатели, привлеченные грохотом каблуков Сварожича по старым плитам пола, обернулись на него, но ни один не издал ни звука.

Выслушав гонца, Волхов улыбнулся тонкими яркими губами и одобрительно кивнул, отпуская его. Только после этого он обернулся на второго посетителя.

— Ты кто? — прищурившись, спросил он. — Откуда?.. — Лицо его построжело и вытянулось, когда он по одежде догадался, что человек сверху, но в следующий миг Волхов уже встал. — Перун, да? — спросил он, улыбаясь.

Сварожич был не до конца уверен, что после стольких лет старый друг его узнает. Волхов совершенно не изменился — то же узкое точеное лицо с глубокими страшными глазами, та же сильная и гибкая фигура оборотня — даже ни единой ниточки седины не прибавилось в волосах. Сам Перун заматерел, раздался вширь, потемнел лицом, и первая седина уже давно показалась на висках.

— Тебя не вдруг признаешь! — воскликнул Волхов, осматривая друга. — Какими ветрами тебя занесло? Никак, о прошлом помянуть решил?

— О прошлом я не думал, кабы не нужда, — сознался Перун. — Я с бедой к тебе, брат!

Волхов быстро оглянулся на советников.

— Готов помочь тебе, друг, — осторожно заговорил он, провожая Перуна к столу, — да только час ты выбрал недобрый.

— Никак, война?

Волхов кивнул и, не дожидаясь расспросов, быстро поведал о прошлогодней размолвке с Кощеем и о том, что опять на границе неспокойно.

— Понимаю, — Перун задумчиво почесал бороду, — не до друзей сейчас... И все-таки я скажу, зачем приехал — может быть, нам будет посподручнее вместе дело сделать!

Волхов оживился, опять вольготно расселся на углу стола, готовый слушать.

— Велеса помнишь? — в лоб спросил Перун. — Ну, того, что за тобой по Скиперову приказу гонялся?

Высокий лоб Волхова прорезали морщины.

— Как не помнить, — тихо ответил он, — когда... А что с ним?

— Слушок есть, что скрывается он где-то здесь, в Пекле, — прямо объявил Перун. — Ты вот о войне с каким-то Кощеем толкуешь, так я сразу смекнул — к Кощею Велес и направился. А у него всегда была одна забота — власть себе вернуть и силу обрести. Он чародей сильный — сговорится с Кощеем, и вдвоем они все Пекло перевернут. А мне его живым найти надо, пока он бед не натворил.

Перун неожиданно замолчал, заметив, что Волхов смотрит куда-то мимо него. Обернувшись, Сварожич с неудовольствием заметил того самого гонца, что не спешил уходить и невольно подслушал разговор. Князь смотрел в упор на пекленца, а тот только кусал губы и молчал.

— Это он? — спросил наконец Волхов.

— Кто? — рявкнул Перун.

Гонец бросил на него пристальный оценивающий взгляд и снова уставился на князя.

— Да, княже, — молвил он хрипло. — Я сразу его признал...

За спиной Перуна зашумели, вскакивая с мест, воины.

— Велес в Пекле? — слышались удивленные голоса. — Тот самый, что поднял Пекленский мятеж?.. Союзник Скипера?.. Он жив?

— Да, пока, — воскликнул Перун, обрадованный и раздосадованный одновременно. — Повели мне принять полки, князь. Я проведу их в земли Кощея, и ты получишь полную победу, а я — Велеса! У меня с ним счеты!

Гонец обратил на Волхова умоляющий взгляд, но князь не ответил ему.

— Ты приехал сюда охотиться на Велеса. Неужели ты до сих пор его не изловил?

— Этот выродок ловко запутал следы, — отмахнулся Сварожич. — Сначала он убедил всех, что погиб, потом вдруг назвался женихом моей сестры Живы, а теперь вот спрятался здесь... Помогите его достать, Волхов!

Князь, перекрестив руки на груди, долгим взглядом уставился в пол.

— Я только что отдал приказ, — медленно заговорил он, словно размышляя вслух. Гонец подался вперед, затаив дыхание. — И он остается в силе!

Услышав эти слова, гонец неожиданно широко и по-мальчишески улыбнулся, пылко отсалютовал Волхову и умчался как ветер.

Перун и остальные советники проводили гонца недоумевающими взглядами.

— Я тебя не понимаю, Волхов, — заговорил Перун. — А мне что скажешь?

Волхов встал, гордо выпрямился и сделал небрежный жест рукой. Без слов поняв его, советники тоже поднялись, оправляя оружие. Князь Пекла возвышался над Перуном на полголовы.

— Я только что отдал приказ, — повторил он, — еще не зная, что он касается Велеса. Сейчас его выполняют.

Сварожич облегченно улыбнулся и с чувством хлопнул Волхова по плечу.

— А я-то думал! — весело воскликнул он. — Что ж ты вокруг да около ходишь? Значит, его сюда приведут тепленького?

На строгом лице Волхова не дрогнул ни единый мускул — только сверкнули глаза.

— Велес действительно в Пекле, — спокойно сказал Волхов, — и он действительно уехал к Кощею, но, как мне сказал бывший здесь только что Крик, на помощь к одному из своих друзей. Мы сочли нужным поверить ему — он провел во владения врага наш отряд. Если окажется, что он нас предал, что ж, тогда я не буду тебе мешать, и делай с ним что захочешь. Но если окажется, что он честно исполнил свой долг, никто из моих людей не станет помогать тебе изловить воина, сражавшегося на нашей стороне... Все поняли?

Князь сверкнул глазами на советников, и те согласно наклонили головы.

Перун в ярости топнул ногой.

— Не хочешь помочь? — выдохнул он. — Ну, тогда я сам все сделаю! Один!

Махнув рукой, он опрометью бросился вон.

Велес и впрямь по зову Гамаюна появился вблизи от Пекла несколько дней тому назад.

Расставшись с Тархом, он как одержимый помчался к Пеклу. С каждым скачком коня в

нем словно таяло что-то — помня о том, что ему предстояло свершить, Велес нарочно подавлял в себе все чувства — сожаление о том, что бросил неопытного парнишку один на один с разозленной ведьмой, горечь разлуки с Живой и тревогу за ее судьбу, страх перед Перуном и тем, что ждет его в Пекле. Он должен был все забыть, умертвить в себе все слабости — даже пробудившуюся жажду любви. Сам себя он видел сейчас со стороны как оживленный черным колдуном труп, понимающий только один приказ — найти и уничтожить.

Жеребцу словно передалось настроение хозяина — не успел Велес опомниться, как перед ним встали Пекленские горы.

Только здесь, найдя в ущелье ворота — по странному совпадению те самые, через которые он въезжал много лет назад, строя планы мести Сваргу — Велес впервые осадил коня, чувствуя растущие неуверенность и тревогу. Тогда он приехал в Пекло, принес с собой смерть и разрушение. Сейчас он тоже приехал убивать — но ради того, чтобы спасти жизнь друга.

Ворота не успели раскрыться — Велес обрушил на них удар такой силы, что они разлетелись в стороны мелкими осколками. Грохот далеко разнесся по проложенному за ними ходу, а присутствие магии наверняка почуяли местные жители. Что ж, он не собирается прятаться!

Жеребец проехал всего десяток шагов, когда навстречу из не приметного бокового хода внезапно выскочило шестеро теней, уже перед мордой напуганного коня превратившись в воинов-пекленцев. Взглянув в их решительные лица, Велес заговорил первым.

— Я явился сюда по приглашению, — объяснил он. — Меня позвал Гамаюн, и здесь должен быть кто-то, кто знает об этом! Найдите его и передайте, что посланец явился! Да побыстрее, мне некогда!

Пекленцы переглянулись, не опуская оружия, и один из них, чуть постарше остальных, отступил в сторону, освобождая дорогу.

— Поезжай прямо, чужеземец, — молвил он. — Там застава. Если о тебе там знают, тебя заметят. А мы их предупредим!.. Но не вздумай сворачивать!

— На это у меня нет времени, — оборвал его Велес, пришпоривая коня.

Пекленцы молча расступились, давая дорогу. Велес тяжело поскакал по слабо извивающемуся, постепенно повышающемуся ходу, чувствуя, как обгоняют его теплые потоки мыслей — некоторые жители Пекла отлично умели передавать мысли и образы на небольшие расстояния. Холодный мертвый камень гасил большую часть этих сообщений, поэтому подобное умение не получило широкого распространения. Но все-таки Велес был уверен, что о нем уже знают.

Так и случилось. За первым крутым поворотом, миновав несколько преград в виде задвигающихся каменных стен и нешироких пропастей, Велес натолкнулся на заставу — в стенах небольшой пещеры было прорублено десяток достаточно просторных ниш, а преграда из валунов разделяла пещеру пополам. Несколько воинов с факелами ждали его. Один из них, седой как лунь, вдруг побледнел и шарахнулся прочь. На темном лице его отразился ужас, но вызван он был не внешностью Велеса.

Тот одним движением выхватил меч и ткнул им в седоголового:

— Меня послал Гамаюн. Здесь меня должны были ждать.

Человек внимательно окинул гостя недоверчивым взглядом, словно сомневался в рассудке Гамаюна. — Да, — наконец сказал он. — Мы предупреждены...

— Но не догадывались, что это буду я? — криво усмехнулся Велес. — Ты смотришь на меня так, словно я однажды чуть не убил тебя!

Седоголовый только помотал головой, отгоняя воспоминания. Велес решил помочь ему в этом.

— Я очень тороплюсь, — сказал он. — Человек, которому я должен помочь, умирает... Если кто захочет оказать мне помощь, то советую поспешить — мне некогда!

Отсалютовав мечом, он вогнал шпоры в бока коня и направил его к ближайшему ходу.

Раньше, чем опомнившиеся пекленцы ринулись ему наперерез, он уже скрылся в темноте.

* * *

На самом деле Велес решил только припугнуть пекленцев, заставить их действовать быстрее. Если опасности нет, они позволят ему беспрепятственно ехать дальше. Но если Кощей достаточно силен и справиться с ним трудно, пекленцы задержат Велеса и вышлют помощь.

Заставой той командовал некий Крик — тот самый седоголовый воин, которого так напугал Велес своим появлением. С несколькими воинами он внезапно появился на пути Велеса и попросил его переждать два-три дня.

Владения Кощей, отвоеванные им в прошлом году у князя Волхова, простирались на многие версты, занимая почти пятую часть Пекла, да еще столько же он подмял под себя диких, неосвоенных или брошенных пещер. Граница, тщательно охраняемая с двух сторон, проходила по местам, где год назад гремели самые жестокие бои. Именно там отряды Пекла впервые столкнулись с применяемым Кошеем колдовством такой силы, что вынуждены были отступить. Идти в одиночку было опасно, тем более что двое парней уже отправились туда на свой страх и риск.

— Мы можем пропустить тебя внутрь наших владений, только если с тобой пойдут наши люди, — поставил условие Крик. — Мы сами подберем отряд добровольцев, которые при случае помогут тебе и защитят, где надо.

Велес промолчал, не сказав, что пекленцы наверняка хотят в первую голову оградить себя самих от него, но время и в самом деле было дорого, а потому он решил смириться.

* * *

Пекленцы не подвели. Всего одного дня им оказалось достаточно, чтобы подготовить и вооружить отряд из тридцати людей и десятка нежити. Как потихоньку шепнул перед расставанием Крик, он сам и кое-кто надеются, что этот поход положит начало новой войне с захватчиками — узнав о заварушке во владениях соседа-врага, князь Волхов захочет снова поднять Пекло.

К крепости Кощей Велес подъехал один, оставив отряд в ближайших пещерах под надежной защитой скал и магии нежити — твари должны были издалека учуять приближение врага и увести людей в безопасное место.

Найти крепость оказалось легко. Огромная пещера вдруг раздалась в стороны так резко и широко, что в первый миг показалось, будто они выехали на поверхность. Впрочем, это и в самом деле могло быть так — далеко вверху, там, куда уходили почти отвесные, отполированные временем до блеска скалы, виднелась крошечная узенькая полоска неба. Но пропасть была так глубока, что, кабы не свет многочисленных факелов, двойным кольцом окружавших сложенный из камней тын, на дне было бы темно.

Ворвавшись в пещеру и по старой привычке сметая все на своем пути, Велес успел перебаламутить сторожей. Теперь они подняли тревогу — тяжелые ворота, по обычаю Пекла окованные железом, были закрыты, а над тыном виднелись взволнованные морды оборотней и почти неотличимых от людей полукровок. Прежде чем заявить о себе, Велес со знанием дела окинул крепость взглядом.

Тын показался ему вполне надежным — много жизней придется положить тому, кто решит выгнать оттуда защитников. За высокими толстыми каменными стенами можно было отсиживаться хоть целый год. Только слишком близко подходят скалы позади — но наверняка место выбрано так потому, что в них есть тайные ходы. По ним Кощей легко может удрать, и никто его не найдет.

Подумав об этом, Велес пришпорил коня, и жеребец взвился в воздух. Велес только чуть-чуть помог ему, поддерживав в полете над самыми факелами. Сторожа были так

поражены его силой — они с первого взгляда распознали в госте чародея — что никто не осмелился ему мешать.

Хозяева крепости вышли на крыльцо, едва только гость подъехал к нему. Взглянув на эту пару, Велес поморщился. Кощей ему не понравился сразу — слабосильный, раньше наверняка был неудачником, отсюда и жажда власти. Он совершит много зла, но все от слабости, подлости и невозможности поступать иначе. Если дело дойдет до боя, он не окажется сильным противником. Иное дело — женщина подле него. Взглянув на красавицу Марену только единожды, Велес сразу понял, что именно она причина всему. За такую и он бы все отдал.

— Кто ты и зачем приехал? — первым нарушил молчание Кощей. Голос у него тоже был блеклый и немного хриплый.

— Ты меня не знаешь, — ответил Велес, — но твоя женщина должна помнить. Я Велес, мы как-то мельком встречались в Пекле во время последнего мятежа. Я с тех пор не могу ее забыть!

Прибавив это, он почувствовал, что попал верно — Марена ему улыбнулась и взглянула повнимательнее.

— Кто ты? — настойчиво повторил Кощей. — Мои слуги передали, что ты чародей! Я сам обладаю кое-какой силой, и ты с нею познакомишься, если немедленно не ответишь мне!

— Тебе я ничего не скажу, — нарочито грубо оборвал его Велес. — Я воин. Мое дело сражаться и убивать. Кто ты, чародей или нет, меня не интересует. Но если твоя женщина вспомнит, кем я был много лет назад, она скажет, что у меня есть все права находиться здесь и говорить с тобой!

Он обратил долгий взгляд на Марену, силясь проникнуть в мысли этой красивой колдуньи. Сестра Перуна нравилась всем, всех притягивала своими чарами, и сейчас Велес, чтобы не поддаться им, любовно поглаживал лезвие своего двуручного меча, как бы напоминая, что готов взять ее силой.

Очевидно, Марена это поняла. Внезапно ее манящий взор скользнул по тускло блестящему лезвию. В следующий миг она обхватила руками шею Кощей и что-то зашептала ему.

— Она говорит, что помнит тебя, — кивнул на колдунью Кощей. — Ты собираешься нам что-то предложить?

— Свой меч и свою силу.

— Но почему?

Марена благоразумно скользнула в сторону, первая почуввав в воздухе угрозу. Велес гордо выпрямился в седле, стискивая коленями бока захрипевшего коня. Рога его блеснули тускло-стальным цветом, в больших раскосых глазах полыхнул гнев — они стали медленно наливаться кровью.

— Сначала я хочу узнать, — проревел он в неподдельном гневе, — это допрос пленника или я все-таки гость?

Эхо подхватило его рев. Сгрудившиеся подле крыльца оборотни брызнули врассыпную. Бросив тревожный взгляд на гостя, Марена опять что-то зашептала Кощей, и тот медленно кивнул. Лицо у него при этом было такое кислое, что Велес не обрадовался, а по-настоящему встревожился, когда его пригласили войти.

Спешившись и проверив, легко ли выходит из ножен меч, он поднялся на крыльцо, спиной чувствуя на себе подозрительные и любопытные взгляды оборотней. Ему удалось немного убедить в своей нужности Марену — теперь бы заставить поверить в это самого Кощей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Задев плечом косяк двери, Велес вышел на крыльцо и полной грудью вдохнул свежего воздуха. После напряженной настороженной тесноты и духоты горницы, где они засиделись

за беседой с Кощеем и Мареной, двор встретил его желанной прохладой. Глубоко в подземельях всегда холодно, за исключением большинства пекленских пещер, которые обогреваются лавой потухших вулканов. А потому Велес с удовольствием дышал, жадно глотая холодный воздух и не замечая рассеянного в нем терпкого звериного духа обратной. Ими пахло даже в горницах, но за долгие годы странствий можно привыкнуть и не к такому.

* * *

Здесь было темно и довольно тихо, что для Велеса сейчас было лучше всего. Он привалился к шершавым бревнам, слагавшим терем, и отер пот со лба. Проще всего было внушить хозяевам доверие, но Марена могущественная чародейка, да и Кощей мог заподозрить неладное, а потому пришлось сплести сложный узор из правды и лжи, заставить доверять его порыву начать все сначала. Хвала всем богам и его учителям, передавшим ему тайные знания — кажется, удалось.

...Чародейка так старалась остаться незамеченной, что Велес сразу почувствовал ее приближение. Опершись о витой столбик крыльца, он постарался выглядеть как можно равнодушнее и нарочно не замечал ее до тех пор, пока чародейка не коснулась рукой его локтя.

Обернувшись, Велес сразу заметил, какой странный глубокий огонь полыхает в ее глазах, и разгадал его. Так смотрит женщина, мечтающая о соединении с мужчиной немедленно, здесь и сейчас, на виду у всех.

— Что угодно госпоже? — заговорил он первым. Марена придвинулась вплотную. Велес почувствовал манящий запах ее тела, смешанный с ароматами трав и цветов.

— Госпоже угодно, чтобы гость не покидал хозяев, — вкрадчиво молвила она, отводя глаза и томно вздыхая.

— Я прошу меня простить, госпожа. Я не хотел никого обидеть, но я далеко не молод, слишком много времени провел в пути и мне захотелось отдохнуть...

Нежный смешок был ему ответом. Черные глаза Марены загадочно заблестели в полутьме, сочные губы насмешливо изогнулись. Тонкие пальцы Марены вспорхнули к плечам Велеса, перебирая пряди его гривы. Приподнявшись на носки, она провела руками по его груди, спускаясь вниз.

— Что говорить о годах, — чуть хрипловатым голосом проворковала она. — Я тебе не верю! Ты еще достаточно молод и крепок... Ты воин и мужчина!

Высокая тугая грудь женщины коснулась его груди. Словно теряя над собой власть, Марена приникла к нему, обнимая за талию. Ее прикосновение не прошло бесследно. Вдохнув аромат ее волос, Велес почувствовал, что его тело отзывается на ее призыв, и он тяжело опустил руки на плечи женщины.

Марена зазывно рассмеялась и запрокинула голову, ища глаза Велеса.

— О, да ты настоящий мужчина! — восхищенно прошептала она.

Велес почувствовал, как ее ловкие пальцы скользнули еще ниже, к его штанам. Он задержал дыхание. Чародейка что-то бормотала о своем муже Кощее. Но Велес ее не слушал. Желание его достигло предела, и он, отбросив сдержанность, притиснул женщину к стене.

Марена стонала и извивалась под тяжестью его тела, но руки ее ловко и умело двигались, помогая любовнику. Все в ней говорило о том, что она готова отдаться ему прямо сейчас — она торопила, подначивала, приказывала — но именно поэтому Велесу удалось взять себя в руки.

Укрощенная его первым порывом, чародейка вскинула на него покорный затуманенный взор. На длинных ресницах дрожали слезы — очевидно, он слишком сильно обнял женщину. Взяв ее двумя пальцами за подбородок, Велес повернул к себе безвольное покорное лицо Марены и приказал, стараясь говорить как можно безразличнее:

— Приготовь постель... хозяйка!

Марена выпрямилась. Лицо ее понемногу ожило, на губах заиграла задумчивая улыбка.

Оправляя на ходу смятый подол, она, чуть пошатываясь, ушла.

Велес с облегчением вздохнул, оставшись один. Снова придав себе безразличный вид — что при его бычьей голове было проще простого — он оглядел двор. Холопы почти убрались на покой, только часовые и оборотни прохаживались вокруг. Приглядываясь к ним, Велес решил, что такая личина будет наилучшей. Этих тварей вокруг так много, что его просто не заметят.

Размышляя над тем, что ему делать дальше, он неожиданно почувствовал присутствие чародейных сил, но не подземной темной магии, схожей с его собственной, а светлой и живой, человеческой. Подобно тому, как для идущего по следу волка каждый человек имеет запах, отличный от запаха животного, а мужчина пахнет не так, как женщина или ребенок, так же и чародейные силы в зависимости от источника обладают разными следами. Опытный маг сразу распознает не только обладателя этих сил, но и поймет, от кого они были получены. Крик объяснил, что вслед за Даждем отправились к Марене два парня, и сейчас Велес чувствовал присутствие одного из них.

Мимо крыльца охранники вели толпу закованных в кандалы рабов. Тонкая, как паутинка, и столь же крепкая и гибкая, мысль Велеса скользнула над их головами, нащупывая источник силы. Найдя, она уцепилась за него, обвила несколько раз, как усик ползущего растения, проникла в смятенные нежданным вторжением мысли отрока, узнавая его беды, вытягиваясь, последовала за ним в подвалы, запоминая для хозяина путь — и растаяла, исполнив свое назначение.

Велес удовлетворенно выпрямился, потирая руки. Он узнал почти все, что хотел. Теперь надлежало дать знать о себе и договориться о завтрашних делах. Быстро набросав в голове план на будущее, он дотянулся до сознания ждущих его в засаде людей и нежити, объяснил им в двух словах, что от них требуется, и, убедившись, что его поняли, отправился в дом. Ночь была коротка, а дел предстояло слишком много.

* * *

Марена ждала его у постели. В просторной уютной комнате, что отвели гостю, дурманяще пахло травами. Тонкий манящий аромат плыл от свечей, которые таинственно мерцали, освещая золотистыми огоньками широкую постель, тонкое нежное полотно простыней и густой ворс медвежьих шкур. Бросив на нее один взгляд, Велес сразу почувствовал, что устал.

Но здесь была еще и она, Марена, взволнованная, как девочка, пылкая, ждущая. Она скромно стояла возле постели, опустив руки, и с обожанием смотрела на плечи Велеса — тому даже показалось, что она вожаденно облизывается в предчувствии ласки. Только белая рубашка тонкого полотна с алым узором по низкому вырезу на груди, оставлявшая открытыми ее нежные руки, была на ней. Густые черные волосы она убрала, оставив лишь несколько прядей. Озаренное свечами, ее лицо дышало нежностью и девичьей робостью. Ступая неслышно босыми ступнями, она подошла и, привстав на носки, коснулась его груди, и Велес почувствовал, как напряжены ее соски. От нее исходили запахи южных цветов.

Велес проследовал за ней к ложу, сел, и женщина плавным гибким движением стала на колени, снимая его сапоги. Увидев ее покорно склоненную голову, он внезапно понял, почему Кощей оказался здесь и почему Даждь все время возвращался к ней — он сам, стоило б ей сказать хоть слово, бросил все к ее ногам.

Наклонившись, он рывком поставил Марену на ноги, придерживая за плечи. Она опустила голову, не думая сопротивляться, но глаза ее остановились на его теле. — Посмотри на меня, — тихо приказал Велес.

Женщина тотчас же вскинула голову. Ее глубокие черные глаза обожгли его, их тяжелый взгляд, казалось, проник в самое сердце, и Велес рванул с нее рубашку.

Разорвавшись с жалобным треском, половинки упали к ее ногам, и Марена осталась совершенно нагой под откровенным взглядом гостя. С некоторым удивлением Велес

отметил, что это заставило ее покраснеть.

Но в следующий миг, отбросив скованность, Марена сама придвинулась к нему, садясь на колени. С гибкостью и стремительностью змеи она обвилась вокруг тела Велеса, и тот откинулся на ложе, увлекая за собой прильнувшую к нему женщину.

Больше не было сказано ни слова — только горячо и тяжело дышал Велес, с яростью дикого зверя снова и снова овладевая женщиной, да стонала и кричала Марена. В какой-то миг наслаждение отступило, сменившись болью и страхом. Она забилась в его руках, закричала и заплакала, стараясь вырваться, но Велес уже не желал любви этой женщины, он хотел причинять ей страдания, и в его душе волной поднималась мстительная радость, когда его любовница кричала от боли.

Велес отлично знал, что далеко не всякая женщина выдержит его силу. Когда был с Живой и Дивой-Додолой, он сдерживался, но сейчас отбросил осторожность. Потеряв над собой контроль, он вошел в нее в последний раз с такой силой, что женщина вдруг дико закричала и обмякла.

Приподнявшись на локте, Велес с затаенной тревогой прислушался к ее дыханию. Все в порядке — просто Марена от сильной боли потеряла сознание. Встав с ложа, Велес торопливо оделся и простер над ее головой руку.

Марена, разметавшись, лежала на взбитых, мокрых от пота и кое-где порванных простынях. В полумраке золотисто-розовым светом чуть блестело ее ладное красивое тело. Пушистые волосы, словно грива невиданного зверя, разметались по ложу. Нежное лицо исказилось — на слипшихся ресницах дрожали слезы, губа была закушена до белизны. Струйка крови текла по щеке.

Велес пошевелил пальцами, накладывая заклятье, и женщина с коротким стоном повернулась, меняя позу. Лицо ее чуть оттаяло, маска боли исчезла, на губах заиграла безмятежная, довольная улыбка. Она не почувствовала, как Велес стер кровавую дорожку с ее щеки.

Убедившись, что чародейка мирно и глубоко спит. Если сюда не войдут раньше срока, она проспит еще очень долго и наутро не будет помнить, когда и как покинул ее любовник. Изгнанник поспешил заняться делами. Нужно было еще раз попытаться договориться с ждущими его знака пекленцами, предупредить того парнишку, владеющего чарами, и отыскать подходящее оружие для беглецов. Но сначала следовало позаботиться о себе.

У двери на лавке стоял кувшин, подле которого лежал резной ковшик для воды — умыться или напиться знатному гостю. Наполнив его водой, Велес поднес ковшик поближе к свече и не отрываясь смотрел на него до тех пор, пока оттуда на него не глянула худая морда старого седого оборотня. Взглянув в его тусклые раскосые глаза, Велес провел рукой по голове — его отражение повторило жест, костлявой лапой взъерошив редкую шерсть на макушке. Обрадованный результатом, Велес улыбнулся — оборотень тоже оскалил сточенные желтые клыки — и, потушив все свечи, бесшумно выскользнул из комнаты.

Как он и рассчитывал, на него никто не обращал внимания. У оборотней и полукровок было слишком много своих дел, чтобы обращать внимание на дряхлого, немощного и немного сумасшедшего старика, который вперевалячку ковылял по двору, ко всем приставал с одним вопросом — где у хозяев хранится оружие. Сытые молодые оборотни смеялись над ним, полукровки зло огрызались, но старик был настойчив, и наконец кто-то, сжавившись, ткнул пальцем в обитую железом дверь.

Подле нее стояла охрана, но она и ухом не повела, пропуская незваного гостя. Велес для них был свой — такой же оборотень, как и все. Они не успели поднять тревогу, даже если б и захотели — Велес проскользнул мимо них так стремительно, что во тьме сторожа разглядели только серую тень. Лишь едкий запах зверя выдал оборотня.

Внутри было так темно, что нельзя было разглядеть и собственной руки. А потому Велес вскинул руку ладонью вверх — на кончике пальцев затеплился огонек, и при его неверном желтоватом свете прищелец огляделся.

В полуподвальной, когда-то просторной комнате было горами свалено столько оружия,

что его хватило бы на тысячу воинов. Мечи и сабли всех размеров и форм, копья, ножи, боевые топоры, дубины и палицы, луки с колчанами, полными стрел, части доспехов, метательные молоты и прочее. Сам Перун потерял бы голову среди этого изобилия. Все оружие блистало чистотой и ухоженностью — кроме некоторых вещей, которые попали сюда слишком давно.

Горбатый морщинистый нос оборотня сморщился еще больше, обнажая бледные десны. Полузверь засопел, ловя запахи. У оборотней на удивление чуткий нюх — они распознают то, чего не заметит никто другой. В спертom воздухе хранилища пахло металлом, ржавчиной, оборотнями, но и в этой жуткой смеси Велес вскоре различил знакомый запах человека. Он недавно встретил его на крыльце.

Запах исходил от двух мечей, завернутых вместе в обрывок полинялой кожи и туго-натуго стянутых ремешком. Обычный меч был привязан к огромному двуручному мечу, рукоять которого, выкованная с мастерством и любовью, даже при беглом взгляде поражала сложностью рисунка и богатством отделки. Она слагалась из переплетенных тел двух змей с прижатыми перепончатыми крыльями. Змеи обнимали друг дружку и ствол дерева с обломанными ветвями, словно старались утишить его боль.

Протянув к мечу лапы, Велес с удивлением заметил, что они дрожат. Бережно подняв оба меча, он осмотрел их. Двуручный, несомненно, принадлежал Даждю — сколько раз Велес видел его у друга. И в этом, последнем, бою, закончившемся победой Велеса, Даждь сражался этим мечом. Теперь было очевидно главное — тот парнишка, которого Велес почуял с крыльца, действительно пришел сюда за Даждем. Надо подготовить парню побег.

* * *

Остаток ночи Велес потратил на то, чтобы договориться со всеми — объяснить нежити, где она и люди должны ждать его завтра (нежить отлично понимает мысли на любом расстоянии, камни ей не помеха, но мало кто из них может внятно передать то, что услышал, остальным), убедить Агрика довериться ему и потихоньку отвести коня в безопасное место.

Когда терем стал просыпаться, Велес скрылся, пережидая время. Если его хватятся, могут заподозрить неладное, и тогда все пропало, но, на его счастье, Марена забыла о нем.

Остальное произошло очень быстро. Не успел Велес отдать последний приказ отряду, как в копиях несколько рабов подняли мятеж.

Торопясь, как бы охранники не перебили восставших, Велес первым ринулся вниз. Он сразу заметил мечущихся беглецов.

Настоящее сражение развернулось позже, когда они были в безопасности — в пещерах Пекла подле своих. Давая возможность мятежникам уйти подальше, Велес обнажил меч. То, что оборотень выходит против своих, так удивило остальных охранников, что они легко позволили беглецам ускользнуть.

Беглецов, правда, оказалось больше, чем рассчитывал Велес — у парнишки, кроме его спутника из Пекла, оказалось человек шесть союзников, просочившихся вслед за ним. Не сумевшие убежать рабы устроили в копиях свалку, и можно было не беспокоиться о том, что все наемники Кощея сразу ринутся за беглецами.

Даждев парнишка и пекленец пожирали старого оборотня удивленными взглядами — они не верили своим глазам. Чтобы подбодрить их, Велес улыбнулся — оборотень ощерился, показывая грозные когда-то клыки.

— Почему вы спасли нас? — выдавил Агрик — вид клыков произвел на него впечатление.

Велес торопился — численностью оборотни и полукровки намного превосходили пекленцев. У пролома уже закипал настоящий бой, появились первые раненые, но более выгодная позиция пекленцев позволяла надеяться, что продержатся они еще долго.

— Твое? — Он швырнул Агрику мечи. — Держи!

Тот с недоумением воззрился на находку, с трудом узнавая знакомые вещи, и решил

было порасспросить Велеса, но тот не дал ему времени на болтовню.

— Мы должны найти Дажда, — оборвал он. — Или я ошибся и освободил не тех?

Очевидно, пребывание в плену оставило у обоих парней неприятные воспоминания, потому что они разом перестали возмущаться и послушно последовали за проводником.

Бег по темным переплетениям подземелий остался в памяти Велеса как одно долгое сражение. То и дело кто-то им преграждал путь. Будь парни одни, их давно бы уже прикончили, но всякий раз старый оборотень успевал вырваться вперед. Никто не подозревал, что за невзрачной внешностью оборотня скрывается опытный боец и чародей. Те, кто выходил против него, понимали свою оплошность уже поздно — за миг до того, как расставались с головами.

На своем веку Велесу пришлось повидать многое. Излазил он и Пекло, особенно в дни мятежа, когда помогал подавлять сопротивление людей. То, с чем ему приходилось сталкиваться, видел из ныне живущих только он — погибшие города, развалины древних стран, следы жизни и смерти неизвестных народов — но, оказавшись в Столбовом Зале среди загадочно и зловеще поблескивающих и переливающихся золотым, голубым и розовым сталактитов в обрамлении кристаллов кварца и берилла, он впервые за долгое время затаил дыхание. Велесу показалось, что он забрел в сокровищницу, где собраны все богатства исчезнувших миров.

Не сразу холодный рассудок чародея взял верх над удивлением и страхом незваного гостя. Агрик с воплем бросился к одному из сталактитов, внутри которого можно было разглядеть темное пятно.

Меч привычно выскользнул из ножен. Велес размахнулся, вложив в удар всю свою силу и чары мага. Лезвие вспыхнуло, содрогнулось от влившихся в него сил и со звоном вошло в камень.

Он понял, что ошибся, много позже, когда стало ясно, что в камне гнили останки какого-то незнакомца. Агрик чуть не плакал от досады, а пекленец клялся всеми богами, что он не виноват.

Пригнувшись, старый оборотень опять втянул носом воздух. В Столбовой Зал не заходили годами, каждый след здесь отпечатывался надолго. Нужно просто отыскать свежий след.

Запах пекленца, побывавшего тут однажды, тянулся от входа в светлую чащу сталактитов. Еле заметно шевеля ноздрями, Велес двинулся по следу, дыша осторожно, чтобы не поднять пыли, лежавшей всюду толстым слоем. Каменные столбы вставляли вокруг плотной стеной — из каждого на гостей словно смотрели пристальные мертвые взгляды — камни как бы вопрошали людей, зачем они нарушили их покой, зачем потревожили напрасными думами об утерянной жизни.

— Где-то здесь, — послышался за спиной неуверенный голос пекленца. — Я помню — второй вход был рядом...

Но Велес и сам уже почуял близость цели — под слоем пыли оставались следы высохшей крови.

— Вот тут, — показал он лапой.

Агрик рванулся к бесформенной глыбе с радостным криком, но остановился, решив, что ошибся и на этот раз.

Велес подошел вплотную, потер камень, счищая следы извести и открывая истинный цвет глыбы. Да, несомненно, ее принесли сюда издалека. Примерившись, он заглянул внутрь камня — там под твердой оболочкой еще билась жизнь. Она боролась, сопротивлялась, не желала мириться, но силы ее убывали с каждым часом.

— Потерпи немного, — прошептал Велес камню. — Я сейчас...

Сзади перешептывались парни. Не обращая на них внимания, Велес сосредоточился, собирая силы. Он должен был не просто разбить камень, но и разрушить чары Марены, что было во много раз труднее.

Понуднее обхватив камень, он рванул его из земли, одновременно чувствуя, как

трещат и рвутся невидимые нити колдовства, опутавшие человека. Тот чуть шевельнулся в своей каменной темнице, вздохнул и отчаянно забился, задыхаясь. Жизнь стремительно покидала его, и Велес понял, что надо действовать очень быстро.

* * *

А потом Дажь открыл глаза, и старый оборотень поспешил удалиться в тень за сталактиты. Парнишки вдвоем хлопотали над господином и другом, оставив Велеса вслушиваться в звуки подземелий — за ними могли снарядить погоню.

Велес даже вздрогнул, услышав о себе:

— Его позвал Гамаюн!

Он обернулся — Дажь легко вскочил, стряхнув с рубахи белую известковую пыль, и шагнул к оборотню. На губах его снова играла улыбка победителя, и Велес, не выдержав его открытого взгляда, попятился и врезался спиной в сталактит. Отступить дальше было некуда — только бежать во тьму.

Сварожич пристально разглядывал его.

— Кто ты? — позвал он, протягивая руку. — Выйди на свет! Мне кажется, что ты не тот, за кого себя выдаешь, и я хочу поприветствовать того, кому обязан своим спасением!

— Вряд ли тебе захочется говорить со мной, — пробормотал Велес.

— Но почему? Неужели ты думаешь, что я не хочу отблагодарить тебя? Не бойся, назовись!

Дажь прекрасно читал чужие мысли, а в душе у Велеса сейчас творилось такое, что не понять истинных его чувств мог только непроходимый глупец. Узнай Дажь истину о своем спасителе, он наверняка отвернулся бы от него, но дальше изводить себя Велес не мог.

— Ладно, — пробормотал он, — ты сам этого хотел... Решившись, он шагнул в круг света от факела. Здесь не было зеркала или пятна воды, чтобы следить за превращением, и Велес взглянул Дажю в глаза. Там, в больших стального цвета зрачках, отражался старый оборотень. Велес не отводил тяжелого взгляда до тех пор, пока не увидел в отражении свои рога.

Проще было посмотреть на лицо Дажя — узнав изгнанника, тот остолбенел. Без слов угадав его чувства, Велес отвернулся, сжимая кулаки. Всем телом он чувствовал границу, лежащую меж ними — Дажь служит свету и добру, а он — изгнанник и преступник, проклятый всеми. Дажь может его убить и будет прав — он не успел забыть предательства.

А потом Велес слышал шаги Дажя.

Сварожич подошел вплотную и отбросил меч. При звоне металла о камни Велес поднял глаза — лучистый взор давнего друга заглядывал ему в самую душу. Велес тоже отвел меч в сторону.

— Я все помню, — заговорил Дажь. — Мы были друзьями, но ты сам разрушил нашу дружбу...

— Не надо! — остановил его Велес. — Я не должен был сюда приходить...

— Но пришел. Почему?

Дажь требовал ответа. Его взгляд потяжелел. Он словно молот стучался в сознание Велеса, приказывая открыться. Тот хотел отвернуться — и не смог, скованный по рукам и ногам взглядом Дажя.

— Я... не мог иначе, — с трудом выдавил он. — Я знаю, что не имел на это права, но тебе требовалась помощь и...

— Молчи. Не надо ничего говорить!

Взгляды их встретились, и на дне темных глаз Велеса Дажь прочел всю правду.

— Спасибо, — прошептал он и вдруг горячо обнял Велеса. — Спасибо тебе, брат...

Велес неловко коснулся плеча Сварожича.

— Я так рад, что ты жив, — смущенно прошептал он.

Дажь только улыбнулся своим мыслям, не разжимая рук. Они замерли, отдавшись

воспоминаниям. Сколько миновало, сколько было хорошего и дурного в жизни каждого за эти годы, но вот они встретились, взглянули, как бывало, друг на друга — и все ушло, растаяло, как сон. Они встретились — и оказалось, что их по-прежнему связывает настоящая дружба, которая длится всю жизнь.

Велес первым попытался отстраниться.

— Ты не должен был прикасаться ко мне, — сказал он. — Я проклят. Я изгой!

Даждь победно улыбался. От него, как от огня в ночи, исходило тепло, которым он щедро делился с другом, изгоняя из его души тяжесть, горечь и боль прошлого. Велес невольно расслабился, доверившись целительной силе друга.

— Оставь это, — услышал он голос Даждя. — Все прошло. Я всегда верил в тебя и рад, что ты такой, каков есть. Раньше мы были братьями, и я счастлив, что снова могу назвать тебя братом.

— Я тоже рад, — вздохнул Велес. — Если бы ты знал...

Это позже был отчаянный бег к берегу Огненной Реки и тяжелое дыхание погони за плечами. Вспомнив о своем долге, Даждь ненадолго забыл о Велесе, и тот старался держаться позади — он тоже сделал не все, что обещал.

Погоня спешила по их следам, ведомая оборотнями-следопытами. Они наверняка прорвали заслон пекленцев, а значит, рассчитывать на обратном пути придется только на себя.

Несколько раз Велес останавливался, задерживая погоню. Меч его вдоволь напился крови оборотней, но их будет еще больше потом, когда беглецы повернут вспять.

Прощание на берегу Огненной Реки получилось коротким. Стены, окрашенные в зловещие кровавые цвета от алых вод реки, стонали и бормотали на разные голоса, напоминая о том, что надо спешить. Клубы пара поднимались плотными завесами. Протянувшееся сквозь них полотно казалось слишком тонким и хрупким, как паутинка. Взлетающие время от времени снопы искр грозили поджечь его, но Велес только ободряюще похлопал Даждя по плечу — он уже испытал в подземельях Бури чудесную силу полотна.

— Иди и ни о чем не думай, — сказал он. — А мы подождем тебя здесь!

— У меня никогда не было друга вернее, чем ты, — Даждь стиснул его плечи. — Если тебе что-нибудь понадобится, знай — я на твоей стороне!

— Сбереги мне Живу, — буркнул Велес.

Не отрываясь, он смотрел в синюю спину Даждю, пока тот не сделал первые десять шагов над пропастью. Тонкая ткань только прогибалась, принимая тяжесть человека, но честно выполняла свой долг.

Отвернувшись наконец, Велес смерил пристальным взглядом Агрика и пекленца, чьего имени он так и не запомнил. Парни утратили недоверие и держались теперь поближе к нему. Велес поудобнее перехватил меч и указал на ход, по которому они только что прошли. Его своды грохотали и гремели от топота ног, а по камням метались блики света:

— Мы должны их остановить!

* * *

Они налетели как ураган. Издалека заведев трех воинов на обрыве, оборотни радостно завывали и ринулись в бой. Попадавшие разрубленные тела товарищей не остановили их — они видели обрыв и знали, что числом способны задавить любого бойца.

Трое первых так и не поняли, как к ним пришла смерть. Двуручный меч описал сверкающую дугу и рассек нападавших поперек. Они упали под ноги остальным оборотням, и те с криками бросились вперед.

Расставив ноги пошире, Велес как скала замер над обрывом. Меч в его руках превратился в сплошную сверкающую полосу, несущую смерть. Агрик и пекленец закрывали его с боков — на их долю выпадали в основном раненные или оглушенные боковыми ударами оборотни. Несколько окровавленных тел уже полетело в пропасть и

сгорело в водах Огненной Реки, росла и груда трупов, но число врагов все прибывало. Казалось, что их рождали сами скалы.

Улучив минуту, когда оборотни приостановились, Велес с глухим ревом прыгнул вперед. Звери не успели увернуться — распоров несколько животов и отрубив две-три лапы, сын Земун расчистил небольшое пространство и сквозь зубы приказал парням:

— Уходите.

— А ты? — немедленно отозвался пекленец.

— Это... мой долг!

Последнее слово Велес выкрикнул во все горло, замахиваясь — и еще один оборотень расстался с жизнью. Но остальные почему-то медлили. Перестроившись полукольцом, они пошли в атаку слаженно и четко.

— Идите! — шепнул Велес. — И прихватите мешок. Конец полотна еще оставался в мешке, лежащем под камнем у ног Велеса. Не споря, парни выдернули его и, поднырнув под меч их защитника, помчались вниз по течению реки.

Несколько оборотней устремились было за Агриком и его другом, но, подставив спину ударам, на них налетел Велес. Отрубленные головы запрыгали по камням, а тела рухнули на витязя, обдав его потоками крови. Велес растер кровь по морде, облизываясь.

— Вкусная, — хищно сверкнул он глазами. — Ну, кто следующий?

Следующих оказалось так много, что Велес чуть было не пожалел о своих словах. Его безжалостно теснили назад. Отступая шаг за шагом, он с растущей тревогой думал, что сила и ловкость небеспретельны — врагов слишком много. Кроме того, раненые тоже лезли в бой — даже с отрубленными лапами они пытались сражаться до тех пор, пока с последней каплей крови не уходила их жизнь. Оставалось только одно — задержать их подольше, чтобы парнишки успели удрасть.

Он не слышал раскатов эха, возвестивших о появлении еще одного отряда. Но внезапно атакующие его оборотни приостановились, а в следующий миг сразу несколько стрел нашли своих жертв.

Когда мимо него просвистело десятка полтора коротких пекленских метательных копий, Велес уже понял, в чем дело, и опустил меч, чувствуя, что тот необычно тяжел — наверное, от крови.

С ним поравнялись пекленцы. Большая их часть кинулась преследовать оборотней, а несколько остановились рядом с Велесом. В неверном свете факелов весело блестели их зубы.

— Победа, мастер! — воскликнул один из них.

Проводив взглядом удалявшихся оборотней, отступавших перед неожиданной подмогой, пекленцы окружили Велеса.

— Вы-то откуда взялись? — спросил он — парни были не из его отряда.

— Мы по приказу самого князя Волхова из Пекла, — с явной гордостью ответил один из них. — Он как узнал, что вы ушли за границу, так велел тревогу поднимать. Так что не волнуйтесь — мы их остановим!

Еще человек пять людей и несколько нежитей присоединились к ним, приведя коней.

— Мы должны подождать Дажда, — объяснил Велес. Все вместе они последовали вдоль берега за убежавшим Агриком и пекленцем. Парни ушли недалеко — отбежав всего саженой на сто, они остановились у входа в небольшую пещеру и стояли у обрыва плечо к плечу, готовые принять бой. Мешок валялся у них под ногами. Когда Велес сообщил им о начале новой войны с Кощеем, Агрик просиял, а пекленец с чувством поцеловал основание своего меча:

— Да будет благословенно имя князя нашего!

Только теперь можно было немного передохнуть, пользуясь затишьем. Несколько разведчиков отправились на посты следить за подходами к пещерке, а остальные расположились прямо на земле и камнях. Кто очищал оружие, испачканное кровью, кто уже ломал хлеб, делясь припасами с соседом, кто просто зачарованно смотрел на Огненную Реку

— при свете ее алых вод не нужно было факелов.

Велес осторожно поглядывал на людей и нежить, сидящих вместе и беседующих о чем-то своем. В дни мятежа все было по-другому. Решившись, он наклонился к одному из пекленцев:

— Я когда-то бывал в ваших землях, — начал он, — но, насколько я помню, с нежитью люди всегда враждовали...

— Да, бывало, — воин спокойно оглянулся на собеседника, — но это было давно в прошлом, хотя когда я был мальчишкой...

— Во время Пекленского мятежа, я слышал, — перебил его Велес, — нежить сражалась с людьми!

— Не вся!.. А что тебе в мятеже? — Воин вдруг прищурился и пристальнее взгляделся в Велеса. — Ты о нем что-то знаешь?

— Близко знал одного из зачинщиков, — уклончиво отмолвил Велес. — А что?

— Да ничего. — Воин как-то странно усмехнулся, но не отодвинулся, — Просто те, кто пережил битву, вспоминали о некоем всаднике из северных земель... И вроде тоже с рогами, как у тебя...

— И ты хочешь узнать, не я ли это? — Велес вдруг почувствовал сильную усталость и оперся на меч. — Бывал в Пекле, с рогами, второго такого в мире нет... Что еще?

— Сказано же было — ничего. — Воин не отводил глаз. — Хотя у нас многие те бои помнят, да только среди наших слушок идет, — он поманил Велеса к себе и жарко прошептал прямо в ухо, как величайшую тайну в мире, — что не стал бы Волхов Змеевич бывшим врагам помогать!

— А он помог?

— А мы тогда здесь откуда? — Воин победно улыбнулся и подмигнул ошарашенному таким откровением Велесу.

От продолжения неприятного разговора его спасло только появление Даждя. Все сразу повскакали, засуетились, готовясь к дальней дороге — путь предстоял нелегкий и опасный своей близостью к границе Кошечьих земель.

По счастью, известия о дружинах, идущих по приказу Волхова к границе, оказались верными. Севшая им на хвост погоня была вынуждена отстать, столкнувшись с засадой, и дальше путь пролегал без помех.

Беглецы мчались домой, а навстречу им то и дело попадались отряды — битва разворачивалась нешуточная. Занявшись ею, Кощей мог надолго забыть о недругах. Провожая взглядом воинов, Велес с облегчением чувствовал, что самое страшное позади. Он уже начинал строить планы на будущее, но внезапно выяснилось, что кое-кто еще имеет на него виды.

Пока они мчались по дорогам Пекла, впереди неслась весть об отряде, и на каждой заставе им уже были готовы сменные лошади и угощение в дорогу. На последней заставе они должны были расстаться с охранниками и отправиться на поверхность.

Здесь их встречал сам Крик. Выскочивший на перестук копыт, он по лицам приезжих догадался, что поход закончился удачей, и, не успев обменяться с гостями несколькими словами, вдруг повернулся к Велесу:

— Ты честно выполнил свой долг, чужеземец, — он с достоинством наклонил голову, — а потому вместе с благодарностью выслушай весть. Пока вы были там, к князю приехал с севера один человек на Ящере. Этот человек искал тебя...

Велес откинулся в седле, прикрыв глаза. Все звуки ушли, растаяли за нарастающим нудным звоном в ушах. По первым же словам Крика он узнал Перуна, и теперь им понемногу начала овладевать какая-то слабость и полное равнодушие к своей судьбе. Все чувства умерли, растворились, и только одна шальная мысль еще билась в отчаянии под гулкими сводами черепа: «Конец... конец...» Будущее, недавно еще столь реальное и радужное, стремительно таяло, хотя еще оставалось последнее средство — снова пуститься в бег.

Даждь дотянулся до его руки.

— Не бойся, — примиряюще заговорил он, — я переговорю с Перуном. Он не тронет тебя!

— Он здесь уже третий день, — снова подал голос Крик. — Князь Волхов не стал ему мешать, но в помощи отказал. А потому, я думаю, князь не будет в обиде, что я предупредил тебя об опасности... Но и от Пекла не жди помощи — свои дела разбирайте сами!

Даждь ободряюще потрепал Велеса по руке, и тот словно проснулся и резко развернул коня.

— Прощай, Даждь, — коротко молвил он. — Расходятся наши пути. Спешу к себе!

— Но, Велес!.. — воскликнул было Сварожич, однако тот его уже не слушал. Пришпорив коня, Велес поскакал навстречу своему врагу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Словно вода, прорвавшая ненавистную плотину, Велес шел по Пеклу, считая все на своем пути. Как и Перун, он отлично знал, где находятся покои Волхова, но, лучше Сварожича разбираясь в путанице ходов и пещер, выбрал кратчайший путь. Его тяжелые сапоги грохотали по камням, блики света от потревоженных факелов отражались в глазах, плащ уродливой тенью метался за спиной. Загнанный жеребец в поводу шел за хозяином, из всех сил стараясь не отстать.

Память услужливо подсказывала дорогу — расположения пещер не меняются веками — и Велес в два счета отыскал сердце Пекленской цитадели. Покои князя Волхова могли находиться только тут. Велес решительным быстрым шагом шел на встречу с князем, и встречные пекленцы, люди и нежить равно, спешили убраться с его дороги. Если на Перуна, проникшего к ним верхом на Ящере, не обращали внимания по иной причине — Ящер — подземный житель и имел полное право здесь находиться, и не важно, кто у него в попутчиках — то в сторону Велеса опасались смотреть по другому поводу. Хоть любой и мог за версту признать в нем гостя сверху, но от его фигуры, искаженной в напряжении морды и, главное, от рогов исходила такая сила и уверенность, что все сразу понимали: он имеет право быть там, где захочет.

Охранники у входа в покои князя вскинули было копья при его приближении, но Велес даже не посмотрел на них. Оставив коня на пороге, он с двуручным мечом за плечами и каким-то загадочным мешком в руках прошел внутрь.

Огромный мрачный зал был пуст и холоден. Несколько факелов с трудом разгоняли мрак по углам, сбивая его в причудливые тени. Ни единая живая душа — если души могут быть у нежити — не тревожила его, и Велес невольно почувствовал благодарность к обстоятельствам, что позволили ему побыть наедине с воспоминаниями.

Когда-то здесь находились покои самого Скипера — в глубине зала еще оставался помост от Установки — величайшего изобретения в мире, связывающего воедино разум и все процессы, происходящие на планете. Рядом с помостом на стене висели останки Скипера — череп и клешни. Подойдя вплотную, Велес, запрокинув голову, взгляделся в пустые глазницы того, кто хотел отсюда править миром, диктовать рекам, куда им течь, дождям — когда и где выпадать, а людям — что и как делать. Скипера останавливали дважды, но будь у него еще один шанс, он мог бы начать все сначала.

От размышлений Велеса отвлек стук быстрых шагов по камням — в зале каждый, даже самый тихий звук рождал эхо. Гость стремительно обернулся, вскидывая руку к мечу, но не донес ее, узнав Волхова.

Пекленский князь приостановился, тоже узнав чуть не погубившего его много лет назад Велеса. Сын Скипера ничуть не переменялся — только стал стройнее и суше, да с лица сошел загар, и оно по бледности ничем не отличалось отлип природных уроженцев подземелий. Черные пронзительные глаза его сверкнули тревогой и гневом. — погоди, — остановил его Велес прежде, чем тот сделал хоть движение, — я пришел не как враг, хотя и

не был никогда твоим другом... Но ты сам отлично знаешь, почему я здесь!

Узкое лицо Волхова смягчилось.

— Ты о походе на Кощея? — уточнил он и коротко кивнул: — Да, мне доложили о каком-то всаднике с севера и упомянули, что он здорово похож на того, кто когда-то начал мятеж... Думал, за двадцать лет тебя тут успели забыть?

— Меня тут помнят, и даже слишком хорошо, — согласился Велес, — и я бы никогда не явился сюда сам — разве я похож на выжившего из ума?

— Этого у тебя, насколько я помню, всегда было вдосталь, — сдержанно вставил Волхов.

Велес только дернул щекой.

— Со стороны виднее... Я бы по своей воле не явился в Пекло, но моему другу, который, несмотря ни на что, считает меня таковым — понадобилась помощь. Он звал меня, и я пришел, чтобы выполнить свой долг. Мой друг спасен, и я покидаю Пекло. Больше я сюда не вернусь — если не позовут снова. Но прежде чем уйти, я хотел бы поблагодарить тебя, князь...

— За что? — искренне удивился Волхов.

— Прости того, кто это сделал, но мне передали, что Перун искал меня и просил у тебя моей головы. Ты не оказал ему помощи...

Волхов сжал кулаки, и от него невидимыми упругими волнами стала исходить колдовская сила — он был готов сразиться с Велесом силой магии. Ставшие еще глубже глаза полыхнули пламенем.

— Но я также не окажу помощи тебе! — звенящим голосом воскликнул он, — И ты напрасно надеешься, что я...

— Я знаю. — Велес склонил рога. — И я не прошу у тебя подмоги — я рассчитываю сам справиться с Перуном, это наше с ним дело. Но если бы ты помог ему...

Волхов честно старался успокоиться и взять себя в руки.

— Я не помог ему потому, что был занят другим, — гордо сказал он. — Для меня важнее война, и если кто-то может мне помочь, то будет пользоваться моей благосклонностью, но только до тех пор, пока мне нужен. Это единственное, что я могу и хочу сказать тебе, пытавшемуся убить меня!

— Я не ждал иного, — спокойно отозвался Велес, — но я не верю, что сейчас, когда я стал тебе не нужен, ты велишь кликнуть охрану или предупредить Перуна, что я здесь. Ты не можешь этого сделать!

Волхов пристально, оценивающе окинул долгим взглядом массивную фигуру Велеса, ставшую только тяжелее с годами, и вдруг по-мальчишески фыркнул, восхищенно крутнув головой.

— Ты знал это! — воскликнул он. — Чувствовал или... Впрочем, ты же чародей, тебе это ведомо!..

— Я знал только одно — с годами у большинства людей притупляется чувство ненависти к врагу, особенно если он оставил мысли о мести. Мечь и ненависть без подпитки быстро сгорают, как и любая страсть. Мы не были личными врагами, я действовал по приказу, а потому и наша вражда не должна была длиться вечно. И сегодня я пришел поблагодарить тебя за то, что не помешал исполнить мой долг.

— Поэтому я и не стал помогать Перуну, — согласился Волхов, — но он еще здесь. И если он обнаружит тебя...

— Понял! Я постою за себя... А теперь прими от меня кое-что в дар!

Волхов подался вперед. От него опять волнами стала исходить враждебность, но Велес чувствовал, что князь заинтересован. Велес скинул с плеча мешок и швырнул его к ногам Волхова.

— Что это? — спросил тот.

— Полотно, — коротко отмолвил Велес и в двух словах поведал его историю. — Возможно, оно пригодится тебе или твоим детям — мало ли что случится!

— А ты? — Князь осторожно потрогал мешок ногой.

— Я теперь не боюсь никого и ничего. — Велес презрительно вскинул рога. — У меня есть причина быть уверенным в себе... Спасибо тебе еще раз, князь Пекла! Не знаю, захочешь ли ты считать себя моим другом, но уж врагом-то тебе точно не стать. Поступай с Перуном как знаешь, а я уйду!

Он неожиданно почтительно поклонился Волхову и, развернувшись на пятках, широким тяжелым шагом направился вон.

Волхов, мимо которого он прошел к выходу, едва не задев, хотел было что-то сказать, но только пожал плечами и еще раз посмотрел на мешок у своих ног.

* * *

Велес не верил пекленскому князю и поэтому спешил покинуть Пекло, пока его не выдали. Далеко не все забыли мятеж — по дороге к князю изгнанник несколько раз ловил на себе подозрительно внимательные и недоверчивые взгляды. Стоит кому-нибудь напрямь память, и всем станет ясно — Велес, утопивший в крови сопротивление пекленцев и лично погубивший много народа, жив и здоров. На мстительный удар исподтишка решиться мог каждый, и Велес, вскочив на коня, кратчайшей дорогой поспешил убраться подобру-поздорову. Волхов сказал, что не станет помогать, но и мешать не будет. Все произойдет как бы без его ведома, он ни при чем, он чист.

На поверхности в долине Даждя и его спутников уже не было. Они наверняка уехали раньше, но Велес не стал тратить время и искать следы. Его путь лежал прямехонько на север — к заждавшейся вестей Живе. Возможно, он даже явится туда раньше Даждя и предупредит женщину о его возвращении. А там — Дива, дети... Даждь, если сдержит обещание, сможет растолковать Перуну, кто прав, кто виноват. Если Жива поедет с Велесом, он согласится на изгнание, но может уехать и один — при условии, что ему будет позволено иногда видеть сыновей...

Легкое ядовитое шипение разогретого воздуха заставило сначала коня шарахнуться на всем скаку в сторону, вскидывая задом. Слегка пахло паленым — что-то обожгло жеребцу шерсть. Еще не обернувшись, Велес содрогнулся: неужели сыскал?

Нахлестнув плохо слушающего коня, он оглянулся на скаку и почувствовал бессильную ярость и разочарование. Позади него темно-синими с черными гранями силуэтами, ярко выделяющимися на фоне высокого весеннего неба, возвышались кряжи Пекленских гор. В невесомом чистом воздухе все было видно далеко и четко, и в седловине точно позади себя Велес разглядел крошечный силуэт всадника. В поднятой кверху руке его что-то ярко блеснуло, как маленькое солнышко. Всадник тронул коня, и тот начал меняться, увеличиваясь и распахивая перепончатые крылья. Искра блеснула ярче, и издалека донесся глухой, рокошущий удар грома.

* * *

Жеребец Велеса из гнедого успел превратиться в рыже-чалого от потеков пота и ключев пены, висевших на его боках. Вытянув шею так, что голова чуть не касалась земли, он нес хозяина тяжелым скоком. В синих глазах его застыла почти человеческая обреченность, но и такое же упорство — не дать врагу живым.

Враг мчался по пятам, и его конь был так же свеж, как и в начале погони. Там, где жеребец Велеса тратил время и силы, преодолевая очередную, неведомую откуда взявшуюся преграду, он летел вперед, будто не замечая их. Его неистовый всадник то и дело подгонял своего скакуна.

Повинуясь приказу Перуна и своему собственному азарту, Ящер прибавил было еще ходу, расправляя крылья. Чтобы принять свой настоящий облик крылатого зверя, ему нужно было остановиться ненадолго или перейти на более быстрый галоп. Но едва он прибавил

ходу, как заволновалась сама земля. Судорога прошла по ней, заставила изогнуться дугой равнины, подпрыгнуть холмы и поколебаться незыблемые твердыни Пекла. Плеснула на берег вода из речки, с хрустом сломался холм и рассыпался, как свежее испеченный хлеб, выворотив дерево с корнями. Примерившийся перескочить через этот холм, крылатый жеребец пошатнулся на бегу и приостановился, выравнивая ход.

Перун яростно полоснул плетью по боку коня.

— Урод проклятый! — выругался он. — Ну, попадись мне только! Что ты встал, Ящер? Вперед!

Перепрыгнув через искореженный холм, жеребец, все увеличивая скорость, поскакал вниз. Там, куда он стремился, на дне долины в вечернем тумане маячил силуэт всадника. Осадив загнанного коня, он вскинул руку, махнул ею, словно перечеркивая воздух — и новая судорога сотрясла горы. Мчавшийся во весь опор Ящер был вынужден опять сбавить ход, пропуская камень, который вырвался из своего гнезда в земле и стремительно догонял их. Еще чуть-чуть — и он зацепил бы задние ноги бурого коня.

Выругавшись, Перун встал в стременах, поднимая меч. На скаку в тумане прицелиться в двигающуюся цель трудно, но шаровая молния, вырвавшись из меча, взвилась в воздух. Она опоздала всего на несколько секунд и взорвалась снопом искр у хвоста гнедого коня. Тот завизжал.

— Я достал его! Достал! — победно закричал Перун, толкая Ящера. — Смотри!

— Вижу!

— Скорей за ним, пока он не опомнился...

Всадник в долине так рванул на себя повод коня, что тот от боли забыл об ожогах. Пришпорив его, беглец наугад черкнул ладонью по воздуху. Где-то в недрах земли родился зловещий гул, волной достиг поверхности, и бурый жеребец едва успел сесть на задние ноги — перед его мордой разверзлась пропасть. Она зияла как ужасная гниющая рана, края ее дрожали, словно на живом теле.

Перун вскинул меч — и целое облако искр устремилось вдогонку за беглецом.

— Его надо уничтожить! — вскипел он. — Видишь, что он делает?

— Не слепой! — рявкнул Ящер.

— Так чего ты ждешь, мешок с кишками? — Перун злился все больше и больше. — Неужели мы позволим ему уйти?

— Я не могу набрать скорости, — отрезал Ящер. Окинув взглядом ширину трещины, он примерился и перепрыгнул через нее. — Ты же видишь — стоит мне прибавить ходу, как что-то мешает... Я не могу на такой скорости оторваться от земли! А остановиться и спокойно изменить облик...

— Только не останавливаться! — рявкнул Перун, — Он успеет уйти!

— Ты сам все понял. У нас есть только один выход — взять его измором. Конь его вынослив не в пример прочим, но Велес слабее меня. Если он не применит чары и не наложит на своего коня заклятья, через два-три дня непрерывной погони его жеребец падет, и тогда...

Он нарочно замолчал, давая Перуну понять, что иного выхода у него нет. Зверь очень удивился, когда Сварожич согласился с ним. Но на самом деле у Ящера была своя тайная мысль — за два-три дня не только устанет и падет жеребец Велеса, сам Перун к концу погони станет иным, и тогда посмотрим, кто кого.

Словно связанные одной веревкой, два коня мчались к северо-западу, прочь от Пекленских гор. Расстояние между ними то сокращалось, то увеличивалось. Но погоня ни разу не потеряла следа своей жертвы.

* * *

Весна в тот год наступила необычно рано. Наутро после ночного пожара зарядил проливной дождь, продолжавшийся целых три дня, а едва он закончился, с южных полей и

от низин потек туман. Он съел остатки снега, не уничтоженные дождем, и выглянула бурая, истомленная долгой зимой земля. Вскоре после этого опять зарядили дожди, но уже несколько дней, как прекратились и они. Земля успела подсохнуть под ласковым теплом солнца, и везде, где только можно, сквозь бурые комья прошлогодней травы и перепрелой листвы полезла молодая травка, и вскоре уже весело сверкали глазки первых весенних цветов. На деревьях набухали почки, с треском ломался на реках лед, кое-где начиналось половодье. С каждым днем становилось все теплее и теплее, и солнце все дольше задерживалось на небе, словно радуясь началу нового года. Мир старался поскорее уничтожить любые напоминания о зиме и той трагедии, что случилась в последние ее дни в замке патриарха Сварга.

Но Диву не радовало это великолепие природы. Не находя себе места, металась она по своим покоям. В день родов Диву перенесли в милые ее сердцу комнаты, где она жила до встречи с Перуном — в Девичью башню. Ни у кого не поднялась рука снова запереть женщину с новорожденным ребенком в темнице. Теперь вся башня от чердака до подвала принадлежала ей — как вскоре узнала Дива, Жива уехала отсюда несколько дней назад и не спешила возвращаться. Это огорчило женщину — Жива, пожалуй, сейчас была единственной, кого она хотела видеть.

Жена Перуна не считалась больше узницей — она могла выходить из комнат, и никто при этом не следил, куда и зачем она отправилась. К ней то и дело заходили гости — чем-то помочь, рассказать о последних событиях в замке или просто посмотреть, как она постепенно приходит в себя. Стривер и Мера забегали каждый день и просиживали подолгу. Несколько раз приходили леди Лада и патриарх Сварг. Примчался как-то раз Смаргл — несколько минут молча оглядывал комнату, в которой жила жена его брата и, так и не сказав ничего серьезного, повернулся и ушел.

Диву сейчас все это только раздражало и беспричинно злило. Каждый новый день она встречала чуть ли не со слезами на глазах, а провожала с радостной мыслью, что он ушел и больше никогда не вернется. Ей все меньше хотелось жить, особенно когда она думала о будущем.

Боль от потери сыновей не утихала, а с каждым днем становилась все невыносимее. Ночами она подолгу лежала без сна, пряча лицо в мокрую от слез подушку, и, затаив дыхание, прислушивалась к шорохам ночи. Ей все казалось, что души умерших мальчиков летают над ней и окликают мать. В самый первый день, как только Дива набралась достаточно сил, чтобы выйти, она пришла на пепелище. Там уже убрали остатки кузни и собирались делать пристройку к Девичьей башне. Некоторое время Дива бродила среди куч строительного мусора в тщетной надежде найти что-то, принадлежавшее ее сыновьям, и только соединенные усилия Меры и Стривера заставили ее наконец-то покинуть пепелище.

Единственной ниточкой, удерживающей ее на свете, стал последний ребенок — девочка, родившаяся раньше срока в страшные часы смерти ее старших братьев. Малышка росла на удивление слабой и болезненной. Она даже не плакала, как все нормальные дети, а попискивала тихо и тонко, словно потерявшийся щенок. Глядя на ее сморщенное розовое личико, Дива всякий раз замирала от ужаса, представляя, что будет с ребенком, когда вернется Перун и узнает, кого на сей раз родила жена. У него, несомненно, не дрогнет рука умертвить и дочку, особенно такую, единственного оставшегося в живых ребенка. Малышка, как назло, родилась с черными волосами, и это пугало Диву, поскольку грива Велеса была черной. Перун ни за что не поверит словам жены, уже запятнавшей свою честь. Даже если не захочет, ему придется покарать ее еще раз, а большего, кажется, она не вынесет. Дива знала, что Перуна нет в замке — он уехал давно, в ту страшную ночь, когда еще не до конца догорела кузня, и не собирался говорить, когда вернется. Каждый день Дива с тревогой ждала его возвращения и радовалась, что он до сих пор еще не появляется. Она была готова молиться всем богам. Чтобы с ним случилось несчастье в дальней, земле и он остался бы там навсегда, убитый или сломленный чарами злого колдуна, превращенный в послушного раба, не смеющего даже подумать о севере и ожидающей его там жене. Как бы спокойно она жила

без него одна, предаваясь горю.

Однако жизнь не стояла на месте. Мысли о возвращении мужа и той каре, которая, несомненно, ее ожидает, сводили Диву с ума. Она боялась доверить кому бы то ни было, даже самой себе, все те тайные мысли, что сжирали ее, и лишь одно становилось понятным — она должна что-то делать. И поскорее, пока еще есть время, пока она свободна и Перун, представлявшийся ей теперь чудовищем, не вернулся в замок.

Решение пришло совершенно неожиданно. Отдыхая в лучах весеннего солнца, Дива внезапно заметила в небе над башнями два силуэта. Приглядевшись, она узнала Стривера и Меру, кружащих в вышине. Супруги парили в теплых потоках воздуха, наслаждаясь полетом и обществом друг друга. При виде этой счастливой пары слезы навернулись на глаза Дивы, и она, заломив руки, с завистью и болью смотрела на них. Ей казалось, что она слышит их голоса и веселый смех, и неожиданно Диву, словно молния в ночи, озарила мысль о том, что она должна делать, чтобы навсегда избавиться от ужаса, не оставлявшего ее все эти дни. Женщина бросилась в свои покои.

С тех пор как она вышла замуж за Перуна, белые лебединые крылья, подарок Стривера, так и валялись в одной из ее комнат, забытые всеми, но целые и невредимые. Дива не знала, что произошло с ними за эти годы, и сейчас она с трепетом, осторожно, боясь сделать лишний шаг, открыла дверь в заветную комнату.

Беглого осмотра было достаточно, чтобы понять, что крылья совершенно целы и хоть сейчас готовы выдержать любой перелет. Уверенность в этом придала Диве решительности и сил. Теперь оставалось только одно — чтобы никто не мог ей помешать.

Дива начала собираться. Все, что ей нужно было, это небольшой запас пищи и ее ребенок. Она была готова в считанные минуты, надо только дождаться заката. Но день и так клонился к вечеру, и ожидание, занятое мыслями о том, все ли собрано и куда ей отправиться, оказалось коротким.

В те минуты, когда солнце коснулось краем горизонта и замок понемногу стал отходить ко сну, Дива осторожно выбралась на парапет, покинув башню. Спрятавшись за уступ стены, где ее не могла увидеть стража, она теплым платком привязала к груди корзинку, в которой мирно спала девочка. Потом надела крылья, проверив, крепко ли они держатся на плечах. Она плохо представляла, куда полетит, и знала лишь, что это будет достаточно уединенное место, где ее не смогут обнаружить в течение нескольких лет, чтобы девочка могла подрасти и потом постоять за себя. Может быть, там, куда приведет ее судьба, она сможет найти нового мужа, который с пониманием отнесется к ее прошлому и поможет забыть и Перуна, и Велеса, и погибших детей, позволит начать жить заново. Она знала точно — что бы ни случилось, в замок она больше не вернется. Лучше уж погибнуть, бросившись в море.

Белое оперение лебединых крыльев ярко выделялось в вечернем полумраке и Дива долго не решалась броситься с уступа, опасаясь, как бы стража ее не заметила и не подняла тревоги раньше времени. Кроме того, она так долго не поднималась в воздух, что успела забыть все уроки Стривера.

Набрав полную грудь воздуха и доверившись судьбе, Дива распахнула крылья и бросилась вниз.

Судьба улыбнулась ей — не успела беглянка испугаться стремительно приближающейся земли, как ветер, налетевший сбоку, толкнул ее, принял на себя и поднял высоко, почти до самой крепостной стены, и отнес в сторону от дороги и замка, к морю. Оказавшись над морской гладью, Дива неожиданно успокоилась и отдалась на волю ветра.

В первые минуты полета ее не заметили, а потом, когда она пролетела первую версту и, следуя всем изгибам береговой линии, повернула прочь, в глубь материка, она поняла, что теперь ее никто не достанет. Радостный смех вырвался у нее из груди. Раскинув крылья, подставив разгоряченное лицо бьющему в лицо ветру, Дива впервые за долгое время улыбалась, смеялась, плакала от счастья и что-то кричала, путаясь в словах.

Она не знала, куда летит. Ей было совершенно все равно, что там, впереди, какая земля

лежит перед нею. Она не вглядывалась в быстро темнеющий воздух, она была свободна и могла лететь куда захочет. Пройдет слишком много времени, прежде чем ее хватятся — вся ночь и часть утра. Как надеялась беглянка, она успеет спрятаться так хорошо, чтобы ее не нашли ни друзья, ни враги.

* * *

Преследуемый Перуном, Велес уходил на запад — другого пути у него не было. Его измученный, опавший с тела жеребец устал бороться с необычайно выносливым соперником, который то и дело возникал то справа, то слева, преследуя его с неотвратимостью судьбы.

И теперь впереди мрачной черной стеной вставали Дикие Леса. Веками стояли они, грозные и неприступные, наглухо закрывшись от всего мира. Какая жизнь бродила под их кронами, какие дела вершились там, в чащах, кто населял их — оставалось загадкой. Их обходили стороной, и даже сейчас, когда смерть висела за плечами, Велес чувствовал страх, против воли направляя коня навстречу неизвестности.

Много лет миновало с той поры, когда они с Даждем, еще юные, веселые, по-отрочески наивные, уверенные, что весь мир лежит перед ними и нет на свете преграды, способной их остановить, впервые пускались в далекий путь, и то у них вдвоем не хватило смелости, чтобы нарушить невидимую границу между жизнью внешнего мира и Дикими Лесами. Там бродили твари, давно исчезнувшие в других землях, там таилась жизнь, враждебная всему, даже самой себе. Ступать туда означало смерть еще более верную, чем от копья Перуна. Но Велес хотел жить.

Леса вокруг становились все глуше и глуше. Дубы и буки, сплетаясь ветвями, образовывали сплошную стену. Лучи солнца не пробивались сквозь кроны. Копыта усталого коня глухо и гулко стучали по твердой, как камень, земле. Тишина, словно туман, поднималась навстречу — тишина, не сулившая ничего, кроме опасности.

Неожиданно впереди разверзнулось урочище — черное, как ночь, и глубокое, как пропасть. Корявые ветки полусухих, лишенных листьев кустов, торчащие из него, напоминали костлявые лапы-руки нежити, готовые схватить и уничтожить любого. За урочищем начинались Дикие Леса, мир смерти.

Еще не поздно было повернуть назад и попытаться спастись другим путем, но отступать Велесу было некуда. Стена дубов расступилась перед изгнанником и сомкнулась за его спиной, отделяя его от внешнего мира.

* * *

Не первый день продолжался его путь по Диким Лесам. Конь с расчетливой осторожностью ступал по твердой земле, усеянной толстым ковром слипшихся от времени, опавших листьев и мелких веточек. Толстые стволы деревьев почти не оставляли никакого просвета между собой, образуя такой плотный покров, что сквозь него не просачивалось к земле ни капли солнечного света, ни дождя. Узловатые корни деревьев оплетали камни. Казалось, что это огромные пещеры, низкие своды которых поддерживаются колоннами старых стволов. Это был мир, где дерево превращалось от времени в камень, а камень становился деревом. Неизвестно, какие бури должны прошуметь, какие катаклизмы должны сотрясти землю, чтобы исчез этот первозданный лес. Он появился здесь за века до того, как родился Велес, и должен был исчезнуть через века после его смерти.

Лес на первый взгляд выглядел мертвым, но на самом деле он был жив и полон жизни. И эта жизнь чуяла Велеса и шла по его пятам.

Изгнанник знал это. Тишину леса время от времени нарушали далекие протяжные голоса — какие-то звери двигались позади и по бокам от него, перекликаясь унылыми голосами: плачем и воем, наводящим тоску. Останавливаясь на привал, Велес видел

поблизости силуэты тварей, напоминающих то поджарых крупных волков, то мелких лисиц, то огромных ящеров. Порой прямо перед мордой его коня садилась большая птица, но тут же улетала, хлопая крыльями, прежде чем ее удавалось как следует рассмотреть. Твари боялись всадника, чуя его нечеловеческую природу, и близко не подходили, однако продолжали странное преследование.

В темноте Дикого Леса нельзя было различить смены дня и ночи, а потому Велес не знал, как давно они вышли на его след и по чьему приказу идут за ним. Он не знал, что привлекает их больше всего — то ли его конь и он сам, то ли туша какого-то зверя, которого он ухитрился добыть в самом начале пути. Разделанная, она висела на задней луке седла, будоража нюх обитателей Леса.

* * *

Костер похрустывал ветками. Полупрозрачный дым клубами поднимался к переплетенным веткам и уходил в сторону, растворяясь в темноте. Жеребец жался к одному из толстых стволов, гораздо лучше хозяина чуя бродящих во мраке тварей.

Велес сидел на выступающем корне и не отрываясь смотрел на огонь. Он уже давно понял, что заплутал, но никак не мог решить, в какую сторону отправиться.

Его постоянная «свита» бродила поблизости, и он мог слышать легкий шорох и иногда тяжелое дыхание, когда кто-то из зверей, осмелев, подкрадывался совсем близко. Тихое завывание и визги тварей давно уже стали привычным фоном, далеко и четко слышимым в тишине.

Неожиданно мрак вечной ночи расколол многоголосый шум и рев. Жеребец завизжал, ссаживаясь назад и не зная, куда бежать. Велес вскочил на ноги. Ему показалось, что мир лишился рассудка. Быстрым движением он выхватил меч и крутнулся на пятках, в любую минуту ожидая нападения.

Вой приближался, разрастаясь. Казалось, все волки мира собрались вокруг поляны и теперь шли на приступ, подбадривая себя нескончаемыми воплями.

Вдруг вой стих так же внезапно, как и начался. Ничего не понимавший Велес осторожно оглядывался и не сразу в наступившей, почти мертвой тишине расслышал приближавшиеся новые звуки, напоминавшие нежный перезвон колокольчиков и журчание ручейка. Внезапно до его слуха донесся легкий перецок копыт — какая-то лошадь или олень неся прямо в его сторону.

Завывания продолжались, но где-то вдалеке, и Велес подумал, что волки учуяли и погнали другую жертву, а он здесь ни при чем. Но не успел он обернуться, как перед ним из чащи возникла высокая тонконогая белая лошадь с развевающейся гривой. Она вылетела на свет костра внезапно и замерла как статуя, клоня вниз маленькую головку на красивой шее.

И жеребец, и Велес с одинаковым изумлением уставились на неожиданную гостью. Но еще больше изгнанника поразила не лошадь, а всадница. На спине лошади, боком, опираясь о круп руками и поджав босые ножки, сидела юная девушка, почти ребенок.

Она была в длинной рубахе без рукавов, окрашенной соком травы. Подол был чуть надорван, позволяя видеть исцарапанные ножки. Лохматая светлая коса девушки свешивалась на маленькую грудку. На ее детском личике горели большие светлые глаза. Девочка с недетской твердостью окинула взглядом поляну и остановила взгляд на Велесе. Под ее взглядом он почувствовал слабость. Опустив меч, он сделал попытку шагнуть к девочке, но остановился, удержанный взором ее глаз — настолько чужим и холодным он был. Сквозь эту холодность и отчужденность не сразу пробился слабый огонек любопытства.

Маленькие губки девочки чуть дрогнули — она хотела что-то сказать, но раздумала. Поерзав на спине лошади, она протянула руку, пошевелила пальцами, и кобыла ее легкой тенью растворилась в лесу. Ничто не шевельнулось на поляне — даже костер не дрогнул, когда через него перелетела белая лошадь.

Велес долго еще потом раздумывал и спрашивал себя — не померещилось ли ему это

странное видение.

Густой первозданный лес внезапно расступился, отхлынув в стороны и открывая большую поляну. Окружавшие ее дубы образовали ровный и довольно просторный круг — их протянутые к середине ветки не могли переплестись в потолок, как в других местах, и днем сюда заглядывало солнце.

В самой середине поляны на небольшой насыпи возвышался огромный древний дуб, вольно расправивший сучья. Вершина его, казалось, поднималась выше крон девственного леса — не случайно остальные деревья не осмеливались расти поблизости. Половина сучьев его была сухая. Лишенные коры, они торчали в разные стороны, словно руки слепца.

Под каждым суком был врыт в землю деревянный столб, сверху донизу покрытый стершимися от времени знаками. Вокруг каждого столба земля была покрыта слоем золы и пепла, а снизу они почернели и обуглились. Точно такие же следы кострищ тянулись по краю поляны.

На голых сучьях качалось несколько трупов — людей, волков, медведей, даже какая-то птица. Все тела давным-давно высохли и наполовину истлели. Кости с трудом скреплялись между собой темной подсохшей кожей и остатками плоти.

Мрак, окружавший поляну, стал понемногу рассеиваться — то тут, тот там в чаще леса замелькали огоньки, приближавшиеся к дубу со всех сторон. Но это не были глаза хищников — по мере того как они подходили, становилось ясно, что это факелы, которые несут люди.

Двигаясь совершенно бесшумно, высокие сгорбленные фигуры в плащах, скрывавших головы и руки, перепоясанные полосками шкур, медленно выходили на поляну. Ступая легко, словно тени, они заполняли ее всю. Среди них стали попадаться и другие люди — воины, одетые в шкуры и выделанные кожи, вооруженные дубинами, копьями и грубо сработанными бронзовыми мечами. Некоторые несли живую дичь, вязанки хвороста, другие тащили пленников — те были крепко связаны сыромятными ремнями так, что не могли пошевелить и пальцем. В основном это были мужчины, но мелькнуло и несколько женских лиц.

Все воины были как на подбор — среднего роста, широкоплечие, кряжистые, со взлохмаченными светлыми волосами, заросшие бородами по самые глаза. Повинуясь незаметным взглядам и знакам людей с факелами, они по одному подходили к столбам и складывали свою ношу на землю. Те, кто несли хворост, оставались на месте, прочие отступали к краю поляны, поднимая оружие. Пленников сносили к дубу и вповалку складывали на землю у его корней.

По краю поляны, куда отошли воины, один за другим загорались костры. Поляна оказалась словно в огненно-дымовом кольце, и тогда сгорбленные фигуры с факелами наконец ожили. Не поднимая голов и не глядя по сторонам, они плавно выстроились в цепь и двинулись кольцом в обход дуба, мерно притопывая ногами на каждый третий шаг. Замершие у кольца огня воины во все глаза жадно смотрели на действо. Двигаясь сонно, как зачарованные, они вдруг начали бить концами копий по земле, создавая мерный глухой ритм, сливавшийся с ритмом шагов людей под дубом. Те успели сделать два полных круга, прежде чем откуда-то зазвучала странная песня, исполняемая тихими гнусавыми голосами:

Хаат, гтаат, паннай, паай!

Поп-а-лорри, шэнни, шай!

Эннем, меннем, леннем, ло,

Банне, панне, маннэ, мо!

Ритм песни постепенно ускорялся — все быстрее стучали воины копьями по земле, тоже начиная пританцовывать, все стремительнее кружили фигуры с факелами. Их круг разбился на несколько групп — каждая обособилась и исполняла свой танец. Некоторые воины, подбадривая себя криками, скакали на месте.

Неожиданно бешеный танец прекратился. Люди с факелами разом остановились и

отпрыгнули в стороны, в мгновение ока восстановив идеально ровный круг. Обратившись лицами к дубу, они в едином порыве вскинули факелы вверх. При этом накидки упали с некоторых из них, открыв узкие бледные лица мужчин без возраста и без единого волоска на щеках. Их впалые щеки заливал пот, они тяжело дышали открытыми ртами и не все сразу смогли в наступившей тишине подхватить новый запев — протяжный и тихий, похожий на волчий вой.

От первых же согласных звуков напева на поляне стали происходить странные вещи. Костры, образовавшие кольцо, разом притухли, и сизый дым клубами потек низко над землей. Зато кучи хвороста у столбов, на которых была сложена дичь, сами собой вспыхнули и занялись веселым ярким пламенем. Связанные жертвенные животные забились, завопили, сгорая заживо. На лицах многих пленников, которых пока не тронули, отразился ужас — ветви старого дуба, подчиняясь колдовскому напеву, зашевелились, качаясь и клонясь к земле. Высоко в кроне что-то зарокотало на разные голоса, налетел ветер. Он разметал дым, который заполнил поляну, описал почти полный круг, собирая клубы вместе, и ненадолго закрыл от взоров присутствующих основание дуба. Когда же ветер наконец утих, стали гаснуть один за другим костры около столбов. Замигали и начали гаснуть огни вокруг поляны. Только факелы в руках поющих колдунов продолжали ровно гореть, отгоняя тени в чащу.

Сизый дым постепенно оседал, растворяясь в воздухе. Пленники, сваленные в кучу у корней дуба, задохнулись в нем и потеряли сознание. Высокие фигуры колдунов нарочно скрывали основание дерева от чужих взглядов, и когда они раздались в стороны, весьма немногие воины сдержались, чтобы не разразиться криками почтения и страха.

В стволе дуба открылась узкая длинная щель с обугленными краями. Из нее появился человек.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Велес наблюдал за всем этим с безопасного расстояния. Блуждать в одиночестве ему уже надоело, и, увидев вдалеке свет, он, не раздумывая, отправился в ту сторону. Одного беглого взгляда на фигуры с факелами оказалось достаточно, чтобы он понял, куда попал. Вспомнились сразу все старые легенды о народе, что живет в Диких Лесах, поклоняясь деревьям, ручьям и травам и беседуя с ними на давно исчезнувшем языке. Это были они, сами себя именующие друидами и называвшиеся на всех языках по-разному, но всюду это означало «несущие смерть». Велес, сам того не подозревая, оказался так близко от них, что его жизни стала грозить опасность.

Решив не рисковать, Велес осторожно развернул коня и направил его обратно в чащу.

Тем временем воины на поляне подались вперед, пожирая появившегося из дуба человека жадными взорами. По мере того как они узнавали его, радость загоралась на их лицах.

— Таран!.. Таран! — раздались восклицания. Слившись в единый вопль, они заполнили собой всю поляну и взорвали лесную тишину. Их крики эхом отдались далеко в чаще.

Тот, кого называли Тараном, был на целую голову выше любого воина и друида. Одежда из грубого холста и хорошо выделанные шкуры облегли его мощный торс. Взлохмаченные волосы топорщились. В руке он держал боевое копье, на которое опирался, словно на посох. Глаза его гневно и властно засверкали, когда он окинул взглядом поляну, и воины разразились радостными криками, а жрецы-друиды расступились в стороны.

— Таран! Таран! — послышался голос от края поляны. — Будь вечно с нами!

— Будь нашим вождем, Таран! — подхватил другой голос.

— Веди нас в бой! — закричал третий.

— Даруй нам удачу!

— Боги с тобой!

— Победы! Победы!

— Веди нас!

Голоса становились все громче и громче, сливаясь в единый невнятный шум. Воины словно обезумели, выкрикивая приветствия и мольбы, словно Таран, их боевой вождь, был настоящим богом. Впрочем, так оно и было — от рождения Таран умел то, что не по силам даже некоторым жрецам. Он мог точно указать, где и когда нанести удар соседям, как загнать самого опасного зверя, мог упросить духов о помощи в походе. Он умел незаметно появляться и исчезать — даже жрецы не могли ходить так бесшумно! Таран был живым богом племени и грозой других народов.

От шума, гвалта и, главное, притока свежего воздуха некоторые понемногу стали приходить в себя. Открывая глаза, они осматривались с тревогой, и в глазах их понемногу начинал загораться ужас, когда они узнавали Тарана — вождь стоял в нескольких шагах от них.

Жрецы заметили, что люди приходят в себя. Они медленно расступились, образуя свободный проход к дубу. Воины без слов поняли их движение, и несколько самых нетерпеливых устремились к дереву.

— Таран! Таран! Тебе! — кричали они.

Пленники поняли все, только когда жадные руки вцепились в них. Они забились, безуспешно пытаясь вырваться. Кто-то невнятно забормотал на своем языке, но их, сопротивляющихся, волоком подтащили к вождю и бросили к его ногам.

— Тебе, Таран!

Жрецы и воины разом пришли в движение — одни устремились в чащу за хворостом, другие — к дубу. Не прошло и нескольких мгновений, как был разложен большой костер, а вокруг него — десяток меньших.

На глазах замерших пленников и нетерпеливо переступающих на месте воинов Таран вышел вперед и вскинул руку с посохом-копьем.

— Великий отец, дай мне силы! — громогласно воскликнул он, подняв глаза к веткам дуба, и тут же стремительно ткнул копьем в краду.

Воины разразились удивленными криками — из того места, куда врезалось копье, пошел дымок, а вскоре и язычки пламени. Жрецы расступились, и даже сам Таран, казалось, был поражен своей удачей.

— Духи даровали нам милость! — воскликнул он. Воины снова заголосили и как одержимые ринулись на пленников. Те пытались сопротивляться, но это только раззадорило их убийц. Связанных людей одного за другим подтаскивали к костру и одним движением перерезали горло. Снующие вокруг жрецы всякий раз успевали подбежать и подставить под льющуюся кровь деревянную миску. Собрав дымящуюся, едко пахнущую влагу, они спешили к дубу — омочить кровью корни дерева. Воины тоже не отставали — позволив жрецам собрать кровь, они жадно выпивали остатки, после чего принимались за разделку тел, готовя обычный пир победителей.

Не прошло и нескольких минут, как все пленники были убиты. Только двое избежали ужасной участи стать пищей воинам — одного, самого первого, убил Таран: насадив на копье, он с размаху бросил человека в огонь, а второго жрецы подвесили к веткам дуба.

На траве валялись отрубленные части тел и внутренности, в воздухе плавал запах паленого и жареного мяса, и воины предвкушали трапезу, когда издалека донесся тревожный крик.

Таран первый насторожился, прислушиваясь. Взглянув на своего вождя, воины потянулись к оружию.

На первый взгляд казалось, что в чаще Диких Лесов кричит птица, но Таран, прислушиваясь к ее воплям, вдруг взревел как бык и пристукнул копьем по земле.

— Чужой! — закричал он так, что костры мигнули, — Чужой вторгся в наши земли! Найдите того, кто осмелился приблизиться, и уничтожьте его!

Крики воинов были ему ответом. Похватав оружие, они ринулись в направлении, которое указывало копье Тарана. С ними было несколько жрецов.

* * *

Велес услышал крики, доносящиеся издалека, но не придал им большого значения. В темноте двигаться приходилось очень медленно, и его конь шел шагом. По следам жеребца его обнаружили очень быстро, но Велес почувствовал опасность только тогда, когда над его плечом просвистело, ударившись о дерево, короткое копье. Развернувшись назад, Велес сразу понял, что на сей раз охота ведется за ним.

Десятка три или четыре воинов в звериных шкурах, с копьями и дубинами, окружали его. Позади полукольцом наступали жрецы-друиды. Факелы в их руках освещали место схватки.

Подняв меч, Велес бросился в самую гущу нападающих. Конь его, оскалившись и хрипло визжа, вертелся на месте, в то время как его всадник, подняв меч двумя руками, разил направо и налево. Уже несколько мертвых тел, рассеченных на части, валялись на земле, но воинов с дубинами становилось все больше и больше, и они все лезли вперед с безразличием зачарованных животных. Велес понял, что совершил ошибку, сразу остановившись и приняв бой, но отступать было поздно.

Какая-то тяжесть упала ему на плечи с ветвей. Скинув человека одним движением, изгнанник снова кинулся в бой, но этот краткий миг остановки дал его врагам передышку. Сразу десяток рук вцепились в него, начали вырывать меч, навались своими телами. Стиснув зубы, Велес попытался применить свою силу, но не смог сосредоточиться. Врагов было слишком много. Чьи-то зубы впились ему в запястья, шею. Несколько дубинок без устали колотили по спине и голове. Избиваемый жеребец еле держался на ногах и уже не пытался убежать, а только прилагал невероятные усилия, чтобы не упасть. Пораженный метким ударом в висок, он со стоном упал на землю, а Велес вылетел из седла.

Он тотчас же вскочил. При падении меч выпал из его руки, но он успел завладеть чьей-то дубиной и пошел крушить направо и налево черепа, руки, ноги, груди и спины, отбрасывая в сторону одного врага за другим.

Однако силы были слишком неравны. Все больше и больше воинов, не обращая внимания на раны, повисали на нем, и наконец сила одолела силу. Велес почувствовал, как чужие руки, вырвав у него дубину, поднимают его над землей и несут обратно, к костру на поляне.

* * *

Решив дорого продать жизнь, Велес отбивался и сопротивлялся даже тогда, когда его протащили волоком мимо гаснущих костров к дубу. Жрецы, не принимавшие участия в погоне и охоте, уже завершили обряд и готовились к новому. Велеса, опутанного обрывками ремней и чужих шкур так, что он не мог пошевелить и пальцем, бросили у корней старого дуба на раскисшую от пролитой крови землю. Откуда-то появились новые факелы взамен прогоревших, и жрецы закружили подле дерева с тихой заунывной песней, от которой у Велеса сразу заложило в висках и захотелось спать. Борясь со сном, он отчаянно сопротивлялся чарам, которые опутывали его, мешая даже думать и реально воспринимать происходящее.

Неожиданно земля загудела под чьими-то тяжелыми шагами. Преодолевая боль и тошноту, стараясь отвлечься от сводящего с ума пения, Велес с трудом повернул голову и остолбенел.

С него сразу слетел умиротворяющий сон и покой. Над ним, опираясь на копье, стоял высокий человек, до того похожий на Перуна, что сначала Велес подумал — это он. Лишь приглядевшись, он заметил, что незнакомец повыше ростом, чем его враг, почти на вершок, немного моложе и отличается более резкими и грубыми чертами. Его крючковатый нос нависал над лохматыми усами. Борода и торчащие в разные стороны волосы были ярко-

рыжего, почти желтого цвета, в то время как волосы Перуна были темнее, а в бороде блистала седина. Синие, как весеннее небо, глаза с ненавистью уставились на Велеса.

— Ты злой дух, посланный врагами уничтожить нас! — заявил он. — Ты нарушил наш покой, явившись в наши земли! За это ты умрешь во славу Великого отца!

Копье с наконечником устрашающего вида оказалось перед самым носом Велеса. Тот напрягся, отчаянно пытаясь разорвать невидимые путы заклятий, и с содроганием почувствовал, что не может этого сделать. Человек, склонившийся над ним, тоже обладал колдовскими силами, как и друиды. Каждый по отдельности был гораздо слабее Велеса, но сейчас они объединились и являли силу, с которой не всякий справится.

— Твоя кровь напитает наших духов и устрасит твоих вождей, но сначала...

Замолчав, Таран пристальнее взгляделся в глаза Велесу, словно заметил там нечто важное для себя. Тот почувствовал, как холодные пальцы чужой враждебной магии проникают в его череп, раздирая и перебирая его мысли. Неожиданно хищная улыбка тронула тонкие искривленные губы Тарана.

— Я, кажется, понял! — прошептал он. — Ты с севера!

— Север! Север! — загомонили жрецы, и воины, мало что понявшие, тоже подхватили это слово как боевой клич.

Сразу несколько рук вцепилось в Велеса, но, не слыша больше завораживающей песни, он нашел в себе силы стряхнуть их и выпрямился, пытаясь сесть.

Таран наблюдал за ним без особой вражды, с оттенком любопытства, и Велес решил.

— Ты разве знаешь меня? — спросил он, старательно подбирая слова на чужом языке.

— Тебя? Нет, — презрительно скривился Таран. — Но я встречал людей с твоей земли — ты тоже их видел. Я слышал, что вы, люди севера, обладаете силами, которые делают вас могущественными. Иногда вы делитесь ими с другими...

— Как поделились и с тобой? — В голосе Велеса мелькнула надежда и тревога одновременно — если с этим дикарем кто-то из Сварожичей поделился магией, это меняло дело. Но воин покачал лохматой головой.

— Нет, — отрезал он сурово, — никто из вашего племени не делился со мной своей силой, но это сделаешь ты!

— Я? — не поверил своим ушам Велес. Таран придвинулся ближе.

— Ты, — повторил он, — если хочешь, чтобы твоя смерть была легкой и быстрой!

Велес дернулся, стремясь порвать ремни, но друиды тут же вскинули факелы, готовясь запеть, а копье Тарана уперлось пленнику в грудь.

— Ты это сделаешь, — повторил Таран. И друиды запели.

Словно смертный сон, их чары опутали Велеса, поднимаясь все выше и выше, стараясь проникнуть внутрь и достичь сердца. Сжав зубы и зажмурившись до красных кругов под веками, Велес терпел, понимая, что вождь не знает, как делится силой — для этого нужны годы. А взамен получить в награду смерть, подарив миру жадного до крови завоевателя? Нет, хватит и одного Кощея и тех, что родятся в другие эпохи! А он достаточно запятнал себя убийствами и преступлениями, чтобы совершить еще одно. Собрав все мысли в кулак, он глубоко ушел в себя, терпя неистовые попытки Тарана снова проникнуть в его сознание. Всякий раз мысль вождя наталкивалась на мощную преграду, и только крайнее упрямство мешало Тарану понять, что чужак отвечает решительным отказом.

От завываний друидов череп Велеса был готов взорваться, когда вдруг все стихло. Давление ослабло, но зато чьи-то руки подхватили его и потащили за собой.

Велес все еще пребывал в дурмане. Как перепуганная и укрывшаяся в своей раковине улитка, не сразу решил он открыть глаза и посмотреть, что происходит. То, что он увидел, поразило его еще больше, чем магические способности Тарана.

Пока друиды и сам вождь боролись с упрямством пленного чародея, воины не теряли времени даром. Из толстых сучьев и стволов молодых деревьев была сложена новая крада. Четыре бревна, обложенные хворостом, были вкопаны по сторонам. На глазах Велеса к краде подтащили его истерзанного, с переломанной ногой, но еще живого коня. Кривой бронзовый

нож распорол горло животному. Жеребец задергался, захрипел, а когда перестал биться, его взгромоздили на краду и за ноги привязали к четырем бревнам.

— Я не шучу, — в спину Велесу сказал Таран. — Выбирай, один удар моего копья или огонь во славу наших духов!

Велес почувствовал, как гордая сила боевого вождя пригибает его к земле. Измученный борьбой с друидами, Велес поразился этой силе. Тарана никто не учил магии, но он уже научился употреблять ее во зло. Нет, такого нельзя делать сильнее!

Собрав все силы, Велес послал Тарану такой мощный удар, что тот пошатнулся.

— В огонь! — взревел Таран.

Повинуясь приказу, воины и друиды бросились к пленнику. Повалив Велеса наземь, они подтащили его к краде и взвалили на еще теплый труп лошади.

Только здесь его развязали, но лишь для того, чтобы прикрутить за запястья и щиколотки к столбам. Пока одни трудились над узлами, другие споро и деловито обкладывали ветками краду и два тела на ней. Велес успел заметить, что сухую листву и кору почти не используют — не хотят, чтобы было много дыма, от которого он может задохнуться и не почувствует боли.

Таран издали наблюдал за воинами, а потом подошел, сжав зубы. Друиды и люди шарахнулись в стороны, оставив его одного над крадой. Взглянув в лицо боевому вождю, Велес почувствовал, что тот собирает силы для колдовства. На кончике его копья стала собираться сила — удивительно быстро для самоучки. Стоит ему опустить копье и коснуться дров, как они тут же загорятся...

Велес не верил в судьбу и не знал, где придется умереть, но в этот миг он понял, что ему грозит настоящая опасность, о которой предупреждают пророки. Жажда жизни не угасла в нем, а, наоборот, вспыхнула с новой силой, когда ухо уловило стремительно приближающийся легкий перецок копыт.

Порыв ветра словно растолкал дубы, смел воинов и друидов, и на поляну к дубу выскочила белая кобыла с юной всадницей на спине. Кобыла прыжками подлетела к самой краде и остановилась, храпя и вскидывая голову.

Велес услышал, как громко выругался Таран, и вскинул голову. Девушка-девочка склонила набок головку и внимательно посмотрела на краду, жертву и Тарана.

— Что это? — спросила она неожиданно властно.

На лице Тарана была написана такая досада, что Велес порадовался от души.

— Это злой дух, Эпона, — промолвил он с неохотой. — Я своей силой одолел его. Сейчас он будет умерщвлен... Отойди и посмотри на его смерть!

Конеч копья раскалился от переполнявшей его силы — он горел светом, видимым только чародею.

— За что ты хочешь его убить? — прищурилась Эпона.

— Он из числа наших врагов, — коротко бросил Таран. — Я...

— Я не захотел дать ему то, что он просит, — вдруг вырвалось у Велеса.

Услышав голос пленника, Таран гневно выкатил глаза, а Эпона внимательнее вгляделась в Велеса. Он был уверен, что девочка его не узнает, но в светлых глазах мелькнуло что-то знакомое, и она выпрямилась.

— Ты не умеешь просить, Таран, — фыркнула она. — Он с севера, с людьми оттуда трудно говорить... Отдай его мне — вот увидишь, я заберу у него то, что ты требовал!

— Ты не сделаешь этого — я решил, и он умрет! — оборвал Таран.

— А я требую!

Глаза девочки засияли таким неукротимым огнем упорства и гнева, что Велес ненадолго забыл об опасности. Вытягивая шею, он с любопытством наблюдал за Эпоной.

Девочка и вождь впились друг другу в лица тяжелыми взглядами. Люди вокруг притихли, но только Велес чувствовал, что на самом деле тут происходит, и ужасался тому, куда попал. В девочке тоже жила чародейная сила, тоже природная, как и в Таране. Эпона знала о своем даре и умела им пользоваться.

Таран и Эпона сверлили друг друга глазами, стараясь подчинить противника себе. У девочки было маловато сил, а Велес не мог ей помочь — внутри у него все было сковано, и собственные силы с трудом повиновались ему.

Внезапно Таран отвел взгляд.

— Ради нас с тобой, Эпона, — прохрипел он. — Я отдаю его тебе, чтобы ты взяла у него силу, и в тот день, когда ты станешь моей женой, то принесешь ее мне и моему сыну. Бери его!

Отдавая приказ, он топнул ногой. Ожившие воины бросились к краде и освободили пленника.

Затекшие ноги и руки повиновались плохо. Еле двигаясь, Велес сел, не спеша растирая запястья, и Таран толкнул его копьем:

— Иди! Теперь ты принадлежишь ей!

Конец копья был все еще горячий. Почувствовав боль от ожога, Велес вскочил. Второй толчок швырнул его прямо под копыта белой лошади.

— Помни, кому ты жизнью обязан! — сказал Таран. Белая лошадь испуганно фыркала, но Эпона не выказывала страха или отвращения перед Велесом.

— Иди за мной! — приказала она.

Лошадь тотчас же потрусилась с поляны. Спотыкаясь на плохо слушающихся ногах, Велес пошел за нею, провожаемый враждебными взглядами.

В чаще Эпона впервые обратилась к нему. Прищуриль большие светлые глаза, она негромко приказала:

— Хватайся за гриву!

Велес жадно вцепился в пряди гривы, и лошадь пошла торопливой рысцой. Изгнаннику пришлось прилагать усилия, чтобы не отстать. Кобыла Эпоны оказалась сильной, она не привыкла ходить медленно, и бег подле нее по лесу стал для Велеса серьезным испытанием.

Спеша и думая только о том, как бы не упасть, натываясь на невидимые в полумраке корень или камень, он лихорадочно соображал. По-прежнему оставаясь пленником, он стал игрушкой взбалмошной девчонки. Но зато судьба избавила его от смерти.

— Спасибо, — выдохнул он на бегу, — что спасла меня...

Эпона скосила на него равнодушные глаза.

— Я дочь вождя, — гордо ответила она. — Таран только водит наших воинов в бой и должен меня слушаться... А ты еще должен пройти испытание, и если не выдержишь его, вернешься назад!

Она обернулась, смерив Велеса взглядом. Такой холод отчуждения был в ее глазах, что изгнанник опустил голову, понуро следуя за лошадей. А Эпона вдруг легко встала на спину лошади, раскинув руки в стороны. Повинуясь этому жесту, кобыла, к досаде Велеса, пошла еще быстрее.

* * *

Эпона ехала по ей одной известному пути, ни слова не говоря своему спутнику. Велес почти бежал, спотыкаясь на каждом шагу. Сегодня произошло слишком много событий, и он чувствовал усталость. Проще всего было внезапно отпустить гриву белой лошади и удрать куда глаза глядят, но он находился в самом центре враждебного мира. Рога делали его слишком заметным. Взбешенный его отказом, Таран не преминет начать на него охоту, да и для друидов он стал врагом. Оружие его осталось на поляне у дуба, а сразиться с боевым вождем племени силой магии он боялся — неизвестно, какие силы таятся в Таране. Выходило, что рядом с юной всадницей он в безопасности. Но что она имела в виду, говоря об испытании?

Велес было подумал, что их путь никогда не кончится, но в тот же миг лес внезапно раздался в стороны.

— Пришли. — Эпона впервые за долгое время обратилась к нему, снова сев боком на

спину лошади, взяла его за руку.

Среди дубов и буков замелькали яворы и ясени, блеснул ствол березы, шевельнулись мелкие листочки бересклета. За светлой рощей раскинулась поляна, ограниченная с трех сторон лесом, а с четвертой — склоном горы.

Наискосок поляну пересекал ручей, пробираясь меж камней. У ручья на коленях стояла девушка, почти ровесница Эпоны, в точно такой же белой рубаше без рукавов, окрашенной травяным соком. Короткая душегрейка из беличьих шкурок была стянута на талии пояском из коры. Темно-рыжие волосы были заплетены в три пушистых, чуть взлохмаченных косы. Девушка мыла в холодной воде ручья травы и, рассматривая их, раскладывала на несколько кучек.

— Бриххит! — Эпона крепче стиснула ладонь Велеса и замахала свободной рукой. — Бриххит! — громче сказала она.

Девушка у ручья обернулась на голос, и бледные щеки ее окрасились легким румянцем. Но тут же в глазах ее мелькнула тревога — она увидела Велеса.

— Дагда где? — окликнула ее Эпона.

— Там, — Бриххит махнула рукой в сторону горы. — Занят... А кто это с тобой?

— Потом, — нетерпеливо отмахнулась Эпона, и девушка снова принялась за свои травы.

Белая кобыла Эпоны легко переступила неширокий ручей. Велес, идущий с ней в ногу, оступился и попал ногой в воду. Бриххит недовольно поморщилась, но занятия своего не прервала.

Они оказались на поляне, почти со всех сторон затененной кронами деревьев. Когда-то здесь наверняка срубили и сожгли несколько вековых дубов, но пни выкорчевали не до конца, оставив их гнить в земле под слоем золы, пепла, угля, опавших листьев и кусочков коры. Потом на пепелище буйно разрослась трава, скрывая под собой камни и трухлявые пеньки. Идти по ним было опасно. Белая лошадь ступала по траве легко и уверенно, будто шагала по широкой просторной дороге, но Велес, уставший за этот длинный день больше, чем за весь предыдущий путь по Диким Лесам, то и дело спотыкался, чувствуя, как хрустят под ногами ветки.

Небольшая поляна вскоре круто пошла вверх, взбираясь на склон горы, вершина которой была скрыта густыми кронами дубов. Лошадь направилась к двум большим пещерам, выходы которых вели прямо на склон. Обе пещеры были окружены зарослями кустов и деревьями с искореженными временем стволами.

Лошадь сама остановилась у той пещеры, что была побольше. Из ее мрачного зева на обоих гостей дохнуло сыростью и холодом. Ветви деревьев вдруг заколыхались, словно те обладали душами.

— Дагда! — пронзительно закричала Эпона. — Дагда!

Эхо подхватило ее голосок и умчало во тьму, отражаясь от стен, но вернулось и вырвалось наружу, успев, несомненно, напугать всех обитателей пещеры. Однако вокруг по-прежнему царила полная тишина.

Девочка позвала еще несколько раз, а потом вдруг легко и стремительно соскочила со спины лошади и, держа Велеса за руку, решительно направилась внутрь пещеры. Изгнанник был убежден, что им придется сидеть и ждать, пока Дагда не выйдет на крик — сам он поступил бы точно так же, завопи кто-нибудь его имя таким пронзительным голосом. Но здесь, очевидно, были другие обычаи. Белая лошадь, оставшись без всадницы, некоторое время нерешительно топталась на пороге, а потом двинулась вслед за хозяйкой.

Эпона уверенно пошла по темному коридору. За первым же поворотом Велес и его спутница оказались в полном мраке — только гулко отдавались от стен их шаги да затылки обдавало горячее дыхание лошади.

Девочка шла вперед так спокойно, словно все видела в темноте, а Велес, вынужденный положиться на ее чутье, покорно плелся позади, время от времени спотыкаясь и осторожно ощупывая свободной рукой холодные стены. Не понимая, куда его ведут, он отчаянно

боролся с сомнением и страхом. Чтобы успокоиться, он начал считать шаги и повороты. Однако прежде, чем они еще дважды повернули за угол, Эпона неожиданно остановилась и повернулась к Велесу. Он заметил, что глаза маленькой проводницы светятся в темноте, как две свечи, и ему стало жутко.

— Пришли, — просто сказала девочка и постучала по чему-то кулаком.

В ответ послышался скрежет. Велес невольно отпрянул.

Прямо перед ними часть стены пришла в движение. Тонкий луч розоватого света проник в щель, и сразу стало заметно, что это отшлифованный камень, который под воздействием каких-то сил движется, открывая им дорогу. Когда камень отполз в сторону, полностью освободив проход, Эпона снова пошла вперед.

Свет пробивался вдалеке, из-за поворота, позволяя рассмотреть узкие, но очень высокие, идеально ровные стены хода, которым, очевидно, часто пользовались, потому что он содержался в относительной чистоте.

За поворотом стало совсем светло, и Велес счел возможным успокоиться насчет своей судьбы, прежде чем их путь закончился.

Эпона остановилась на пороге просторной пещеры, давая Велесу возможность оглядеться.

У изгнанника перехватило горло. Он ожидал увидеть нечто подобное, но все равно был поражен. В этой пещере, казалось, свободно могли разместиться на ночлег десятка полтора всадников вместе с лошадьми. Пещера была просторная и очень удобная. Грубые стены, которые, казалось, выкопало тут огромное животное, смыкались наверху в свод, с которого свешивалось несколько сталактитов, обломанных у концов. В стенах открывалось несколько ходов, часть из которых была завешена старыми шкурами, а один даже был забран позеленевшей от времени медной решеткой.

В середине пещеры было углубление шириной примерно три сажени и глубиной не менее пяти-шести локтей. Со стороны входа в него вели вырубленные в скалах ступени. Пол углубления был неровным — он понижался к одному краю. Там, в камнях, бил источник, заполняя идеально прозрачной водой неглубокую ямку в окружении тщательно обработанных булыжников. Там же, возле источника, валялось несколько черепов каких-то животных.

Около каждого входа на выступах стен горели небольшие масляные светильники, однако основным источником света, позволявшим видеть в темноте, были не они. Не дав Велесу времени на раздумья, Эпона за руку потянула его в обход углубления к свету.

Это был костер, горевший в кольце цилиндрических камней, испещренных стершимися от времени рунами. Он полыхал на дне неглубокой ямы, и видно было, что горят не дрова, а камни, похожие на большие угли. В нише одного из камней был высечен трон, сейчас пустовавший. Вдоль стен были расставлены сундуки, лари, лавки, различной формы горшки, кувшины, чаши, вырезанные из дерева или наскоро слепленные из обожженной глины. В стороне находилось, очевидно, ложе — низкий плоский камень, покрытый шкурами, одна из которых была с головой и лапами медведя. На скамеечке у самого костра, словно ему было очень холодно, сидел человек в белом и не отрываясь смотрел на огонь. Услышав шаги, он обернулся, и Велес в очередной раз запнулся, едва не упав.

Как недавно встреченный Таран показался ему похожим на Перуна, так и хозяин этой пещеры был похож на Даждя. Высокий, статный, с широкими плечами бывшего воина. То же правильное строгое лицо, такие же светлые волнистые волосы, почти такой же разрез глаз под ровными бровями и узкий нос. Но на этом сходство кончалось. Хозяин пещеры был очень стар — наверное, старше самого патриарха Сварга. Длинные волосы и борода, спускавшаяся на грудь, были совершенно белыми. Кожа лица и рук, лежавших на коленях, потемнела от времени и покрылась тонкой сеточкой морщин, а глаза, ярко-зеленые, помолодому блестящие, были прикрыты дряблыми, лишенными ресниц веками.

Окинув гостей спокойным взглядом, хозяин поднял тонкую сухую руку.

— Ты зачем-то хотела меня видеть, дочь Вогезы? — ласково заговорил он. — Из-за

него? — Узкий длинный палец указал на Велеса, и Эпона подвела изгнанника ближе.

— Ты умнее всех, Дагда, — заговорила она дрожащим от уважения и почтения голосом. — Ты, может, даже умнее моего отца. Но тебе сами духи даровали силы, и я хочу, чтобы ты применил свои силы против него. Он чужой, — сказала девочка, кивнув на Велеса, — и наш враг... Так говорит Таран, и я должна ему верить. Но ты умнее всех. Посмотри в него и реши его судьбу!

С этими словами Эпона отпустила руку Велеса и отошла к огню.

Изгнанник остался стоять перед Дагдой, который снизу вверх спокойно созерцал его из-под нездоровых век. Глаза старика внушали невольный трепет — в отличие от патриарха Сварга, он явно не спешил давать волю чувствам. Но зато каждое его решение, очевидно, было твердым и окончательным.

— Услужи мне, старику, — вдруг спокойно молвил Дагда, — принеси водички!

Облегчая задачу, он широким жестом доброго хозяина указал на ряды деревянной и глиняной посуды на лавках и вдоль стен. Не споря с внимательными всевидящими глазами, Велес под пристальным взглядом Дагды поднял первый попавшийся сосуд, даже не рассмотрев его, и направился к родничку.

Наклонившись над озерцом воды, он уловил странный запах, исходящий от нее. «Эге, — мелькнуло в голове, — а водичка-то не простая!.. Как бы не заставили ее выпить!..»

Осторожно, чтобы не разлить ни капли, он вернулся к старику и встретил его понимающий, с чуть заметной лукавинкой взгляд.

— Боишься? — молвил Дагда остоленевшему от удивления гостю и принял воду.

Некоторое время он молча смотрел на нее, не обращая внимания на Велеса и с любопытством тянущую шею Эпону. Потом вылил половину воды на камни очага и долго смотрел, как она шипит и испаряется. Только после этого он поднял на истомившегося в ожидании Велеса усталые глаза и чуть заметно улыбнулся.

— А вот теперь испей! — предложил он, протягивая сосуд изгнаннику.

Велес почувствовал, что старик смеется над его мыслями и колебаниями. Решив про себя, что не даст повода для насмешек, он выхватил сосуд из рук Дагды и осушил его одним глотком.

Старик ахнул, увидев его порыв. Облизав губы — на них остался соленый привкус воды — Велес посмотрел на хозяина пещеры и неожиданно прочел в его глазах уважение.

Дагда не спеша поднялся и взял сосуд из рук Велеса, отставив его в сторону.

— Ты слишком высок для меня, — молвил он спокойно. — Встань на колени!

Ростом старик едва доставал изгнаннику до плеча, и тот не стал спорить. Довольно улыбнувшись покладистости гостя, Дагда осторожно положил ладони ему на голову между рогами и погрузил гибкие пальцы в густые пряди гривы. Это было так странно, что Велес замер.

Некоторое время старик молчал, прикрыв глаза. Измаявшаяся в ожидании Эпона ерзала на месте и кусала губы. Велес напряженно ждал, когда же в его сознание вторгнутся мысли старика.

— Тьма, — вдруг сказал Дагда, не открывая глаз. — Только тьма, и больше ничего... Нет, еще боль! Боль! И усталость. Он слишком много пережил, слишком много испытал за последнее время. Мысли его темны и запутанны, всюду кровь и горе, но зла нет... Позади сражения и дороги, впереди — ничего, кроме одиночества...

— Что это означает? — не выдержала Эпона.

— Его враги могут нам помешать, коль отыщут тут, но в его думах нет мести, — задумчиво объяснил Дагда. — Он доверился нам, но много в душе его темноты... Ох много!

Убрав руки, старик отступил, знаком показав Велесу, что тот может подниматься. Тот послушно встал, чувствуя странную опустошенность.

— Мы можем идти? — осторожно молвила Эпона.

— Да, девочка. — Дагда снова присел у огня, глядя на пламя усталым взором. — Дай ему отдохнуть.

Девочка подошла, взяла Велеса за руку и повела за собой. Изгнанник послушно следовал за нею.

В напряженном молчании они покинули пещеру Дагды, вернувшись на поляну. Бриххит поблизости не было видно. Белая лошадь щипала траву. Прежде чем сесть на нее, Эпона оглянулась на Велеса. Тот, по-своему истолковав ее вопросительный взгляд, поднял ее за талию и легко посадил на кобылу. Девочка от неожиданности ойкнула, глаза испуганно расширились, и на дне их Велес прочел ее истинные чувства к нему — жалость и тревогу. Она на самом деле жалела его, словно несчастного заблудившегося ребенка, как от века привыкли женщины жалеть всех одиноких.

Поняв, что изгнанник догадался о ее мыслях, Эпона потрепала лошадь по загривку, тронув ее с места. Велес, хотя его никто не заставлял, пошел следом. Чтобы побороть смущение, Эпона заговорила, не глядя на него:

— Дагда самый мудрый среди нас! С ним говорят духи. Он мудрее Тарана, нашего боевого вождя, и он брат моего отца. Если он скажет, что тебя нельзя трогать, никто не осмелится его послушаться. А он завтра так и сделает, потому что не рассердился на тебя.

Встреча с отцом Эпоны, одним из вождей друидов, стерлась в памяти Велеса. Он смутно запомнил просторную, скупо освещенную пещеру, где на расстеленных шкурах сидело и лежало почти два десятка женщин — в основном старухи, но среди них было несколько женщин помоложе и даже девушка лет шестнадцати. Все молодые женщины были на сносях. Единственным мужчиной был крепкий еще старик, отец Эпоны и, как объяснила девочка, отец всех первенцев, рожденных у женщин их племени за последние тридцать с небольшим лет. Старик только косо глянул на гостя, когда дочь представила его, но ничего не сказал, и Эпона вывела Велеса из пещеры.

Люди этого племени не знали обычных жилищ и селились в пещерах, иногда выкапывая их в податливых горных породах. Если же пещер не хватало, пользовались деревьями. Многие из них были такими объемистыми, что в дуплах можно было поселиться двум-трем людям.

Эпона жила в таком дуплистом дубе, в котором отверстие проделал давнишний пожар. Велес с трудом боком протиснулся в узкий ход с обгорелыми краями и оказался в небольшой камерке, пол которой был усыпан трухой и толстым слоем опавших листьев. Все вещи были сложены на полу вдоль стен или стояли в выдолбленных в темном дереве нишах.

Усадив гостя на шкуры, девочка принялась вовсю хозяйничать, готовя угощение.

— Раз Дагда поверил тебе и отец слова не сказал, — ворковала она, зажигая светильник и доставая коренья и вяленое мясо, — то ты наш гость и тебя никто не тронет. Пока ты поживешь у меня, а потом подберешь себе жилье. А я тебе помогу, ведь это я нашла тебя!

Велес равнодушно слушал болтовню девочки. Как только он понял, что немедленная гибель ему не грозит, силы оставили его и волной накатила усталость. Слишком долго он бежал, защищался и прятался. Глаза его слипались, в ушах нарастал гул, сквозь который все невнятное звучал голос Эпоны. Знакомый запах мяса не пробудил, а еще больше успокоил все чувства. С трудом заставив себя отведать предложенное угощение, Велес под конец понял, что не может больше терпеть. Пробормотав невнятно несколько слов по поводу того, что сильно устал, он растянулся прямо на полу дома-дерева, натягивая на себя шкуру, на которой только что сидел.

Он уже засыпал, когда рядом что-то завожилось. Легкое маленькое тело задвигалось рядом, пристраиваясь к нему под бок. Узнав Эпону, Велес не возмутился и не удивился, а только повернулся и осторожно притянул к себе девочку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Уставшие руки больше не могли выдержать. Дива совершенно не чувствовала их и забеспокоилась, только когда стала стремительно падать.

К тому времени давно уже опустилась ночь. Земля внизу погрузилась во мрак, сквозь

который с трудом пробивались редкие тусклые звезды. Выбившаяся из сил Дива стремительно падала, сама не зная куда. Ветер играючи подхватил ее и поволок вперед, пронося мимо лужаек, ровных мест, где можно было опуститься, не рискуя сломать себе шею или погубить дочку. Женщина старалась бороться с ветром, но страх сковывал ее силы, и ей ничего не оставалось, как довериться судьбе.

Раскидистые деревья небольшой рощицы, окружавшей холм, внезапно встали у нее на пути и спасли ей жизнь. Дива увидела темную стену леса и из последних сил попыталась подняться выше, чтобы не задеть крон, как ее учили, но не успела. Протянутые вперед, словно жадные руки злых духов, ветки зацепили ее крылья. Диву перевернуло через голову, послышался громкий треск, и она рухнула на землю, теряя крылья и корзинку с ребенком.

Пробудил ее детский плач. Вскинувшись на голос дочери и сгоряча не чувствуя боли от ушибов, Дива принялась вслепую шарить вокруг.

Ей опять повезло — корзинка с ребенком зацепилась и повисла на кустах. Сама Дива отделалась царапинами от веток и легкими ушибами. Но крылья были сломаны в нескольких местах, их оторвавшиеся части болтались на деревьях, белея в темноте. Всюду валялись перья.

Следы ее падения были слишком хорошо заметны даже ночью и могли бы навести погоню. Дива торопливо собрала, что смогла, бросила обломки крыльев в овраг и закидала опавшей листвой. Конечно, это не остановит погоню, но задержит ее хоть ненадолго. Сбрав вещи и поплотнее закутав ребенка, женщина пошла куда глаза глядят.

Дива сама не знала, что ей делать. Она надеялась, что за день-два долетит туда, где живут другие люди, но прошло уже четыре дня, а поблизости не было видно следов человеческого жилья. Вокруг возвышались стеной нехоженые леса, где только звери прокладывали тропинки. Несколько раз беглянка встречалась с обитателями здешних мест. Звери замирали, внезапно наскочив на женщину, и были так поражены, что не трогали ее, а только настороженно разглядывали издали.

В первые дни Дива ужасно уставала. Отвыкнув ходить, она шла очень медленно — пройдя версту, останавливалась передохнуть и накормить дочку. Но уже на третий день бегства силы полностью вернулись к ней.

За все время пути ей повезло дважды. Первый раз, выйдя к берегу разлившейся реки, она наткнулась на гнездо дикой утки, полное яиц. К тому времени припасов у нее оставалось немного, и Дива обрадовалась находке. Забрав яйца, она в тот же вечер испекла их на огне.

Второй раз — удачей это назвать было трудно — Дива набрела на людей.

Густая чаща леса вдруг раздалась в стороны, и женщина вышла на полянку, окруженную обгорелыми пнями. Вдалеке виднелись колья тына, огораживающего поселение, а прямо перед ней несколько человек рыхлили землю.

Дива сразу поняла, что это были те, кого в ее родном замке немного презрительно именуют смертными дикарями — за то, что живут во много раз меньше и недалеко ушли от животных. Но Велес столько рассказывал о них, что беглянка поняла — это люди.

Она не успела сделать и нескольких осторожных шагов им навстречу, как ее заметили. Люди побросали работу, уставившись на нее как на призрак. Прижав ребенка к себе, Дива пошла к ним, и люди испуганно шарахнулись в стороны.

Дива поняла, что они боятся ее — в их осторожных голосах звучал страх. Даже по одежде гости можно было догадаться, что она пришла из иного мира, где знают, что такое тонкие, хорошо выделанные и вышитые ткани. Кроме того, она была здесь выше любого человека на полголовы, и черты лиц местных жителей тоже отличались от лиц тех, кого она привыкла видеть всю жизнь.

— Не бойтесь меня, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал мягче и спокойнее. — Я не причиню вам зла. Мне только нужна помощь и приют. Моя дочь...

Ребенок забеспокоился и захныкал.

Сбившись в кучку, люди торопливо зашептались, бросая на женщину подозрительные взгляды.

— Я не причиню вам зла, — повторила Дива настойчивее, — но и вы не выдавайте меня!

Она боялась подходить, сознавая, что выглядит по меньшей мере странно. За дни блужданий по лесу ее платье испачкалось в листве и земле, почти потеряв свой цвет, кое-где было порвано. Грязные волосы взлохмачены, она исхудала, как после болезни, и только глаза горели на бледном лице ярко и казались слишком большими — даже родная мать не сразу бы признала ее сейчас.

Посоветовавшись, люди разделились — несколько человек бросились в селение, а остальные остались на делянке. С некоторым замешательством Дива заметила, что они выстроились цепью, преграждая ей путь к домам. Двое вышли вперед и подняли руки к небу, бормоча что-то. Дива подумала, что они призывают духов на помощь против нее.

— Но я же ничего не сделала! — удивленно воскликнула она. — Только попросила помощи!

В ответ те двое забормотали громче.

Их заклинания прервали вернувшиеся гонцы. Тоже что-то шепча себе под нос, они вышли вперед, положили на землю дары — несколько кусков хлеба, живую птицу, кувшин, заткнутый лыком, — и, пятясь, отошли назад.

Дива поняла, что люди не примут ее к себе. Осторожно подойдя к дарам, она взяла их и скрылась в лесу.

* * *

Таран, боевой вождь племени, вот уже десять лет — с тех пор, как умертвил, согласно обычаю, предыдущего боевого вождя — не находил себе места от гнева и ненависти. Прошло немало дней, как появился этот странный человек с головой быка. С того времени Тарана преследовали неудачи.

Главной, конечно, была та, что Эпона, старшая дочь вождя, не смотрела больше в сторону Тарана — а ведь он должен стать ее мужем! Она все увивалась подле гостя. Таран пытался его подкараулить, но не мог застать одного. Чародей с севера внушал ему тревогу и желание умертвить. Если Таран что-то понимает в битвах, то однажды его племя будет из-за чужака втянуто в кровавое сражение, которое принесет смерть и разорение. Друиды перестанут существовать.

В одиночестве придя к главному дубу, Таран припал к корням дерева-бога, прося совета. Когда-то точно так же он молил его о помощи — и бог пробудил к жизни разум Тарана, сделав его чародеем. Таран не сомневался, что Великий отец поможет и на сей раз.

— Если ты сможешь мне одолеть чужеземца, — сказал он вслух, — я принесу тебе в жертву первую девственницу, что попадется мне на пути, даже если это будет моя сестра!

Дуб осторожно шевелил ветвями. Почки на них набухли, но молодые листья не спешили разворачиваться — этот дуб всегда раскрывал их тогда, когда прочие уже зацветали: по возрасту старик уже не выращивал желудей и мог не спешить. Подвешенные к голым сучьям жертвы качались, источая запах гнили. Шорох ветвей надежно заглушал приближающийся топот копыт.

Таран все-таки был слишком опытным воином. Забыв обо всем, тем не менее кожей почувствовал чужака и обернулся в тот самый миг, когда незнакомый всадник на буром коне выехал на поляну и остановился, озираясь.

Будь это кто-то другой, Таран, не раздумывая, бросился бы на него с оружием. Но в этом человеке было что-то странное. Таран прищурился, вобрал в грудь побольше воздуха, так, что внутри все зазвенело, и внимательнее посмотрел на всадника.

Тот словно только что заметил человека под дубом. Выпрямившись в седле, незнакомец направил коня к Тарану, и тот ахнул — незнакомец был тоже с севера.

Эти дни Перун бродил по Диким Лесам, потеряв Велеса. Ящер, хорошо читавший следы, сбился на второй день. Переговорив с другом, Перун дал себе зарок, что, если до

вечера сегодняшнего дня не найдет следов Велеса, повернет назад. Поляна попалась ему на пути неожиданно. Увидев на ней местного жителя, Сварожич безошибочно угадал в нем воина.

Таран не испугался — наоборот, он сам встал с земли и пошел навстречу всаднику. Не доходя нескольких шагов, он неожиданно для гостя опустился на колени и прижался лбом к земле.

— Великий отец, — промолвил он, — если ты внял моим словам, дай мне знать о том!

Перун с интересом посмотрел на человека, в душе добрым словом поминая упорство Дажда, который во время их совместной поездки в Кельтику обучал брата языкам местных племен. Наречие человека оказалось знакомым, и Перун решил ответить.

— Если ты скажешь, что тебе нужно, я с удовольствием помогу, — сказал он.

Таран отпрянул с криком и уставился на всадника, не веря своим ушам. Он знал о своей силе, но не думал, что может вызывать духов, как некоторые жрецы.

— Кто ты? — воскликнул он.

— Тот, кто может помочь тебе, — отозвался Перун. Чтобы дикарь не сомневался в нем, он вскинул руку — и сияющее огненное кольцо встало стеной, отгородив поляну от мира. Полупрозрачные стены смыкались шатром над верхушкой старого дуба, и оттуда лился голубоватый теплый свет, в то время как лес вокруг погрузился во мрак. Ящер, решив подыграть приятелю, расправил крылья и оскалил клыки, в остальном оставаясь бурым конем.

Потрясенный Таран рухнул на землю под копыта коня, еле сдерживая дрожь. Он не мог понять, что с ним творится — боится ли он сошедшего духа или рад его появлению.

— Что тебе от меня нужно? — пролепетал он.

— Помоги мне найти моего врага — и можешь просить любую награду, — был ответ.

Легкое, ласкающее прикосновение к плечу заставило Тарана поднять голову. Прямо перед ним в землю упирались копыта бурого коня. Его всадник смотрел на воина сверху вниз, и было в его взгляде что-то, от чего Таран выпрямился и твердо ответил:

— Я готов. Кто твой враг?

Сияние, исходившее от лица Перуна, скрыло его довольную усмешку.

— Ты мог видеть моего недруга здесь, — сказал он, — я приехал сюда по его следам, но потерял в здешних лесах. Если ты видел чужака, выглядевшего не как все — он урод с бычьей мордой вместо головы — или слышал о таком существе, укажи, где искать. Я найду его, и ты сможешь получить свою награду.

Упоминание о бычьей голове заставило Тарана забыть страх перед незнакомцем. Он развернулся к дубу, в восторге ломая пальцы — свершилось! Он так страстно мечтал избавиться от пришельца, что теперь с трудом верил счастью. Сами духи посылают ему помощь!

Бурый жеребец притопнул ногой, привлекая внимание, и Таран повернулся к гостю. Сквозь сияние можно было угадать, что его чело омрачают какие-то мысли — дух был явно недоволен.

— О великий дух! О повелитель! — воскликнул Таран. — Не гневайся на меня за недостойные помыслы! Я знаю, где найти того, кто омрачил твой покой — он появился здесь недавно, этот дух, которого мне не дали принести тебе в жертву! Он стал мне врагом, а потому прошу тебя — помоги отомстить. Дай мне часть твоих сил для сражения с ним!

Взгляд незнакомца вспыхнул огнем, заставившим Тарана попятиться. С младенчества ему твердили, что нельзя спорить с богами и духами, иначе наживешь недругов на всю жизнь. Воин в страхе отпрянул, укоряя себя за несдержанность, но в этот миг всадник обнажил меч, сияющий как солнечный луч. Волны огня исходили от него. Вскинув оружие, больше похожее на застывшую молнию, грозный всадник нацелил его на остолбеневшего Тарана.

Вспыхнуло пламя, вмиг окутавшее воина. Ему показалось, что огонь пробежал по его телу, проник в самые дальние уголки, прошелся по мозгу лесным пожаром — и растаял,

слился с разгоряченной кровью.

Свет погас — осталось сияние, шатром нависшее над поляной, но и оно потеряло половину своей яркости и чистоты. Бурый жеребец сложил крылья и стал самым обычным конем, немного усталым после долгого пути. Но взгляд его седока, остановившийся на лице Тарана, ясно говорил, что это был не сон.

Воин отер ладонью взмокший лоб. Пот стекал по щекам на шею крупными каплями. Все тело ломило, словно он десять дней бежал без отдыха через лес, но мысли были ясные и живые.

— Следуй за мной, — сказал он всаднику, наклоняя голову. — Я укажу тебе, где его искать!

На двенадцатый день странствий на Диву свалилось несколько несчастий сразу.

Люди, с которыми она встретилась и которые, очевидно, приняли ее не то за богиню, не то за лесное диво, в качестве выкупа принесли ей нехитрой снеди — два караваея грубого хлеба, немного сушеных кореньев и грибов, вяленого мяса и даже молока в кувшине. Всего этого беглянке хватило надолго, и даже сейчас у нее оставалось почти полкараваея хлеба и немного кореньев, но этот запас должен был иссякнуть дня через два-три, а поблизости не было никаких следов жилья. Возвращаться же назад, в то поселение, смысла не было — Дива, даже если бы и захотела, не нашла к нему дороги.

Она пробродила по лесам, ища пристанища на ближайшие месяцы или годы, больше двадцати дней и начала подумывать о возвращении — не потому, что хотела вернуться. Просто в лесах вблизи замка Сварга легче было прожить. Поразмыслив, беглянка отправилась в обратный путь.

Но через два дня зарядили дожди, хотя до того весна была теплой и сухой. А тут вдруг небо до края затянуло низкими темными тучами, откуда-то с севера налетел ледяной ветер. Он уничтожил тепло, а ливни смыли все яркие краски, снова сделав мир тусклым и однообразным. Ночами было так холодно, что казалось, что вот-вот пойдет снег.

Сжавшись в комочек под наполовину вывороченными корнями старой сосны, что росла на обрыве над рекой, Дива дрожала от холода. Прямо под нею бурлила река, остервенело прыгая с камня на камень. Напоенная дождями, она почти доставала до пещерки, где сидела женщина. Дива занимала ее целиком, с трудом найдя место для дочери. Ветер, гулявший снаружи, порой залетал к ней. Сосна при этом качалась и гудела, а ветки ее скрипели от натуги. Она грозила обломиться и упасть, увлекая за собой землю и прячущуюся под корнями беглянку.

В довершение всех бед заболела девочка. Ее личико горело огнем, она потеряла покой и аппетит и непрестанно хныкала. А в последний день перестала и плакать, выбившись из сил. Малышка простудилась, и сердце Дивы сжималось от горя и ненависти — если бы не Перун, ее ребенок сейчас был бы в тепле и уюте, и леди Лада, которая лучше кого бы то ни было умела исцелять недуги детей, могла бы ему помочь. А теперь дитя обречено умереть в глухом лесу вдали от людей, слыша над головой вой ветра и скрип корней старой сосны.

Дива обняла дочку, стараясь согреть ее своим телом и беззвучно молясь богам и умершей много лет назад матери. Дива никогда не видела ее и знала лишь, что она умерла, рожая ее. Как бы огорчилась мать, узнай она о печальной судьбе дочери! Ради этого ее душа должна была ненадолго вернуться на землю.

Повторяя молитву-призыв, Дива незаметно для себя уснула.

Ее разбудила тишина и нарушавшее ее тяжелое торопливое дыхание. Женщина еле сдержала вопль ужаса и шарахнулась бы прочь, если б уже не упиралась спиной в земляную стену пещеры.

Прямо перед нею, невесть как удерживаясь на крутом осыпающемся берегу раскоряченными лапами, стоял крупный волк с клоками светлой зимней шерсти на боках, что придавало зверю вид бездомного бродяги. Вывалив длинный ярко-розовый язык, он довольно щурил янтарные глаза и дышал беглянке прямо в лицо. Не будь Дива так скована ужасом, она бы заметила, что мощную шею незваного гостя украшает ошейник, сплетенный

из полосок кожи, а сверху его поджидает второй зверь, точь-в-точь похожий на первого.

Пока Дива приходила в себя, недоумевая, почему зверь не нападает, волк вдруг вильнул хвостом и скакнул в сторону. Не удержавшись на осыпи, он сорвался вниз, жалобно взвизгнув.

Ахнув, Дива высунулась наружу, но увидела только, как мокрый зверь, отряхиваясь, выбирается на берег. Затем он стал скачками взбираться наверх чуть в стороне от сосны, где притаилась Дива. Там его ждал второй зверь, кинувшийся к нему с изъявлениями любви и дружбы. Некоторое время волки ласкались друг к другу, виляя хвостами и визжа от избытка чувств, словно родные братья, не видевшиеся долгое время.

Далекий свист привлек внимание зверей. Прервав ласки, они галопом помчались на зов, оставив Диву вытирать со щек слезы зависти — звери вели себя так, как на ее памяти не обращались друг с другом люди. Но постепенно она успокоилась — новая тревога заставила ее забыть о волках. Вспомнился свист — это могло означать только одно: поблизости были люди. Если звери ручные, они приведут людей сюда.

Ее больная дочь нуждалась в помощи, но Дива словно обезумела. Дни скитания изменили ее. Она торопливо собралась, прижимая малышку к груди, выбралась из пещерки, кубарем скатилась с обрыва к реке и поспешила вдоль берега.

Она не оборачивалась на бегу, но сразу почувствовала погоню. Волки бежали за нею, повизгивая и твякая. Выбиваясь из сил, Дива бежала, не слыша крика человека, спешащего следом.

Волки приближались. Один удачный прыжок — и кто-то дернул Диву за платье, женщина рванулась изо всех сил. Ткань порвалась, оставив клочок в зубах зверя, но второй волк встал перед нею, оскалив клыки. Дива метнулась прочь, но звери запрыгали вокруг нее, не давая сделать и шага.

— Дива! Дива!

Беглянка не слышала криков, пока человек не поравнялся с нею. Узнав хозяина, волки оставили беготню и прыжки и смирно уселись справа и слева от женщины, постукивая хвостами по земле и по-собачьи ухмыляясь.

Подбежавший человек резко остановился, словно налетел на дерево. На лице его отразилось живейшее удивление и волнение, но у самой Дивы не оставалось сил удивиться или обрадоваться Смарглу.

— Миледи! — ахнул он.

Она стояла перед ним ссутулившись и закрыв плечом ребенка — похудевшая, в грязном порванном платье, растрепанная, со свежей царапиной на щеке и полубезумными глазами загнанного зверя.

— Не бойся меня, Дива, — осторожно заговорил Смаргл. — Я не причиню тебе зла... Но если бы ты знала, как все горюют о твоём исчезновении! Стривер все горы облетал! Тебя почти месяц ищут!

— Я не вернусь туда, — хрипло отозвалась Дива и сама испугалась своего голоса. — Лучше умереть!

— Тогда сделай милость, умри в моем доме! — Смаргл вдруг чинно поклонился ей. — Не в лесу, одна среди диких зверей, а там, где о тебе и твоём ребенке могут позаботиться друзья!

Приблизившись, Смаргл протянул руки, готовый поддержать женщину или принять у нее младенца. Волки смотрели на нее с двух сторон и усиленно виляли хвостами.

— А ты меня не выдашь? — спросила Дива.

— Если сама о том не попросишь!

Смаргл никогда не бросал слов на ветер. Он и Мера всегда понимали ее. Дива вспомнила, что младший Сварожич давно не жил в замке — он тоже не мог принять тамошних порядков. Вздохнув последний раз, Дива бережно положила дочь на руки Смаргла.

Волки обогнали путников, первыми ринувшись по шаткому мостику на островок, где

среди зарослей ивняка поднимался наполовину скрытый листвой небольшой приземистый домик. С какой стороны ни подойди, нельзя было увидеть его целиком. И только несколько тропинок, проложенных в кустах, говорили, что он обитаем.

На голоса волков, что затеяли игру на траве, из дома шариком выкатилась невысокая полненькая женщина с длинными пушистыми волосами. Выскочив на берег, она всплеснула руками, увидев Смаргла, ведущего по мосткам незнакомую женщину.

— Смаргл! — ахнула она, кидаясь навстречу. — Что это? Кто она такая?

Подбежав, маленькая женщина ловко схватила запястье Дивы мягкими прохладными пальцами и заглянула ей в лицо большими прозрачными глазами водяницы. На ее юном лице отразились испуг и забота.

— Это леди Дива, — поспешно сказал Смаргл. — Жена Перуна и...

— самого Перуна? — вскрикнула Луна, отпрянув. Оглянувшись на Смаргла, она поймала его предостерегающий взгляд и проворно побежала в дом, сверкнув босыми пятками. Волки с радостным воем довольных жизнью зверей помчались следом.

Глаза Дивы наполнились слезами впервые с того момента, когда она решила пойти со Смарглом. Тот, почувствовав состояние женщины, повел ее в дом.

— Она жена мне, — виновато объяснил он. — Ты должна ее помнить — я ее с юга привез.

— Я знаю. — Дива отвернулась, глотая слезы. — Но она... она же...

Беглянка успела заметить выпуклое чрево Луны — через месяц ей пора было становиться матерью. Это пробудило в душе Дивы зависть — в то время как она сама потеряла шестерых сыновей, у других продолжали рождаться дети. А ей казалось, что больше ни у кого не родится ребенка!

У дверей Смаргл остановился, пропуская гостью вперед.

Луна встретила ее на пороге и сразу увлекла в дом поближе к очагу. Набросив на плечи женщине мужнин полушубок, она тотчас погнала его за водой, а сама, не переставая причитать над матерью и ребенком, захлопотала, устраивая младенца и одновременно собирая на стол. Сложив руки на коленях, Дива пустым взглядом смотрела на суету маленькой женщины.

— Баньку истопим — усталость снимешь, — ворковала Луна, коlobком катаясь по дому. — У малыша твоего всю хворь выведем — вот увидишь, каким он станет...

— Она, — прошептала Дива тихо. — Дочка...

— Что? — через плечо обернулась Луна. — Дочка? А у меня сын!

Слово это заставило Диву встрепенуться и выпрямиться.

— Сын? — повторила она. — Какой сын?

— Мой, — ревниво отозвалась Луна, отступая. — Первенец... А это, — она погладила живот, — второй... Смаргл мой времени даром не теряет...

Упоминание о чужих сыновьях снова заставило Диву вспомнить о своих собственных. Снова в памяти всплыл ночной пожар и пепелище, где она тщетно искала хотя бы обгоревшие косточки мальчиков. Боль нахлынула с новой силой. Долго сдерживаемые слезы прорвались наконец наружу, и Дива зарыдала в голос.

Не ожидавшая этого Луна тихо села на лавку, обнимая руками живот. Оба ребенка — дочка Дивы и мальчик, которого жена Смаргла на всякий случай скрыла — заплакали на разные голоса. Ворвавшийся на крики Смаргл бросился перед плачущей навзрыд Дивой на колени, ловя ее руки и силясь успокоить.

— Нет! Нет! — причитала сквозь слезы женщины. — Я не вернусь туда! Ни за что!

— Не бойся, сестра. — Смаргл согревал в ладонях ее холодные пальцы. — Не бойся! Я никому тебя не отдам — ни Перуну, ни Велесу! С нами жить станешь — жене моей рожать скоро, ты ей поможешь. Вместе будем! И девочку твою выращу, дочерью мне станет! Это твой дом, твой навсегда! Я за тебя и жизни не пожалею...

— Мальчики мои! Дети! — рыдала Дива. — Не могу! Не могу я без них! Умереть хотела, чтоб с ними быть!.. Пусти умереть! Возьми дочь мою, а меня отпусти к сыновьям!

Умереть дай!

— Нет! — Смаргл даже вскочил. — Не дам! Ты жить должна! У тебя дочь! И я тебя не для того из леса вывел! Теперь ты у меня в доме живешь, я за тебя в ответе!

— А мои дети? Кто за них ответ держать станет?

Смаргл быстро обернулся на жену. Луна сидела белее снега и не глядела на него. Обеими руками она обнимала свое чрево, поглядывая туда, где за натянутым холстом лежал ее приемыш. «Не отдам!» — читалось у нее на лице.

— Они живы, Дива! — вырвалось у Смаргла. Вскочив, Луна бросилась к приемышу и схватила его на руки. Дива захлебнулась плачем, не веря своим ушам.

— Живы?! — прошептала она, притянув к себе Смаргла. Тот отворачивался, боясь, что по его глазам женщина прочтет слишком много.

— Живы, моя леди! Живы!.. Не все, потому я и говорить о том не хочу... Не сумел я... прости...

— Где они?

— Далеко. Я подальше их отнес, где никто не достанет — ни Перун, ни Велес, — заторопился Смаргл, чувствуя себя трусом и предателем, не сумевшим скрыть тайны. — Я хотел их защитить... И я обязательно дам вам встретиться — позже, когда они подрастут и сами смогут за себя постоять, когда все забудут о них — и Перун, и Велес, когда им ничто не будет грозить...

— А я? Отправь меня к ним! Дай увидеть их, дай к сердцу прижать!

Весть о том, что дети уцелели, преобразила Диву. Глаза ее загорелись неукротимым огнем юности, на лицо вернулись краски, она выпрямилась. Схватив Смаргла за плечи, она встряхнула его, заглядывая в глаза.

— Отправь меня к ним! — потребовала она. — Или привези их сюда!

Смаргл до боли закусил губу, досадуя на самого себя. Ну почему он не сдержался! Но мучить дальше несчастную мать он не мог.

— Я сделаю это, — прошептал он. — Потом, когда все поверят, что ты исчезла, когда тебя перестанут искать и сочтут мертвой... Для нас это лучше всего...

Не дослушав его, Дива просияла и обняла его, горячо поцеловав в усы.

Воины, а с ними и жрецы-друиды собирались на зов боевого вождя. Встревоженные мирные жители высыпали наружу из домов-пещер, недоумевая, что случилось.

Глубоко в чаще леса мерцало странное бело-розовое сияние, от которого исходили волны тепла и тревоги. Воины, как зачарованные, один за другим устремлялись к нему, а напуганные люди прятались. Только вездесущие мальчишки проворно шныряли вокруг и, разузнав, что происходит, мчались разносить весть по всему поселению.

Вслед за недавним гостем объявился еще один чужак. Он созвал к себе всех воинов и самого Тарана и что-то замышляет. Судя по раздававшимся голосам, собирались устроить охоту на того чужеземца, которого приютила дочь Вогезы. Уже дней десять жил он в племени, мало кому показываясь на глаза — успел понять, что чужаков здесь не любят.

Собравшиеся воины выстроились полукольцом и, подняв оружие, пошли сквозь лес, прочесывая его. Посередине ехал всадник на буром коне, рядом шел Таран, гордый сознанием, что подле него едет великий дух.

Из кольца воинов, что постепенно растягивалось, охватывая все поселение, не должен был вырваться незамеченным даже зверь.

Велес спал, отдыхая после долгой ночной прогулки на болоте. По рассказам местных жителей, там светятся какие-то огни. Это могло означать, что в глубине скрыты металлы или что-то еще. В надежде заметить блуждающие огоньки, Велес всю ночь бродил по болотам, отметил вешками несколько мест, где и впрямь увидел свет, и собирался наведаться туда днем со своим новым знакомым — человеком по имени Езза, который все племя снабжал оружием, переделывая захваченное в боях с другими племенами. Он не боялся незнаемого и мог стать отличным помощником. Кроме того, по матери он был в родстве с боевым вождем Тараном, что тоже было немаловажно.

Велес спал, когда к нему ворвалась Эпона и принялась отчаянно его трясти.

— Вставай! — закричала она. — Тебе грозит опасность!

Велес не успел толком уснуть и, услышав знакомое слово, немедленно вскочил:

— Что случилось?

— Мальчишки сказали, что Таран привел какого-то чужака с севера и собрал всех воинов. Тот человек ищет тебя!

— Ты видела его? — отрывисто бросил Велес, собираясь. — Того чужака?

— Мне сказали мальчишки, но я видела воинов издалека...

— Это Перун, — уверенно сказал Велес. — Я догадывался, что он меня разыщет, но не думал, что так скоро... Прощай! — Он за плечи притянул Эпону к себе. — Я уйду, чтобы встретиться с ним один на один. Если он не трус, то выйдет против меня. А ты передай Еззе, что на болоте я пометил ветками с содранной корой места, где надо искать...

— Нет, Велес, — девочка силой освободилась из его рук, — не уходи!

Изгнанник недовольно засопел и быстро опустился перед девочкой на колено.

— Я спешу, — повторил он. — Не вынуждай меня на крайние меры!

— Не уходи, — повторила Эпона. — Я тебя спрячу!

— Но где? — только и вымолвил Велес. — Ты же сама сказала, что меня ищет столько народу! И Перун! И Таран! Они оба сильные чародеи, с двумя сразу мне не справиться!

— Я знаю! — Эпона потащила его к выходу. — Есть одно место, где тебя не будут искать! Только мы должны поспеть туда первыми!

Велес последовал за девочкой. Эпона с разбегу ловко вскочила на спину своей кобылы и махнула изгнаннику рукой:

— Следуй за мною!

Она уже толкнула пятками лошадь, трогая ее с места, когда Велес решительно остановил кобылу и, опираясь ладонями на ее спину, примерился вскочить.

— Эй, ты куда? — испугалась его намерений Эпона. — Нельзя!

— Я спешу, — спокойно ответил Велес и одним прыжком оказался на спине белой кобылы позади Эпоны.

Никогда и никто, кроме ее хозяйки, не забирался на лошадь. Кобыла всхрапнула, но неожиданная тяжесть заставила ее быть помирнее. Ошарашенно ахнула и Эпона и уже рванулась вскочить и удрать, но Велес сдвинул коленями бока кобылы и притянул к себе девочку.

— Ну, куда едем? — сухо осведомился он.

Одной рукой он обнимал Эпону, прижимая ее к себе, другой привычно сгреб в горсть пряди лошадиной гривы.

— Вперед, — прошептала Эпона.

Ее кобыла словно сама знала, куда бежать, и стремглав ринулась через лес. Вытянув шею и бешено выкатив глаза, она мчалась не разбирая дороги — так велик был ее страх перед чужаком, что сидел у нее на спине. Встань перед ней каменная стена — она врезалась бы в нее.

Эпона сжалась в комочек. Широкая ладонь Велеса плотно прижимала Эпону к нему, на затылке она чувствовала его дыхание. Еще никто не обнимал ее, и Эпона потеряла голову, забыв обо всем на свете.

Впереди и чуть слева мелькнул далекий свет — в чащах Диких Лесов даже при свете дня царил полумрак, а потому факелы гасились крайне редко. Мерцающие огоньки растянулись цепочкой и двигались навстречу, торопясь заступить беглецам дорогу и одновременно отрезать путь к отступлению.

— Это они, — сказал Велес, сам удивляясь своему спокойствию.

— Надо спешить, — слабо молвила она, — мы должны поспеть первыми!

Но Велес вдруг осадил лошадь и выпрямился, осматриваясь. Лес он пока еще знал плохо, но эта местность была ему знакома.

— Куда бы мы ни прискакали, — молвил он, — обещай мне, что поможешь их

одурачить. Держись!

Девочка взвизгнула, когда он сильным рывком прижал ее к себе. Огни были достаточно близко — острый глаз чародея различал силуэты людей. Белая лошадь была далеко заметна в лесу, да и женский визг привлек внимание. Велес услышал, как позади раздались крики, и лягнул кобылу по бокам. Вскрапнув, она ринулась напролом сквозь чащу. Ветки захлестали по голове и нацеленным вперед рогам Велеса — наклонившись, он плечами защищал Эпону.

— Следи, куда скачем! — рявкнул он в ухо девочке. Оцепеневшая Эпона ожила, пытаясь править лошастью.

Позади постепенно замирал шум погони.

Кобыла мчалась по огромной дуге, обходя левый край облавы. Вырвавшись из смыкающегося кольца, она скакала напрямик и вскоре вылетела на поляну, где рос хорошо знакомый Велесу жертвенный дуб. Сейчас зловещая поляна была пуста, и ее тишина и покой пугали.

— Пусти! — приказала Эпона. Ее лошадь остановилась у самых корней дерева, дрожа всем телом.

Девочка спрыгнула наземь и повелительно махнула рукой Велесу.

— Прячься в дупло! — приказала она, указывая на узкую щель в стволе на высоте трех-четырех локтей. — Там они тебя не найдут! Таран слишком боится богов, чтобы позволить кому бы то ни было посягнуть на дуб!

Велес с тревогой оглянулся назад — погоня пока еще была далеко. Он подумал, что коль там Перун, Таран сделает все — даже своими руками спилит дерево, будь оно трижды священно.

— Слушай, девочка, — обратился он к Эпоне, — ты должна мне помочь кое в чем... Это не опасно — тебя они нетронут... Отвлеки их внимание — они погнались за всадником на белой лошади, так пусть погоняются за лошастью еще немного. Ты меня понимаешь?

— Да, Велес!

Эпона вдруг бросилась к нему и, поскольку не могла дотянуться до его широких плеч, обхватила руками его талию и застыла.

— Спешите! — Велес силой отодрал девочку и почти швырнул ее на спину лошади. — Лети как ветер!

Получив ощутимый пинок, кобыла взвизгнула и одним длинным прыжком исчезла в чаще — только рассыпался под деревьями дробный перестук копыт.

Подтянувшись на руках, Велес влез в дупло, стараясь оставлять как можно меньше следов на коре и земле вокруг. Внутри оказалось чересчур тесно для его массивной фигуры и высокого роста. Рога упирались в потолок, вонзаясь в дерево. Неловко повернувшись, Велес понял, что рискует застрять в дупле. Стараясь не шуметь, он поелозил там, локтями очищая побольше места, и наконец смог устроиться поудобнее. Отсюда можно даже нанести первый удар — Таран не такой уж сильный чародей, его нетрудно обезвредить с первого раза, а тогда совладать с воинами проще простого.

Снаружи послышался приближающийся шум торопливых шагов. Большая часть людей протопала мимо, к вящей радости изгнанника, но следом послышался топот тяжелых копыт боевого коня, и Велес понял, что попался.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Перун и Таран двигались вместе, держась чуть в стороне, чтобы не являться на глаза врагу раньше времени и дать ему обнаружить себя. С первого же взгляда оба догадались, что белая лошадь несет на себе беглеца, и приказали воинам ринуться в погоню, а сами по-прежнему не торопились. Их враг был слишком силен и опасен, надо дать ему возможность увязнуть в бою с остальными, чтобы нанести удар наверняка. Именно поэтому Перун и Таран появились на поляне подле дуба уже после того, как основные силы промчались мимо, преследуя всадницу. Ящер опустил голову к земле и, раздувая ноздри, держал след. Десятки

бегущих уже затоптали все вокруг, но для зверя с его нюхом это не было помехой. Памятуя, что пособник Перуна пеший и может отстать, Ящер все время двигался ровной рысью, но на поляне неожиданно сбавил ход и пошел шагом.

— Ты чего это? — Перун толкнул его в бок. — Случилось что?

С шумом дыша через нос так, что летели в стороны травинки и пепел костров, Ящер приблизился к дубу и стал тщательно обнюхивать землю. Погоня не пробежала здесь — даже в азарте люди не могли себе позволить подойти ближе положенного к священному дереву. Изучив землю под ним, Ящер вскинул голову, не забывая, что все еще сохраняет обличье коня.

— Они здесь были, — откликнулся он так тихо, что его расслышал только Перун.

— И что дальше? — огрызнулся Сварожич.

— Велес спешил.

— И что?.. Что? — Перун наклонился вперед, заглядывая в глаза бурого коня, которые начали понемногу наливать кровавым светом. — Значит, там, впереди, обман? Приманка?

— Да. Он где-то здесь!

Таран со стороны, благоговейно затаив дыхание, наблюдал за действиями бога. Он разгадал тайну беглеца! От него ничего не укроется! Он действительно бог!

Велес в дупле застыл, боясь вздохнуть, и только ругал себя последними словами, изнывая от досады и злости на самого себя. Он многое повидал в жизни — сражался, побеждал и проигрывал бои, хитрил и изворачивался, порой совершал подлости, но еще никогда не прятался, не таился от врага. То, что должно было с ним случиться, казалось достойной наградой за трусость.

Оглядевшись, Перун остановил пристальный взор на дубе. С высокой спины Ящера дупла было не разглядеть, и он подъехал ближе, заглядывая под крону. Он не сдержал радостного вскрика, увидев отверстие. Правда, рассмотреть, есть ли кто внутри, было трудно, и он решил спешиться.

Но тут дорогу ему неожиданно заступил Таран. Боевой вождь решительно взял витязя за локоть, подняв на него построжевшее сухое лицо.

— Что ты хочешь сделать? — спросил он пустым голосом, в котором вместе со страхом прогневать бога сквозило упрямство.

— Если он здесь сошел с коня, то не для того ли, чтобы спрятаться в дупле? — Перун кивнул на дуб и отстранил Тарана. — Если он там, ему некуда деться — он в ловушке!

— Ты не посмеешь приблизиться к дереву! — заявил ему Таран. — Никто не может приблизиться к нему в неурочное время!

— Велес приблизился, — возразил Перун. — Ты не знаешь, на что он способен!

— Если он это сделал, его покарает великий дух, — уверенно высказался Таран, — но...

— За него это сделаю я! Прочь с дороги! Он у меня под носом! Я не отступлю, пока его рога не станут украшением моих покоев!

Он оттолкнул Тарана и прыгнул наземь, доставая меч.

Велес сидел в дупле ни жив ни мертв и отчаянно придумывал, что делать. Заставить Тарана поспорить со Сварожичем и вынудить их к схватке? Но Перун убьет боевого вождя и все равно достанет изгнанника.

Перехватив поудобнее меч, Перун решительно направился к дуплу. Оно было отлично видно, и в него действительно мог забраться Велес. Сварожич уже протянул руку, творя на всякий случай защиту от чародейных сил своего противника, но тут дорогу ему опять заступил Таран. Боевой вождь был бледен как снег, но настроен решительно.

— Не сердись, — быстро заговорил он, — но позволь мне первому подойти к дереву. Ты еще не знаешь, какое оно — однажды был случай, когда в ясную погоду с его ветвей спустился огненный шар размером с голову ребенка и спалил одного друида. Дерево меня знает, оно не прогневается на меня!

Перун сердито поджал губы.

— Если ты считаешь, что там тебя ждет смерть, иди, — отрубил он. — Но если вздумал врать — смерть тебя подождет здесь!

Таран бросился к дереву.

Подойдя, он внимательно осмотрел землю вокруг и складки коры в основании ствола. Как он и думал — и как догадался Перун, — зоркий взгляд мог различить следы чужака. Тарану даже показалось, что он чувствует чужой запах из дупла — резкий дух зверя и человеческого пота. Внутренне усмехнувшись и удивившись прозорливости Перуна, он на цыпочках подкрался к дуплу, которым сам порой пользовался во время жертвоприношений, и заглянул в него.

Он знал его досконально — мог с закрытыми глазами найти в стенках дупла тайники, где прятал тетивы для стрел и всякие мелочи. Он помнил, что в толстой подстилке из трухи и листьев спрятан светильник с жиром барсука. Точно зная, где его можно найти, он протянул руку, запуская ее в мягкую подстилку, и... нащупал что-то живое.

От неожиданности Таран чуть не вскрикнул, осторожно шевеля пальцами. Под его рукой двигалось толстое округлое тело, покрытое чешуей. Не успел Таран подумать о змее, как увидел ее.

Из мрака вынырнула огромная плоская морда с выпуклыми бездушными глазами. Пасть ее распахнулась, открывая розовый зев и два тонких кривых зуба, с которых капал яд. Змея с шипением метнулась к Тарану — и он отскочил прочь, не удержавшись на ногах.

Перун увидел, как его спутник с диким воплем упал на землю, и ринулся мимо него.

— Стой! Там его нет! — еле успел крикнуть ему вслед Таран.

— Там кто-то есть, — возразил Перун.

— Да, там огромная змея! Она, наверное, толщиной с меня! Он не мог там спрятаться!

— Или же сам принял облик змеи, чтобы напугать такого труса, как ты! Он чародей и может все!

Услышав такие слова о себе, Велес обрадовался. Ему удалось напугать Тарана, и тот теперь близко не подойдет, но одновременно он разозлил Перуна. А со Сварожичем, когда он в гневе, спорить было опасно.

Перун подошел к дубу, готовый к бою. Он уже поднял меч, намереваясь нанести удар наугад, когда сзади послышался спокойный старческий голос:

— Что нужно тебе на нашей поляне?

Узнав этот голос, Таран вскочил и метнулся в сторону, а Перун развернулся к новой помехе.

— Что хочу, то и делаю! — воинственно заявил он. Перед ним стоял высокий статный старец, державшийся удивительно прямо и спокойно. Позади него замерла белая лошадь, на которой сидела Эпона. Девочка переводила глаза с Тарана на Перуна и обратно, избегая смотреть на дуб.

От старика исходила уверенная сила. Чем-то он напоминал патриарха Сварга и немного — Даждя, каким Перун помнил брата, а потому он укротил свою враждебность.

— Я здесь для того, чтобы покарать своего врага, — сказал он и кивнул на дуб: — Он здесь в ловушке, деваться ему некуда, и я наконец расправлюсь с ним!

— Я знаю твоего врага, ибо разговаривал с ним и испытывал его несколько дней, — кивнул старец. — Я чувствовал нечто подобное...

— Так отдай его мне! — воскликнул Перун.

— Боюсь, что это невозможно, чужеземец.

Услышав последние слова Дагды, Велес впервые в жизни потерял над собой контроль и шевельнулся в дупле. Дуб отозвался дрогнувшей кроной.

— Ага, ты здесь! — закричал Перун. — Прощайся с жизнью!

Не обращая внимания на людей, он кинулся к дубу, но что-то удержало его. Дернувшись, Перун услышал треск рвущейся ткани. Обернувшись, он ахнул — откуда ни возьмись вырос кустик. Его колючие ветки зацепились за край его плаща и тянулись к сапогам. Гибкий прут прямо на глазах остолбеневшего витязя ловко обвил его ногу у

щиколотки. Рядом зашевелился второй куст — его ветки тоже потянулись к Перуну.

Взревев от досады, тот взмахнул мечом, зарубая кустики, но на их место уже спешили новые. Они заполняли поляну, вставая стеной между дубом и человеком. Некоторые начали расти, поднимаясь до груди Перуна.

— Если не остановишься, — спокойно сказал Дагда, — тебе придется пожалеть о том, что явился к нам в леса, да будет поздно!

Перун замер с поднятым мечом.

— Я должен его убить!

— Я знаю, — кивнул старец, — но знаю также и то, что твой враг доверился нам. Уезжай с миром — мы не отдадим его тебе!

— Но почему? — закричал Перун, чувствуя, что сейчас сойдет с ума от бессилия и досады. — Я столько гнался за ним! Я преследовал его по всему обитаемому миру и готов преследовать и дальше! Я должен покарать его! Ты еще не знаешь, старик, что он натворил! Он сделал несчастной всю мою семью! Из-за него я потерял покой! Он хотел моей смерти...

— Ты мстишь ему за его желание? — уточнил Дагда. — Что ж, если оно было достаточно сильно, мысль может принести вред...

— Видишь! — обрадовался Перун. — Убери свои кусты и дай мне совершить месть!

Старик ничего не ответил, а кусты рассредоточились вокруг дуба, охватывая его кольцом и грозно шевеля колючими ветками.

— Твое желание невыполнимо, — Дагда развел руками, — ведь ты еще жив и твой враг скрывается от тебя. Значит, он не таит на тебя обиды, хотя я чувствовал, когда говорил с ним, что ты причинил ему много боли.

От возмущения Перун задохнулся, теряя дар речи, и обернулся на Ящера. Но его друг был совершенно спокоен и заинтересованно слушал старика.

— Попробуй простить его, — предложил Дагда остолбеневшему Перуну. — И увидишь сам, что будет!

— Поздно, — покачал головой тот. — Слишком поздно! Все твердят, что я должен делать, а что не должен, как будто я дитя малое! Я докажу, что прав, когда исполню задуманное!

— Ты совершаешь ошибку. Пора повзрослеть и перестать быть ребенком. В тебе еще слишком много детского — ты не можешь простить давнюю обиду и тем усугубляешь свою вину.

Этого Дагде не следовало бы говорить, и Велес в дупле покрылся холодным потом, когда услышал ответ Перуна.

— Он обесчестил меня и мою жену, — сказал Сварожич. — Она понесла от него, а он, прикрывавшийся словами любви к ней, бросил женщину и совершил то же самое с моей сестрой. И еще неизвестно, скольких женщин и девушек он так же затащит к себе на ложе!

Услышав это, Таран неожиданно оказался рядом и вскинул руки. Фигура его полыхнула розовым пламенем, как в тот раз на поляне, и кусты с жалобным треском уронили ветки. На глазах Перуна они стали расползаться в стороны, вытаскивая корни из земли и шагая на них, как на лапах. Некоторые из них втянулись в землю, не оставив и следа на поверхности.

— Ты слышала, Эпона? — крикнул Таран девочке. — Ты защищала его, а он побалуется тобой и бросит ради... той же Бриххит!

Девочка ахнула и, соскочив с лошади, бросилась к Дагде:

— Останови его!

Перун мечом уже расчистил дорогу. Несколько самых упорных кустов все-таки уцепились за него, но Сварожич рванулся, оставив на колючках добрую половину плаща, и устремился к дубу.

— Вылезай, трус! — крикнул он, замахиваясь, — Умри как мужчина, уродина!

Сверкающее лезвие с гулким гудением врезалось в ствол дуба. Дерево сотряслось до основания, закачало ветками. Листва посыпалась наземь, а громадный кусок коры отлетел к

ногам Тарана. С усилием выдернув меч из глубокой трещины, Перун замахнулся снова, целясь в дупло.

Звонкий птичий клекот послышался сверху, и какая-то светлая тень пала прямо на голову Перуну, дернув его за волосы. В азарте Сварожич только отмахнулся от помехи, но вынужден был остановиться и обернуться к ней.

Над ним с пронзительными криками, в которых сквозила боль и тревога, кружил крупный светлый сокол. Его почти белое оперение отливало золотом. В круглых ярких глазах светился ум.

«Сокол хочет тебе что-то сказать, — долетела мысль Ящера. — Он прилетел с севера!»

То, что сейчас происходило дома, ничуть не волновало Перуна, но сокол был необычайно настойчив.. Видя, что Сварожич колеблется, он завис над ним, крича и трепеща крыльями. Судя по всему, он собирался сесть прямо на лезвие меча, но, подумав, опустил на плечо Перуну.

— Беда! — выкрикнул он голосом Стривера. Неподдельная тревога, звучавшая в голосе далекого брата, передалась Перуну. Неужели война?

— Говори, — приказал он птице, дернув ее за лапку.

Сокол встряхнул оперением и, не открывая клюва, заговорил голосом Стривера, в точности повторяя его интонации и слова:

— Перун, у нас беда. Только что стало известно — исчезла Дива. Как она выбралась из замка — не знает никто. Я сейчас улетаю на ее поиски — она взяла с собой ребенка... Здесь все с ног сбились... Я посылаю за тобой Рарога — это ручной сокол Смаргла. Пожалуйста, возвращайся, пока еще не поздно! Рарог приведет тебя... Спешу, брат!

Договорив, сокол расправил крылья и заклекотал обычным своим голосом, радуясь, что выполнил поручение.

— Видишь, что ты наделал? — обернулся Перун к дубу. — Теперь она погибнет по твоей вине!

Дуб молчал, словно в нем никого не было.

— Я предупреждал, — подал голос Дагда. — Оставь его и спешу к своей семье. Не плоди зла большего, чем уже рождено. Как знать, может, однажды все переменится и твоя жизнь будет в его власти. Спешу туда, куда зовет тебя долг перед твоим родом.

Сокол все вопил, хлопая крыльями. Перун погрозил дубу мечом.

— Так и быть — сейчас я уеду, но если с Дивой что-то случилось за время моего отсутствия, это преступление будет твоим. Тогда я достану тебя и на краю света. Молись, чтобы это было не так!

Не прибавив более ни слова, он бросился к Ящеру и вскочил в седло.

«А ты ее любишь! — удивленно молвил Ящер. — Иначе зачем ты оставляешь ему жизнь?»

«Молчи, — отозвался Перун. — Сначала я должен разобраться с Дивой!»

«Убьешь ее?»

«Еще не знаю!»

«Вспомни, что ты ее любишь! Вспомни о ее сыновьях! Подумай, пока не поздно — едешь ли ты карать или миловать. И кого?»

В мозгу Ящера снова ясно всплыл образ горячей кузни, и впервые в жизни Перун не нашел, что ответить другу.

Таран посмотрел вслед стремительно умчавшемуся Перуну. Только сейчас он заметил, что на границе поляны столпились воины. Не решаясь попасть на глаза боевому вождю и богу, они прятались за деревьями и только теперь вышли вперед. От осознания того, что они все видели, Тарану стало стыдно. Не обращая внимания ни на кого, он бросился прочь с поляны — искать, на ком выместить досаду.

В тот же миг Эпона ринулась к дубу.

— Велес! — закричала она. — Велес, ты жив?

Не добежав нескольких шагов, она застыла на месте — ноги отказались ей служить. В

листве что-то зашевелилось, сучья раздались в стороны, и Велес спрыгнул наземь, отряхиваясь от трухи.

Колени Эпоны подогнулись, и она беззвучно осела на землю. Изгнанник бросился к ней, вскинул на руки — и девочка ткнулась лицом ему в плечо, обхватив руками шею и еле сдерживая слезы.

— Это ты привела Дагду? — тихо спросил у нее Велес. Эпона кивнула.

— Спасибо, — ответил он и понес ее к старцу.

* * *

Ящер забыл о том, что на свете существуют усталость и голод. Не останавливаясь ни на миг, он проделал весь путь до северных гор. Задержался он только однажды, на обрыве над морем — для того, чтобы скинуть поднадоевшее обличье коня и снова стать самим собой. За все девять дней пути он ни разу не сомкнул глаз, ни разу не остановился поохотиться. Огромный зверь мог, если надо, долго обходиться без пищи и отдыха, но Перун был менее вынослив. Ему ни часа не удалось вздремнуть, и в животе все давно уже притихло, устав напоминать о себе. Только упорство и упрямство до сих пор поддерживали его да еще Ящер, который зорко следил за тем, чтобы его подопечный не задремал, пока они парят над морем. Чуть только уставший Перун склонял голову на грудь, Ящер принимался выделять в небе такие фигуры, что привычный к высоте Перун зеленел, судорожно цепляясь за чешую и борясь с дурнотой.

Ящер знал свое дело, нарочно не давая Перуну успокаиваться. Если не переворачивался в воздухе вверх тормашками, он изводил витязя воспоминаниями. Образы Дивы, Ршавы, Тарха, Велеса и горячей кузни сменялись в воспаленном мозгу Сварожича, и зудел голос зверя: «Думай, думай, пока не поздно!»

— Объясни, что ты от меня хочешь? — наконец взмолился Перун.

— Ты должен понять, что, стремясь искоренить зло, сам совершил преступление и тебя тоже ожидает кара, — хладнокровно отозвался Ящер. — Я удивляюсь твоим братьям — как они не отвернулись от тебя, почему сообщили, что с твоей женой беда — ведь ты причинил ей столько зла, что они должны были спрятать ее от тебя! Ведь ты же неисправим! Ты убьешь ее, если увидишь!

— Ты в этом уверен? — Кулак Перуна врезался в чешуйчатую спину.

— Конечно! — безжалостно продолжал Ящер. — Это видно всем, даже мне, хоть я и люблю тебя. Ты несдержан, безрассуден, вспыльчив и гневлив без меры! В мое время таких, как ты, изгоняли! От них отрекался род — ведь тот, кто убивает своих, тем более женщин и детей, не должен жить с людьми! И если кто-то из твоей родни вспомнит об этом законе, я буду на их стороне!

— И бросишь меня? — ужаснулся Перун.

— Так велит закон.

— Так ты везешь меня на суд? — догадался Перун, чувствуя, как похолодело все внутри.

— Не бойся, — к вящему ужасу витязя Ящер утробно рассмеялся, — тебя не обязательно убьют. Если ты раскаешься, то будешь лишь изгнан навеки, а если поклянешься всей жизнью искупить свою вину, могут и простить при условии...

— При каком? — немедленно спросил Перун, но Ящер замолчал, предоставив приятелю наедине с собой мучиться от тяжелых дум.

Под крыльями Ящера замелькали северные горы — где голые бесплодные скалы, где густые дикие леса, изрезанные ущельями, руслами рек и морских заливов-фьордов. На их берегах гордо высились замки, кое-где на плато виднелись другие поселения. До владений патриарха Сварга было еще полдня полета, но Ящер мог теперь не беспокоиться о том, чтобы не давать Перуну спать — его другу было не до сна.

Упираясь руками в жесткую холку зверя, Перун невидящим взором смотрел перед

собою. Самые черные думы о своем будущем теснились в его голове. Он не предполагал, что его могут осудить на смерть или изгнание, но вдруг это случится? Он знал, что изгнанником был Велес. Все эти годы он где-то жил, а где жить ему, Перуну? В каком городе? Или в одиночестве в лесу? А сможет ли он жить совсем один? Ведь тогда и Ящер его покинет — кто же захочет делить изгнание с преступником?..

Остаток пути Ящер упрямо молчал, не обращая внимания на настойчивые попытки Перуна заговорить с ним. Мало того — не скрываясь, так, чтобы витязю был ведом его поступок, он еще на подлете дал знать о себе в замок. Это заставило Перуна почувствовать испуг — выходило, что его там будут ждать, и вряд ли с добрыми намерениями.

Замок отца встретил Сварожича молчанием. Немногочисленная стража даже не покосилась на крылатого зверя, и только одна фигурка выскочила из башни и поспешила за ворота. Сокол Рарог, что во время полета кружил над головой Ящера, с призывным клекотом кругами пошел ей навстречу. Человек остановился на подъемном мосту, заслонив глаза от солнца, и махнул рукой Ящеру, указывая, что он должен сесть в полуверсте от замка.

Поняв этот жест и увидев, что его друг беспрекословно подчинился, Перун упал духом. Он покорно позволил довести себя до места, спешился и с убитым, но все еще непокорным видом стал ждать бегущего к ним сломя голову Стривера. Тот был почему-то один, без охраны для пленения преступника, и Перун немного воспрянул духом — если его не возьмут сразу, он сделает все, чтобы избежать наказания.

Стривер подбежал и бросился к брату:

— Наконец-то! Знаешь, как мы тебя ждали!

Сокол кружил над ним с задорными криками, норовя опуститься на голову.

Стривер хотел было обнять брата, но Перун отстранился.

— Я готов признать свою вину, — быстро сказал он, — и искупить свершенное, если ты поможешь мне оправдаться!

Стривер вскинул удивленный взгляд на Ящера:

— О чем это он?

Огромный зверь замер над братьями, как утес, и даже не пошевелился. Потом его янтарного цвета глаз ожил, нашел Стривера и подмигнул ему.

— Как? — воскликнул Перун, быстро сообразивший, что, на его удачу, Стривер ничего не понял. — А разве я не объявлен преступником и убийцей?

Худое лицо брата сразу стало еще уже.

— По закону так и надо было сделать, — строго ответил он, отступая. — Дива сказала, что хочет порвать с тобой. Тебе и правда грозит изгнание — по крайней мере, отец настаивает на этом. Прочие молчат — никто не встал на твою защиту, но и смерти твоей не желают. Я должен был передать тебе это, но раз ты заговорил об искуплении...

— Погоди-погоди, — остановил его Перун, отчаянно цепляясь за блеснувший луч надежды, — ты сказал, что Дива... Ты видел ее? Она жива? А ее ребенок?.. Ты известил меня через сокола, что она исчезла...

Стривер отшатнулся перед таким напором.

— Дива нашлась, но сомневаюсь, что она захочет с тобой говорить о чем-то, кроме разрыва! — ответил он каким-то странным голосом.

«Ящер, а разрыв непременно означает изгнание?» — мысленно окликнул зверя Перун.

«Да, раз они не собираются покарать тебя», — ответил тот.

— Я должен ее увидеть, — твердо сказал Сварожич брату. — А ты сам видел ее?

Стривер стиснул зубы и отвернулся с видом человека, которого ведут на казнь.

— Один раз, — выдавил он, — дней двадцать назад... Но ты не заставишь меня...

Перун рванулся к нему и схватил брата в охапку.

— Заставлю, — прошипел он на ухо Стриверу, — точно так же, как когда-то заставил тебя пропустить меня в замок отца... И ты отведешь меня к Диве!

— А ты совершишь еще одно преступление, — отгрызнулся Стривер, безуспешно пытаясь разорвать кольцо братних рук.

«Он прав, — долетела мысль Ящера, — отпусти его и попроси как положено. Вспомни, с какими мыслями ты приехал сюда! Ведь только Стривер не отвернулся от тебя!»

Перун послушно отпустил Стривера и отступил, пряча руки за спину.

— Ты должен отвести меня к ней, — тише повторил он. — Я обещаю, что буду сдержан — мне просто надо ей кое-что сказать... если достанет сил.

* * *

Стривер был у Смаргла всего раза два — накануне гибели детей и двадцать дней назад, когда младший брат решился доверить старшему свою тайну. Дива тогда уже дней десять прожила в домике на острове и успела оправиться. Она знала о посещении Стривера, и с ее согласия он открыл остальным, где находится жена Перуна и где собирается жить до конца своих дней, если не найдет более подходящего жилья. Стривер отлично знал дорогу до берега, но по мосткам в зарослях пройти не мог. Ящер и его спутники остановились на берегу, и только сокол Рарог перелетел на остров, приветствуя его жителей веселым звонким клекотом.

Не заметить Ящера, чья клиновидная голова возвышалась над верхушками деревьев, было трудно, а потому Смаргл не был удивлен, увидев Перуна. Выйдя навстречу братьям, он окинул их долгим взглядом и жестом пригласил на остров.

Молодая листва и свежие зеленые побеги камыша надежно скрывали настил на мелководье, но Ящер облегчил гостям задачу, положив вместо моста свой хвост.

Смаргл ждал братьев у самого уреза воды, не давая им выйти на сушу. Скрестив руки на груди, расправив плечи, он исподлобья разглядывал Перуна. Берег здесь был высок, и маленький ростом Смаргл казался выше старшего брата на полголовы. А суровый осуждающий взгляд делал его гораздо старше. Кроме того, почти год жизни в лесу закалил меньшего Сварожича, уничтожив остатки юности. В простой рубахе и кожаных портах, босой, он выглядел величественнее Перуна в кольчуге и боевом вооружении. Верные волки стояли позади, вздыбив шерсть на загривках.

— Зачем пожаловал? — мертвым голосом осведомился он. — Я тебя не звал.

— Дива у тебя? — Перун шагнул вперед. — Мне с нею поговорить надо!

— Поговорите позже, — оборвал Смаргл, — когда она сама решит.

— Но я должен это сделать! — взорвался Перун, притопнув ногой. — Пойми, должен... Ну, я прошу тебя — позови ее!

Выдавив из себя непривычное слово, он потупился, чувствуя себя как никогда глупо — словно маленький ребенок. Даже в детстве он редко опускался до умоляющего тона, а сейчас, когда в кудрях мелькает седой волос...

Смаргл через его склоненную голову перемигнулся со Стривером и усмехнулся, заметив, что Ящер с другого берега с интересом следит за происходящим.

— Хорошо, — небрежно молвил он, отворачиваясь, — скажу ей. Захочет — выйдет!

Он ушел в дом, не забыв плотно притворить за собой низкую тесовую дверь. Едва он скрылся, Перун одним прыжком оказался на берегу, нервно сжимая кулаки. Больше всего он сейчас мечтал, чтобы Стривер и Ящер исчезли, оставили его одного, но они были тут и пожирали его любопытными взглядами. Перун чувствовал их у себя на затылке и понимал, что должен пройти через это унижение, если на самом деле не хочет изгнания.

Дива долго не появлялась, заставив поволноваться даже Стривера, но причина была не только в том, чтобы дать Перуну время потерзаться. Только вчера Луна немного раньше срока разрешилась от бремени сыном, и в хозяйстве рук не хватало.

Наконец она вышла — в поневе Луны с подшитым под ее рост подолом. Длинные богатые волосы ее были убраны и зачесаны назад. Под светлыми глазами залегли круги от бессонной ночи. На руках она держала младенца.

Глаза супругов встретились. Перун переменялся за эти дни — похудел, спал с лица, потемнел, под нависшими бровями лихорадочным огнем горели глаза. Он выглядел усталым

и измученным. Чуть ли не страх отразился на его лице, когда он увидел ребенка. Дива прочла это в глазах мужа и закрыла ребенка рукой, порываясь унести его в дом.

— Не надо! — вырвалось у Перуна.

Дива подняла глаза, не веря услышанному. В них неожиданно для себя витязь увидел жалость и боль раненого зверя. Дива вдруг показалась ему тоже усталой, измученной, затравленной и запуганной, но в ней же была его надежда на оправдание. И Перун опустился перед остолбеневшей женщиной на колени.

— Прости, — словно со стороны услышал он свой голос и отвел взгляд.

Прижав ребенка к себе, Дива с ужасом глядела на мужа.

— Зачем, — прошептала она с мукой, поворачиваясь к Стриверу, — зачем его привели? Я доверилась вам, а вы... В нем погибель моя!

— Дива, погоди! — воскликнул Перун, рванувшись к ней. — Не хотели они — я их к тому принудил! Дай мне слово сказать! Прости меня.

— Я тоже просила прощения, — прошептала Дива, прижимаясь щекой к личику дочери. — Уходи — или уйду я. Опять! И тогда живой меня не увидит больше никто!

Она повернулась, чтобы пройти в дом мимо ждавшего позади Смаргла, но Перун рванулся к ней, ловя за подол.

— Погоди, — заторопился он, когда Дива круто обернулась на него, — позволь сказать, а потом делай что хочешь! Ты не понимаешь, как мне трудно это сказать, ведь я никогда раньше никого не просил. А сейчас мне грозит кара за мое преступление. Мне грозит изгнание, Дива!.. Но я готов искупить свою вину — назови цену, и я заплачу ее!

— Струсил! — презрительно фыркнула Дива. — С невинными детьми ты храбр бороться и с беззащитными женщинами тоже, а чуть паленым запахло — в кусты?

Младшие Сварожичи невольно придвинулись ближе, волки прижали уши и заворчали, Рарог сердито заклекотал, и даже Ящер вытянул с дальнего берега шею, готовый защитить Диву — такое страшное лицо было в этот миг у Перуна. Всем казалось, что сейчас он бросится на жену с кулаками, но витязь только побагровел и ниже склонил голову.

— Я в твоей власти, — произнес он так тихо, что его расслышала только Дива, — делай со мной что хочешь, только дай искупить содеянное... Да, сознаюсь — я не хочу изгнания, боюсь одиночества и на все пойду, лишь бы не выгоняли, потому что идти мне некуда. Что хочешь исполню, только не прогоняй, позволь остаться! Я ведь все делал ради тебя... Да, — заторопился он, пока Дива не ушла, — я всегда мечтал иметь семью — сыновей и дочерей, но у нас долго не было детей... А мой единственный сын... Мой сын от любимой женщины предал меня, пожелал моей смерти. Я всю жизнь любил только ее, его мать. Она погибла не без участия Велеса — того самого Велеса, от которого я поклялся защищать и тебя. Я честно пытался исполнить свою клятву, но когда узнал, что мои усилия напрасны, что он победил меня не в бою — не знаю, что со мною стало! Я словно потерял рассудок...

— Ты мстил Велесу, — холодно перебила его Дива, — но забыл обо мне. Я родила их, они все равно были моими детьми — не важно, кто их отец. Убив моих детей, ты убил меня...

— Нет! — горячо воскликнул Перун. — Я докажу! Мы еще можем начать все сначала! Вернись ко мне, прости — и я докажу, что ты отныне можешь не бояться меня. И твой сын...

— Дочь, — отрезала Дива, — У меня родилась дочь, и я не думаю, что смогу родить тебе еще сыновей.

Перун сжал кулаки. Лицо его потемнело так, что Дива снова почувствовала страх.

— Что ж, — наконец выдавил он, — у меня родилась дочь. Такова моя судьба. Покажи мне ее!

Он встал с колен и, подойдя к Диве, осторожно, как неживую, взял ее за руки, разглядывая розовое личико трехмесячной малышки. Лицо его не выражало никаких чувств, но вот он поднял глаза и выдавил из себя улыбку.

— Она похожа на тебя, — сказал он. — Собирайтесь! Я подожду.

Он вернулся к берегу, где сел на плавающий в воде хвост Ящера.

Дива раненой птицей метнулась к Смарглу.

— Глазам не верю, — воскликнул тот. — Какая муха его укусила? Словно подменили!

— Ящер убедил Перуна, что ему грозит осуждение, — тихо объяснил подошедший Стривер. — Он поверил, что дома его ждет кара, и испугался. Уж не знаю, как удалось Ящеру его сломить, но пока Перун полон решимости искупить свою вину.

— Я его боюсь, — заявила Дива. — Рано или поздно он поймет, что дело не так серьезно, как ему сказали, и тогда снова возмечтает о мести. И первой буду я!

— Если ты останешься здесь, он все поймет, едва переступит порог дома, — сказал Стривер. — А так ты будешь ему вечным укором.

— Я поеду, если только и ты, Смаргл, отправишься туда. Одна я в замке не появлюсь! Лучше в омут! И это мое последнее слово...

— Луне не нравятся стены, — попробовал было возразить младший Сварожич, но Дива не стала его слушать и ушла в дом. Оставшись одни, братья вопросительно переглянулись, и Смаргл развел руками.

Десять дней спустя, дав время окрепнуть Луне и ее новорожденному сыну, две семьи вернулись в замок патриарха Сварга.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Если Перун больше казни боялся изгнания, то Велес давно привык к тому, что его жизнь проходит в чужих землях. Убедившись, что друиды не собираются отдавать его Перуну, он начал обживать в племени.

Первыми его перестали чураться дети, в том числе и девочки — подружки Эпоны. После того как заметили, что с ним любит подолгу беседовать Дагда, многие старики начали принимать его. В окружение Вогезы, отца Эпоны, его ввела мать девочки. А уж после этого и остальные понемногу перестали вспоминать, что он мало похож на человека из-за своих рогов и вообще чужак, по вине которого их племя чуть не поссорилось с богами. Велес достаточно долго прожил в различных племенах, встречался с разным отношением к себе, а потому отлично знал, чем можно завоевать самые неприступные сердца. Одним он давал советы, других называл своими учениками и делился знаниями. Люди понемногу начинали тянуться к нему, и только Таран и его воины держались в стороне, не доверяя и побаиваясь.

А когда Велес освоился, жизнь племени начала понемногу меняться. До сего дня люди жили либо в пещерах, зачастую самодельных и грозивших осыпями, или в дуплах деревьев. Велес из-за его роста и вечно мешавших рогов не мог жить в дуплах, а в пещерах ему не нравилось. Желая обеспечить себя более подходящим жильем, он построил дом, похожий на тот, в котором прошлой осенью жил с Дивой.

Его постройка понравилась. Вскоре большинство захотело переселиться в такие же, несомненно более прочные и просторные, дома, и не проходило дня, чтобы Велес не помогал кому-нибудь.

В тот день заканчивал строить кузню-дом Езза, с которым Велес не так давно излазил все болота в поисках руды. Дом был закончен, и оставалось лишь обойти его изнутри и снаружи с факелом, чтобы, по обычаю, духи огня взяли его под свое покровительство.

Велес оставался снаружи, дожидаясь, пока Езза завершит обряд, и издали различил стремительно приближающийся топот копыт. Лошадь неслась прямо к ним, и Велес довольно хмыкнул — кобылу Эпоны он узнавал всегда.

Не успел он повернуться на шум, как кобыла выскочила навстречу. Девочка привстала на ее спине и на скаку громко звала Велеса.

Белая лошадь остановилась перед самым носом изгнанника. Девочка соскочила с нее, оказавшись с ним лицом к лицу.

— Велес, Таран хочет убить моего отца! Скорее, ты должен мне помочь!

Забыв про лошадь, Эпона схватила его за руку и потащила за собой.

В мире, где постоянные опасности и необходимость сражаться за свою жизнь

подстерегали людей чуть ли не с рождения, царили суровые законы. Чтобы выжить, человеку приходилось бороться не только с природой, но и со своими соплеменниками. Каждому племени необходим был сильный вождь, а потому с давних пор существовал негласный обычай — старого, не имеющего прежней силы вождя убивал один из его преемников. И того, у кого первого поднималась рука сделать это, объявляли новым вождем.

Отец Эпоны не был стар и был довольно крепок — женщины еще рожали от него детей. Однако этой зимой он весьма неудачно упал с горы, сломал обе ноги и провалялся два дня в снегу в лютый мороз. Когда его наконец нашли, он едва дышал, и даже искусство исцеления Велеса не смогло полностью помочь. После этого всем стало ясно, что старик не оправится и навсегда останется еле передвигающимся калекой. Когда месяц назад Велес видел его последний раз, Вогеца показался ему развалиной. Не оставалось сомнений, что сил у него не прибавилось, и Тарану надоело ждать, пока кто-то из его соперников первым перережет старику горло. Кроме того, за Тараном шло большинство воинов и кое-кто из жрецов. Он мог не опасаться мести соперников, пожелай они раньше срока оборвать нить его жизни.

Около больших пещер на поляне уже собралось все племя, когда Велес и Эпона наконец прибежали туда.

Племя разделилось на две части — женщины, старики и дети остановились далеко от склона горы, а воины-мужчины сгруппировались у самого входа, окружая его двумя ошестиненными оружием группами. Но и тут и там мелькали накидки жрецов, что старались протолкаться ближе к центру, где уже была сложена большая крада из поленьев и зеленых веток, на которой преемник должен был сжечь бывшего вождя, освящая свою власть.

Эпона принялась отчаянно расталкивать народ, пробираясь вперед. Велес шел за нею. Многие, узнавая чужака, сами почтительно расступались, освобождая дорогу. Белая кобыла Эпоны следовала за ними по пятам, чтобы быть поближе к своей всаднице.

В тот момент, когда девочка протолкалась в передние ряды, из пещер послышался шум возбужденных голосов и стук оружия. Первым выскочил Таран. Одной рукой он крепко держал за одежду Вогецу и буквально волочил его по земле, направляясь к краде. Следом за ним бежали плачущие женщины, среди которых была и мать Эпоны. Все они причитали, били себя руками по лицу, рвали на голове волосы. Одна из них, самая молодая, упала и забилась в истерике, колотя по земле руками и ногами. Несколько воинов кинулись ее успокаивать и, извивающуюся, дергающуюся, оттащили в сторонку.

Таран подтащил вождя к самому кострищу и бросил на землю, доставая костяной нож, чтобы перерезать ему горло. Вогеца застыл в тупом оцепенении, глядя вдаль невидящими глазами. Женщины рухнули подле него на колени, голоса и плача.

Но в самый последний миг, когда нож был готов вонзиться в горло старика, Велес шагнул вперед и удержал руку Тарана.

— Остановись, — очень спокойно, но достаточно громко сказал он.

На поляне сразу воцарилась настороженная тишина. Люди замолкли, уставившись на загадочного чужеземца, помешавшего свершиться обряду. Женщины перестали плакать и успокоились. Таран забыл про старика и медленно выпрямился, вперяя тяжелеющий взор в пришельца.

В его зелено-стальных глазах загоралась такая жуткая ненависть, что многие отшатнулись.

— Ты чужой, — прохрипел Таран, задыхаясь от гнева, — Как ты посмел нарушить наши обычаи? Ты будешь убит вслед за Вогезой! Сейчас! Я так велю!

Он поднял руку, призывая воинов броситься на чужака, но Велес не дрогнул. Перехватив Тарана за запястье, он вторично пригнул его руку к земле.

— Я чужой здесь, — заговорил он, бросая по сторонам презрительные взгляды, и многие воины, что устремились вперед, остановились, опуская дубины и копья. — Я дикарь, многие из вас считают меня зверем, но ты, — он снова посмотрел на Тарана, — кто не ценит жизни других, очень легко можешь потерять свою собственную. Старик останется жив...

— Но это наш обычай! — На сей раз не только Таран, но и кое-кто из остальных присоединили к нему возмущенные голоса.

— Я требую, чтобы обычай был изменен. — Велес развернулся так, чтобы позади него было как можно меньше воинов. — Скажи мне, есть ли у этого человека сын, готовый защитить отца?

Таран был так ошеломлен его вопросом, что ответил не сразу.

— Младший сын моей матери, — презрительно фыркнул он. — Только Тевта трус и никогда не выйдет против меня!

Услышав знакомое имя — Тевта был в родстве с Еззой, — Велес обрадовался и оглянулся, ища его. От толпы уже отделился мужчина немного моложе Тарана и до странности на него похожий. Он тяжело опирался на суковатую дубину, отполированную его руками почти до гладкости металла.

Велес жестом подозвал его, и тот не посмел ослушаться. Сейчас от этого чужеземца исходила странная сила, с которой не хотелось спорить. Он один вышел против нескольких десятков копий и дубин и совершенно не боялся их, будучи безоружным. Более того — он так спокойно диктовал свою волю, как будто сам давным-давно был вождем племени.

Тевта и Таран остановились друг против друга. Около крады замер на коленях Вогеца — рядом с ним остались всего две женщины. Испуганными глазами они смотрели то на одного, то на другого соперника, но чаще их взгляды обращались к Велесу.

— Мы что, — молвил Таран, поигрывая дубиной, — будем с ним драться?

Велес остановил его взмахом руки.

— Негоже, — промолвил он, — когда брат идет на брата, даже если они спорят за жизнь отца одного из них. Поэтому вы будете биться не до смерти, а только до того момента, пока один из вас не лишится оружия или запросит пощады. Если же кто-то нарушит это правило и убьет или покалечит своего соперника, он будет биться со мной, и тогда мы посмотрим, кто из вас встретит рассвет! Если победишь ты, Таран, — палец Велеса уперся в грудь воину, — поступай со стариком как захочешь — я первым признаю твое право. Но если победит Тевта, старик будет жить, твой брат станет его преемником и сам решит, как поступить. Но в любом случае жизнь его отца будет принадлежать только старику, и никому более. Вы согласны?

Обе женщины — одна из них была матерью Эпоны — склонились к вождю, что-то нашептывая ему в оба уха. Но Вогеца ничего не понимал — он уже простился с жизнью.

Более не обращая на него внимания, Велес отступил на шаг.

Тевта словно только сейчас понял, что от него требуется. Усмехнувшись в бороду, он ответил Велесу неожиданно веселым взглядом, поудобнее перехватил дубину и пошел на Тарана. Тот ждал противника, и на лице его было столько мрачной решимости, что присутствующие решили: сейчас он убьет не только Тевту, но и всех, кто окажется поблизости.

Таран начал первым. Тевта успел отбить его стремительный удар, и противники принялись быстро осыпать друг друга градом ударов. Велес и остальные внимательно наблюдали за схваткой, но затруднились бы сказать, кто из братьев побеждает — оба оказались отменными бойцами.

Упорное сопротивление, неожиданные сила и проворство, выказанные Тевтой, скоро разожгли гнев Тарана, а мысль о том, что ему навязали этот никому не нужный бой, только подстегивала его. Тихо рыча, он атаковал Тевту все яростнее, и тот, будучи моложе и легче, постепенно стал отступать. Тратя все силы только на оборону, он перестал следить за тем, что происходит вокруг. Внезапно что-то попало ему под ноги, и Тевта с изумленным воплем рухнул спиной на краду.

Увидев своего противника в таком беспомощном состоянии, Таран взревел и как дикий зверь бросился на него, спеша добить, пока Тевта не успел увернуться. Его тяжелая дубина поднялась, готовая разmozжить череп противника, но чья-то рука рванула ее назад.

Чудом удержавшийся на ногах Таран успел развернуться — для того, чтобы кулак

подоспевшего Велеса врезался прямо ему в лицо.

Коротко вскрикнув, Таран отлетел в сторону и мешком упал на землю. А Велес оперся на его дубину и кивнул Тевте, который вскочил на ноги.

— Бой окончен, — объявил он.

— Нет! — воскликнул Тевта, кидаясь вперед. Униженный падением, Таран окончательно потерял голову, но удар был слишком силен. Мотая головой, он поднимался с земли, когда на него прыгнул Тевта.

Боевой вождь не успел и шевельнуться, как мощные руки брата сдавили ему грудь. Подняв Тарана над землей, Тевта швырнул его через себя и, не давая опомниться, уселся на нем верхом, сжимая ему горло коленями.

Боевой вождь рванулся, стараясь скинуть тяжесть, но Тевта вцепился в него как клещ. Обхватив голову Тарана руками, он все сжимал и сжимал колени, не давая противнику вздохнуть. Побагровевший от натуги Таран извивался, стараясь стряхнуть противника, но силы его убывали. Он с хрипом ловил воздух посиневшими губами, глаза застилал кровавый туман, горло уже хрустело под коленями врага, и Таран сам не услышал своего голоса, когда наконец выдохнул:

— Пощады...

Разъярившийся Тевта еще продолжал давить на горло противника, даже когда тот перестал сопротивляться. Он бы убил вождя, но Велес, самовольно взявший на себя обязанности судьи, заметил движение губ Тарана. Поспешив ему на помощь, он силой вынудил Тевту подняться.

— Ты победил, — объявил он. — Теперь ты вождь!

Тевта неверяще распахнул глаза, оглядываясь по сторонам. Обведя взглядом поляну, он обернулся на поверженного Тарана. Тот еще не пришел в себя и беспомощно валялся на земле, натужно хрипя.

— Да, — прошептал Тевта, — я вождь!

Медленно, как во сне, он отстранил Велеса и подошел к краде, наполовину разрушенной его падением. Вогезу женщины оттащили на время боя подальше, и старик сидел на земле, жадно глядя на победителя. Встретившись с ним глазами, Тевта выдержал его взгляд.

— Вогеза, — заговорил он негромко, но твердо, — останется вождем, пока жив. Я буду возле него, а когда он умрет, то пусть любой, кто захочет, оспорит мою власть!

Люди встретили его слова молчанием — одни не хотели спорить, другие выжидали. Ярость и горечь поражения наконец помогли Тарану прийти в себя, и он поднялся на ноги, шипя от злости. Обведя застывших людей взглядом, в котором смешались презрение и ненависть, он плюнул под ноги новому вождю, развернулся и, пошатываясь, покинул поляну.

Вместе с ним ушла большая часть воинов, кроме близких родственников Тевты и его друзей. За воинами потянулось несколько женщин и почти все жрецы — кроме Дагды и нескольких его учеников.

Велес не стал ждать, что произойдет дальше, и тоже покинул поляну, возвращаясь к себе в дом.

Миновало несколько дней, в течение которых племя гудело как потревоженное осиное гнездо. Вспыхнуло несколько стычек, кого-то покалечили, две семьи выгнали из дома. Люди ходили вооруженные и ждали опасностей. Велес нарочито не обращал на них внимания — он сделал достаточно, теперь их очередь принимать решения.

Эпона нашла его сама, неожиданно явившись на поляну, где он уединился, уйдя в свои мысли и медитируя. Девочка пришла пешком, оставив где-то свою лошадь, а потому Велес, погруженный в созерцательный транс, не замечал ее до тех пор, пока она не дотронулась рукой до его плеча.

Неохотно выйдя из транса, Велес поднялся и побрел за девочкой, в глубине души проклиная на все лады свою снисходительность.

Они в молчании шли по лесу. Эпона опустила голову и лишь изредка бросала на своего спутника многозначительные взгляды — она явно хотела что-то сказать, но не решалась. Велес тоже не обращал на нее внимания, за исключением тех моментов, когда требовалось помочь ей перебраться через валежник или ручей.

Вдруг Эпона тихонько окликнула его:

— Велес!

Он остановился, внимательно посмотрел на девушку.

— Протяни руки, — сказала она. Велес выполнил ее пожелание.

— Нет, не так — вверх ладонями!

Когда Велес сделал, как она велела, Эпона вложила в его ладони свои пальчики, сжала их и прижалась к его груди.

— Сделай меня своею, Велес, — промолвила она. — Сделай меня своей женщиной!

Велес в недоумении посмотрел на светловолосую головку, припавшую к его груди.

— Эпона, — только и смог вымолвить он.

— Я очень хочу этого! Пожалуйста!.. И потом — ты должен это сделать! — прошептала девушка. Ее хрупкое тело вздрагивало так, словно она замерзла.

Очень осторожно, бережно, как сухую травинку, Велес обнял ее.

— Понимаешь, — заговорил он, — я все не решался тебе сказать... Там, откуда я приехал, есть женщина, которую я люблю. Она мать моего ребенка. Я столько лет шел к этой женщине, наделал столько ошибок, пролил столько крови для того, чтобы мы с нею обрели друг друга. Пойми, Эпона, я не могу, не должен изменять ей даже в мыслях!

— Глупый! — Девушка подняла на него глаза и прижалась еще теснее. — Ты ничего не знаешь. Таран ненавидит своего брата и готовит нападение. Племя раскололось на две половины — одни поддерживают Тарана, другие Тевту и тебя. Ты должен примирить наше племя, но ты чужеземец и тебя не послушает никто. Но если ты станешь мужем одной из нас и бросишь свое семя, тебя послушают и за тобой пойдут. Пойми — ты должен так сделать ради спасения своей жизни, ради меня и моего отца!

Велес посмотрел на ее склоненную головку и понял, что ничего другого ему не остается.

* * *

С той злосчастной зимы миновало уже несколько лет, и многое успело забыться, но как-то раз одинокий всадник нежданно-негаданно появился на склоне горы, полого спускавшемся к косе, на которой высилась застава Бури. Ее кобылки где-то бегали — до заката было много времени — и ведьма была одна.

Череп на тыне были надежными сторожами — они издали оповещали о появлении чужого, но на сей раз молчали, и только собачий череп поднял лай, когда всадник, наклонившись под перекладной ворот, въехал во двор.

Пока он осматривался, соображая, где находится, ведьма догадалась о приезде нежданного гостя и выскочила на крыльцо. Глазам ее предстал высокий худощавый незнакомец на вид чуть старше тридцати лет, одетый слишком тепло для начала лета — особенно здесь, у теплого моря. Буре сразу бросились в глаза его длинные снежно-белые волосы, собранные в лохматый хвост на затылке, а когда он обернулся на скрип двери, ведьма увидела узкое, изрытое морщинами и оспинами лицо с маленькими бесцветными глазами, мясистыми носом и губами. Не признать его было нельзя.

— Кошей? — ахнула старуха, всплеснув руками, и кубарем скатилась с крыльца навстречу гостю. — Сынок!

Гость презрительно скривился, когда ведьма подбежала, протягивая руки, но потом сменил гнев на милость и процедил как можно любезнее:

— Здравствуй, мать!

Буря чуть ли не силой стащила его с седла и горячо стиснула в объятьях. Рядом с ней,

плотной и могучей, Кощей казался тощим и нескладным. Не обращая внимания на то, что ее сын морщится и отворачивается, Буря все тискала его, обдавая едким запахом пота и лука, трепала по щекам, поворачивала то одним боком, то другим, жадно осматривая наряд сына.

— А ты переменялся! — наконец с удовольствием молвила она. — Ого какой ты стал! Подрос, приоделся! Совсем мужчина! Не думала я, что из тебя что-то получится. — И ведьма с чувством шлепнула ладонью по его плечу. — Ну, пошли в дом! Там все расскажешь!

Кощей и правда изменился с тех пор, как зимой последний раз сразился с Даждем. Он уже не казался подростком — раздался в плечах, в движениях его появилась сила и уверенность, но все это потускнело подле Бури, которая обращалась с ним как с мальчиком. Не в силах сопротивляться, Кощей последовал за матерью в терем.

Только на высоких крутых ступенях с продавленными от частых хождений краями он приостановился.

— Где отец? — спросил он, тщетно стараясь, чтобы его голос звучал уверенно — отца он боялся и недолго любил даже сейчас, когда достиг многого в жизни.

Буря захихикала, потирая руки.

— Нет его здесь, сынок, — молвила она. — После того как ты удрал, мы с ним рассорились. Я собрала вещички и перебралась сюда. Отличное местечко, не находишь? Покойно, и весь мир под боком!

— Да, правда, — согласился Кощей. Весть о том, что отца он не увидит, обрадовала его — старик презирал меньшего сына, считая его чуть ли не выродком.

Буря провела сына в горницу, показывая все уголки в доме. Здесь было не так просторно и уютно, как привык Кощей, но зато не было суеты и толчеи.

Обрадованная приездом сына, Буря трещала без умолку, не сводя с Кощей блестящих от волнения глаз. Младший сынок, от которого никто ничего не ждал, явился к ней на прекрасном коне, в богатых одеждах, при оружии, украшенном чеканкой, взматеревший и гордый. Она была так довольна, что начала расспрашивать сына только вечером, после того как он отдохнул с дороги и поужинал. Прикрыв окно от любопытных кобылок, что, прознав о госте, лезли мордами во все щели, ведьма с открытым ртом внимала рассказу сына о тех без малого девяти годах, что он бродил по свету. Известие о том, что Кощей завел жену и повелевает обширными владениями, привела Бурю в такой восторг, что она расцеловала сына в обе щеки.

— Заведешь деток — привези показать! Да и на жену твою поглядеть охота.

— погоди, мать, о внуках мечтать, — перебил ее Кощей. — Я сначала хочу исполнить, что задумал. Несколько лет назад удалось мне изловить единственного человека, который мог бы мне помешать, — Даждя из рода Сварожичей. Я его уж было поймал, да ему бежать помогли. Некий Велес...

Услышав это имя, ведьма и правда забыла о будущих внуках.

— Полузверь с головой быка? — прошипела она.

— Да, а ты его знала?

— Так вот зачем он ко мне приезжал да врал, что в бегах и на остров на Огненной Реке пробирается...

— Он явился ко мне в дом, — скривился как от зубной боли Кощей, — сказал, что Сварожичам мстить хочет, а сам улучил время и удрал. Да не один — прихватил Даждевых прихвостней, двух мальчишек, которые за ним пришли. Сам Даждя вызволил, а на моих воинов Пекло натравил. Я больше года воевал по его милости, кое-каких земель лишился...

— Ведь чуяла же я! — Ведьма с досадой пристукнула ладонью по столу. — Понимала, что врал! Никогда он со Сварожичами не ссорился!.. Эх, и надо ж было так опростоволоситься!

— Мы должны отомстить ему, мать, — твердо сказал Кощей, и лицо его помрачнело. — Я приехал к тебе совсем по другому делу, но теперь понимаю, что семейные проблемы могут и подождать. Я должен отомстить Велесу за то, что он сделал. И ты мне

поможешь в этом!

Буря привстала. Глаза ее заблестели в предчувствии надвигающихся событий.

— А что же ты делал все эти годы? — спросила она в недоумении. — Неужели ты ни о чем не догадывался? Ни за что не поверю, что ты не смог найти его следов. Рано, видно, я тебя похвалила, рано начала тобой гордиться!.. Столько лет прошло, а ты все позволяешь своему обидчику свободно разгуливать по земле.

Под презрительным взглядом матери, осыпаемый упреками, Кощей покраснел и сердито засопел.

— Да искал я его! — не выдержав, огрызнулся он. — Искал, но нигде не смог найти его следов — даже на севере! Мои соглядатаи прочесали земли, принадлежащие Сварожичам, вдоль и поперек! Его нет! — закричал он, вскакивая. — Нигде даже не слышали его имени. Он исчез, испарился, умер, в конце концов!

— А вот в это я никогда не поверю. — Буря скептически поджала губы, и под ее взглядом Кощей сник и молча сел. — Я его знаю — такой, как он, не мог исчезнуть бесследно. И он наверняка знает, что ты его ищешь, вот и затаился!

Ведьма встала и принялась расхаживать по комнате, что-то тихо бормоча себе под нос. Кощей следил за нею исподлобья угрюмым взором.

— Слушай-ка, — наконец пропела Буря. — Он мне что-то говорил о детях, прижитых от Дивы... Где бы он ни был, а весть о несчастье, случившемся с детьми, должна до него дойти, и он так или иначе себя обнаружит. И вот тогда-то, сынок, тебе надлежит не хлопать ушами, а действовать!

— Но что я могу сделать с его детьми? — перебил ее Кощей. — Убить, украсть?.. И потом — я же не знаю их в лицо! И как я проберусь туда? Заставы меня обнаружат! А доверять такое дело моим соглядатаям, этой придурковатой нежити и помешанным на убийствах оборотням — зачем? Чтобы они налетели, поубивали всех и вернулись ко мне докладывать?.. Мать, если я действительно захочу использовать его детей в качестве приманки, мне нужно знать наверняка. А у меня нет таких помощников — разве что ты со своим умом назовешь мне кого-нибудь...

— А ведь и верно! — Буря остановилась посреди горницы. — Слушай, что я тебе скажу! Несколько лет назад до меня доходил слухок, но я думала, что это враки, а теперь стоит проверить... У твоей тетки Девоны есть дочка Луна — ну, ты ее помнишь, маленькая такая! Примерно в те же годы она выскочила замуж за одного из Сварожичей и за это время о своей матери так ни разу и не вспомнила... Девона здорово обижена на нее за это... И я уже знаю, что сказать сестрице, чтоб она согласилась нам помочь! — Буря довольно потерла руки.

— Она что, проберется на север и укажет мне на детей Велеса? — спросил Кощей.

— Указать не укажет, а я завтра к ней слетаю и договорюсь обо всем, — успокоила его ведьма. — Возможно, она прибудет сюда, и тогда вы обсудите, что и как надлежит делать!

Обрадованная собственным решением, ведьма засуетилась и забежала по горнице. Глазки ее заблестели — она уже словно видела здесь свою сестру и сочиняла в уме, что и как ей скажет.

Буря сдержала слово — на рассвете она отправилась к западу, в долины, где жила ее сестра. Девона с радостью встретила ее и в тот же день явилась в терем, где их с нетерпением ожидал Кощей. Заговорщики просидели вместе до глубокой ночи, обсуждая план, а вскоре отправились в путь.

Тетка с племянником шли почти в одиночку — Девону сопровождало только несколько водяниц, а Кощей взял с собой десяток самых толковых оборотней из личной охраны. Таким числом они были незаметны и благополучно миновали все посты, проникнув в сердце подвластных патриарху Сваргу земель.

В день солнцеворота — самой короткой ночи и самого длинного дня — в замке Сварга, как всегда, был праздник. В то время как старшее поколение предпочитало по привычке прочные и привычные стены замка, молодежь выбралась на свободу и веселилась на берегу

реки в березовой роще.

По крайней мере двум женщинам здесь было гораздо лучше, чем в душном мрачном замке — Мере и Луне. Роща напоминала им об оставленной на далеком юге полузабытой родине, и в эти дни они обе вспоминали события почти десятилетней давности — Мера и Луна обрели своих мужей тоже в дни солнцеворота.

В тот вечер обе женщины со своими мужьями и близкими друзьями уединились в чаще, ближе к вершине крутобокого холма, откуда вскоре можно будет увидеть закат — окончание самого длинного дня в году и начало самой короткой ночи, уже прозванной кем-то Ночью Любви. Среди деревьев горели костры. В их красноватом блеске причудливыми тенями мелькали люди, слышались голоса и музыка, а внизу, на берегу реки, там, где березы расступились в стороны, образуя небольшую круглую полянку, среди кустов и уже вытоптанной травы играли дети.

Трое мальчиков и девочка успели стать закадычными друзьями, хотя только сегодня им представили новичка — высокого не по годам ярко-рыжего крепыша с веселыми зелеными глазами. До сегодняшнего дня его никто здесь не видел: Ярила — так его звали — первые восемь лет своей жизни прожил с матерью на одной из уединенных застав к югу отсюда, в окружении воинов. Там он был единственным ребенком, все с ним нянчились, и только попав в замок патриарха Сварга, он узнал, что на свете существуют другие дети. Веселый, не по возрасту развитый, но приученный не гордиться своим превосходством, Ярила сразу завоевал сердца не только детей, но, сам того не подозревая, и взрослых.

Крепче всего сдружился он с самым старшим из четверки — десятилетним Переплутом, до сих пор бывшим заводилой ребячьей ватаги. Их роднило все — и буйный неукротимый нрав, и горячая жажда деятельности, и желание выбиться вперед, и, хотя они не обращали на это внимания, явное внешнее сходство. Отличал мальчишек лишь цвет волос — Переплут был почти черный. С младшим братом неугомонного Переплута, льяноволосям синеглазым Купалой, которому уже сейчас прочили славу первого красавца, и единственной девочкой, дочкой самого Перуна Магурой, не сразу нашел Ярила общий язык, а вот первенец Меры и Стривера Свист, родившийся горбатым и потому робкий и стеснительный, с первого же часа прилип к новичку и ходил за ним хвостом.

Дети с веселыми воплями носились по берегу, сражаясь с воображаемыми чудовищами и ордами дикарей. Магура воевала наравне с мальчишками — она с кулаками отстояла свое право быть как все и не собиралась сдаваться. Мечи из ошкуренных прутьев свистели как настоящие, рассекая воздух, предвечернюю тишину разгоняли задорные крики. Подхваченные эхом, которое, казалось, уже само устало от гомона и шума, они легко достигали вершины холма, где отдыхали их родители, но дети все равно были под присмотром. В кустах на безопасном расстоянии — поскольку успели испытать на себе, что значит исполнять роль чудовищ — сидели два волка Смаргла и неусыпно наблюдали за детьми. Звери были готовы кинуться на их защиту при малейшем признаке опасности.

На этом настояла сама Жива, только недавно рискнувшая после исчезновения семьи Дажда вернуться в замок. Всей своей повадкой Ярила, ее единственный сын, напоминал Велеса — только цвет волос и глаз он унаследовал от матери. Перун, после того как ему простили преступление, повелев в искупление жить с Дивой до конца своих дней, вряд ли в глубине души отказался от мести Велесу. Жива не верила в раскаяние брата и прятала сына вплоть до недавнего времени. Но той осенью Яриле миновало восемь лет, он вышел из младенческого возраста и мог за себя постоять. Женщина иногда прислушивалась к голосам у воды — ее сын кричал громче всех, командуя. Кажется, он не на шутку сцепился с Переплутом! Тихо поднявшись, Жива пошла на голоса.

Так и было. Забыв про игру, побросав самодельное оружие, Ярила и Переплут яростно спорили, перебивая друг друга:

— Теперь твоя очередь быть драконом!

— Я был вождем дикарей и еще медведем!

— Я тоже был медведем, и еще я похищал княжну! Ты должен быть драконом!

— Нет, ты! Так нечестно! Я драконом уже был один раз!
— Мы так не договаривались! И вообще, я старше, а старших надо слушаться!
— Ах, ты так! — потеряв голову от злости, Ярила рванул с плеч рубашку. — А ну-ка, выходи! Посмотрим, кто старше!

Сжав кулаки, Переплут бросился в бой, пригнув голову, как бычок. Ярила, которого шутки ради воины заставы обучили искусству боя, встретил его отточенным в бесконечных упражнениях боковым захватом и опрокинул на спину.

Переплут взвыл от досады и, поднявшись, вторично ринулся на врага, но снова оказался на земле. Ярила не отпускал его, и драчуны покатались по берегу, сопя и угощая друг друга тумакami. Остальные дети брызнули в стороны, а волки, поняв, что дело нешуточное, выскочили из кустов и бросились разнимать противников.

Один из них за рубашку оттащил пыхтящего и брыкающегося Переплута, а второй сбил Ярилу с ног и встал над ним, выразительно рыча.

В ту же минуту подбежала издалека увидевшая схватку Жива.

— Только огляделся — и уже драку устроил! — всплеснула она руками, бросившись к Яриле. — Ну, что мне с тобой делать?

— Ничего. — Сын вытер рукой разбитый нос и подмигнул матери из-за волчьей лапы. — А вот с ним — надо! — Ярила весело кивнул на Переплута, которого успел отметить — у того заплывал глаз и была рассечена нижняя губа, а рубашка порвана в трех местах.

Жива тихо застонала.

— И когда ты только повзрослеешь?

— Еще не скоро! — весело пообещал Ярила. — А может, и никогда!.. Эй, отпусти меня! — замахнулся он на волка. Жива взяла зверя за толстые складки на шее:

— Пошел прочь!.. А вы оба, — махнула она рукой мальчишкам, — умывайтесь и быстро наверх! На сегодня никаких игр больше! А может, и на завтра!

Волки отступили, позволив задирам встать. Магура заботливо, как взрослая, занялась синяками Переплута. Ярила же только скривился на девчоночьи штучки и вперевалячку, тоже подражая воинам с заставы, направился к воде умываться.

Жива, взяв за руку самого младшего из ватажки, семилетнего Свиста, пошла к кострам, отлично зная, что Ярила привык ее слушаться.

Тот уже плескался на мелководье, нарочно не обращая внимания на недавнего противника. Магура не отходила от Переплута. Вдруг Купала оставил брата и подружку и решительно присоединился к Яриле.

Тот, зайдя в реку по щиколотку, оглянулся через плечо:

— Ты чего?

— Больно? — Купала указал на разбитый нос Ярилы.

— Ему больше досталось!

Купала уловил в словах приятеля оттенок презрения и собрался было вернуться на берег, но увидел вдруг за спиной Ярилы такое, что заставило его замереть на месте.

— Ух ты! — восхищенно прошептал он.

Ярила круто обернулся — и сам застыл с открытым ртом.

Навстречу им по неподвижной темной глади вечерней реки медленно и величественно, в полном безмолвии плыли несколько ослепительно белых лебедей. Изогнув гибкие нежные шеи и наполовину расправив крылья, большие птицы скользили, поглощенные только собой. Их круглые янтарного цвета глаза ярко мерцали. Они казались ожившим туманом, волшебным видением, настоящим чудом. Лебеди не плыли, сама река бережно несла их на спине.

Двигаясь словно во сне, прекрасные птицы поравнялись с замершими в немом восхищении мальчиками, не замечая их. И только когда Ярила не выдержал и сделал шаг, протягивая руку, чтобы потрогать пушистые крылья, они вздрогнули, просыпаясь.

Как замороженный Купала тоже вошел в воду, присоединяясь к приятелю, но птицы не

улетели, а только вытянули шеи и стали оглядываться.

— Ах, — наконец послышался нежный девичий голос одной из птиц, — где мы?

— Как тут чудесно! — подхватила другая.

Какая из птиц говорила, определить было невозможно — они не открывали клювов.

Та лебедь, что была ближе всех к детям, вытянула шею и позволила замершему от восторга Яриле потрогать нежное оперение.

— Скажите нам, дети, — молвила она, — где мы?

— Там — замок патриарха Сварга. — Очарованный птицей, Ярила и не думал скрывать это и махнул рукой в сторону холма.

Лебеди заволновались, захлопали крыльями, придвигаясь ближе. Этим они привлекли внимание Переплута и Магуры, которые осторожно направились к ним.

— Патриарха Сварга? — стараясь говорить как можно четче, повторила лебедь. — Ах да, я вспомнила! Про него рассказывала мне одна моя подруга, Луна, дочь Девоны!.. Она, кажется, где-то здесь живет?

Услышав о Луне, Купала выступил вперед.

— Да, — гордо сказал он, — она моя мама!

Утратив всякий страх, лебеди сгрудились около мальчиков, хлопая крыльями. Каждая тянулась под их руки, чтобы и ее тоже погладили. При этом они толкались, щипали друг дружку и шипели.

— Ах, как чудесно! — ворковала первая, кладя голову в ладони обрадованного мальчика. — Она твоя мать?.. А ты, — она томно обернулась на Ярилу, — его брат?

— Нет! — Тот выпрямился с достоинством человека, знающего о своем происхождении и гордящегося им. — Моя мать — Жива, сестра Перуна. Она сказала мне, что моего отца звали Велес... но я его никогда не видел... — чуть смущенно добавил он.

Эта новость, казалось, была приятна лебедям — они зашептались, переговариваясь. Глаза их засверкали так, что любой догадался бы: птицы что-то замышляют, но мальчики ни о чем не подозревали.

— А где ваши родители? — осторожно молвила одна из лебедей.

— А вот моя мама, — обернувшись, Ярила указал на Живу, что еще виднелась из-за деревьев, и завопил во все горло: — Мама! Иди скорее сюда! Посмотри, кого я нашел!

— Не ты, а я первый увидел, — заспорил было Купала, но Ярила не обратил на это внимания.

Переплут и Магура, издалека наблюдавшие за друзьями и птицами, наконец не выдержали.

— Эй, можно к вам? — закричала девочка. Переплут сердито дернул ее за руку:

— Вот еще! Я к нему не пойду!

Он до сих пор не мог простить Яриле синяков. Лебеди услышали крик девочки.

— А они кто? — спросила одна из них, пристально разглядывая двоих детей, и даже выплыла вперед, тем самым отрезая Ярилу и Купалу от берега.

— Он — мой старший брат, — представил Переплута Купала, — а Магура — наша подруга. Мы тут играли, а потом...

— А потом мы подрались, — досказал Ярила, усмехнувшись.

Лебеди заволновались не на шутку, переговариваясь на своем языке. Их волнение перешло в настоящий испуг, когда Переплут и Магура, держась за руки, направились к ним.

— Нам надо торопиться, — молвила одна из них.

— Побудьте еще! — заканючил, как маленький, Ярила, обхватив руками шею лебеди и вдруг увидел идущую к ним Живу. — Мама, иди сюда скорее!

Жива спешила узнать, почему задерживаются дети. С нею вместе легко бежал Смаргл — узнав от сестры про драку, он шел разбираться с виновниками. Увидев двух взрослых людей, лебеди засустились, хлопая крыльями.

Ярила уже скакнул к берегу навстречу матери, но почувствовал, как кто-то схватил его за рубашку. Он закричал, отчаянно вырываясь, но захлопали крылья, оглушая его, и мальчик

понял, что его поднимает в воздух какая-то сила.

Рядом пронзительно завопил Купала — его тащили сразу две птицы, а третья подставляла шею. Более тяжелого и отбивающегося Ярилу волокли сразу четверо, но и для них эта ноша оказалась тяжела. Они летели достаточно низко, чтобы мальчик успел заметить внизу свою мать. Он закричал, зовя ее, но лебеди неимоверным усилием рванулись прочь. Одолев со своей ношей поворот, они скрыли Живу от глаз сына.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Громкие крики у реки привлекли внимание всех остальных. Завывали прыгающие по берегу волки, визжала Магура, кричала и звала сына Жива, а издалека доносились трубные крики лебедей и удаляющиеся голоса детей.

Первыми на берегу оказались Дива и Стривер с женой. Переплут и Магура со слезами бросились к ним, ища защиты. Донашивающая последние дни Мера вдруг побледнела, схватилась за округлившееся чрево и со стоном повисла на руках мужа. Увидев, что матери дурно, захныкал и Свист.

Смаргл развернулся к брату.

— Что ты стоишь, Стривер? — заорал он, даже не пытаясь унять дрожь. — Догони их, или я сам это сделаю! Там мой сын!

Стривер осторожно опустил побелевшую Мери на траву. Женщина застонала, ловя его руку:

— Не уходи...

Но Стривер подтолкнул к ней плачущего Свиста:

— Сбереги его! — и быстрыми легкими шагами поспешил вверх по склону.

Смаргл смотрел ему вслед, порой оглядываясь назад, где в вечернем небе почти затихли крики похитителей и их жертв. Переплут бросился к отцу, и тот еле нашел в себе силы обнять испуганного мальчика — родной сын, желанный первенец, пропадал, похищенный неизвестно кем, а приемыш уцелел! Смаргла сводила с ума несправедливость судьбы.

Дива утешала Живу. Годы и обещания Смаргла открыть Диве, где скрываются выжившие дети, притупили немного ее боль, но она хорошо знала, что значит потерять надежду. Ей в утешение оставалась Магура, которую Перун признавал за дочь, а у Живы не было никого, кроме Ярилы, на которого она не могла надышаться.

Стривер уже бежал обратно, на ходу натягивая крепления крыльев. Ему мешал лук и колчан со стрелами, и он приостановился на берегу, заканчивая облачение. Рарог уже реял над ним и непрерывно клекотал, зовя поторопиться.

— Принеси нам их головы, — прошептал Смаргл, помогая брату. — Я хочу видеть тех, кто посмел так поступать с нами!

— Нет! Ни за что!

Все обернулись. К ним все быстрее и быстрее, путаясь на крутом склоне в подоле, сбегала Луна. Она спешила как могла — маленькая жена Смаргла в эти дни, как и Мера, донашивала второго ребенка. Обе женщины должны были разрешиться от бремени в один день, если верны пророчества. Задыхаясь, Луна подбежала к мужу и Стриверу и крикнула:

— Не смейте их трогать!

Оба Сварожича опешили.

— Но там наши дети! — возразил Смаргл. — Эти твари похитили Купалу, а ты...

— Я это знала, — выдохнула Луна. — Прости, но я сверху увидела лебедей и все поняла. Так и должно было случиться, и Стривер не полетит в погоню — ведь одна из птиц моя мать!

Это и в самом деле остановило Стривера — но не Смаргла.

— Ты в этом уверена? — Он подозрительно уставился на жену.

— Да. Свою мать я узнаю всегда!.. И в том, что случилось, моя вина, и больше ничья. Я

должна была помнить о матери, ведь у нее нет других дочерей, кроме меня. А я бросила все, отправилась за тобой на север... Вот она и обиделась и потихоньку прилетела сюда за внуком. Она не причинит ему вреда и, может, отпустит еще до осени. А я тем временем тебе второго рожу...

Она обняла голову Смаргла, ласково нашептывая ему что-то, и он смирился.

— Ну, ладно, я верю тебе, — молвил наконец он, позволяя жене увлечь себя прочь от берега, — но как же Ярила?

— А его, верно, случайно прихватили — чтоб Купале совсем уж тоскливо у бабки не было, — отмахнулась Луна, жестами приказывая Стриверу успокоиться.

Переплут угрюмо топтался поодаль, слушая разговор взрослых и мало что понимая. Он боялся за брата и горевал о нем, но последние слова матери напомнили ему о Яриле. Только что мальчишки были готовы считать друг друга врагами, по крайней мере до завтра — и вот с одним случилась беда. Переплут уже жалел, что спорил с Ярилой и разбил ему нос. Он бочком, осторожно придвинулся к плачущей Живе и неловко погладил ее по руке.

— Я... — замялся он, — мне жаль Ярилу!

Жива всхлипнула и обняла мальчика. Тот кусал губу, чувствуя, что сейчас разревется. Но рядом была Магура, и кроме того, он сейчас был мужчиной, воином, который должен утешать слабых женщин. И Переплут только сопел и морщился.

Кое-как утешив отчаянно ревущего Свиста — он горевал так, как будто беда случилась с его братом — Мера наконец с усилием поднялась и направилась следом за Смарглом и Луной. Волки уселись у ног растерянного Стривера, сокол Рарог покружил еще немного и с надутым видом уселся на березу — он мечтал отправиться в погоню, а люди почему-то не спешили.

— Идем, — позвала Живу Дива, — ты слышала, что сказала Луна? Он скоро вернется — надо ждать и надеяться!

— Нет! — Жива отстранила Переплута и встала, беря себя в руки. — Это ты можешь надеяться — у тебя есть дочь, которую ты любишь. Может надеяться Смаргл — у него уцелел один сын, и он ждет еще... А у меня никого нет, кроме Ярилы! Если его и вправду унесла мать Луны, я сама верну сына, не дожидаясь ее милости! Я еду вдогон!

Отстранив Диву и Стривера, Жива быстрым решительным шагом направилась к замку. Рарог, увидев это, весело закричал и, спорхнув с березы, закружил над нею.

Вслед ей что-то кричали, уговаривая потерпеть, но чем громче раздавались утешительные голоса, тем быстрее шла Жива. Она слишком любила сына и его отца, чтобы не верить тому, что подсказывало ей сердце — с Ярилой случилась настоящая беда.

* * *

Жива и не подозревала, насколько была права.

Больше всего ее подозрения мог бы подтвердить сам Ярила. Лебеди подняли его и Купалу так высоко над верхушками самых высоких деревьев, что у него закружилась голова. Ему показалось, что они сейчас разожмут клювы и он упадет с невероятной высоты. От страха Ярила крепко зажмурился — и тут почувствовал, что они опускаются.

Мальчик пробовал кричать, но в горле пересохло и язык прилип к небу. Сжавшись в комок, он уже ждал падения и страшной боли, но крылья над головой продолжали свистеть, рассекая воздух, а клювы похитителей по-прежнему крепко держали его за рубашку.

А потом он неожиданно плюхнулся в воду.

Клювы разжались, и Ярила отчаянно заорал, колотя руками и ногами по воде. Он испугался, что утонет, но неожиданно почувствовал под ногами дно.

В тот же миг над ним раздался многоголосый смех — смеялись женщины и мужчины. Удивленный донельзя, Ярила открыл глаза.

Он сидел на мелководье у пологого бережка незнакомой реки. На берегу вся трава была вытоптана, кусты поломаны — там вольготно расположились несколько оборотней и

человек. Над ними кружили лебеди. На спине самой большой из них сидел Купала, ошалело озираясь и словно не замечая приятеля.

Высокий худощавый человек во всем черном, с длинными белыми волосами и узким красным лицом шагнул к мальчику и рывком поставил его на ноги, вытолкнув на берег. Споткнувшись, Ярила растянулся на траве под новый взрыв хохота.

— Оставляю его тебе, Кощей, — услышал он за спиной женский голос. — Как мы и договаривались — мой внук мне, а остальные — тебе!

— Но тут всего один! — Мужчина за шиворот поднял Ярилу, как щенка, и подтащил обратно к реке. — А где остальные?

— Больше там никого не было, — отозвалась лебедь, на спине которой сидел Купала. — А если б и были, то я все равно ничего не могла поделать — у этого сорванца хватило ума позвать свою мать!

С досады Кощей встряхнул маленького пленника. — Что теперь с тобой делать? — Он зло сплюнул и бросил мальчика в траву.

Лебедь расправила крылья.

— Нам пора, — звучно объявила она. — Прощай, родственничек! Может, еще увидимся!

Обернувшись, Ярила с замиранием сердца увидел, как огромная птица — крупнее всех остальных — взмахнула крыльями, разбежалась и тяжело взлетела, унося на спине Купалу. Мальчик не издал ни звука — очевидно, он все еще думал, что это сон. Ярила рванулся было к другу — окликнуть, позвать, но только с досадой вздохнул, стиснув зубы. Над ним раздались тяжелые шаги, и мальчик поднял голову. Высокий худощавый незнакомец со странным именем Кощей разглядывал его с откровенной неприязнью, и Ярила почувствовал безотчетный страх. Впервые он встретился с врагом и сразу узнал его.

— И что мне с тобой делать? — с презрением повторил Кощей. — На что ты мне нужен один?

— Хозяин, — тут же робко вставил слово один из оборотней, — а можно мы его в таком случае съедем?

Он облизнулся и достал нож. Остальные оборотни придвинулись ближе, и Ярила понял, что ему пришел конец. Тело налилось предательской слабостью.

— Мама, — прошептал он одними губами.

Вовремя заметив, что на побелевшем лице мальчика написан смертельный ужас, Кощей жестом остановил оборотней и присел перед мальчиком на корточки, выставив острые коленки. Совсем близко Ярила увидел его изрытое оспинами, покрасневшее лицо и блестящие глаза. Бледные губы растянулись в наигранной улыбке.

— Погодите-ка немного, — вкрадчиво молвил он. — Не пугайте ребенка! Он мальчик умный и смелый, я таких люблю... А ну-ка, скажи нам, как тебя зовут!

— Ярилой, — прошептал мальчик.

— Хорошо. — Тонкая грубоватая ладонь пригладила мокрые рыжие вихры. — А кто твои родители?

Сопротивляться завораживающему блеску глаз не было сил.

— Моя мама — сестра Перуна Сварожича Жива, — сказал Ярила, — Она говорила мне, что моего отца звали Велесом.

— Велесом? — заинтересовался Кощей. — Но я слышал, что у него много сыновей. Где твои братья?

— У меня нет братьев... живых, — сознался Ярила и робко добавил: — Отпустите меня, пожалуйста! Мама волнуется...

Огонь, сверкнувший в глазах Кощей, заставил мальчика испуганно замолчать. Сам же похититель еле сдерживал радость. Хотя он и не слышал ничего о несчастье, случившемся в семье Перуна несколько лет назад, но все равно обрадовался. Единственный сын! Неслыханная удача... Так даже лучше!

Приподнявшись на руках, Ярила внимательно следил за выражением лица своего

похитителя.

— Что теперь со мной будет? — решил он наконец подать голос.

— А это ты скоро узнаешь, — пообещал Кощей. — Если кое-кто окажется посговорчивее, ты сможешь даже вернуться домой. Потом!

Он встал и махнул рукой заждавшимся оборотням:

— Взять его!

Пользуясь тем, что на него не глядят, Ярила ползком устремился прочь. Он неплохо плавал — если успеет добраться до воды...

Но в этот миг оборотни бросились выполнять приказание. Ярила вскочил, метнулся было прочь, но волосатые лапы вцепились в него и швырнули на землю.

* * *

Жива спешила так, словно речь шла о ее жизни. Бегом добравшись до замка, она приказала приготовить себе коня с заводным и кинулась переодеваться для дальней дороги. Едва успели оседлать и вывести лошадей, она выскочила во двор, на ходу оправляя подкольчужную куртку и закручивая косу вокруг головы.

Дива единственная догадалась, что дело и впрямь нешуточное. Она вынесла каравай хлеба и кое-что из снеди, приготовленное к ночной праздничной трапезе, и предложила дожидаться Перуна — он должен был вернуться перед самым закатом — но Жива не захотела ждать лишние два часа. Если брат сможет ее догнать — пожалуйста, а она торопится.

Сокол Рарог приветствовал ее порыв залихватским свистом и клекотом, кружа над головами лошадей. Когда Жива села в седло, он пронзительно закричал, как на охоте, и взмыл ввысь, указывая дорогу.

* * *

Самый длинный день в году заканчивался, и погоня остановилась на ночлег. Но чуть только наутро взошло солнце, Жива снова была в седле и торопила коня за Рарогом.

В полном одиночестве — Перун или не нашел покамест сестры, или вовсе не спешил в дорогу — Жива на второй день к вечеру достигла того места, куда лебеди принесли двоих детей. Женщина не разбиралась в следах лесных зверей, но и она заметила, что здесь долгое время паслось около десятка лошадей, отдыхали люди и оборотни, жгли костры. Потом они разом снялись с места и отправились неизвестно куда.

Здесь Жива впервые за все время погони почувствовала настоящее отчаяние — она заметила у воды явные следы борьбы. Трава была смята, некоторые пучки вырваны с корнем, камыши поломаны, даже обнажившаяся земля кое-где взрыта. Отсюда потом по земле проволокли какое-то небольшое тело. Сердце подсказывало матери, что это мог быть только ее сын, значит, его поймали при попытке сбежать, и лишь боги отныне ведают, что с ним произошло.

Но огорчало и другое — ей одной справиться с десятком воинов будет трудно, почти невозможно. А вдруг их неподалеку ждала подмога? Миновало два дня. Где сейчас Ярила, жив ли?

Даже Рарог ничем не мог ей помочь. Словно выполнив свою задачу, сокол утратил всякий интерес к следам или же потерял их. С безучастным видом он сидел на дереве над головами привязанных лошадей и равнодушно чистил оперение. Он ждал Живу долго, несколько часов, пока она бродила по берегу, но видя, что она не собирается возвращаться, обиженно закричал, снялся с места и улетел.

Жива не огорчилась — размышляя, где ей искать сына, она вспомнила о той, которая провидела это несчастье и предупреждала о нем.

Достав нож, Жива срезала полосу коры со ствола дерева и на обнажившейся, розовой от выступившего сока древесине вырезала для Перуна несколько слов. Прибудет ее брат

сюда — свежие раны на дереве укажут ему дорогу, нет — так смола сама до осени затянет рану, оставив лишь малозаметный шрам.

Все в Ирии знали, где искать волхву и пророчицу Макошь. Тоненькая неприметная тропинка в чаще вдоль берега узкой мелкой речушки успела превратиться в торную дорогу, по которой круглый год ездили люди. Не любившая толпы и суеты Макошь потому и покинула свой дом, прилепившийся к склону холма, и перебралась в глубь леса, почти на границу с болотами. Именно там после долгих блужданий и отыскала ее Жива.

Самой волхвы поблизости не оказалось, но навстречу шатающемуся от усталости коню выскочила ладная девочка не старше двенадцати лет в простой длинной рубахе, расшитой узором по вороту. Нимало не удивившись Живе, девочка бросилась принять повод коня.

— Заходи, гостьей будешь, — воскликнула она, приветливо кивая светловолосой головкой. — Мамка сейчас придет!

Жива только подивилась про себя, с трудом признав в девочке ту самую малышку, что в памятную ночь ее бегства с Велесом лезла к нему на колени, не боясь его странного вида. Разминая затекшие в седле ноги, Жива прошла до низкой скособоченной избушки с прислонившейся к ней осине, но на завалинку не села — тревога не давала покоя.

Макошь и правда скоро пришла — ее меньшая дочь не успела еще предложить Живе угощения с дороги. Обернувшись на пристальный взгляд, Жива увидела волхву, идущую к ней извилистой тропинкой. В руках Макошь несла корзину, полную ранних грибов. Она не удивилась дочери Сварга и только окинула ее долгим холодным взглядом.

Дочь выскочила навстречу матери, перехватила корзину, зашептала было что-то, косясь на Живу, но волхва отстранила девочку, досадливо кивнув:

— Без тебя ведаю!

Жива метнулась навстречу волхве:

— Помоги! Горе у меня!

— С сыном что? — ровным голосом отозвалась Макошь. — Заболел аль пропал?

— Знаешь! — отшатнулась Жива с благоговейным испугом. — Тогда скажи, кто и куда его унес? Скажи, жив ли он? Увижу ли я его хоть когда? Что для этого сделать надобно? Я все могу, ты не думай — я сильная! Я ради него...

Макошь взмахнула руками, останавливая поток слов, над которым сама Жива, казалось, не была властна.

— Что ко мне пришла, правильно сделала, — спокойно и медленно заговорила она. — Хоть ты полных четыре дня потеряла, а жизнь себе спасла. Не вспомни ты обо мне, отправься по тем следам сразу, похитчики тебя б заприметили да и убили. А теперь ты их след потеряла, и то хорошо...

— Да что ж хорошего? — не выдержала Жива. — У тебя дочери-то на месте, сердце не болит... А у меня, кроме сына, нет никого в целом свете!

И снова Макошь чуть ли не силой заставила женщину замолчать.

— Слезам и криками делу не помочь, — назидательно молвила она и села на завалинку, разглядывая Живу. — А вот что для сына сделать надобно — о том сейчас самое время подумать!

Она толкнула дверь в дом и кивнула Живе:

— Зайди, не бойся. Возьми какую хочешь посудину и отправляйся куда глаза глядят. Тут ручьев много, да ты их все мимо пропускай, а как увидишь, что вода в звериный след набралась, ту воду мне и принеси!

Жива чуть не бегом отправилась выполнять наказ. Макошь только подивилась ее прыти, но промолчала.

Занятая думами о сыне, о том, как несладко ему, должно быть, у врагов, Жива почти не смотрела под ноги, обеими руками прижимая к себе неглубокую мису — наверно, из-под молока. Болото тут было недалеко — нудно пели над ухом комары, меж редких прозрачных кустов торчали там и сям кочки, поросшие мхом. Трава была тонка и бледна, а из деревьев — лишь чахлые сосенки и осины.

Недавно прошел дождь — Жива попала под него, пока кружила по лесу. Капли влаги висели на каждой веточке, на каждой травинке и листике. Клонящееся к закату солнце играло в них всеми цветами радуги, и лес казался пронизан светом до самых корней. Сапоги Живы вымокли в росе, порты тоже. Один раз она неосторожно задела ветку — и ее окатил каскад блестящих капелек.

След лося она нашла внезапно. Несколько раз попались на пути обкусанные грибы да обглоданные стволы осин, а потом в самой сердцевине кочки женщина заметила четкий и глубокий след раздвоенного копыта, полный мутной воды. Вспомнив о наказе волхвы, Жива стала на колени в сырой мох и осторожно, по капле, собрала воду в мису. Воды нацедилось чуть меньше половины. Держа мису перед собой, она поспешила назад. Макошь встретила ее нелюбезно.

— Что-то больно долго бродила, — ворчливо укорила она, но заглянула в мису и подобрела. — Давай-ка ее сюда!

Не вставая, волхва пристроила мису у себя на коленях и знаком велела гостье садиться. Не смея сесть, Жива пристроилась на земле, вытягивая шею, чтобы лучше видеть. Из дома выскочили обе дочери Макоши и тоже уставились на воду.

Волхва чуть тронула край посуды. Морщины на ее лице обозначились резче, она недовольно поджала губы.

— Я так и думала, — процедила она наконец. — Вот что значит, когда не своим делом занимаешься!.. Ну да ладно — может, справится, коль поспешит... А теперь гляди, мать!

Не понявшая и полслова из речей волхвы, Жива послушно подалась вперед. Обхватив ее рукой за плечи, Макошь заставила ее склониться так низко над мисой, что выбившаяся из-за уха Живы прядка упала в воду, слегка замутив ее.

Но Макошь словно того и ждала:

— След-то от копыта был?

— Вроде сохатый проходил, — припомнила Жива.

— Ну, так лучше гляди! Что увидишь, скажешь!

Как наяву, Жива увидела то самое место в лесу, где брала воду — даже та самая кочка попала на глаза, но на сей раз она была целой. Не успела женщина и слова об этом сказать, как появился темно-гнедой бык-тур с мрачным взглядом синих глаз и рогами, загнутыми кверху, точь-в-точь как рога Велеса. Обведя все гневным взором, бык ногой примял кочку и прошел мимо, исчезая в лесу.

— Бык-тур, — сказала Жива, выпрямляясь.

— Ясно ль видела?

— Да чуть не каждую шерстинку рассмотрела! Встречу в лесу — с первого взгляда признаю!

— Вот это и хорошо. — Макошь довольно отстранила женщину. — Вот он тебе и нужен. Все, поезжай!

— Быка искать? — опешила Жива.

— Зачем искать? — Волхва бережно поставила мису на завалинку, встала, отряхивая подол. — Он сам тебя найдет, когда срок настанет... А ты езжай к сыну, пока не поздно! Испытания твои еще не кончились, а самое страшное из них ты сама себе назначишь. Решишься на него — будешь счастлива с сыном и мужем, а струсил или проглядишь урочный час — потеряешь мужа. А потом и сына!

Жива пропустила ее слова мимо ушей. Важно было другое — она едет к сыну!

— В какую сторону мне путь держать? — спросила она.

— На восток, на самые границы с тамошними землями. Там в сосновых борах сыщешь Светлое озеро, круглое, как полная луна. Десять ручьев в него впадают, никогда не замерзая. Вода того озера не простая — для людей она целебную силу имеет. Сестра моя, Девона, там живет на горшке. К ней и ступай!

— Они... — Жива все боялась спросить, кто похитил ее сына, — туда направляются?

— Нет! — Волхва рассмеялась. — Обидчик твой, Кощей из Пекла, к себе домой

торопится, да только сынок твой ближе сейчас к Светлому озеру, чем ты думаешь. И будет там первым!

Ободренная спокойным голосом волхвы, Жива заторопилась к лошадям. Почищенные и сытые, они рыли копытами землю, готовые пуститься в дорогу. Младшая дочь Макоши вышла проводить гостью. Отъезжая, та опомнилась было, потянулась к торокам, чтобы оделить хозяев за помощь, но рука ее замерла, только коснувшись мешков — пока она бродила по лесу, дочери Макоши сами наполнили их доверху всякой снедью. Они словно знали заранее, что путь Живе предстоит нелегкий, и хотели, чтобы женщина в дороге не осталась голодной.

* * *

В отличие от своей матери, Ярила сейчас больше всего на свете хотел есть.

Он лежал на траве, глядя в небо. Смотреть по сторонам надоело, да и было просто противно. Всюду ходили, сидели или стояли на страже оборотни. Они выглядели уродами, чудовищами из сказок, а уж пахло от них так, что хуже и не придумаешь. Они не обращали внимания на маленького пленника и спокойно переступали через него, если он оказывался у них на пути. Раз или два кованый сапог нечаянно задевал его по боку, но мальчик стискивал зубы и крепился. Он бы давно заплакал, но за несколько дней плена слезы кончились — остались лишь отчаяние и горечь.

Шагах в трех от него горел костерок, разгоняя ночную темноту. Подле него на пне сидел Кощей, закутавшись в плащ из выделанной шкуры. Ярила лежал против него с другой стороны костра, и время от времени Кощей поднимал глаза на мальчика. Ярила нарочно не смотрел в его сторону — от холодного взгляда Кощея ему всякий раз делалось дурно.

— Эй, — позвал мальчика Кощей.

Ярила даже не дрогнул, глядя сквозь ветки на небо, где, словно чьи-то глаза, мерцали две звезды.

Кощей подал знак, и один из оборотней носком сапога перевернул пленника, придерживая в таком положении. Скрученный по рукам и ногам так, что не мог пошевелить и пальцем, Ярила был вынужден взглянуть на Кощея. Не выдержав, он отвернулся, прижимая пылающее лицо к земле.

— Не хочешь говорить? — лениво уточнил Кощей. — Или тебе больше нравится мешок?

При упоминании о мешке Ярила не смог сдержать дрожи. Днем его везли в большом мешке, без света и почти без воздуха, как дикого зверя, пойманного на охоте. Только на привалах ему открывали голову, а полностью высвобождали из мешка на ночь.

— Ты проведешь в мешке всю ночь, и больше тебя из него не вынут до самого конца, если ты не заговоришь! — пообещал Кощей. — Эй, давайте сюда мешок!

Ярила и не догадывался, чего от него хотят узнать. Он молчал из упрямства и немного от страха, но когда принесли ненавистный вонючий мешок, страх снова зашевелился в нем. Рванувшись, мальчик вскрикнул:

— Не надо!

Но оборотни словно не слышали его крика. Один из них легко поднял извивающегося и вопящего уже во все горло Ярилу, а два других раскрыли зев мешка.

Ярила пытался сопротивляться, но этим только разжигал пыл оборотней, которые веселились вовсю. Кощей сидел на пне, подперев щеку рукой, и со скучающим видом смотрел на забаву.

— Не на-адо! — взвыл Ярила, рванувшись в последний раз. — Скажите им!..

Мешок уже готов был закрыться над его головой.

— Оставьте, — вяло махнул рукой Кощей. — Если не ошибаюсь, он что-то сказал.

Оборотни мигом расступились. Плачущего от унижения и досады на самого себя Ярилу кое-как усадили. Один из оборотней остался торчать подле него. Словно невзначай, он одной

лапой придерживал пресловутый мешок, напоминая пленнику, что его ждет в случае неповиновения.

— Ты, кажется, заговорил? — молвил Кощей. — Ну, я слушаю тебя внимательно!

Ярила набылчился, отводя взгляд.

— Я, — прошептал он, чувствуя себя раздавленным и оплеванным и ненавидя себя за это, — не знаю, что ты от меня хочешь! Зачем я тебе?

— Ты умный мальчик и должен понимать, что ничего не происходит просто так. Я ничего не имею против тебя — наоборот, если б у меня был такой сын, как ты...

— У меня есть отец, — вырвалось у Ярилы.

— Не волнуйся, скоро его у тебя не будет, — обнадежил его Кощей. — И тогда ты сможешь вернуться домой, к матери. Но сначала ты поможешь мне в одном небольшом дельце. Я завтра объясню, что от тебя требуется! Не бойся, это не сложно. Да тебе ничего и не придется делать — все сделают мои воины. А ты просто... Ну, остальное потом!

— Ты хочешь, чтобы я кого-то убил? — догадался Ярила.

— Нет, что ты! — рассмеялся Кощей. — Ты еще слишком мал для этого. Но вот кое-кто — он прожил на этом свете достаточно долго, с него хватит. Как ты считаешь, если кто-то прожил много лет, он должен поделиться своими годами с тем, кто прожил мало?

Ярила повесил голову.

— Очень прошу, — услышал он свой шепот. — Я хочу есть... Дайте мне немного хлеба... а потом делайте со мной что хотите!

* * *

Тишина и ночная темнота спустились на прогалину, где расположился стан. Костры догорали и еле мерцали во мраке багровыми отсветами. Расседланные лошади неспешно бродили вокруг на длинных веревках, похрустывая тяжелой от росы травой. Перекинулись ночные птицы и звери — лес жил своей всегдашней жизнью, не обращая внимания на незваных гостей. Обитатели его опасались появляться поблизости от прогалины, но самые глупые или отчаянные порой шуршали травой у самых кострищ.

Но даже они не сразу замечали оборотней-сторожей — настолько те сливались со стволами деревьев, возле которых стояли. Их не выдавало даже дыхание.

Остальные спали. И лишь один путник не мог сомкнуть глаз.

Ярила лежал у костра, там, где его бросил отправившийся на покой Кощей. Оборотень тоже ушел. Лишившись опоры, связанный мальчик упал на свой мешок.

Ярила сегодня не смог бы уснуть, даже если б его развязали, сытно накормили, позволили немного прогуляться, чтобы размять затекшие руки и ноги. Нет, его не оставили голодным, но кусок оказался маловат, и после того, как он поел, запястья опять стянули за спиной. Кусая губы, мальчик не отрываясь смотрел на догорающий костерок и напряженно думал.

Кощей сильно ошибался, если считал, что его пленник слишком мал и не способен улавливать скрытый смысл речей. Всего нескольких слов хватило Яриле, чтобы понять, что его ждет.

«Скоро у тебя не будет отца!» Мальчик никогда не видел его, но много слышал о нем от матери, и всегда только хорошее. У Велеса было достаточно врагов, чтобы он мог спокойно жить с семьей, поэтому он скрылся. Но даже там, в изгнании, он помнит о своем сыне и ждет часа, чтобы вернуться и обнять его. Надо только подождать.

Ярила любил свою мать и верил каждому ее слову. Если она любит Велеса, значит, и он должен его любить. А тому, кого любишь, нельзя причинять боль. Отец, наверное, все это время был в плену у Кощея, и тот решил расправиться с пленником на глазах у сына.

«Ты не умрешь, отец, — мысленно решил Ярила. — Если для этого нужен я, они меня не получат!»

Костерок еще тлел. Мальчик долго смотрел на него и наконец решил, что и как нужно

сделать.

На заставе, где прошли первые восемь с небольшим лет его жизни, Ярилу не допускали до обучения воинской науке, говоря, что он еще мал. Но смотреть и запоминать мальчишке не мешал никто. Он не раз видел, как отроки, готовые стать воинами, проходили испытание болью.

Подкатившись к углям, мальчик осторожно придвинулся ближе, так, чтобы запястья почти касались их. Почти весь жар прошел, и пришлось долго ждать, пока веревка не нагреется. Взметнувшийся огонь лизнул онемевшие запястья Ярилы, враз вернув им чувствительность.

Закусив губу, чтобы не закричать, Ярила терпел, глотая слезы. Не выдержав наконец боли, он откатился прочь. Никакая сила не смогла бы заставить его снова придвинуться к костру, но веревка прогорела. Одного рывка было достаточно, чтобы освободить руки.

Некоторое время мальчик лежал лицом вниз, боясь пошевелиться и со страхом ожидая, что сторожа-оборотни заметят движение на поляне. Но никто не нарушил его уединения, и осмелевший мальчик перевернулся и занялся узлами на ногах.

Вскоре он был свободен и, пригибаясь, поспешил прочь. Игры со взрослыми воинами дали себя знать — Ярила крался тихо и осторожно, как охотящаяся рысь, и сторожа-оборотни не слышали его шагов. Но, уже почти выбравшись из круга спящих, мальчик вдруг вернулся. Ему показалось нечестным, если он удерет, не попытавшись отплатить своему похитителю.

Кощей крепко спал под навесом из свежесрезанных веток и наброшенной на них шкуры. Он завернулся в походное одеяло, и его было легко принять за тючок тряпья, брошенный ради приманки. Но Ярила ясно различал дыхание своего врага и мстительно улыбнулся, подкрадываясь. Осторожно, чтобы не выдать себя раньше времени, он тянулся к поясу Кощей, на шаривая нож.

Костяная рукоять скользнула в ладонь, словно нож был живым существом. Ярила закусил губу и поднял руку, примериваясь.

Будь Ярила чуть старше и опытнее, Кощей, наверное, был бы уже мертв. Мальчик за свою короткую жизнь успел узнать, что такое смерть и убийство — воины, среди которых он рос, многое ему порассказали. Но убить спящего, пусть даже своего врага — это требовало слишком больших усилий. Зажмурившись, Ярила замахнулся и наугад пырнул ножом.

Громкий пронзительный крик негодования и боли раздался на поляне. Кощей дернулся, порываясь вскочить, но повалился обратно, зажимая ладонью глубокий порез на боку. А Ярила, бросив нож, мышью метнулся прочь.

— Взять его!

Страх придал мальчику сил и проворства. Он со всех ног помчался в лес.

Оборотни повскакали, забегали, засуетились. Немногие сразу сообразили, что приказывал хозяин. Ярила метался меж деревьев, как перепуганный заяц, и не сразу почувствовал, что его схватили. Опомился он, только когда его подняли за шиворот и потащили назад.

Решив дорого продать жизнь, мальчик царапался, кусался и лягался так, что, когда его приволокли наконец обратно, не только Кощей зажимал кровоточащие раны. Трое оборотней были искусаны так, что им требовалась помощь. Руки их были исцарапаны, словно они схватились с бешеной рысью. Они с трудом удерживали мальчика, который продолжал отчаянно вырываться до самой последней минуты.

— Вот ты какой, сынок Велеса, — прозвучало над ним, и Ярила удивленно вскинул голову. То, что он увидел, заставило его со стоном обмякнуть на руках оборотней.

Кощей был только ранен. Он не позволил пока перевязать рану и закрывал ее рукой. Между пальцами сочилась кровь, бледные глаза горели ненавистью, но, увидев глубокие царапины на руках и щеках оборотней, разорванную рубаху одного из них, Кощей вдруг рассмеялся.

— Не думал я, что ты такой!.. Это ты их всех отделал? Ох, — он схватился за бок. — А

ты молодец, щенок! Смелый! Люблю таких!

Ярила мрачно посмотрел на него и промолчал.

— Если мне удастся тебя обломать, я из тебя такого воина выращу...

— Не дожدهшься! — не выдержал мальчик, — Я все равно удеру, а тебя — зарежу! Не сейчас, так потом! — И он рванулся из рук оборотней.

Держась за бок, Кощей медленно встал и подошел к мальчику. Повисший на руках сторожей, тот злыми глазами следил за ним, и во взгляде его читалась ненависть.

— Не зарежешь, — вкрадчиво пообещал Кощей, кладя руку на голову пленника. — Не смо...

И тут же отскочил с новым воплем, потому что Ярила извернулся и молниеносно вонзил зубы ему в руку.

С трудом вырвавшись, Кощей отскочил, потрясая окровавленной рукой. Мальчик следил за ним с холодной яростью попавшего в плен дикого зверя.

— Ах, щенок! — закричал Кощей. — Ну, хорошо!

Еще никто никогда не поступал с ним так, и еще никогда Кощей не применял своих тайных знаний. Это было семейным секретом, передававшимся от отца к сыну. Он взмахнул здоровой рукой — и огненный шар вырвался из его пальцев, ударив в Ярилу.

Оборотни еле успели отскочить в стороны, чтобы их не задело, а мальчик упал на землю, корчась в приступах жуткой боли. Ему казалось, что кости ломает и гнет какая-то неведомая сила, а все тело меняется и тает, как лед близ костра. С воем он катался по земле, почти теряя от боли сознание, и был готов кусать себе руки, лишь бы избавиться от мучений.

Наконец силы оставили его, и он распростерся на земле, покорно позволив последним волнам боли прокатываться по измученному телу. Но вот последняя волна схлынула, оставив его в покое.

Удивленный, что все еще жив, Ярила поднял голову и поразился, до чего переменялся мир. Все стало каким-то плоским и бесцветным, а на лицах обращенных к нему оборотней читалось сочувствие. Кощей тоже выглядел удивленным — он явно не ожидал подобного результата.

— Нет, вы только поглядите, — молвил он с плохо скрываемым презрением, — какое прекрасное животное!

«Сам ты животное!» — хотел сказать Ярила, но вместо слов из горла вырвались шипение и ворчание.

В страхе мальчик посмотрел на себя — и его испуг перерос в настоящий ужас. Вместо рук он увидел лапы крупной кошки с втянутыми когтями. Его тело стало телом молодой рыси, почти котенка. Он превратился в зверя!

— Это самое подходящее обличье для тебя, раз ты дерешься как зверь, — удовлетворенно промолвил Кощей. — Пожалуй, таким я тебя и оставлю!

Это было выше сил Ярилы. Не помня себя, он рванулся прочь и помчался куда глаза глядят. Вслед ему неслись крики и улюлюканье оборотней.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Велесу снился странный сон.

В бурных водах озера тонул человек.

На обычно гладкой и спокойной поверхности сейчас гуляли волны, словно на северном море во время зимних штормов. Пенные валы вздымались чуть не до вершин окружавших озеро сосен и выплескивались на берег. Буря разыгралась не на шутку. Озеро бурлило и кипело, и рев взбешенной воды разносился далеко окрест.

Велес стоял на высоком утесе и любовался на разбушевавшуюся стихию. Он не сразу разглядел в волнах что-то темное, а когда пригляделся, забыл обо всем на свете.

Трудно было с уверенностью сказать, кто этот человек. Он отважно и упрямо боролся с волнами, которые становились все выше и выше, словно озеро или злые божества

стремились уничтожить пловца. Голова его то и дело показывалась над водой, но волны захлестывали его снова и снова, и выныривал он все реже и реже. Незнакомец явно был сильным и опытным пловцом, раз ему удалось так долго продержаться на воде, но он не мог достичь берега. Волны всякий раз отбрасывали его прочь. Велес понимал, что часы человека сочтены, но все-таки смотрел на утопающего, силясь разглядеть его лицо.

Истощенный женский крик, полный ужаса и боли, донесся с противоположного берега. Отвлечшись на миг, Велес с удивлением увидел Живу — какую-то странно постаревшую, словно миновало лет двадцать. Женщина сделала неверный шаг и упала на колени, ломая руки. Ясно, как на расстоянии протянутой руки, Велес увидел слезы, текущие по ее щекам. Она не сводила глаз с тонущего, и в ее глазах было столько боли и любви, что Велесу стало страшно.

Кажется, он закричал, но в гуле и грохоте бури все звуки тонули бесследно. Но Жива почувствовала его. Вскинув заплаканное лицо, она разглядела Велеса и взмахнула рукой, указывая на человека в волнах. Она что-то закричала умоляющее, но для Велеса было достаточно одного ее взгляда.

Рванув с плеч рубашку и отшвырнув оружие, он головой вниз прыгнул в озеро.

Волны сомкнулись над ним, словно ледяные утесы, вода хлынула в ноздри, но в следующий миг он сильным толчком выплыл на поверхность и поспешил на помощь.

Человек изнемогал. Его голова долго не появлялась на поверхности, и Велесу уже начало казаться, что незнакомец утонул, но вот впереди, саженьях в двадцати, волна в последний раз вытолкнула утопающего к свету.

Человек уже не боролся — руки его беспомощно повисли вдоль тела, голова запрокинулась. В несколько сильных гребков Велес подплыл к нему и, протянув руку, схватил за плечо.

Человек шевельнулся, почувствовав прикосновение. Он попытался помочь спасителю, но совсем обессилел, и Велес подтянул его к себе, обнимая одной рукой. Всего на миг он отвлекся, чтобы заглянуть в лицо незнакомцу — и в то же мгновение не замеченная им раньше волна накрыла их обоих с головой, увлекая за собой на дно, в черноту смерти...

Проснувшись, Велес вскочил, протирая глаза и с трудом собираясь с мыслями. Он не сомневался, что это был знак — на забытом им севере случилась беда с теми, кого он любил. Он не успел рассмотреть лица тонущего, но присутствие Живы говорило яснее ясного, что надо спешить.

Не теряя времени, Велес принялся собираться в дорогу, укладывая вещи и припасы.

Разбуженная его суетой, поднялась и Эпона, зевая и сонно хлопая глазами.

— Что случилось? — спросила она.

— Я уезжаю, — отозвался Велес, не оборачиваясь.

— Опять война? — Девушка села на ложе, обхватив руками чрево.

— Нет. На сей раз нет — беда случилась у меня дома, на севере. Мне только что был знак, и я должен спешить!

— Не уезжай! — воскликнула Эпона. — Как я без тебя?

— Так же, как и раньше. — Не обращая на нее внимания, Велес заканчивал сборы.

— А наш ребенок? — Эпона погладила себя по животу. — Ты бросишь его?

Велес, уже одетый и при оружии, подошел к ложу. Эпона все еще была юной и нежной, а подле него вообще казалась маленькой девочкой, какой была девять лет назад. Велес глянул в ее большие испуганные глаза, нагнулся, потрогал рукой только начавшее округляться чрево. Это был ее первенец, она имела право волноваться.

— Прости, — сказал он, — но ты знала все с самого начала. Ты знала, что у меня есть другая и что я ее люблю. У нас есть ребенок, и сейчас ему грозит опасность. Может, уже поздно его спасать, но оставаться здесь я не могу. Я бы в любом случае тут не остался — меня слишком тянет на родину. Пусть там меня ждет смерть — я должен ехать! Прости!

— Ты не вернешься? — ахнула Эпона.

— Нет. Передай Тевте мое благословение и воспитай ребенка!

— Не бросай нас! — простонала Эпона.

Глаза ее наполнились слезами, но Велес не оглянулся на плачущую девушку и вышел.

У порога его ждал конь. Шесть лет назад белая кобыла Эпоны ожеребилась, и малыша взял себе Велес. Жеребец напоминал ему давно погибшего друга — гнедого в пежинах коня, которого он когда-то сам умертвил в Пекле, чтобы накормить Сирина. Новый друг был в точно таких же пежинах, только вороной.

Коротко приласкав лнущего к нему жеребца, Велес оседлал его и поскакал на север.

* * *

Чуть южнее Ирия, вдоль самой границы с восточными землями раскинулось настоящее море лесов. Оно не имело ни берегов, ни мелей, ни островов — только кроны сосен и елей да мелькающие кое-где дубы, березы и тополя. Эти леса тоже можно было бы назвать Дикими, если бы в них не жили обычные люди, что по берегам рек и озер возводили свои поселения. Они побаивались своих лесов, глухих чащ, где редкий луч солнца, достигая земли, падает на ковер из мелких веточек, хвои и редких бледных травинок. Никаких дорог до сей поры не ведали эти места — только тропинки, проложенные охотниками-одиночками.

Подарком богов, настоящим чудом казалось внезапно открывавшееся среди крутых, похожих на горы холмов ровное круглое озеро. Оно сияло меж вековых деревьев как луна на небосклоне, освещая дорогу заблудившимся путникам. Ели и сосны вплотную подступали к его берегам. В любую погоду вода была спокойной, и в ней отражалось небо — то ясное летнее, то ночное звездное, то затянутое тучами в непогоду.

На берегах не было видно ничьих следов, кроме редкого звериного, и только в одном месте по склону была протоптана тропинка. Там, где она кончалась меж камней, на берегу образовался островок вытоптанной земли, и на ней ясно виднелись отпечатки босых ног.

По тропинке не спеша шла женщина среднего роста, крепко, по-мужски, сложенная и одетая в выделанные звериные шкуры. Длинная коса с заметной сединой лежала на сгорбленной спине. Строгое загорелое лицо с поджатыми губами и прищуренными глазами могло заставить побледнеть любого воина. И не случайно Зевону признавали в окрестностях за чародейку.

Зевона шла, с великим бережением неся в каждой руке по ведру студеной воды. Дважды в день спускалась она сюда, набирала полные ведра и возвращалась к избушке. Вода нужна была ей не только для себя — люди из ближних и дальних селений часто приходили к ней за помощью. Вода была нужна всем — одним она возвращала силу, других спасала от болезни, третьим давала надежду заиметь желанное дитя и порой успокаивала сердечные раны.

Вот уже много лет прошло с тех пор, как Зевона, рассорившись с родом, ушла из селения куда глаза глядят и пришла на берег этого озера. Тогда с нею были муж и ребенок, но вскоре мужа придавила повалившаяся сосна, а ребенок в одночасье умер от горячки. Вода Светлого озера не смогла его спасти.

С тех пор Зевона жила одна, пробиваясь охотой и знахарством. За воду Светлого озера ей хорошо платили, принося кто что мог. Многие поговаривали, что она повелительница здешних лесов и ее слушаются не только всякие твари, но и деревья и травы. Сколько раз бывало, что рассердившие ее охотники через несколько дней погибали в лесу! Ходили слухи, что это она насылает злые чары.

Ее боялись, считая, что она по крови в родстве с самими богами. Несколько раз люди видели, как дикие звери подходят к ней без страха. За долгие годы жизни в лесу Зевона понемногу и сама начала верить, что так оно и есть.

Тропинка все поднималась на склон крутояра, и деревья становились все выше и толще, но женщина только пристальнее вглядывалась в даль, отыскивая взглядом избушку под старой сосной. Возможно, кто-то уже ждет ее помощи. Редко бывало, чтобы никто не топтался у закрытой двери, ожидая хозяйку с нехитрым подношением.

Неожиданно над головой зашуршали ветки. Зевона остановилась и поставила ведра на землю.

— Мяу! — раздался пронзительный не по-кошачьи вопль, и какая-то тень упала на нее.

Рысенок явно не рассчитал своих сил. Он ударил женщину в плечо. Зевона привычным жестом отстранилась и легко скинула незадачливого охотника на землю. Он упал на тропинку у ее ног и остался лежать на земле, раскидав лапы и глядя на Зевону ошалелыми глазами.

— Мяу, — повторил он, словно не веря в то, что случилось. Он смотрел на нее так пристально и удивленно, что Зевона забыла рассердиться и, раздумав идти дальше, с удивлением принялась рассматривать неожиданного гостя.

Это был совсем еще молодой рысенок, очевидно родившийся этой весной. Маленький, тощий, со свалывшейся шерстью. Лапы его были стерты в кровь. Что случилось с матерью малыша, почему она бросила его, заставив в таком нежном, почти детском возрасте начать охотиться, да не просто на кого-нибудь, а на столь непривычную для рыси дичь — человека?

Зевона наклонилась и подняла рысенка за шкурку. Он смотрел по-детски наивно, но в то же время пристально.

— Мяу, — в третий раз сказал он, словно пытался возражать против подобного обращения.

Ведунья держала его на вытянутых руках, поворачивая то одним боком, то другим. Малыш не сопротивлялся, только елозил, устраиваясь поудобнее.

— Не знаю, кто ты такой и откуда взялся, но что ты ненастоящая рысь — это я вижу! — сказала Зевона. — Что с тобой случилось, малыш?

Рысенок не отвечал, только топорщил усы и пробовал шипеть, но у него получался только хрип и сдавленное булькающее клокотание. Рысенок был слишком утомлен, чтобы рычать и защищаться.

— Ну что же, — женщина улыбнулась, ставя малыша на землю, — пойдем со мной!

Взяв ведра, она пошла дальше по тропинке. Рысенок некоторое время стоял, покачиваясь на дрожащих лапах, а потом заковылял за ней.

Ярила не отдавал себе, отчета в том, почему следует за этой женщиной. Он понимал одно, что слишком устал и измучился, слишком часто ему грозили опасности, чтобы продолжать эту непривычную одинокую жизнь. Он знал, что умрет, если и дальше будет один. Он жаждал чьей-то помощи, но одновременно с каждым шагом в нем все больше поднимался страх перед этой женщиной. Он не знал, кто она такая, и не хотел этого знать.

И когда из-за деревьев вынырнула низенькая избушка, вросшая наполовину в землю, и женщина, толкнув коленом дверь, вошла, Ярила остановился на пороге, чувствуя беспричинную тревогу. Изнутри ощутимо пахло человеческим жильем и теплом, от которого он успел отвыкнуть. Он долго топтался на месте, пока Зевона не появилась снова.

Она уже успела скинуть короткую душегрейку с вытертым мехом и надеть фартук из грубой холстины.

— Ну, что же ты? — молвила она и поманила рысенка. — Заходи!

Ярила мялся, не зная, что делать. Если бы он был щенком, он бы поджал хвостик и заскулил, униженно признавая свое поражение, но вместо этого он только прижал уши с кисточками и в четвертый раз жалобно промолвил:

— Мяу!..

Зевона ловко подхватила его на руки, завернув в передник.

— Бедный ты, бедный, — ласково сказала она. — Сколько же ты прошел!.. Но теперь твое путешествие закончилось. Потом я найду способ тебе помочь, и тогда ты мне сам расскажешь, где был и что с тобой случилось!

Последние слова женщины наполнили душу Ярилы настоящим страхом. Хозяйка избушки была уверена, что он ей все расскажет — значит, она чувствовала, кто он такой на самом деле. Но в настоящее время Ярила был так скован усталостью, что не мог сопротивляться.

Он не шевелился, когда она промывала водой Светлого озера его исцарапанные и стертые до крови лапы, заматывая их в чистые тряпицы. Он терпел, когда она его мыла в той же воде, вычесывая из шерсти костяным гребнем колючки и веточки. Он ожил немножко только тогда, когда ему, уставшему от всего этого больше, чем от бесконечных скитаний по лесу, сунули под нос деревянную миску, в которой плескалось свежее молоко. Он жадно принялся пить, не ощущая вкуса и чувствуя только, как силы постепенно возвращаются к нему.

Зевона присела на корточки, глядя, как лесной найденыш, давясь, глотает молоко, и, дождавшись, когда он успокоится, погладила его по загривку.

— Ничего, — сказала она, чуть только Ярила вскинул на нее перемазанную в молоке мордочку, — все будет хорошо!

Ярила прижился в лесной избушке. Немного отдохнув и отъевшись, он принялся завоевывать новое место. Излазив избушку, он обошел весь лес вокруг и целыми днями пропадал в чаще, но всегда прибегал на зов, чтобы проводить Зевону до берега Светлого озера. Он же встречал гостей и сидел подле них, пристально разглядывая.

Именно он первым заметил странного всадника, который двенадцать дней спустя появился неподалеку от избушки.

Зевона только-только спустилась к берегу и наклонилась над водой с ведром. Рысенок, по обыкновению, вертелся поблизости на камнях, играя с собственным хвостом.

Вдруг тишину леса нарушил топот копыт. Прежде чем Зевона выпрямилась, Ярила весь подобрался, прижал уши и зашипел, выгибая спину дугой.

— Кого ты учуял? — с беспокойством окликнула его ведунья.

Ярила не ответил бы, даже если б мог. Несколько дней преследовал его Кошей, и только случай спас беглеца. Но о тонком нюхе оборотней ходили легенды, и мальчик не сомневался, что это явились его враги. Зашипев как раскаленный камень, когда на него плеснут водой, он бросился к Зевоне и спрятался за юбкой.

Ведунья не успела вымолвить ни слова, как всадник выскочил из леса. Осадив коня, женщина в мужской одежде сразу заметила Зевону и направилась к ней.

— Здрава будь, хозяйка! — звучно крикнула она. — Я ищу тут кое-кого — не поможешь ли мне?

Всадница была высока ростом и так прекрасно сложена, что ведунья только открывала рот. Лицо женщины не хранило отпечатков лет — ей равно могло быть и тридцать, и сорок, и меньше. Чуть раскосые зеленые глаза, точеные, но утомленные черты, растрепанная коса... От женщины веяло чем-то неземным, и Зевона невольно подумала — перед нею богиня.

Ведунья поклонилась, прижимая руки к груди.

— Скажи, кого ты ищешь, — молвила она. — Помогу, чем смогу!

— Предсказано было мне, что на берегу Светлого озера я найду своего сына, — сказала женщина, — Ты не видела здесь отрока лет девяти с рыжими волосами? Ярилой звать...

При этом грудной низкий голос женщины умоляюще дрогнул.

— Прости, — Зевона снова поклонилась, — и не гневайся, но, верно, обманули тебя. Я не встречала тут мальчика... Вот разве что...

Она не договорила, заметив, что Жива пристально смотрит на ее юбку. Обернувшись, Зевона увидела рысенка, который вылез на свет и не сводил с гостьи глаз.

— Это не простой рысенок, — принялась объяснять Зевона. — Он прибежал ко мне несколько дней назад, больной и голодный. Я сразу поняла, что он...

Жива медленно спешила и шагнула вперед. Рысенок, по-прежнему глядя на нее, вылез из-под юбки Зевоны целиком.

— Мииу... — пропищал он жалобно.

— Ярила?!

Завопив, как будто его ошпарили кипятком, рысенок бросился к Живе и запрыгнул ей на руки, мурлыча и ласкаясь. Женщина истоптленно гладила его пятнистую шерстку и что-то быстро говорила, глотая вместе со словами слезы радости. Зевона не сводила с них

изумленного взора.

Ярила сидел на руках у матери, коготками вцепившись в ее одежду. Он был убежден — теперь, когда она с ним, все его беды кончились.

Зевона поспешила проводить гостью в свою избушку. Жива шла за нею, неся сына на руках и непрестанно утешая его.

— Все будет хорошо, — говорила она. — Я с тобой!

Но снова острый слух рыси не подвел Ярилу. Они не дошли до избушки десятка шагов, когда он уловил вдалеке новые звуки — перестук копыт нескольких лошадей и — самое страшное! — завывания идущих по следу оборотней. Наверняка они шли к озеру по следам Живы.

Рысенок завозился, отбиваясь лапами и стараясь вырваться. Зевона с удивлением смотрела на найденыша:

— Что это с ним?

Но Жива уже догадалась:

— Кто-то еще скачет!

Бегом женщины добрались до избушки и закрыли за собой двери, заложив их изнутри поленом. И вовремя — в тот же миг из леса выскочили конники.

Они и правда шли за Живой, потому что только на миг придержали коней у озера и сразу направились вверх по склону. Несколько оборотней шли впереди, ведя коней в поводу и высматривая следы, а за ними ехал на поджарой пекленской лошади высокий худощавый человек с длинными белыми волосами.

Забравшись матери на плечо, Ярила зашипел при виде его и вздыбил шерсть на спине.

— Это он? — спросила у него Жива. Рысенок только шипел и плевался.

Оборотни быстро и слаженно окружили дом, приготовившись к осаде, а Кощей спешился и подошел к двери.

— Я знаю, он там, — громко сказал он. — Отдайте мне эту маленькую рысь, иначе этот дом сгорит.

Оборотни при этих словах рассредоточились — половина отправилась собирать хворост, а другие остались сторожить дом.

Жива обняла рысенка.

— Это мой сын, — сказала она Зевоне. — За него я готова умереть!

К счастью, ведунья соображала быстро. Она метнулась к очагу и разгребла солому на земляном полу, открыв заложенный крышкой колодец.

— Этот ход я прорыла давно для защиты от волков, — объяснила она. — Он кончается в овраге неподалеку.

Жива с силой оторвала от себя когти Ярилы. — Слышал? — переспросила она, подходя к колодцу. — Вылезай и беги. Домой, на север. Твой дед и дядя не дадут тебя в обиду! Беги и не думай обо мне!

Ярила отчаянно, до крови, цеплялся за руки матери, но Жива швырнула его в услужливо приоткрытый Зевонкой ход. Рысенок упал на слежавшуюся землю, а над ним сверху опустили крышку и приперли ее чем-то тяжелым, чтобы мальчик не вздумал вернуться.

Выбора у него не оставалось, но если он сумеет отвлечь внимание Кощей, его мать может спастись. Ярила встряхнулся и потрусил по низкому ходу.

Выждав время, чтобы сын успел отбежать подальше, Жива подошла к двери.

— Если ты уверен, что тот, кого ты ищешь, здесь, — громко сказала она, — подойди и возьми его. Но знай — ты зря потеряешь время!

— Ты напрасно пытаешься обмануть меня, женщина, — отозвался Кощей, — Я сумел заманить в ловушку даже такого старого хитреца, как Дажь Сварожич — если тебе что-нибудь говорит это имя — и точно знаю, что ты лжешь. Следы рыси кончаются здесь!

— Так проверь и убедись, что обманулся! Дверь распахнулась так быстро, что Кощей еле успел отскочить назад. На пороге стояла Жива, подняв меч.

— Это мой сын, и ты получишь его только вместе с моей жизнью, — отрезала она.

— Получу, — пообещал Кощей, — но помни, женщина, что в этом случае я не смогу его вернуть, как намеревался — отдавать будет некому!

Он вскинул руку, но Жива тоже была чародейкой и вовремя догадалась, что скрывается за этим внешне безобидным жестом. Она проворно отпрянула и подставила меч.

Лезвие вспыхнуло, меч задрожал в руке, но Жива сумела удержать оружие и повернула его так, что луч упал на одного из оборотней. Вмиг пламя охватило его. Он заметался по лесу с воплями, натываясь на кусты. Остальные в ужасе шарахались от живого факела, а тот бегал до тех пор, пока не упал и не затих.

Ярила наблюдал за происходящим из кустов. Когда внимание осаждавших снова переключилось на избушку, он вдруг выскочил из своего укрытия.

— Смотрите, хозяин! — закричал какой-то оборотень. — Вот он!

— Ага, попался!

— Ярила, беги! — иступленно закричала Жива, кидаясь к сыну.

Кощей метнулся ей наперерез — и женщина, сбита с ног, покатила по земле. Мимо нее промчались оборотни, вслед им несли крик:

— Взять живым!

Вскочив на коня, Кощей проскакал мимо Живы.

К женщине подбежала Зевона, осторожно помогла подняться и сесть. Но Жива сейчас вряд ли что-то понимала — она только плакала и судорожно ломала пальцы, не зная, что теперь делать.

Жива не подозревала, что к Светлому озеру и домику на его берегу спешат еще двое.

* * *

Перун отправился по следам сестры сразу, как только рассвело. Не зная точно, куда поехала Жива, он почти три дня потерял на облет границ, но обнаружил место, где она потеряла след похитителей. Знак, оставленный сестрой на коре дерева, он нашел легко и отправился к Макоши в надежде перехватить Живу по дороге.

Но волхва поведала Перуну, что он опоздал — Жива уехала. Узнав, где искать сестру и племянника, Перун отправился к Светлому озеру.

На его берегах витязю однажды случалось побывать, а потому он летел напрямик, кратчайшим путем. Уже на подлете к озеру, выглядывая внизу рыжеволосую всадницу, он, к своему изумлению, увидел чужака. Незнакомый всадник на вороном в пежинах коне скакал в том же направлении. Густой лес скрывал его, не позволяя рассмотреть, но было в нем что-то до жути знакомое.

Перун стукнул Ящера по загривку:

— Спустись пониже — там кто-то есть!

Ящера не надо было просить дважды. Сложив крылья, он снизился до самых верхушек деревьев. Свесившись с его спины, Перун внимательно взгляделся в мелькающий внизу силуэт и ахнул, едва не падая:

— Велес? А он что здесь делает?

— Так ты не оставил его в покое? — искренне удивился Ящер. — Я думал, что за восемь лет...

— Я просто хочу знать, что ему здесь надо, — оборвал его Перун. — Ты можешь проследить за ним?

— Попробую, но для этого мне надо спуститься на землю. Там я найду его след. В таком виде я слишком заметен!

— Давай, только быстро!

Качнув крыльями, Ящер свернул с прямого пути, высматривая внизу полянку, где можно без помех сменить облик.

Рысенок мчался по лесу куда глаза глядят. Сзади нарастал шум погони — враги

оставили в покое Живу, но настигают его. Надежды не оставалось — еще немного, и его схватят. Не расчет, не желание спастись — смертельный ужас гнал Ярилу вперед. Он летел не разбирая дороги, и казалось, попадись ему на пути обрыв — он, не раздумывая, прыгнет вниз.

Сквозь стук крови в ушах рысенок не различил приближающегося цокота копыт. Но внезапно лес раздался, образуя неглубокое урочище, по дну которого полз почти пересохший ручей. Ярила с разбегу выскочил на открытое пространство, и в тот же миг с противоположной стороны показался незнакомый всадник.

Взглянув на него всего один раз, Ярила испустил вопль ужаса и шлепнулся на землю, не в силах пошевелиться. Он всегда считал, что чудовища существуют только в сказках да в далеких землях, но сейчас он смотрел в раскосые темные глаза одного из них.

Незнакомец спешил и медленно вытащил из-за спины двузубый топор. От страха Ярила только беспомощно сучил лапами. Он сам не знал, кто страшнее — Кощей, преследовавший его, или этот незнакомец, внушавший отвращение своим видом.

Глаза чужака налились кровью. В них полыхнула ярость. Он двинулся было вперед на помертвевшего от ужаса Ярилу — и тот почувствовал, как его поднимают за шкуру.

— Вот ты и попался, — прозвучал сквозь гул в ушах голос Кощей. — Если будешь упрямиться, он умрет...

Ярила находился в полуобморочном состоянии и не понял, что произошло дальше. Послышался треск, напоминавший треск рвущейся ткани, пахнуло грозой — и в следующий миг что-то пронеслось мимо него. Огонь опалил его бок, но досталось и держащей его руке. Кощей закричал от боли и выронил пленника. Ярила мешком рухнул на землю, смутно слыша, как над его головой яростно зазвенело оружие.

Он лежал на земле у чьих-то ног, зажмурившись и не видя схватки. Велес стоял над ним и топором оборонялся от наседавших со всех сторон оборотней. Те лезли вперед с остервенением зверей, но уже несколько раненых отползало прочь, кое-кто валялся в траве, истекая кровью, а их противник не получил ни царапины. И внезапно Кощей понял, что остался с Велесом один на один.

Но было слишком поздно. Топор Велеса описал сверкающую дугу над его головой. Меч каким-то чудом вырвался из рук Кощей, и он остался безоружным.

— Я все знаю, — сказал Велес. — Немедленно верни ему человеческий облик — и можешь убираться!

Ярила, несколько пришедший в себя за время боя — он понял, что его не убьют сразу — снова почувствовал знакомую боль, пронзающую все тело, и забился в судорогах, не замечая ничего. Ему казалось, что мир вокруг него разламывается на куски. Он, наверное, кричал и даже потерял сознание, потому что, когда открыл глаза, все было кончено.

Тело налилось тяжестью, с которой он был не в силах бороться. Без боли не получалось ни вздохнуть, ни открыть глаза. Когда же ему это удалось, Ярила был поражен, что мир вокруг него опять изменился.

Он с усилием выпрямился, опираясь на дрожащие руки, и чуть не закричал снова, поняв, что это ему не померещилось. Он опирался именно на руки, а не на ставшие уже привычными лапы. Он снова был самим собой, и от осознания этого нахлынула еще большая усталость.

Рядом что-то задвигалось. Кто-то присел подле него. Ярила хотел было повернуть голову и посмотреть, но не нашел в себе сил. Чья-то рука осторожно и уверенно легла на его плечо.

— Мальчик! Мальчик, ты как? — позвал незнакомый голос, в котором было только участие.

Ярила помотал головой, пытаясь сесть ровнее. Голова клонила все ниже и ниже, хотелось спать, уткнувшись лицом во что-нибудь теплое и мягкое, и он без сопротивления позволил сильной руке увлечь себя. Незнакомец подставил плечо, и Ярила блаженно вздохнул, ощутив тепло живого тела.

Кощей, о котором все забыли, медленно пятился в кусты, не сводя с Велеса и прильнувшего к нему Ярилы пристального взгляда. Как просто сейчас отомстить им обоим, когда они даже не смотрят в его сторону! Но здравый смысл говорил об осторожности — Кощей слышал приближающиеся шаги. Сюда спешили люди, а его верные оборотни убиты Велесом или ранены и отлеживаются в кустах. Если он задержится здесь, то попадется, и тогда с планами мести придется расстаться.

Кощей повернулся и скрылся в лесу.

Как он и рассчитывал, на его исчезновение никто не обратил внимания. Велес задумчиво гладил плечи незнакомого мальчика, не решаясь привлечь его внимания и спросить, кто он — пусть малыш отдохнет после всех волнений.

Задумавшись над тем, чего мог требовать от мальчика Кощей, Велес вздрогнул, когда раздалось гневное:

— Отойди от него!

Велес оглянулся — над ним вздыбил бурого коня Перун. Обнаженный меч Сварожича был нацелен в грудь давнему противнику, и острое угрожающе поблескивало — молния готова была сорваться и ударить в цель.

— Оставь ребенка в покое и отойди в сторону, — повторил Перун, — Иначе погибнете вы оба!

Искорка на мече начала мигать.

Велес осторожно выпустил мальчика, усаживая его на землю, и встал, отходя в сторону. Перун не спускал с него пристального взгляда. Велес тоже смотрел только на своего противника, а потому оба не заметили, как прибежала Жива.

Забыв про своего коня, женщина бегом добралась до урочища как раз в тот миг, когда Перун поднял меч для удара. Первым, кого Жива увидела, был ее сын, целый и невредимый.

Ярила сидел на земле, мотая головой и силясь прийти в себя. Он даже вздрогнул, когда мать бросилась к нему, обнимая и целуя.

— Ярила, сынок! Наконец-то... — Жива смеялась и плакала одновременно, не веря своему счастью.

Мальчик выпрямился и в первый раз поднял глаза, оглядываясь вокруг.

— А где... где... — он стиснул руку матери.

— Кто? Твой враг? — Жива сама содрогнулась, представив, что тот человек может быть поблизости.

— Нет! Тот, другой...

Звон оружия подсказал им, где искать.

Обернувшись, Жива застыла на месте, не в силах вымолвить ни слова. Ярила, в котором проснулось его всегдашнее любопытство, вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что так напугало его мать, но Жива прижала голову сына к своей груди, стараясь закрыть от него сражение.

Перун теснил Велеса к выходу из урочища. Тот оборонялся искусно, уворачиваясь от ударов так легко, словно шутки ради сражался с отроком, который впервые взял в руки меч. Он упрямо не желал уходить с прогалины, оставаясь на открытом месте, и тем самым ограничивал свою свободу, в то время как не связанный ничем Перун постепенно начинал одерживать над ним верх.

Обнимая сына, Жива с замирающим сердцем следила за боем. В сражениях Велесу не было равных, и хотя Перун был достойным противником, она с удивлением видела, как Велес уступает врагу, нарочно поддаваясь ему. Но что заставляло его так себя вести?

Пока Жива терялась в догадках, все разрешилось очень быстро. Уйдя от прямого удара, нацеленного ему в голову, Велес развернулся боком, и взгляд его упал на женщину.

Жива поняла, что Велес ее увидел. Глаза его внезапно блеснули странным огнем, и рука, сжимавшая рукоять топора, дрогнула.

Одного удара оказалось достаточно, чтобы Перун выбил топор из рук противника. Но Велес словно не заметил грозящей ему опасности. Не отрываясь смотрел он на Живу, и в

глазах его было столько тоски и преданности, что она поняла — он хочет умереть. Велес устал от преследования, от сражений за свое право жить и готов пойти на все, чтобы избавиться от этого. А лучшего случая покончить счеты с жизнью и не придумать.

Его прощальный взгляд остановился на Живе, но женщина не смотрела на Велеса. Она перевела взгляд на брата и поразилась огню ненависти, горевшему в его глазах. Все были уверены, что Перун оставил мысли о мести — но нет, стоило ему воочию увидеть давнего врага, и привычка взяла верх над благоразумием.

Какая-то сила сорвала Живу с места, и она бросилась между противниками.

— Нет, Перун! Не смей его трогать!

Сварожич остановился.

— Уйди, Жива! Не мешай!

— Стой! — Жива встала между братом и мужем. — И выслушай меня! Ты столько лет считал Велеса своим личным врагом, желающим твоей смерти и гибели всей нашей семьи, что уничтожал все и всех, связанных с ним. Ты убил детей Дивы, едва не погубил ее саму, сейчас хочешь уничтожить отца невинных детей! Так убей заодно и моего сына! Убей нас всех! Ну?

И Жива толкнула ему под ноги Ярилу. Не удержавшись на ногах, мальчик споткнулся и упал, сжавшись в комок.

— Убей его, — спокойно повторила Жива. — Убей моего единственного сына и последнего из рода Велеса, прежде чем поразить его самого. Истреби его семью!

Оба противника в недоумении уставились на Живу. Потом Перун медленно опустил глаза на мальчика у своих ног.

Ярила слышал слова матери. Там, позади, стоял его отец, которого мальчик никогда не видел, но обернуться и посмотреть не было сил. Было другое — готовность пожертвовать собой. И Ярила выпрямился, вставая на колени и подставляя голову под меч.

Он не смотрел по сторонам, уставившись в одну точку и расправив плечи, а потому не видел, какое лицо было у Перуна, когда тот понял, что мальчик приготовился к смерти.

Сжав кулаки, закусив до белизны губу, Ярила застыл как вкопанный и вздрогнул, когда меч, описав дугу, лег на его плечо.

— Ты, — рявкнул Перун, разворачиваясь к Велесу, — слушай мое слово! Я дарю тебе жизнь и клянусь жизнью этого отрока, что не буду тебя преследовать, но только до тех пор, пока ты не переступишь границ северных земель. Живи где хочешь, но если я увижу тебя в Ирии — берегись! А теперь иди и не смей оборачиваться!

Велес оглянулся было на Живу, но та смотрела только на сына. Мальчик же не шевелился, как будто не верил, что опасность миновала. Велес, пытаясь, скрылся в кустах.

Перун отступил на шаг, и Жива бросилась к замершему сыну, тормоша его. От радости и гордости за него она не могла больше вымолвить ни слова, но мальчик заговорил сам.

— Кто это был, мама? — прошептал он.

— Твой отец, — вздохнула Жива.

Ярила мигом обернулся назад — но никого не увидел. Только медленно таяло вдали цоканье копыт скачущей лошади.

ЭПИЛОГ

Двигаясь осторожно и бесшумно, словно тень, Велес прополз узкой каменной расщелиной, доверху заросшей колючим кустарником, и, прижимаясь к холодным камням, выбрался на поверхность. Там, скорчившись между двух огромных валунов, он осторожно поднял голову и, затаив дыхание, осмотрелся.

Прямо перед ним уходила круто вверх мрачная скала. Кое-где на небольших уступах разросся мелколистный кустарник. Стояла поздняя осень, и ветки, давно лишившиеся листьев, качались на ветру. На вершине скалы высился замок. На фоне седого неба, по которому ползли лохматые тучи, он казался мрачной глыбой.

Постепенно глаза Велеса привыкли к свету, он стал жадно разглядывать башни, крепостную стену и смог даже различить каменную кладку. Сколько же лет он не был здесь? Велес думал, что никогда больше его не, потянет к этому холодному мрачному строению на скале над морем. Он поклялся себе, что близко к нему не подойдет, так как всякий раз, когда он являлся сюда, его поджидала какая-нибудь беда. Но он не мог забыть о том, что здесь живут самые дорогие для него существа — любимая женщина и единственный оставшийся в живых ребенок. Когда он видел их последний раз, мальчику было лет восемь, а сейчас, наверное, все одиннадцать. Тогда он не успел перемолвиться с ним и словом, но у него было достаточно времени догадаться, кто этот мальчишка, так похожий лицом на Живу. Думает ли он об отце сейчас? Знает ли о нем хоть что-то, кроме того, что отец мало похож на человека? Сможет ли сын когда-нибудь понять его? Узнает ли, что Велес сегодня тайком пробрался сюда и, рискуя жизнью, смотрит сейчас на замок, где растет его сын?

Замок высился перед Велесом холодный, мрачный и неподвижный, словно ни одна живая душа больше не обитала в его стенах. Выждав немного, то и дело поглядывая на небо, чтобы не пропустить появления Ящера, Велес двинулся к замку, стараясь слиться с камнями. Склоны были неровными — то и дело попадались валуны, за которыми можно было укрыться, кустарник, в котором можно было отсидеться, или расщелина, по которой можно подкрасться ближе.

Пробираясь осторожно, как научила его жизнь в лесу, среди дикарей, умевших скрываться где угодно, изгнанник подполз к самым стенам. Всего десяток саженей отделяло его от больших каменных глыб, из которых они были сложены, но дальше Велес не мог заставить себя сделать ни шагу. Он слишком боялся того, что ждало его в замке, но не мог и уйти отсюда.

Распластавшись на камнях, Велес с содроганием окидывал взглядом высокие стены, не замечая, что и его точно так же разглядывают чужие глаза.

Стривер последние годы не тратил много времени на облеты стен. Более молодые охранники, его выученики, давно взяли на себя эту обязанность. Только время от времени приемный сын Сварга доставлял себе удовольствие покружить над горами в одиночестве, наслаждаясь свистом ветра в ушах и снова чувствуя себя молодым. В этот день он ненадолго отлучился из замка, чтобы побыть наедине с собой.

Сделав несколько кругов над морем и вдоволь наигравшись с волнами, он устремился было к горам, но вдруг заметил внизу какой-то подозрительный силуэт, пробирающийся по скалам. Зрение Стривера было достаточно остро — кто-нибудь другой, не столь опытный, пропустил бы чужака, но он не только увидел незнакомца, но и узнал его. Осторожно, стараясь не привлечь к себе ничего внимания, Стривер стал спускаться вниз. Он бесшумно приземлился на камни шагах в двадцати от изгнанника, снял с плеча лук и вложил стрелу, нацелив ее в лоб Велеса между рогами, туда, где переплетались полуседые пряди гривы.

В эту минуту Велес почувствовал на себе взгляд и обернулся. Он не сделал ни одного движения, даже не моргнул глазом, увидев стальной наконечник стрелы. Оценив сперва расстояние и точность прицела, он перевел взгляд на Стривера, но тут же, чтобы не смущать стрелка, опустил глаза.

Он понимал, что виден отлично, но спрятаться было негде — позади возвышалась каменная глыба, а до ближайшего укрытия слишком далеко — Стривер успеет выпустить в него не одну, а три стрелы. Но все-таки Велес не шевелился, забыв не только о своей безопасности, но и о сыне. Не сразу он решил поднять глаза на Стривера, недоумевая, почему Сварожич медлит.

Стривер не видел Велеса слишком давно, чтобы в душе его остались какие-то иные чувства, кроме любопытства. Он прицелился получше, стремясь поразить уже не лоб, а большой фиолетовый глаз в окружении длинных ресниц, а потом вдруг резко вскинул лук — и стрела с гулким звоном ударила в камень заведомо выше головы Велеса.

И прежде чем Велес успел вздрогнуть, Стривер наложил вторую стрелу, но так и не прицелился.

— Зачем ты пришел сюда? — спросил он очень тихо, не отрывая глаз от изгнанника.

— Все равно ведь не поверишь, — выдохнул Велес. Еще секунду назад он не собирался заговаривать со Стривером, а если и заговорил бы, то бросил бы ему в лицо все те обвинения, что эти годы копились в его душе, не находя выхода.

— Ты не можешь понять, что заставило меня прийти сюда!

— Ты знаешь, что, если появишься здесь, — заговорил Стривер, у которого на лице не дрогнула ни одна жилка, — тебя непременно убьют. Это должен был сделать я...

— Ну, так убивай! — рявкнул Велес, вскидывая голову.

— ...или Перун. Он в замке и, хотя готовится к далекому пути, задержится здесь ненадолго — может, для того, чтобы проткнуть твою шкуру копьем, как когда-то.

Велес почувствовал, как бешенство вновь начинает овладевать им, и стиснул кулаки. Сейчас все Сварожичи воплощались в нем одном — его враги, не понимающие, что ему нужно от жизни.

— Иди и скажи ему, — процедил он сквозь зубы. — Я, так и быть, подожду...

Стривер снова натянул тетиву.

— И все-таки, зачем ты пришел? Я хочу знать!

— Не все ли равно? Ты охраняешь свои владения, я их нарушил — пожалуйста, карай меня!

— Ты пришел сюда за своим сыном?

Велес, отвернувшийся было, снова повернулся к Сварожичу.

— Что ты можешь знать об этом? — прохрипел он. — У тебя есть дети?

Стривер подумал о том младенце, которому скоро придет пора появляться на свет.

— Трое, — ответил он.

— Не верю, — Велес насмешливо раздул ноздри, — но даже если б и поверил — сможешь ли ты понять...

Стривер медленно опустил лук.

— Если ты, — заговорил он, — поклянешься оставаться здесь и не сделаешь отсюда ни одного движения ни назад, ни вперед, то я постараюсь кое-что для тебя сделать,

С этими словами он убрал лук и испытующе посмотрел в лицо изгнанника: — Ты обещаешь?

Велес промолчал, опираясь локтями о землю. Тогда Стривер повернулся к нему спиной, расправил крылья и круто взмыл к самому гребню крепостной стены.

Велес проводил его настороженным взглядом. Он мало доверял Сварожичам — исключением были только Жива и Дажь, а что этот, которого он мало знал и в прошлом и теперь? Какие мысли бродят в его голове? Велес терялся в догадках.

Тем временем Стривер поднялся на крепостную стену и исчез. Велесу оставалось ждать и раздумывать, не совершает ли он ошибки, ведь Сварожич предупредил его, что Перун в замке. А что, если он найдет брата и все ему расскажет?

Неожиданно предчувствие чего-то необычного заставило его поднять голову. На гребне крепостной стены он увидел силуэт с крыльями за плечами и понял, что это Стривер. Сварожич был не один — наклонившись к невидимому спутнику, он что-то говорил ему. И у изгнанника зашло сердце от мысли, что вот сейчас Сварожич исподтишка показывает на него Перуну.

В следующую минуту Стривер легко вскочил на гребень крепостной стены и, протянув руку, помог встать рядом мальчику.

Велес напряг зрение, прибегая к чарам, и увидел их обоих словно в пяти шагах. Ярила немного подрос за эти годы, окреп; он с волнением смотрел на раскинувшиеся вокруг горы, леса и речку вдалеке, на шумящее в стороне море и нависшее надо всем этим огромное небо. Обняв паренька за плечи, Стривер продолжал что-то втолковывать ему, и мальчик то и дело оборачивался к Сварожичу. Губы его шевелились — он задавал один вопрос за другим и, затаив дыхание, выслушивал ответы. Стривер говорил долго, показывал на свои крылья. Велес видел, как напряглось лицо мальчика. Он пытался расслышать хоть слово, но ветер

свистел как сумасшедший и относил все звуки в сторону, так что разобрать удавалось только интонации. Стривер был необычайно серьезен, но спокоен и ласков. Ярила тоже посуровел. Прищутив глаза, он посмотрел на камни внизу, и Велесу показалось, что он глядит на него. Но в следующую минуту лицо Ярилы осветилось счастливой улыбкой, он что-то воскликнул и закивал головой, соглашаясь с собеседником.

Они проговорили еще несколько минут. Стривер даже позволил племяннику потрогать оперение.

Наконец он по-приятельски обнял мальчика за плечи, и они пошли по стене, подставляя лица ветру. Стривер при этом старался держаться поближе к краю, закрыв спутника от жадных взоров Велеса. Но Велес и так чувствовал к Сварожичу жгучую благодарность.

Не отрывая глаз он смотрел на сына и Стривера до тех пор, пока они не скрылись за поворотом. Только после этого изгнанник уронил голову на руки. Ему хотелось плакать — он понимал, что Стривер оказал ему неоценимую услугу, дав возможность не просто увидеть сына, но и побыть подле него.

Еще несколько минут Велес неподвижно лежал на камнях, вспоминая лицо мальчика, его улыбку, взгляд и то, как он внезапно посмотрел на его укрытие в камнях. Постепенно справившись со своими чувствами, он, стараясь по-прежнему не выдать себя, двинулся в обратный путь. Но теперь он был спокоен и радостен, готовый ко всему, что ждет его впереди.

Ноябрь 1996 — январь 1997

КРАТКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Буря, или Буря-яга — супруга Вия и мать Кощея. Хранительница подземных богатств, предводительница воинства дев-оборотней. Один из прототипов сказочной Бабы Яги.

Велес — сын Земун-коровы. Бог подземного мира, торговли, богатства и искусства.

Волхов — покровитель чародеев и бог войны. Здесь — повелитель подземного мира.

Гамаюн — инкарнация Велеса, слуга Дажьбога, глашатай богов, хранитель знаний об истории мира.

Дагда — в мифологии кельтов бог, покровитель чародейства и волшебства, податель всех благ, Добрый Бог. В этом отношении сходен с Дажьбогом славян.

Девона — древнеславянская богиня воды и рек. Функции практически неизвестны.

Дива — супруга Перуна, богиня весенней растительности.

Даждь — прав. Дажьбог. Бог света, податель земных благ, сын Сварога-неба.

Друиды — у кельтов волхвы и жрецы, гадавшие о будущем по деревьям. Существовали целые календари друидов (современные люди знакомы с так называемым «гороскопом друидов», не имеющим с настоящими друидами ничего общего). Главным деревом считались дуб и омела — его постоянная спутница.

Друиды приносили деревьям жертвы, иногда и человеческие. Одновременно выступали хранителями традиций.

Жива — богиня жизни, сестра Перуна.

Зевона — прав. Зёвана. Богиня лесов и охоты у некоторых славянских племен. Связь ее с чародейством гипотетическая.

Кощей — воплощение зла. Повелитель мира мертвых, всегда противостоит героям.

Купала — сын Семаргла и Купальницы. По мифам, действительно был похищен лебедями в младенческом возрасте. Олицетворял умирающую и возрождающуюся природу наряду с Костромой, Германом и другими сходными фольклорными персонажами.

Лада — богиня любви и семейного счастья, супруга Сварога и мать богов Сварожичей.

Луна купальница — прав. Купальница, богиня луны и воды. Известна лишь как мать детей Смаргла.

Марена — богиня смерти и колдовства, супруга Кощея.

Макошь — богиня судьбы и урожая, здесь — пророчица и волхва.

Мера — по различным мифам, дочь или сестра Святогора, похищенная Черноморским Змеем. Спасена Перуном.

Нежить — души умерших людей и животных. Здесь — обитатели подземного мира. К числу нежити относят иногда нечистую силу, оборотней, водяных и леших.

Переплут — изначально бог растений. Изображался в виде пса с крыльями. Возможно, в Переплута трансформировался образ Семаргла, дожив в таком виде до XIX века. Связь с детьми Перуна гипотетическая.

Рипейские горы — местонахождение определить трудно. По различным источникам это: а) Карпаты и Татры; б) Уральский хребет; в) исчезнувшая в Северном Ледовитом океане земля, существовавшая там во 2-3 тысячелетии до н.э. Автор склоняется в пользу первой гипотезы.

Ршава — русалка реки Рось, возлюбленная Перуна, родившая от него сына Тарха.

Синегорка — сестра или жена Святогора, имевшая от него двух дочерей, Меру и Раду.

Сварг — прав. Сварог. Бог неба, создатель мира и отец богов.

Смаргл — прав. Семаргл. Бог огня, кузнечного дела и ремесла. Его птичья ипостась — сокол Рарог (огненный сокол).

Стривер — прав. Стрибог. Бог ветров.

Свист — прав. Посвист. Старший сын Стривера, бог ураганов и бурь, а также северных ветров.

Перун — бог грозы, грома и молнии, покровитель воинов и войны.

Таран — прав. Таранис. В мифологии кельтов грозный карающий бог, сходный во многом с Перуном. Друиды приносили Таранису человеческие жертвы, сжигая их живьем.

Тарх — прав. Тарх Тархович. Богатырь, известный по нескольким сказкам как пленник Бури (Бабы Яги). Позднее сражение Перуна с Тархом трансформировалось в былинку «Илья Муромец и Сокольник».

Тевта — прав. Тевтат. В кельтской мифологии второй из триады главных богов после Тараниса (третий — Есус или, в романе, Езза, бог-кузнец). Бог-покровитель племени и его единства. Тевтату также приносили человеческие жертвы.

Фернир — прав. Фенрир. В «Эдде» волк, сын Локи и великанши из Страны Великанов Етунхейма. Откусил руку сыну Одина Тюрю, за что и был заточен в подземелье. Автор позволил себе некие вольности, выпустив Фернира на свободу (по «Эдде», он освободится только перед концом света, чтобы принять участие в Последней Битве богов).

Эпона — в кельтских мифах богиня, покровительница лошадей. Все остальные сведения о ней чисто гипотетические.

Ярила — сын Живы и Велеса. Бог плодородия, буйной силы и сексуальной мощи. Одновременно считался божеством, родственником Купале и другим. На Ярилин день кончалась весна и начиналось лето.